

ISSN 2223-2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№9 2022 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

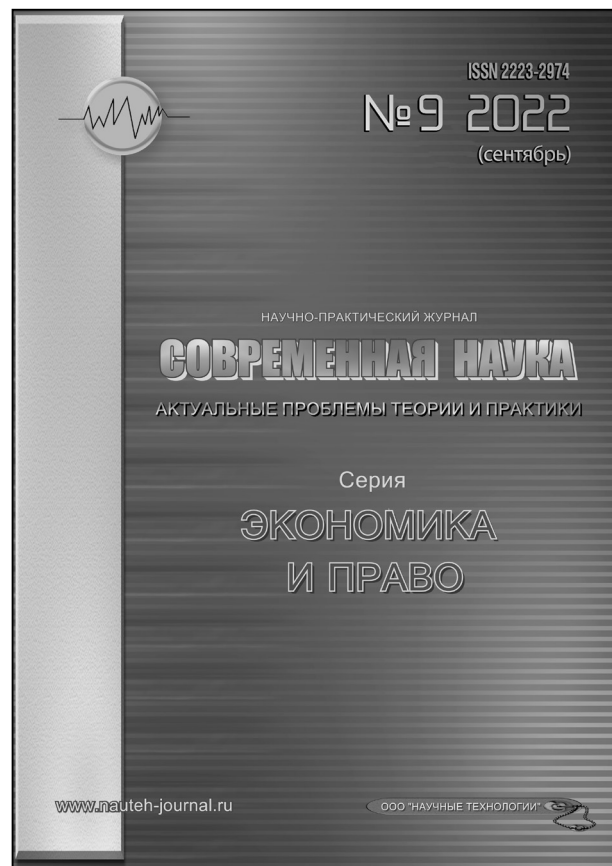
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 23.09.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор,
г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ
РАН; профессор, Белгородский Государственный
Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор,
Московский Педагогический Государственный
Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор,
Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Абрамов В.Л. — Анализ теоретических концептов международной конкурентоспособности национальных экономик

Abramov V. — Analysis of theoretical concepts of international competitiveness of national economies. . . . 6

Абрамов В.Л. — Трансформация российской торговой политики в условиях санкций

Abramov V. — Transformation of Russian trade policy in the context of sanctions. 10

Бачина Т.В., Евсенкина Ю.М., Ерзылева А.А. — Процесс разработки предложений по совершенствованию управления образовательным процессом образовательной организации высшего образования

Bachina T., Evsenkina J., Erzyleva A. — The process of developing proposals for improving the management of the educational process of an educational institution of higher education 15

Берсенёва Е., Поликарпова Л. — Анализ и перспективы рынка специализированной одежды

Berseneva E., Polikarpova L. — Analysis and prospects of the specialized clothing market 31

Жигалов В.И., Соколова М.В. — Изучение инновационных процессов на основе анализа патентной активности резидентов и нерезидентов, и научно-технического потенциала страны

Zhigalov V., Sokolova M. — Study of innovation processes based on the analysis of patent activity of residents and non-residents, and scientific and technological potential of the country. 37

Имамов М.М., Семенихина Н.Б. — Источники наполнения российского бюджета

Imatov M., Semenikhina N. — Sources of the Russian budget 45

Ластенко В. — Контент-маркетинг для стартапов: с какими проблемами сталкиваются предприниматели и как их решить

Lastenko V. — Content marketing for startups: what challenges entrepreneurs face and how to solve them 52

Малышев Д.А. — Экономико-математические модели процессов достижения высоких результатов деятельности предприятий пищевой промышленности

Malyshev D. — Economic-mathematical models of processes to achieve high results of food industry enterprises. 57

Миндлин Ю.Б., Шедько Ю.Н., Власенко М.Н. — Обзор методов определения результативности функционирования инновационных кластеров

Mindlin Yu., Shedko Yu., Vlasenko M. — Review of effectiveness methods for determining the of the innovation clusters' functioning 61

Соколова Е.Ю., Танасова А.С. — Взаимосвязь волатильности курса национальной валюты и инфляционных процессов в России и в мире

Sokolova E., Tanasova A. — The relationship between the national currency volatility and inflationary processes in Russia and in the world. 68

Ши Юань — Влияние диджитализации на становление китайской промышленности

Shi Yuan — The impact of digitalization on the formation of Chinese industry 73

Юрасов А.Б., Онанко Н.А. — Оптимальная организационная структура для предприятий малого бизнеса

Yurasov A., Onanko N. — Optimal organizational structure for small businesses 79

Право

- Гапонов М.Д.** — Теоретические аспекты доктрин исполнения иностранных решений в современном правовом поле
Gaponov M. — Theoretical aspects of the doctrines of the enforcement of foreign decisions in the modern legal field 83
- Гончаров Д.К.** — Коррупция как угроза противодействию незаконным организациям и проведению азартных игр
Goncharov D. — Corruption as a threat to combating illegal organization and conduct of gambling 90
- Гудков А.И., Мищенко В.И., Котлярова Е.И.** — О преемственности социальной направленности жилищной политики в РФ и правовых механизмах ее реализации
Gudkov A., Mishchenko V., Kotlyarova E. — On the continuity of social orientation housing policy in the Russian Federation and legal mechanisms for its implementation 95
- Долева О.А.** — Особенности обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых по уголовным делам
Doleva O. — Features of ensuring the rights and legitimate interests of juvenile suspects/accused in criminal cases. 99
- Зайруллина З.Н.** — Проблемные аспекты охраны прав субъектов экономической деятельности в государствах ЕАЭС
Zairullina Z. — Problematic aspects of the protection of the rights of economic entities in the EAEU States . .104
- Исмаилов Р.А.** — Влияние CC (creative common) контрактов на интеллектуально-правовые отношения трансграничного характера
Ismailov R. — The influence of CC (creative common) contracts on intellectual and legal relations of a cross-border nature 111
- Калиниченко Д.В.** — Срочная служба и служба по контракту как основы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации
Kalinichenko D. — Military service and contract service as the basis for manning the Armed Forces of the Russian Federation 117
- Ковалевский В.Е.** — Некоторые вопросы по использованию интернет-приложения карт «2ГИС» в профилактике корыстной преступности
Kowalewski V. — Some questions about the use of the 2GIS maps internet application in the prevention of mercenary crime 121
- Лавелина В.С.** — Технология блокчейн против коррупции в государственном секторе: правовой анализ
Lavelina V. — Blockchain technology against corruption in the public sector: a legal analysis. 130
- Логачев К.К.** — Меры по обеспечению сохранности имущества подозреваемого (обвиняемого), задержанного или заключенного под стражу
Logachev K. — Measures to ensure the safety of the property of a suspect (accused), detained or imprisoned.....135
- Лысак А.Н.** — Апелляционные суды общей юрисдикции, практическая реализация судебно-процессуальной реформы 2019 года
Lysak A. — Appellate courts of general jurisdiction, practical implementation of the judicial procedural reform of 2019 138
- Мартынова С.В.** — Реальные и декларируемые обоснования преобразований института российской кассации
Martynova S. — Real and declared justifications for the transformations of the institute of Russian cassation 141
- Мельникова О.В.** — Легальность и легитимность государственно-правового принуждения как гарант стабильности развития государства
Melnikova O. — Legality and legitimacy of state-legal coercion as a guarantor of the stability of the development of the state 147
- Минаева А.И.** — Особенности юридической ответственности индивидуальных субъектов права в условиях цифровизации
Minaeva A. — The features of legal responsibility of individual subjects of law in the conditions of digitalization 151

<i>Моисеенко Е.О.</i> — Проблемы представления государственным обвинителем вещественных доказательств в особом порядке судебного разбирательства <i>Moiseenko E.</i> — Problems of presentation of material evidence by the state prosecutor in a special procedure of court proceedings 157	<i>Рябова О.А., Кузнецова Н.В.</i> — Некоторые проблемные аспекты заочного производства в гражданском процессе России <i>Ryabova O., Kuznetsova N.</i> — Some problematic aspects of absentee proceedings in the civil process in Russia 175
<i>Олифиренко Е.П.</i> — Теоретические и прикладные основы прокурорского надзора за исполнением законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан в органах публичной власти <i>Olifirenko E.</i> — Theoretical and applied foundations of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on the procedure for considering citizens' appeals in public authorities 164	<i>Седов Д.Д.</i> — История возникновения и признания права собственности на самовольную постройку <i>Sedov D.</i> — The history of the emergence and recognition of ownership of unauthorized construction 178
<i>Пермяков М.В., Котов В.В., Килин А.Г.</i> — Виды судебной экспертизы в арбитражном процессе <i>Permyakov M., Kotov V., Kilin A.</i> — Types of forensic examination in the arbitration process 169	<i>Цупиков А.Н.</i> — Правовые подходы к регулированию цифровых финансовых активов в зарубежных странах <i>Tsupikov A.</i> — Legal approaches to the regulation of digital financial assets in foreign countries 182
<i>Подорожний П.К.</i> — Противодействие преступности среди несовершеннолетних <i>Podorozhny P.</i> — Countering juvenile delinquency ...172	Информация Наши авторы. Our Authors 187
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 189

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК¹

ANALYSIS OF THEORETICAL CONCEPTS OF INTERNATIONAL COMPETITIVENESS OF NATIONAL ECONOMIES

V. Abramov

Summary. A critical analysis of the theoretical concept of international competitiveness of M. Porter and his followers is carried out. It is shown that it has become the dominant concept for substantiating the activities of subjects of international economic relations in the context of globalization. The possibilities of developing the international competitiveness of the Russian economy in the conditions of political and economic sanctions pressure in the conditions of transition to polycentrism are revealed.

Keywords: theory, international competitiveness, national economy, globalization, polycentrism, international economic relations.

Абрамов Валерий Леонидович

Д.э.н., главный научный сотрудник Института исследований МЭО, профессор ДМЭ и МБ Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)
valabr@yandex.ru

Аннотация. Проведен критический анализ теоретической концепции международной конкурентоспособности М. Портера и его последователей. Показано, что она стала доминирующим концептом для обоснования деятельности субъектов международных экономических отношений в условиях глобализации. Раскрыты возможности развития международной конкурентоспособности российской экономики в условиях политического и экономического санкционного давления в условиях перехода к полицентризму.

Ключевые слова: теория, международная конкурентоспособность, национальная экономика, глобализация, полицентризм, международные экономические отношения.

Исследования, направленные на совершенствование теоретических концептов формирования международной конкурентоспособности субъектов международных экономических отношений (МЭО), являются в настоящее время актуальным и перспективным научным направлением. При этом лишь имеется лишь незначительное количество научных работ, анализирующих современный этап их развития, который характеризуется особенностями перехода к полицентричному миропорядку.

В этой связи анализ многоаспектности международной конкурентоспособности субъектов МЭО целесообразно осуществить на основе системного подхода, раскрывающего взаимодействие и взаимосвязанность разнородных макро-, мезо-, микроуровневых систем [1,4].

В настоящее время международное признание получил теоретический концепт международной конкурентоспособности национальных экономик (МКСП НЭ), сформулированный американским экономистом М. Портером в монографии «The Competitive Advantage

of Nations» и последующих работах его последователей. Его концептуальной основой стали детерминанты конкурентного преимущества, объединенные в «конкурентный ромб». Они жестко связаны с собой взаимными связями и устойчивым взаимодействием, а их нарушение или утрата несет риски снижения для остальных детерминант. В их числе выделены четыре основных: факторные условия; условия внутреннего и внешнего спроса; уровень и состояние развития отраслей национальной экономики; стратегии корпоративного уровня, опирающиеся на разветвленные и гибкие структуры за пределами национальной экономики. Достижение высокой МКСП НЭ обусловлено необходимостью прохождения страной четырех последовательных этапов жизненного цикла. Первый два этапа из них обеспечиваются преимущественно за счет факторов производства и инвестиций. Национальным правительствам для этого рекомендуется осуществлять курс на «догоняющее» развитие, или «догоняющую» модернизацию, которая предусматривает предоставление преференций и благоприятного инвестиционного климата для ПИИ со стороны ТНК и МНК, как субъектов МЭО, локализованных в лидирующих странах мира. Третий этап обе-

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Фининиверситету.

спечивается вкладом инноваций. Последующий этап богатства предполагает в качестве возможного сценария снижение МСКП НЭ или наступление «голландской болезни», обусловленной недостаточным поддержанием конкурентоспособных отраслей. Ключевой вывод портерианского концепта состоит в том, что «на международном рынке конкурируют фирмы, а не страны, для этого необходимо понять, как фирма создает и удерживает конкурентное преимущество, чтобы уяснить роль страны в этом процессе» [3].

В концепте портерианской МКСП НЭ отмечается существенное сужение роли национального правительства в соответствии с либеральным, монетаристским подходом. Допускается лишь ограниченное государственное регулирование преимущественно через инструментарий косвенного воздействия. Всякого рода прямое воздействие национального государства, а тем более регулирование, преследующее цели национального поступательного развития (т.е. реализации национальных экономических интересов страны для обеспечения государственного суверенитета, адекватного потенциалу самоидентификации нации в мировом сообществе, обеспечения высокого уровня и качества жизни населения) рассматривается как неэффективное в части создания конкурентных преимуществ. С этой целью в последнее время международными организациями, как субъектами глобального управления, активно продвигалась реализации модель «сервисного государства», функционирующего в значительной степени по стандартам международного бизнеса, а сейчас осуществляется их эволюционный последовательный переход к модели «открытого правительства» как элемента цифровизации МЭО.

В результате происходит существенное снижение роли национального государства в обеспечении национальных экономических интересов и регулировании экономики. Портерианский концепт на практике взят в качестве теоретической основы оценок национальных экономик в системе индексов глобальной конкурентоспособности, публикуемых международными экономическими организациями (МВФ, группой ВБ, ОЭСР и др.), в целях обоснования либерализации экономики в странах. Он системно внедряется международными экономическими организациями, закрепляя инструментами «мягкой силы» устои существующего миропорядка, путем публикации международных рейтингов, ведения обширной информационно-образовательной деятельности в мировом сообществе, внедрения образовательных стандартов, использования грантов для обучения иностранных студентов по американским стандартам для последующего формирования интеллектуального потенциала управленческих кадров для работы в крупных корпорациях. Как отметил

президент Гарвардской школы бизнеса США, руководители крупных ТНК реализуют принципы и положения портерианской теории международной конкуренции в условиях современного глобального мирового хозяйства [13]. Основные концепты и постулаты теории формирования конкурентных преимуществ в условиях глобализации обосновывают неизбежность монополярной системы мироустройства.

Концепт М. Портера признан ведущей теорией в развитии мировой экономики. После опубликования работы она получила широкое освещение в трудах других исследователей [9]. Его дальнейшее развитие связано с введением в научный оборот определения устойчивого конкурентного преимущества (sustainable competitive advantage, (SCA)). «Оно рассматривается как возможность получения длительной и ощутимой прибыли от реализации некоторой уникальной стратегии путем создания ценности, одновременно не реализуемой никакими текущими или потенциальными конкурентами, а также их неспособностью дублировать преимущества стратегии компании и ее уникальной продукции» [10]. Очевидно, что это определение подчеркивает конкурентное преимущество фирмы, основанное на обладании ею специфическими факторами, наличием у нее уникальных характеристик и компетенций: редкость, стоимость, невозможность для подражания или замены [5]. SCA в значительной степени зависит от специфических для фирмы факторов, таких как «созданные» факторы инноваций, «созданный» спрос на продукт, а также от результативности экономической деятельности. SCA рассматриваются в современной интерпретации на уровнях функционирования макро-, мезо-, микроуровневых систем в их взаимосвязи и взаимодействии [2].

Эволюционирование теоретического концепта М. Портера было продолжено самим автором применительно к деятельности ТНК как субъектов МЭО. Он обосновал и актуализировал научные представления о роли кластеров в достижении международной конкурентоспособности США, проведя экономико-математический анализ их развития в американских штатах, а также обосновав увеличение их вклада в развитие экспортного потенциала [12].

Уже отмечалось, что портерианский концепт МКСП НЭ нивелирует роль государственного регулирования. В этой связи примечателен тот факт, что США, утрачивая роль гегемона в однополярном мироустройстве, кардинально пересмотрели данный постулат. В частности, в докладе Гарвардской школы бизнеса «Конкурентоспособность США: дело национальной безопасности» [8] акцентируется внимание на новый аспект, состоящий в том, что в современных условиях между-

народную конкурентоспособность нельзя оценивать только с позиций портерианского «конкурентного ромба» как упрощенной модели используемых детерминант. «Политическое балансирование на грани войны и паралич власти государственных органов стали формой американского государства, но одновременно это и время для перемен» [8], изменения критериев оценки конкурентоспособности США в глобальной экономике. В качестве факторов ее снижения фокусирует внимание на следующих аспектах: слабость подготовки национальных кадров, отвечающие новым инновационным вызовам в областях науки, технологий, инженерии и математики; существенное снижение регулирующей роли государства, в том числе с использованием инструментов кейнсианского подхода [8]. Пересматривается роль ТНК как основных субъектов в обеспечении МКСП НЭ, деятельность которых направлена исключительно на доходность акционеров и самообогащение, в том числе путем ухода от налогов и регистрации компаний в офшорных юрисдикциях.

В этой связи новые концепты международной конкурентоспособности были представлены научному сообществу как «The Determinants of National Competitiveness» [6]. Авторы, базируясь на основополагающих положениях теории международной конкурентоспособности М. Портера обосновывают национальные особенности ее сохранения в долгосрочной перспективе. В частности, в контексте глобализации в рамках однополярного мира, в том числе и на основе использования доллара США как мировой резервной валюты, обоснована идея, что глобальная инвестиционная привлекательность национальных экономик воздействует на стоимость факторов производства, способствуя процветанию и стимулируя рост активности хозяйствующих субъектов в МЭО [6].

В современных условиях перехода к многополярности все возрастающую роль в МЭО играют такие субъекты как региональные интеграционные объединения различных форматов, представляющие собой форму протекционизма для защиты интегрированных национальных рынков. В частности, заслуживает внимания «Новый европейский индекс конкурентоспособности: теория, методы и результаты» с помощью которого предпринимается попытка обеспечить единую картину территориальной конкурентоспособности для каждого региона ЕС [7]. Методика, сохраняя базисные положения портерианского концепта обосновывает региональный протекционизм, основанный на доминировании в ЕС институциональных условий перехода к наднациональному развитию, унификации и стандартизации условий, правовой среды и инфраструктуры экономических субъектов. При этом исключаются приоритеты национальных интересов, реализуемых госу-

дарством для повышения благосостояния населения страны.

Таким образом, базисные положения концептов международной конкурентоспособности субъектов МЭО ориентированы на формирование монополярного мироустройства, на утрату национальными государствами своей суверенности. Они не отражают потенциал и возможности развития национальной конкурентоспособности, ориентированной на защиту национальных интересов в условиях перехода к многополярности. Однако именно такие послы либеральной теории были в значительной степени положены в основу экспортной ориентации национального хозяйства России. В этой связи представляется целесообразным существенно пересмотреть и откорректировать концептуальные теоретические подходы в части либерализации российской экономической и структурной политики, осуществляемые в предыдущие годы. В условиях гибридной, торговой войны, беспрецедентных экономических санкций, предпринятых вопреки нормам и правилам ВТО странами коллективного Запада в отношении российского государства и его ключевых хозяйствующих субъектов объективно необходима радикальная структурная перестройка экономики на базе реализации прорывных технологий пятого и шестого технологических укладов. Функционирование российской экономики необходимо интенсифицировать и переводить на индустриальные, инновационные основы хозяйствования с опорой на отечественные научные работы и достижения в рамках сокращения зависимости от критического экспорта.

Выводы. Выявлено, что в современных условиях глобализации концепт международной конкурентоспособности М. Портера является основополагающей теоретической основой МЭО, признанной международным научным сообществом, получившей дополнения в трудах других исследователей, незначительно уточняющих его основное содержание.

Определено, что портерианский концепт международной конкурентоспособности субъектов МЭО базируется на постулатах глобализации мировой экономики, начавшей свой отчет с 90-х годов прошлого столетия, включая и обоснования перехода к монополярному мироустройству с доминированием США и стран коллективного Запада. В условиях глобализации мировой экономики в качестве ключевых субъектов МЭО выступают преимущественно ТНК из развитых стран. Они, обладая монопольным или олигопольным статусом в глобальной гиперконкуренции на мировых рынках товаров и услуг, функционируют как локомотивы международной конкурентоспособности. Исходя из их интересов обосновывает необходимость

снижения регулирующей роли национальных государственных органов путем закрепления за ними статуса сырьевой монокультурности, высокой зависимости от импорта высокотехнологической продукции, обеспечивающей получение ТНК высокой технологической и интеллектуальной ренты.

Современный концепт глобализации демонстрирует снижение регулирующего воздействия со стороны ведущих международных организаций как субъектов МЭО. Они активно используют его в качестве экономической идеологии формирования единой глобальной конкурентной среды, закрепляя инструментами гибридных войн и «мягкой силы» устои существующего миропорядка, путем публикации международных рейтингов, ведения обширной информационно-образовательной деятельности в мировом сообществе, внедрения образовательных стандартов, использования

грантов для обучения иностранных студентов по американским стандартам для последующего формирования интеллектуального потенциала управленческих кадров для работы в крупных корпорациях.

В условиях перехода к полицентризму, нарастанию протекционизма в деятельности США, стран коллективного запада представляется целесообразным принятие мер по повышению эффективности государственного регулирования отечественной экономикой, прежде всего российских государственных корпораций, ТНК высокотехнологичных секторов для реализации национальных интересов, в решении приоритетных задач, структурной перестройки национальной экономики, обеспечивающих их высокую национальную и международную конкурентоспособность в целях устойчивого и динамичного социально — экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В.Л. Управление конкурентоспособностью экономических систем. М. — Пермь: Пермский ЦНТИ, 2004. -296 с.;
2. Абрамов В.Л., Прокофьев В.А. Устойчивые конкурентные преимущества стран в контексте эволюции теоретических подходов по развитию мировой торговли // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75). С. 3213–3224.
3. Портер М. Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993. С. 51.
4. Рязанов А.А. Современные научные подходы к управлению конкурентоспособностью социально-экономической системы // Экономика и предпринимательство, 2021. — № 1, — С. 610–613.
5. Barney, J.B. 1991. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage, *Journal of Management*, vol.17 (1).
6. Delgado M., Ketels C., Porter M.E., Stern S. The Determinants of National Competitiveness. Working Paper 18249. National Bureau of Economic Research. July 2012. P. 31–32.
7. Dijkstra L., Annoni P., Kozovska K.A. A New Regional Competitiveness Index: Theory, Methods and Findings December 2011. Editor: European Union Regional Policy Working Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/259357714_A_New_Regional_Competitiveness_Index_Theory_Methods_and_Findings/ (дата обращения 15.07.2022)
8. Disparte D.A. US Competitiveness: A matter of national security. Harvard Business School Alumni Club. Washington D.C., 2013. July 13.
9. Dong-Sung Cho and Hwy-Chang Moon. From Adam Smith to Michael Porter. — Evolution of Competitiveness Theory. Asia-Pacific Business Series: Volume 7, 348 p.
10. Hoffman, Nicole P. 2000. An Examination of the “Sustainable Competitive Advantage” Concept: Past, Present, and Future, *Academy of Marketing Science Review*, vol. 2000, p.4
11. Porter M.E. The economic performance of regions // *Regional Studies*, Vol. 37.6&7, pp. 549–578, August/October 2003. URL: <http://www.regional-studies-assoc.ac.uk>; DOI: 10.1080/0034340032000108688.
12. U.S. Competitiveness: A Matter of National Security. 2013. P. 1.

© Абрамов Валерий Леонидович (valabr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ¹

TRANSFORMATION OF RUSSIAN TRADE POLICY IN THE CONTEXT OF SANCTIONS

V. Abramov

Summary. The priorities of the Russian trade policy at various stages of its implementation are identified. It is shown that under the conditions of anti-Russian sanctions, the country's trade policy should be transformed by moving away from the dominant model of its liberalization in the direction of protectionism. It is proved that the protectionist model is implemented on the basis of trade cooperation with friendly states on a bilateral basis, as well as within the framework of the EAEU on the basis of regional, preferential trade agreements. The necessity of taking systemic measures on protectionist policy to protect the national interests of Russia is substantiated.

Keywords: trade policy, liberalization of foreign trade, export, import, protectionism, WTO, Eurasian Economic Union, EAEU, sanctions.

Абрамов Валерий Леонидович

Д.э.н., главный научный сотрудник, Институт исследований МЭО, профессор ДМЭиМБ Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)
valabr@yandex.ru

Аннотация. Выявлены приоритеты российской торговой политики на различных этапах ее реализации. Показано, что в условиях антироссийских санкций торговая политика страны должна быть трансформирована путем отхода от доминирующей модели ее либерализации в направлении протекционизма.

Обосновывается, что протекционистская модель реализуется на основе торгового взаимодействия с дружественными государствами на двусторонней основе, а также в рамках ЕАЭС на основе региональных, преференциальных торговых соглашений. Обосновывается необходимость принятия системных мер по протекционистской политике для защиты национальных интересов России.

Ключевые слова: торговая политика, либерализация внешней торговли, экспорт, импорт, протекционизм, ВТО, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, санкции.

В действующем законодательстве определено, что «торговая политика является составной частью экономической политики Российской Федерации. Ее целью является создание благоприятных условий для российских экспортеров, импортеров, производителей и потребителей товаров и услуг. Торговая политика Российской Федерации строится на основе соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, а также обязательств, вытекающих из международных договоров Российской Федерации». [8] Следует отметить, что в современной торговой политике с ее усложненной структурой активную роль играет государство, обеспечивающее реализацию национальных интересов страны. При этом, современная торговая политика как система мер, вводимая государством для регулирования торговли, подразделяется на внутреннюю и внешнюю, которые находятся в неразрывном единстве, но имеют особенности в их государственном регулировании. Регулирование

внутренней торговли находится фактически в полном ведении государства, однако в сфере внешней торговли государству приходится учитывать интересы других участников международной торговли. Отчасти по этой причине на практике и в научной литературе, посвященной международным экономическим отношениям, обычно рассматривают прежде всего внешнеторговую политику страны. В Федеральном законе (ФЗ) определены правовые аспекты внешнеторговой деятельности, содержание и формы ее государственного регулирования. В нем закреплена ряд «важных принципов регулирования внешнеторговой деятельности: государственная защита прав и законных интересов всех участников внешнеторговой деятельности, их недискриминация и равенство, не нанесение ущерба и невмешательство в деятельность субъектов, обеспечение взаимности по отношению к другим государствам в ВТ; обоснованность, объективность, обеспечение безопасности экономики государства». [8] Формулировки закрепляют

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

высокую степень либерализации торговой политики, существенно ограничивают роль государственного регулирования в реализации национальных интересов государства, отдавая ее в значительной степени на откуп хозяйствующих субъектов, действующих на основе приоритетности механизмов саморегулирования рыночной открытой экономики,

В настоящее время цитируемый ФЗ является действующим базовым документом, в его содержание с момента принятия внесены лишь незначительные уточнения, еще в большей степени закрепляющие степень либерализации внешнеторговой деятельности. В частности, в документе нашли отражение требования ВТО, регулирующие торговую политику в соответствии с нормами данной международной организации, предусматривающие высокий уровень открытости российской экономики, либерализацию торговой политики. Внесенные изменения еще в большей степени ограничивают меры государственного регулирования, в них особый акцент сделан на «исключение неоправданного вмешательства государства или его органов во внешнеторговую деятельность и нанесения ущерба участникам внешнеторговой деятельности и экономике Российской Федерации» [8].

В дальнейшей либерализации внешней и внутренней торговой политики значительную роль сыграло присоединение России к ВТО, в который она вступила в рамках функционирующего Таможенного союза (ТС). Нормы и правила ВТО предписывали высокую степень либерализации российской торговой политики, расширение открытости национальной экономики для товаров и услуг из стран — импортеров, затрудняя в то же время проведение национальной протекционистской политики. По итогам десятилетнего нахождения в ВТО «средневзвешенная импортная пошлина на промышленные товары сейчас составляет 4,7%, по сельскохозяйственным товарам — 9,5%. По условиям присоединения к ВТО по отдельным критически важным товарам с целью защиты конкурентоспособности национальных производителей может применяться средневзвешенная пошлину на уровне 7,1%, и 10,8% соответственно, но защитная мера не используется по той причине, что она затрагивает интересы российских импортеров, закупающих оборудование» [1]. Таким образом, интересы импортеров зарубежных технологий и оборудования являются приоритетными по отношению к отечественным производителям, в том числе и по причине высокого уровня импортозамещения в критически значимых высокотехнологичных отраслях российской экономики.

В качестве одного из основных приоритетов современной торговой политики России является ее участие

в региональных торговых соглашениях (РТС), которые являются формой протекционистской защиты внутренних рынков в региональной экономической интеграции. В соответствии с данными, представленными в Информационной системе РТС ВТО, Россия уведомила ее об 11 действующих соглашениях о свободной торговле. Среди действующих соглашений есть и многосторонние, и двусторонние соглашения, охватывающие торговлю товарами. Они включают в себя протекционистские инструменты защиты внутренних рынков, включающие применение антидемпинговых, защитных, компенсационных мер, мер таможенно-тарифной политики.

Они также устанавливают режим наибольшего благоприятствования, правила происхождения товаров, процедуры обмена информацией, запрещают реэкспорт товаров, ограничивают применение государственных субсидий.

В этой связи следуют особо отметить в рамках реализации современной торговой политики важную координирующую роль России координирующая роль на этапе формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС–Союз), договор о создании которого был подписан 29 мая 2014 г. К настоящему времени Союз стать признанным интеграционным объединением в трансформирующей глобальной архитектуре мировой торговли, проводя целенаправленную внешнеторговую политику, заключая соглашения о свободной торговле и о торгово-экономическом сотрудничестве с рядом стран. В рамках совершенствования внешнеторговой политики Союза развивается взаимодействие с международными организациями системы ООН и региональными комиссиями. Союз обладает международной правосубъектностью, что позволяет объединению заключать договоры с другими субъектами международного права в рамках основного Договора. Однако каждое государство обязано проводить консультации с партнерами в отношении установления торговых и инвестиционных соглашений с другой страной. Российская торговая политика в рамках Союза координируется с учетом особенностей национальных экономик и подходов к регулированию внешнеэкономической деятельности.

Приоритеты современной торговой политики России претерпели существенные изменения в сторону протекционизма в связи с введением в 2014 году антироссийских санкций со стороны Евросоюза, США и других недружественных стран, действие которых продолжается. В этой связи особую роль имеют преференциальные соглашения, заключенные Россией в рамках ЕАЭС с целым рядом дружественных стран. Так, с 2016 г. эффективно функционирует зона свобод-

ной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом (СРВ), позволяющая успешно решать задачи по наращиванию российского экспорта, в том числе и в рамках участия СРВ во ВРЭП. Другим примером для развития торговли со странами ВРЭП является Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР.[2,3]

Для современной российской внешнеторговой политики существенное значение имеет заключение Соглашения о свободной торговле с Сингапуром, создающее все условия для благоприятного развития ВТ и особенно инвестиций как для стран-участниц, так и для России как локомотива интеграционных процессов. Первое такое соглашение о торговле услугами и осуществлении инвестиций уже заключено между Арменией и Сингапуром.

Формирование ЗСТ с Ираном, начало которому положено в 2019 г., является важным этапом для перехода к полноформатному соглашению о ЗСТ, приобретающим важное значение в условиях вводимых санкционных ограничений. Ведутся переговоры по заключению торговых соглашений ЕАЭС с Египтом и Индией, изучается целесообразность заключения соглашений с Индонезией, Монголией и ОАЭ [3].

В рамках современной российской торговой политики могут быть применены разные форматы сотрудничества, такие как формат наблюдателей (взаимоотношения с Узбекистаном, а в перспективе и с Кубой), меморандумы о сотрудничестве между другими интеграционными объединениями и ЕЭК.

Дальнейшее развитие интеграционных процессов в ЕАЭС сдерживается имеющимися проблемами, в основном связанными с дифференциацией уровней социально — экономического развития. В частности, применительно к проведению единой торговой политики до сих пор требуются значительные затраты времени, необходимого для осуществления таможенного оформления экспорта и различных процедур согласования документов. Подтверждением этому могут служить данные ОЭСР, содержащиеся сведения об индикаторах упрощения торговых процедур (TFIs) по всем странам — членам ЕАЭС. TFIs отражают основные положения Соглашения об упрощении торговых процедур Всемирной торговой организации (ВТО) (раздел I, статьи 1–12) [4], которые наше государство ратифицировало в 2016 году.[7]

Анализ TFIs стран ЕАЭС показал, что наибольшее значение индекса у Российской Федерации — 252 балла. Наименьшее значение индекса — у Белоруссии — 88 баллов. В Армении, Казахстане и Киргизии индекс составляет 179, 138 и 116 баллов соответственно. В боль-

шинстве стран динамично развивающейся интеграции АСЕАН индекс упрощения торговых процедур превышает уровни стран ЕАЭС [5].

Страны ЕАЭС в значительной степени уступают ключевым партнерам по международной торговле по вопросам упрощения торговых процедур, включая как развитые страны, так и развивающиеся страны, что является негативным фактором, влияющим на конкурентоспособность экспортеров на внешних рынках. Следовательно, дальнейшая работа по сокращению административных барьеров в торговле как между самими государствами — членами ЕАЭС, так и с третьими странами, будет способствовать снижению затрат экспортеров и повышению их конкурентоспособности на внешних рынках.

Одной из проблем российской торговой политики в рамках ЕАЭС является недостаточная проработанность согласованных действий в отношении мер со стороны недружественных третьих стран, ограничивающих доступ товаров государств-членов на свои рынки. Не скоординированность внешнеторговой политики Союза приобрела особую актуальность и остроту в отношении антироссийских санкций западных стран в 2022 году, вызвавших запрет на импорт широкого спектра высокотехнологичной продукции из ряда развитых стран на территорию России.

В современных условиях приоритетами торговой политики с точки зрения структуры российского экспорта является необходимость повышения доли продукции с высокой добавленной стоимостью, ухода от сырьевой направленности экспорта. Их реализации требует качественных изменений в структуре российской экономики, прежде всего промышленности, и носят долговременный характер. В этой связи при формировании ТП необходимо максимально эффективно использовать ее для достижения краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных целей экономического развития.[6]

Другим важным фактором, оказывающим влияние на формирование современной российской торговой политики в интеграционном объединении, являются процессы, происходящие в международной торговле. В настоящее время она характеризуется усилением протекционизма в развитых странах мира, ведением торговых войн, введением экономических санкций, нарушающих нормы и правила ВТО, что требует принятия адекватных мер и в развитии евразийской интеграции.

Следует учитывать, что традиционные разовые торговые операции, основанные на краткосрочных сделках по купле-продаже товара, в торговых отношениях

перестают быть доминирующими, и на первый план выходит международная торговля в рамках создания устойчивых глобальных цепочек создания стоимости (ГЦС). Российский же экспорт продолжает сохранять в преобладающей степени черты сырьевой ориентации экспорта с низкой степенью добавленной стоимости, поэтому необходимо наращивание ННЭ с вхождением в восходящие ГЦС в азиатском регионе.

В этой связи Россия и страны — члены ЕАЭС сталкиваются с новыми вызовами, которые требуют разработки новых подходов и активизации усилий по их реализации.

Реализация целей современной торговой политики предполагает решение актуальных задач и принятие на государственном уровне мер, направленных, на стимулирование национального экспорта путем поддержки местных экспортеров, на обеспечение экономики страны дефицитными или отсутствующими средствами производства, а населения — потребительскими товарами, защиту местного рынка от недобросовестной конкуренции со стороны иностранных производителей.

В условиях усиления глобальной конкуренции на мировом рынке при поддержке национальных экспортеров государство должно учитывать не только интересы конкретных фирм или компаний, но и национальные экономические и политические интересы в целом. Таким образом, приоритеты торговой политики определяются общей экономической ситуацией в стране и зависят от планов и программ экономического развития.

Выводы. В статье раскрыты принципы современной российской торговой политики: государственная защита прав и законных интересов всех участников внешнеэкономической деятельности, их недискриминация и равенство, не нанесение ущерба и невмешательство в деятельность субъектов, обеспечение взаимности по отношению к другим государствам в ВТ; выполнение прав и обязательств страны на международном уровне; обоснованность, объективность, обеспечение безопасности экономики государства.

Показано, что внешнеэкономическая политика является важнейшим направлением внешнеэкономической деятельности российских государственных органов и бизнеса, в основе которой лежит установление и регулирование торговых отношений с другими странами. Планируя внешнеэкономическую политику, государство вырабатывает приоритетные цели, которые включают создание условий для развития национальной экономики, поддержку отечественных экспортеров и мест-

ных производителей, обеспечение благосостояния населения.

Выявлены приоритеты российской торговой политики на различных этапах ее реализации. Реализация приоритетов применительно к внешней торговле осуществляется посредством использования возможностей ее членства во Всемирной торговой организации, участия в интеграционных объединениях, союзах, заключения преференциальных торговых соглашений.

В определении основных приоритетов и направлений современной торговой политики России важную роль играет ее координирующая роль на этапе формирования ТС и ЕАЭС, что позволяет ей участвовать в региональных торговых соглашениях, в том числе и с участием ЕАЭС как признанной международной организации. Торговая политика в рамках евразийской интеграции координируется с учетом особенностей национальных экономик и подходов к регулированию внешнеэкономической деятельности.

Приоритеты современной торговой политики России претерпели существенные изменения в направлении ее либерализации в сторону протекционизма в связи с введением в 2014 году антироссийских санкций со стороны Евросоюза, США и других недружественных стран, действие которых приняло беспрецедентный характер с начала 2022 года, противоречащий нормам и правилам ВТО. Принимаемые протекционистские меры предусматривают прежде всего решение оперативных целей и задач. Стратегические приоритеты внешнеэкономической политики требуют учета не только внутренних условий производства товаров и услуг, объема возможного экспорта местных товаров и услуг, но и усиления взаимодействия с дружественными иностранными государствами, прежде всего из Азиатско-тихоокеанского региона, которое может принимать различные формы, в том числе образование интеграционных группировок, заключение различных двусторонних или региональных, преференциальных торговых соглашений.

Протекционистская политика импортозамещения в критически важных стратегических отраслях и технологиях поставила целью создать привлекательные условия работы для отечественных компаний, заместить иностранные товары собственной высокотехнологической продукцией для насыщения внутреннего рынка и поддержки ННЭ.

Выделены основные стратегические направления торговой политики: ее переориентация на дружественные страны, в том числе входящие в состав ВРЭП, преодоление преимущественно сырьевой направленности

российского экспорта с низкой степенью добавленной стоимости, масштабное включение в евразийские и глобальные цепочки создания добавленной стоимости, повышение эффективности финансовых и нефинансовых инструментов и механизмов поддержки ННЭ, его адресности, содействию экспортной деятельности компаний в рамках стран ВРЭП.

Показано, что современная торговая политика России длительный период реализовывалась с сильным уклоном на либерализацию внешнеэкономической деятельности, без должного учета национальных интересов. В связи с нарастающим геополитическим, силовым, политическим давлением, введением бес-

прецедентных экономических санкций со стороны недружественных стран объективно необходимо принятие системных мер по ее изменению в сторону протекционизма, защиты национальных интересов России как суверенного государства, обеспечения экономической и национальной безопасности, создания условий для развития отечественного бизнеса и предпринимательства. В этой связи предлагается разработать и принять «Стратегию внешнеторговой политики Российской Федерации», содержащую системные меры по ее трансформации в соответствии с новыми геополитическими реалиями, включая и аспекты внешнеторгового сотрудничества с дружественными странами, входящими в состав ВРЭП и партнерством в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. В России подвели итоги десятилетнего периода членства страны в ВТО. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2022/08/22/1971029.html> (дата обращения 22.08.2022)
2. Глазьев С.Ю., Архипова В.В., Агеев, А.И., Ершов М.В., Митяев Д.А., Нагорный А.А., Вэнь В., Цинцин Я., Росс Дж., Чжаоюй Г., Тинтин Ч. Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлении Китая и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3 (29). С. 13–30.
3. Торговые соглашения ЕАЭС. Евразийская экономическая комиссия. Официальный сайт. <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/> (дата обращения 27.06.2022).
4. Trade Facilitation Agreement (TFA). URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tradfa_e/tradfa_e.htm (дата обращения 30.05.2022).
5. OECD. Официальный сайт. URL: <https://www.oecd.org/trade/topics/trade-facilitation/> (дата обращения 30.06.2022).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 330 «Об утверждении государственной программы российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» (с учетом изменений от 31 марта 2021 г. № 508) Правительство Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/gp_rf_razvitie_vneshneekonomicheskoy_deyatelnosti/ (дата обращения 30.07.2022).
7. Федеральный закон от 02.03.2016 № 38-ФЗ «О принятии Протокола о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/3aUlx8D7uCrxae9T3hMiech31GEWQVKb.pdf> (дата обращения 30.04.2022).
8. Федеральный закон от 08.12.2003 N164-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». Статья 5. Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/9af7ee220fdc3ff0a5aa4a3eff3cb86f0a297b1a/ (дата обращения 26.06.2022).

© Абрамов Валерий Леонидович (valabr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЦЕСС РАЗРАБОТКИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE PROCESS OF DEVELOPING PROPOSALS FOR IMPROVING THE MANAGEMENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

**T. Bachina
J. Evsenkina
A. Erzyleva**

Summary. This article presents the process of developing proposals for improving the management of educational processes in an educational organization of higher education. A functional model of the process "Manage the educational process of an educational organization of higher education" has been built, showing the structure of the process and information flows that connect the functions of the process. The decomposition of the process into sub-processes and specific procedures has been carried out. Detailing was done, which made it possible to single out specific operations of the process and propose a concept for automating the process of planning the educational process.

Keywords: educational organization of higher education, educational process, educational process management, information flows, decomposition, functional model.

Бачина Татьяна Валерьевна

Кандидат экономических наук, «Рязанский
государственный радиотехнический университет
имени В.Ф. Уткина»
bachina_t@mail.ru

Евсенкина Юлия Михайловна

Кандидат сельскохозяйственных наук, «Рязанский
государственный радиотехнический университет
Имени В.Ф. Уткина»
evsenkina@mail.ru

Ерзылева Анна Александровна

Кандидат экономических наук, «Рязанский
государственный радиотехнический университет,
имени В.Ф. Уткина»
erzyleva.a@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлен процесс разработки предложений по совершенствованию управления образовательным процессом образовательной организации высшего образования. Построена функциональная модель процесса «Управлять образовательным процессом ООВО», отображающая структуру процесса и информационные потоки, связывающие функции процесса. Осуществлена декомпозиция процесса на подпроцессы и конкретные процедуры. Выполнена детализация, которая позволила выделить конкретные операции процесса и предложить концепцию автоматизации процесса планирования образовательного процесса.

Ключевые слова: образовательная организация высшего образования, образовательный процесс, управление образовательным процессом, информационные потоки, декомпозиция, функциональная модель.

Ключевым вопросом в рамках государственной политики в области образования является вопрос повышения качества образования. При этом стоит отметить, что университетам приходится функционировать в условиях ограниченных ресурсов и жесткой конкуренции. В сложившихся условиях в целях повышения качества подготовки специалистов определенно требуется совершенствование управления образовательной деятельностью образовательной

организации высшего образования. Наиболее значимый результат может быть получен только вследствие совершенствования основных процессов деятельности университета и в частности процесса управления образовательным процессом.

По результатам анализа текущего состояния управления образовательным процессом в РГРТУ в качестве основных целей совершенствования было выделено:

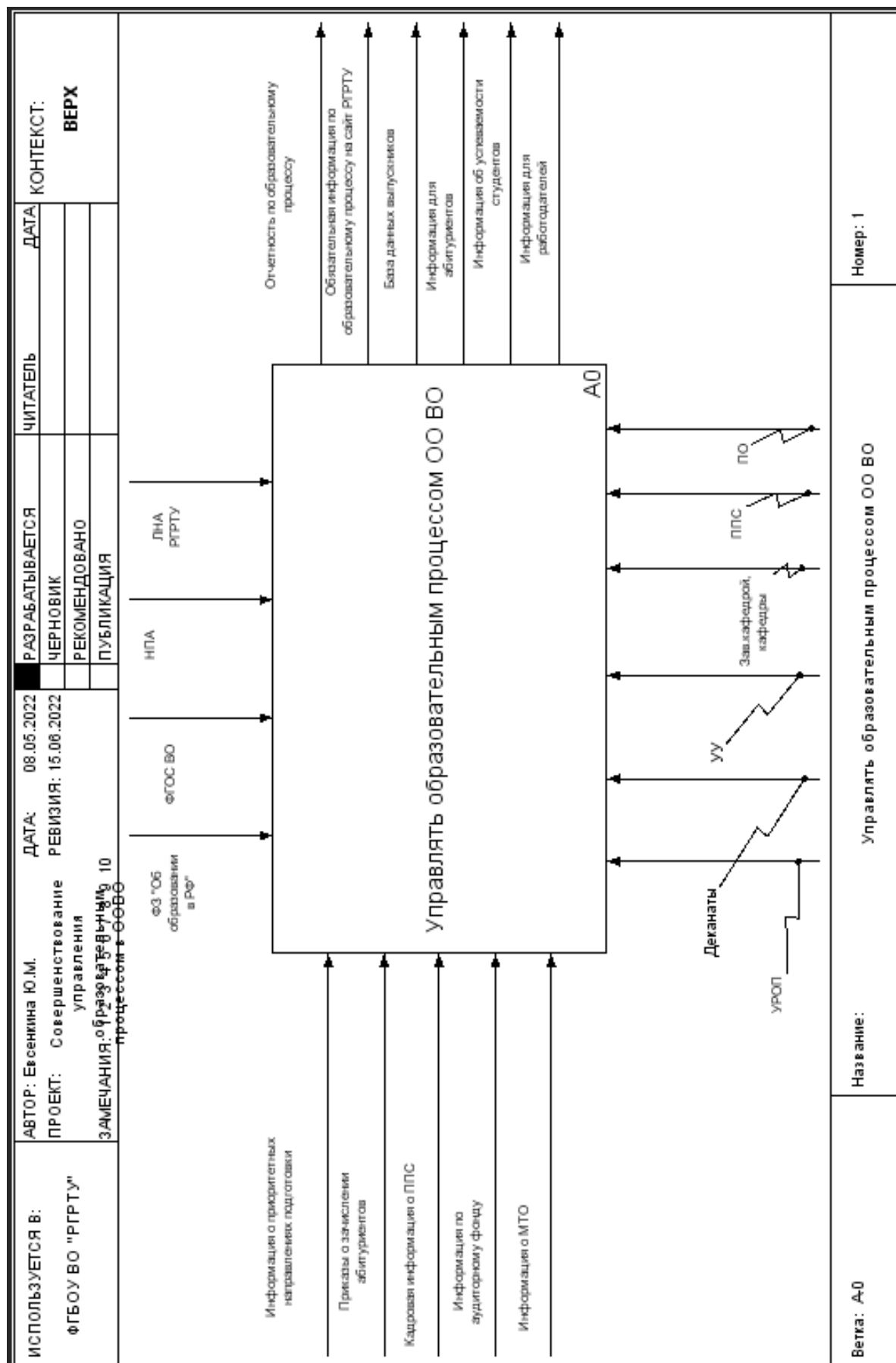

Рис. 1. Контекстная диаграмма процесса А-0«Управлять образовательным процессом ООВО»

- ◆ снижение рисков образовательного процесса;
- ◆ повышение качества планирования образовательного процесса;
- ◆ снижение трудоемкости планирования образовательного процесса.

В качестве возможных инструментов решения повышения эффективности управления образовательным процессом образовательной организации высшего образования предлагается:

- ◆ разработать функциональные модели процесса «Управление образовательным процессом в ООВО» с применением метода функционального моделирования SADT и методологии IDEF0;
- ◆ разработать регламент процессов;
- ◆ предложить решение по автоматизации планирования образовательного процесса.

Процесс «Управлять образовательным процессом ООВО» является одним из основных процессов в университете. С точки зрения функционального подхода процесс управления образовательным процессом представляет собой совокупность непрерывных и согласованных видов деятельности, т.е. управленческих функций, где каждая функция также представляет собой процесс и состоит из серии сопряженных действий [4].

Построим функциональную модель процесса «Управление образовательным процессом ООВО». Для описания и оптимизации процессов используем нотацию графического моделирования IDEF0, базирующуюся на методологии SADT (Structured Analysis and Design Technique, технология структурного анализа и проектирования), позволяющую описать бизнес-процессы в виде взаимосвязанных функциональных блоков.

Целью построения функциональной модели управления образовательным процессом является анализ процесса, входящего в комплекс управленческих задач, стоящих перед руководством РГРТУ. Модель будет строиться с точки зрения проректора по учебной работе. На основании сформулированной цели построения модели и определенной точки зрения произведен отбор информации для отражения в модели. Контекстная диаграмма процесса представлена на рисунке 1.

На контекстной диаграмме А-0 «Управлять образовательным процессом ООВО» показаны входящие, исходящие потоки, требования к процессу и ресурсы обеспечения процесса. Потоки входящей информации для данного процесса:

- ◆ информация о приоритетных направлениях подготовки;
- ◆ приказы о зачислении абитуриентов;

- ◆ кадровая информация о профессорско-преподавательском составе, сотрудниках;
- ◆ информация по аудиторному фонду;
- ◆ информация о материально-техническом обеспечении.

Основными выходами данного процесса являются следующие информационные потоки данных:

- ◆ отчетность по образовательному процессу:
  1. внешняя (мониторинги Минобрнауки РФ);
  2. внутренняя отчетность (аналитическая информация, формируемая в целях принятия управленческих решений);
- ◆ обязательная к размещению информация по образовательному процессу на сайт РГРТУ (ОПОП и их компоненты, включая учебные планы, календарные учебные графики, рабочие программы, методические и оценочные материалы);
- ◆ база данных выпускников;
- ◆ информация для абитуриентов (краткая характеристика ОПОП ВО);
- ◆ информация для работодателей (информация о компетентностной модели выпускников).

Потребителями выходов являются: Минобрнауки РФ, работодатель, абитуриент, финансово-экономическое управление РГРТУ.

В роли управляющей информации выступают:

- ◆ федеральный закон от 29.12.2012 N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1];
- ◆ нормативные правовые акты, регулирующие образовательную деятельность в образовательных организациях высшего образования;
- ◆ образовательные стандарты (ФГОС ВО);
- ◆ локальные нормативные акты РГРТУ, регулирующие образовательную деятельность в РГРТУ.

Ресурсами для осуществления управления образовательным процессом образовательной организации являются работники, задействованные в процессе, информационные технологии и оборудование:

- ◆ управление по развитию образовательных программ (УРОП);
- ◆ учебное управление;
- ◆ деканаты (институты);
- ◆ заведующие кафедрами, кафедры;
- ◆ профессорско-преподавательский состав (ППС);
- ◆ центр научно-информационных технологий (ЦНИТ);
- ◆ программное обеспечение (ПО).

Рассматривая ресурсы процесса стоит отметить, что в вузе отсутствует автоматизированная система управления образовательным процессом, что существенно повышает трудоемкость процесса и несет определенные риски.

Таблица 1. Основные характеристики процесса «Управление образовательным процессом ООВО»

Характеристика процесса	Описание характеристики
Цель процесса	Создание гарантий и механизма обеспечения качества результатов образовательной деятельности.
Подпроцессы	Планирование образовательного процесса; Реализация образовательного процесса; Контроль образовательного процесса.
Участники процесса	Управление по развитию образовательных программ (УРОП); Учебное управление (УУ); Деканаты (институт); Заведующие кафедрами; Профессорско-преподавательский состав (ППС).
Владелец процесса	Проректор по учебной работе
Входящая информация	Информация о потребности в тех или иных специалистах (приоритетные направления подготовки); Информация о зачисленных абитуриентах; Кадровая информация о ППС; Информация по аудиторному фонду
Исходящая информация	Отчетность по образовательному процессу; Информация для абитуриентов; Обязательная информация по образовательному процессу на сайт РГПУ; Информация об успеваемости студентов; Информация для работодателей; База данных выпускников
Ресурсы, используемые для реализации процесса	Преподаватели и сотрудники, задействованные в процессе; Программное обеспечение
Показатели эффективности процесса	Результативность процесса; Качество реализации процесса.
Риски процесса	Не востребованность образовательных программ. Не востребованность выпускников. Нарушение аккредитационных требований. Невыполнение государственного задания.

В вузе отсутствуют какие-либо нормативные документы, определяющие целевые показатели деятельности по управлению образовательным процессом.

В процессе управления образовательным процессом руководство часто сталкивается со следующими проблемами:

- ◆ отсутствие четкого закрепления ответственности в отдельных процессах;
- ◆ дублирование функций и информации в различных подразделениях;
- ◆ недостаточная регламентация процессов и зависимость процессов от человеческого фактора;
- ◆ отсутствие единых принципов и способов получения и обработки информации;
- ◆ наличие информационных разрывов в ходе выполнения процессов;
- ◆ отсутствие полноценного мониторинга результативности процесса;
- ◆ отсутствие единой базы данных о студентах и недоступность информации об учащих в заинтересованных подразделениях;

- ◆ отсутствие единых (на уровне университета) хранилищ информации и централизованных баз данных по различным аспектам.

Все это приводит к наличию существенных для образовательного процесса рисков:

- ◆ нарушение требований нормативных правовых актов, регулирующих образовательную деятельность образовательной организации высшего образования;
- ◆ неэффективное использование рабочего времени преподавателей, студентов, ресурсов аудиторного фонда;
- ◆ искажение информации;
- ◆ невозможность полноценного контроля над выполнением учебного плана и учебной нагрузки;
- ◆ не оптимальность принимаемых решений по управлению образовательным процессом.

Выделенные риски свидетельствуют о необходимости разработки новой технологии управления образовательным процессом и проектирования новой

Таблица 2. Перечень ряда требований, подлежащих обязательному выполнению при реализации ОПОП ВО

Нормативный правовой акт	Требование	Примерный перечень документов, которые могут содержать подтверждение нарушений требований
Правила размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно- телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 N582	Пункт 3 — требования к размещению информации На официальном сайте образовательной организации	Не размещены на официальном сайте образовательной организации в информационно- телекоммуникационной сети «Интернет» ОПОП ВО с приложениями
Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования -программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденный приказом Минобрнауки России от 05.04.2017 N301	Пункта 8 — требования к компонентам основным профессиональным образовательным программам высшего образования	ОПОП ВО
	Пункта 15 — требования к обеспечению возможности освоения факультативных дисциплин (модулей)	ОПОП ВО (учебный план, рабочие программы)
	Пункта 23 — требования к установке срока начала учебного года по заочной форме обучения	ОПОП ВО (календарный учебный график)
	Пункта 25 — требования к продолжительности обучения	ОПОП ВО (учебный план и календарный учебный график)
Федеральный государственный образовательный стандарт	Пункт 1.8 — срок получения образования	ОПОП ВО
	Пункт 3.1 — формирование компетенций	ОПОП ВО (рабочие программы дисциплин (практик, ГИА))
	Пункт 4.3.1 — требования к помещениям	ОПОП ВО (рабочие программы дисциплин (практик, ГИА)), справка о материально-техническом обеспечении
	Пункт 4.3.2 — требования к программному обеспечению	ОПОП ВО (рабочие программы дисциплин (практик, ГИА))
	Пункт 4.3.3 — требования к печатным изданиям	ОПОП ВО (рабочие программы дисциплин (практик, ГИА))
	Пункт 4.3.4 — требования к базам данных и информационным справочным системам	ОПОП ВО (рабочие программы дисциплин (практик, ГИА))
	Пункт 4.4.2 — требования к педагогическим работникам о соответствии квалификационным требованиям.	Сведения о научно-педагогических работниках, реализующих программу высшего образования; трудовые договоры, заключенные с работниками, привлеченными к реализации образовательной программы; договоры гражданско-правового характера, заключенные с работниками, привлекаемыми к реализации образовательных программ; документы, подтверждающие стаж педагогической работы научно-педагогических работников, реализующих образовательную программу; приказы о приеме на работу работников, обеспечивающих реализацию образовательных программ; индивидуальные планы работы работников, обеспечивающих реализацию образовательных программ.

Таблица 2 (продолжение). Перечень ряда требований, подлежащих обязательному выполнению при реализации ОПОП ВО

Нормативный правовой акт	Требование	Примерный перечень документов, которые могут содержать подтверждение нарушений требований
	Пункт 4.4.3 — требования к доле работников (в приведенных к целочисленным значениям ставок) занимающихся научной, учебно-методической и (или) практической работой, соответствующей профилю преподаваемой дисциплины	Те же, что и к п. 4.4.2
	Пункт 4.4.4 — требования к доле работников (в приведенных к целочисленным значениям ставок) из числа руководителей и работников организаций, деятельность которых связана с направленностью (профилем) реализуемой программы бакалавриата (имеющих стаж работы в данной профессиональной области не менее 3 лет) в общем числе работников, реализующих программу бакалавриата	Те же, что и к п. 4.4.2

Рис. 2. Общая структура процесса управления образовательным процессом в РГРТУ

системы управления, обеспечивающей минимизацию обозначенных рисков управления образовательным процессом. Основные характеристики процесса представим в таблице 1.

В таблице 2 представлен перечень ряда обязательных требований, нарушение которых часто выявляется Рособrnадзором в рамках федерального государственного контроля качества образования.

Нарушение требований законодательства, регулирующего образовательную деятельность организаций высшего образования, аккредитационных показателей приводит к лишению аккредитации образовательных программ.

Общая структура процесса управления образовательным процессом ООВО представлена на рисунке 2.

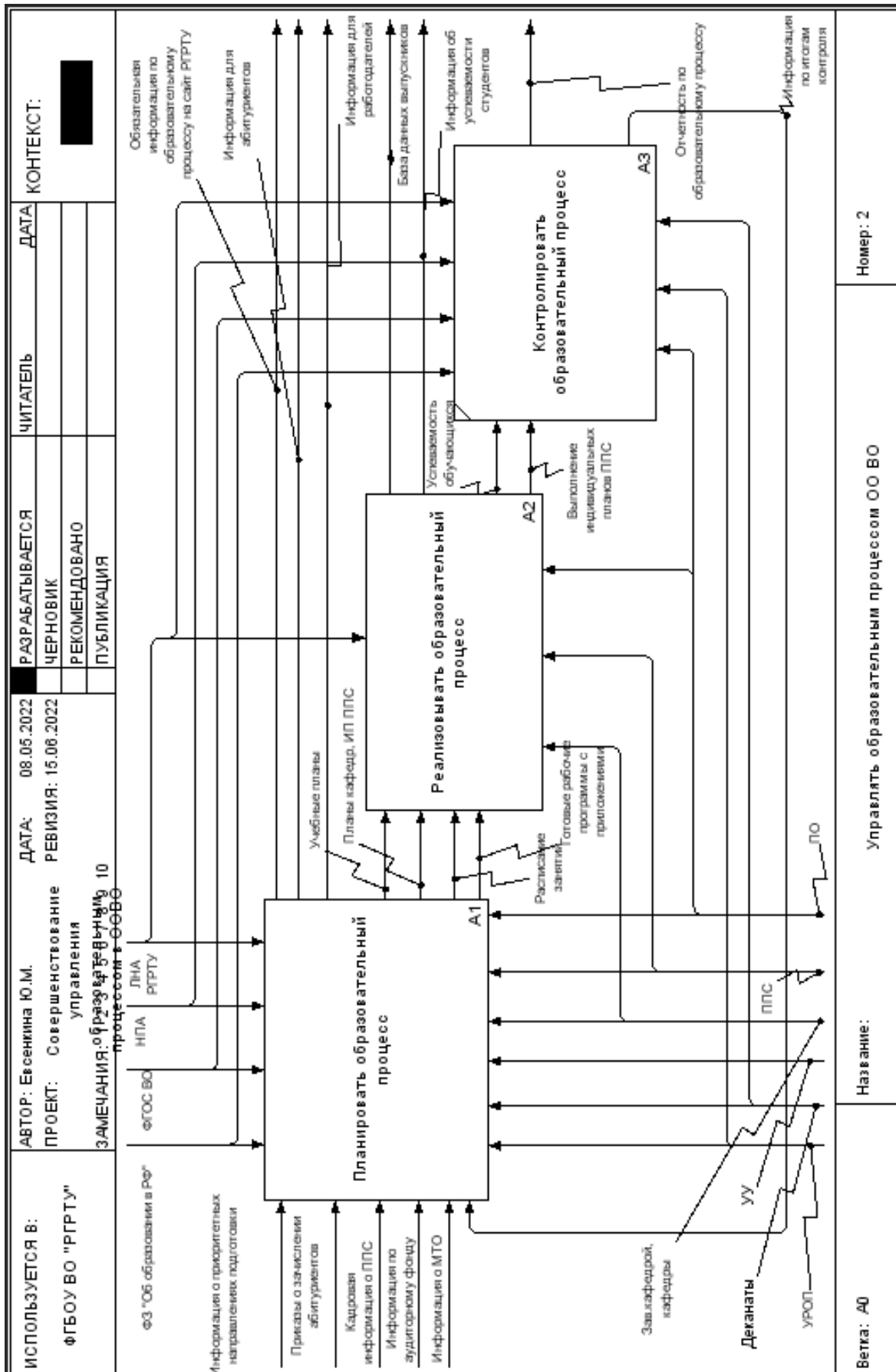

Рис. 3. Контекстная диаграмма процесса «Управлять образовательным процессом ООВО»

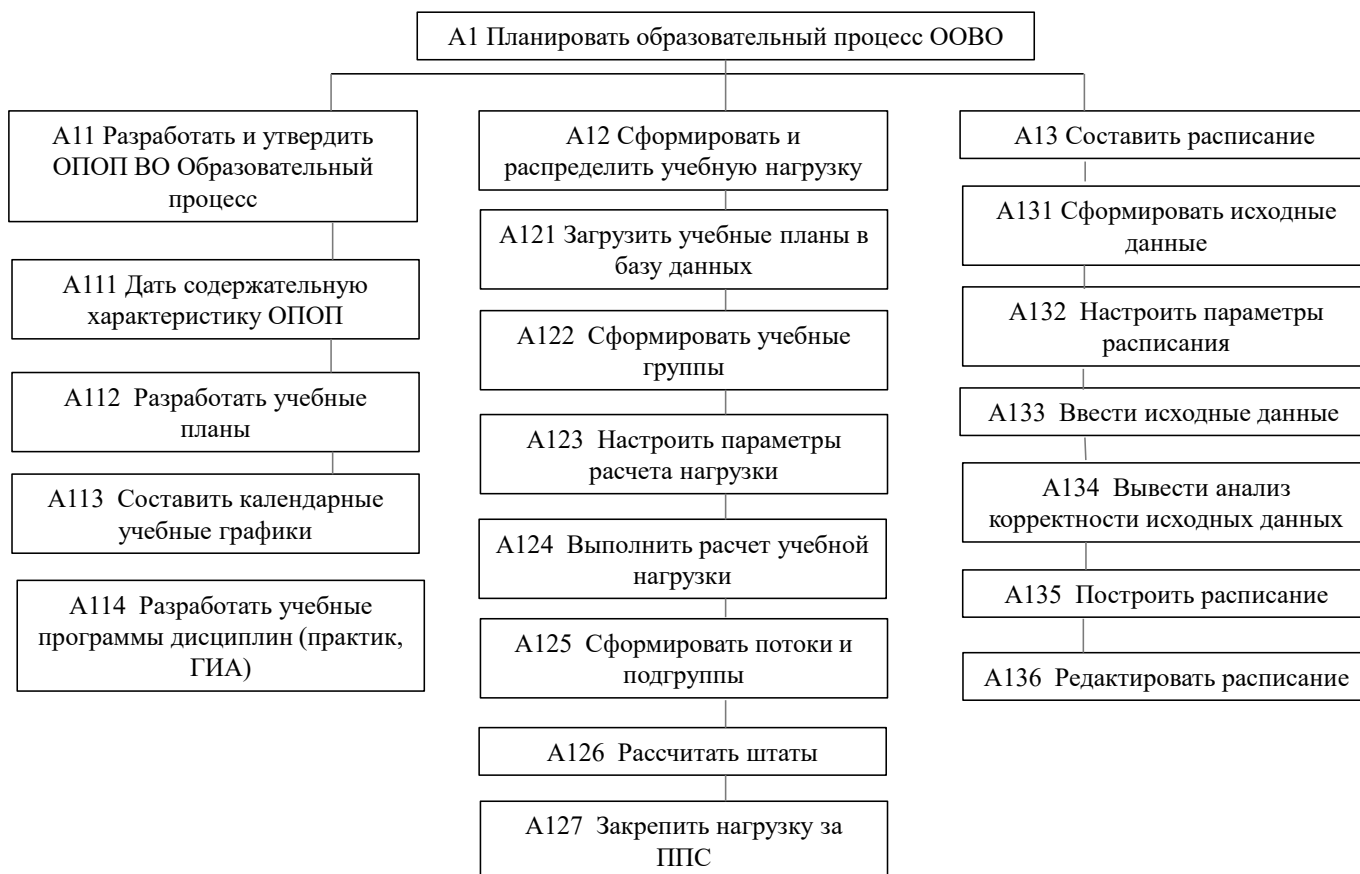

Рис. 4. Схема процесса планирования образовательного процесса

Детализируя процесс «Управлять образовательным процессом ООВО», выделим составляющие его подпроцессы, что графически представлено на рисунке 3:

- ◆ A1 «Планировать образовательный процесс»;
- ◆ A2 «Реализовывать образовательный процесс»;
- ◆ A3 «Контролировать образовательный процесс».

Кроме потоков входящей и исходящей информации, которые перечислены выше, существуют внутренние потоки информации. Внутренними выходами A1 «Планировать образовательный процесс» является следующая информация:

- ◆ рабочие учебные планы, календарные графики, являющиеся составным элементом рабочих учебных планов;
- ◆ индивидуальные планы кафедр, ППС;
- ◆ расписание учебных занятий;
- ◆ рабочие программы дисциплин (практик, ГИА).

Данные потоки являются входящими для процесса A2 «Реализация образовательного процесса». Цель данного процесса сводится к непосредственной реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования. Выходом данного

процесса будет являться информация об успеваемости обучающихся и фактическом выполнении индивидуальных планов ППС. Для блока «Контроль образовательного процесса» данная информация будет являться входящей.

Поскольку качество реализации основной профессиональной образовательной программы и, как следствие, качество подготовки будущего специалиста во многом определяется качеством планирования образовательного процесса, то основные предложения по совершенствованию управления образовательным процессом ООВО реализуем в области планирования образовательного процесса. Общая схема процесса планирования образовательного процесса представлена на рисунке 4.

Детализируем процесс «Планировать образовательный процесс» до функций, подфункций и конкретных процедур.

Детализацию процесса A1 «Планировать образовательный процесс» используя нотацию IDEF0 представим на рисунке 5.

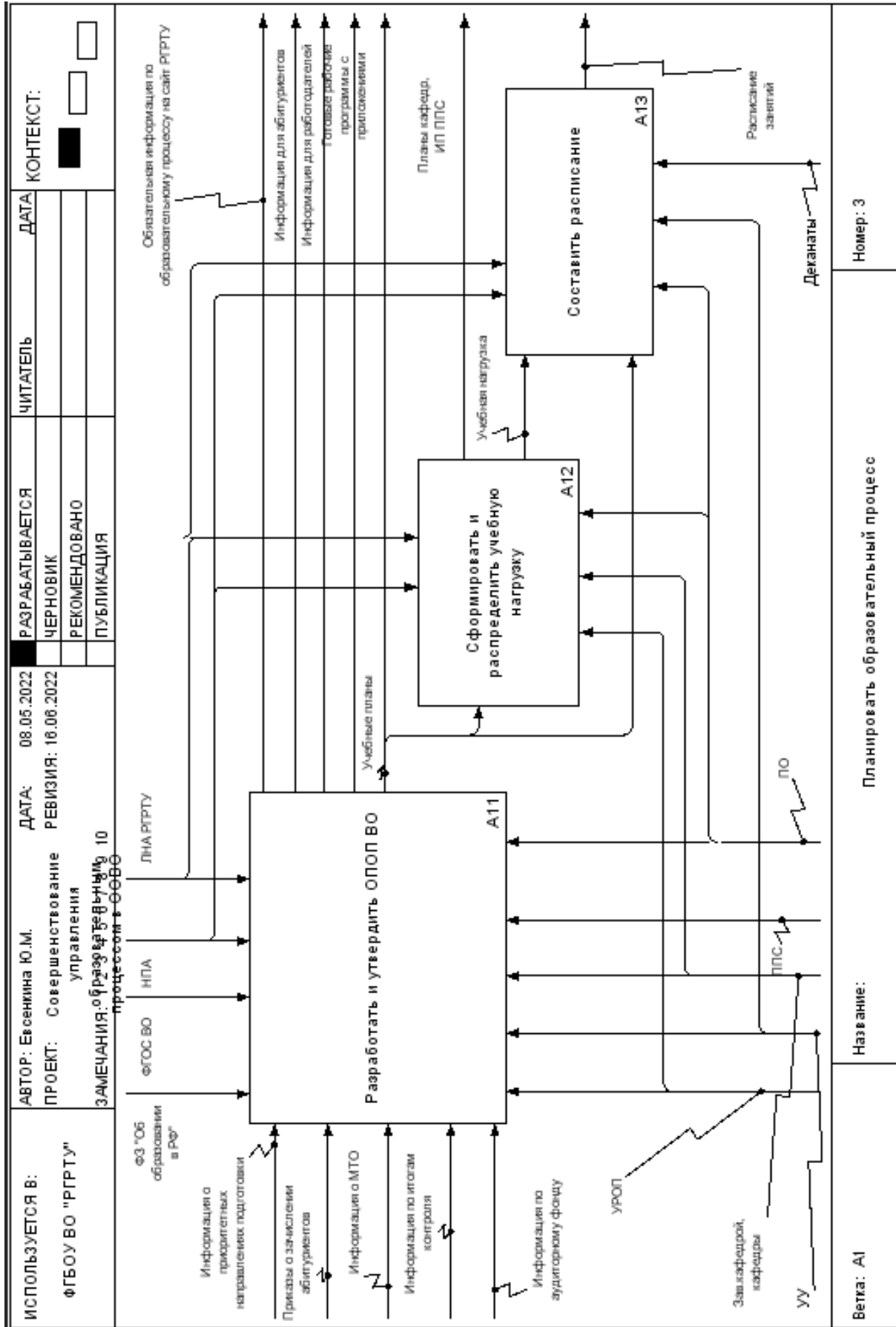

Рис. 5. Функциональная модель процесса А1 «Планировать образовательный процесс»

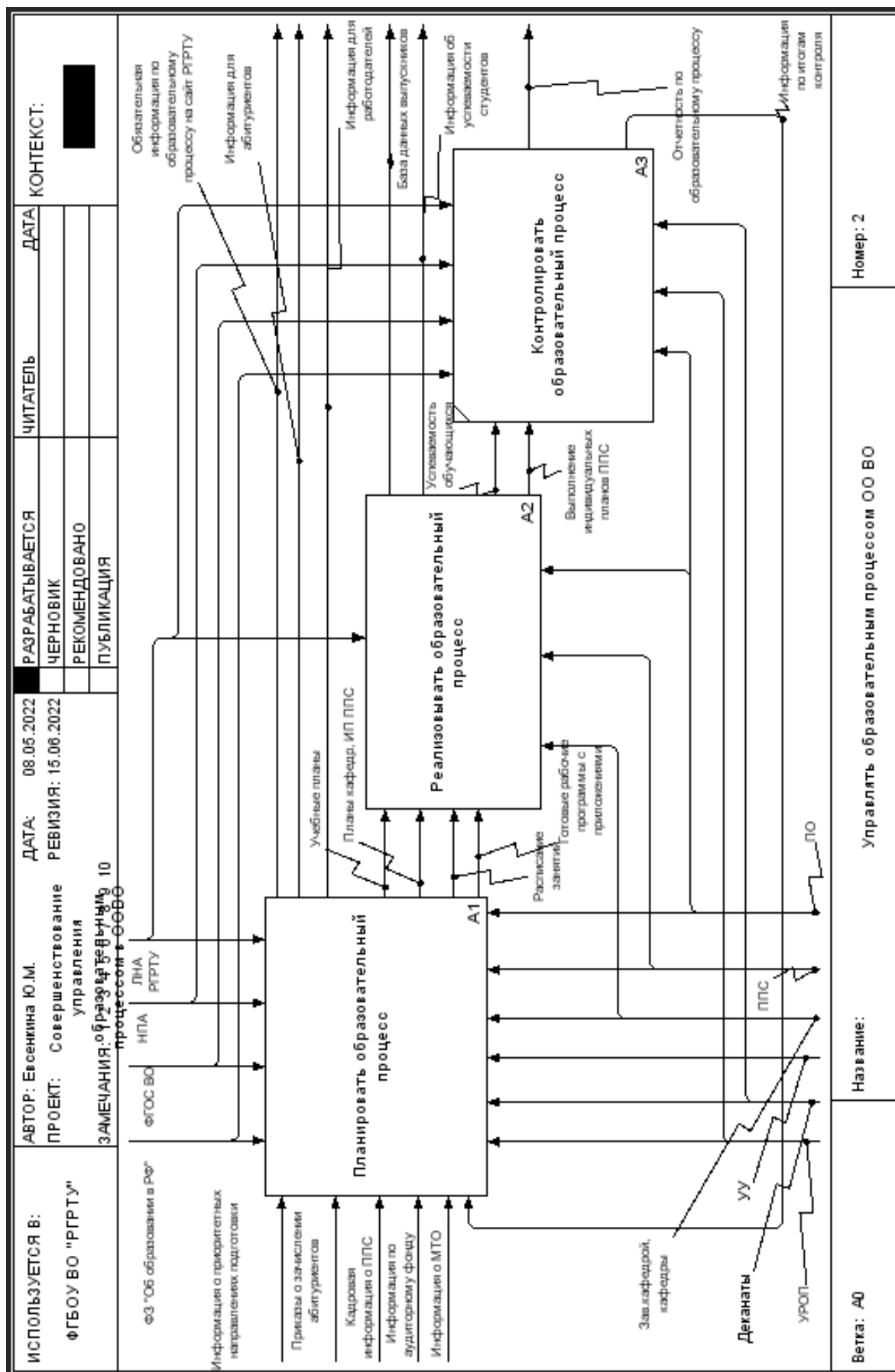

Рис. 6. Функциональная модель процесса А11 «Разработать и утвердить ОПОП ВО»

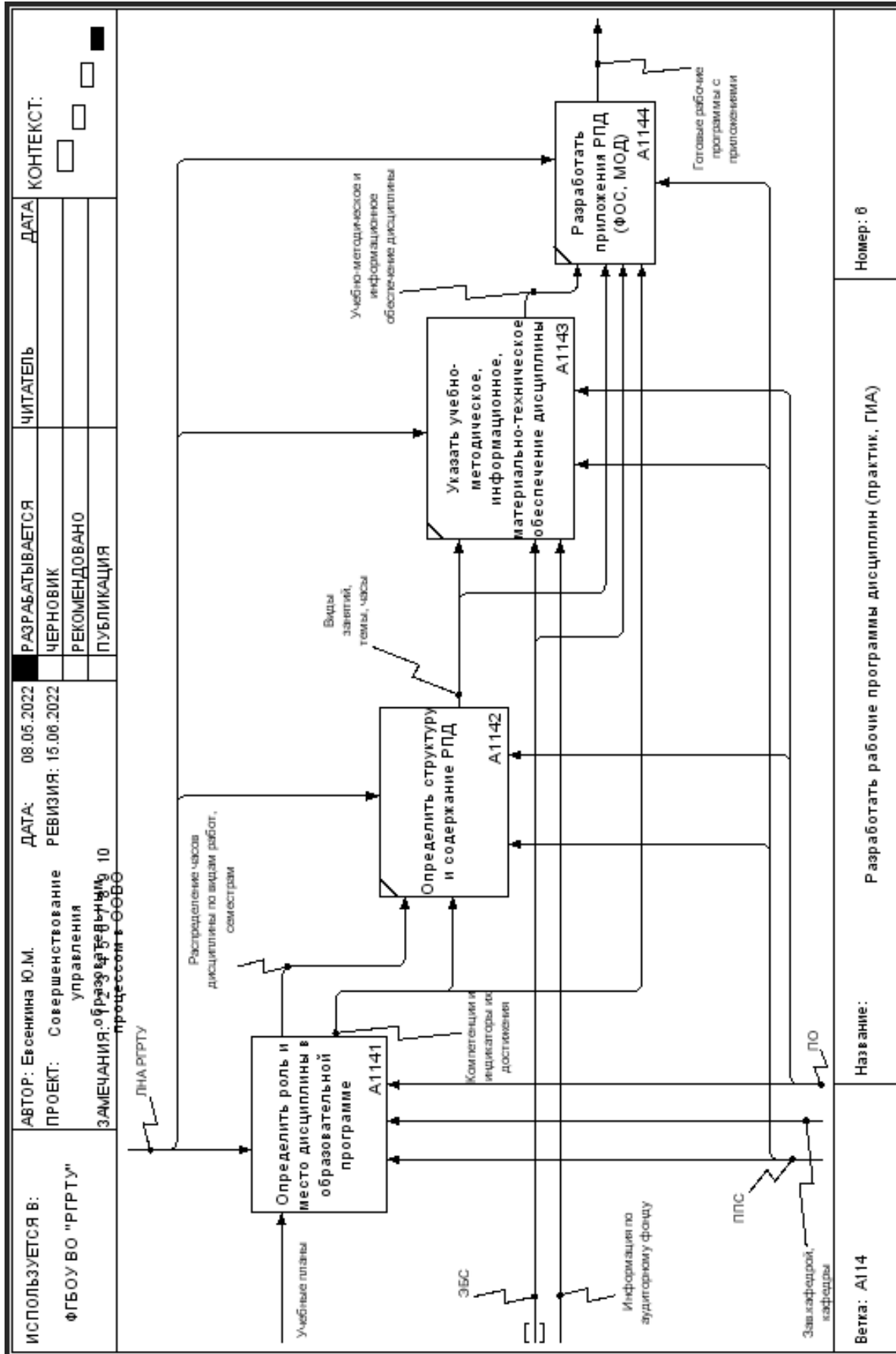

Рис. 7. Декомпозиция процесса А114 «Разработать рабочие программы дисциплин (практик, ГИА)»

Процесс А1 «Планировать образовательный процесс» включает в себя следующие основные задачи:

- ◆ А11 «Разработать и утвердить ОПОП»;
- ◆ А12 «Сформировать и распределить учебную нагрузку»;
- ◆ А13 «Составить расписание».

Процесс А11 «Разработать и утвердить ОПОП» состоит из следующих подпроцессов (рисунок 6):

- ◆ А111 «Дать содержательную характеристику ОПОП»;
- ◆ А112 «Разработать учебные планы»;
- ◆ А113 «Составить календарные учебные графики»;
- ◆ А114 «Разработать учебные программы дисциплин (практик, ГИА)»

Подпроцесс А111 «Дать содержательную характеристику ОПОП» включает в себя следующие функции:

- ◆ А1111 «Формулировать общие характеристики ОПОП ВО»;
- ◆ А1112 «Выбрать профстандарты и определить набор трудовых функций»;
- ◆ А1113 «Сформировать компетентностную модель выпускника»

Входами данного подпроцесса и его функций являются информация: о необходимости подготовки кадров по новому направлению подготовки (профилю)/специальности или актуализации ОПОП ВО; о материально-техническом обеспечении; по аудиторному фонду; кадровая информация по профессорско-преподавательскому составу.

Исполнителями по данному процессу являются выпускающие кафедры. Ответственный от кафедры составляет общую характеристику ОПОП ВО, формулируя цели и задачи ОПОП ВО, квалификацию выпускника, трудоёмкость и сроки освоения ОПОП ВО. Основными регламентирующими документами являются ФГОС ВО, локальные нормативные акты РГРТУ, регулирующие образовательную деятельность, в частности Положение о разработке основных профессиональных образовательных программ в РГРТУ [3].

Далее ответственные за разработку ОПОП ВО выбирают профессиональные стандарты и определяют набор трудовых функций. Формируют компетентностную модель выпускника. В компетентностной модели выпускника описываются:

- ◆ области и сферы профессиональной деятельности выпускника, на которые направлена ОПОП ВО;
- ◆ объекты профессиональной деятельности выпускника, на которые направлена данная ОПОП ВО;

- ◆ типы задач профессиональной деятельности выпускника, указанные в соответствии с образовательным стандартом;
- ◆ задачи профессиональной деятельности выпускника, указанные в соответствии с типами задач профессиональной деятельности по данному направлению/специальности подготовки;
- ◆ компетенции выпускника, формируемые в процессе освоения данной ОПОП ВО в соответствии с ФГОС ВО ВО (УК и ОПК),
- ◆ компетенции выпускника, формируемые в процессе освоения данной ОПОП ВО в соответствии с выбранными типами задач профессиональной деятельности, областью знаний или объектами профессиональной деятельности (ПК);
- ◆ индикаторы достижения компетенций выпускника;
- ◆ результаты обучения по дисциплинам (модулям) и практикам, соотнесенные с компетенциями выпускника и индикаторами их достижения.

Внутренним выходом данного подпроцесса является компетентностная модель выпускника. Эта информация, в том числе, является входящей для процесса А112 «Разработать и утвердить учебный план».

Подпроцесс А112 «Разработать учебные планы» включает в себя следующие процедуры:

- ◆ А1121 «Создать шаблон учебного плана»
- ◆ А1122 «Определить набор дисциплин (практик) и последовательность их реализации»;
- ◆ А1123 «Закрепить компетенции и индикаторы их достижения за дисциплинами (практиками, ГИА)»;
- ◆ А1124 «Определить трудоёмкость каждого элемента учебного плана»;
- ◆ А1125 «Утвердить учебный план».

Исполнителями по данному процессу являются выпускающие кафедры и управление по развитию образовательных программ. Управление по развитию образовательных программ создает шаблон учебного плана с учетом общеуниверситетских дисциплин. Ответственные от выпускающих кафедр вносят дисциплины (практики, ГИА). Присваивают дисциплинам (практикам, ГИА) соответствующие компетенции и индикаторы их достижения. Определяют трудоёмкость дисциплин (практик). Сотрудники УРОП проверяют учебный план на наличие ошибок и в случае их обнаружения дорабатывают учебные планы. Учебные планы прошедшие контрольную проверку отправляются на утверждение.

Подпроцесс А113 «Составить календарные учебные графики» в свою очередь будет представлен в виде следующих процедур:

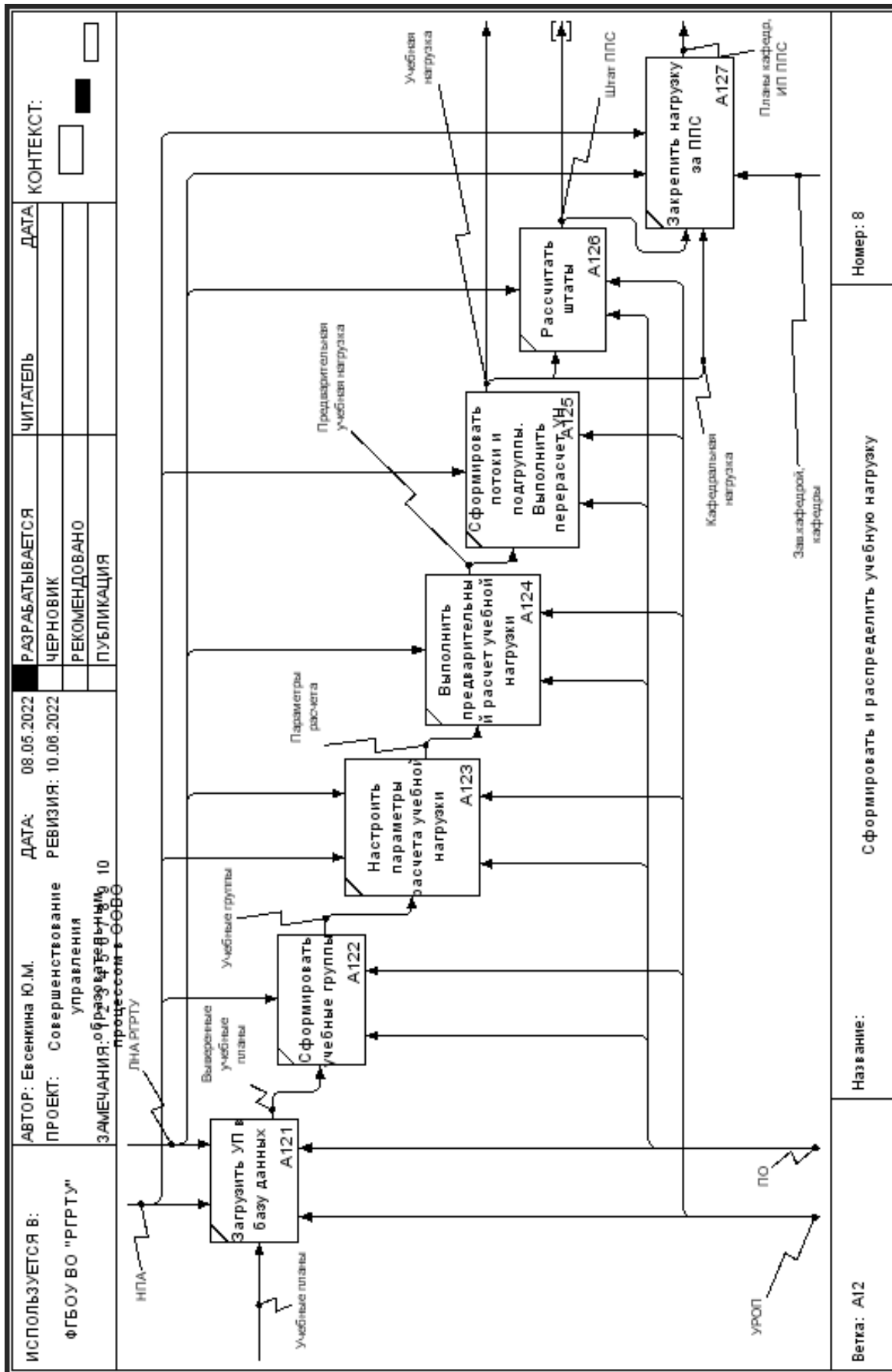

Рис. 8. Функциональная модель процесса A12 «Оформить и распределить учебную нагрузку»

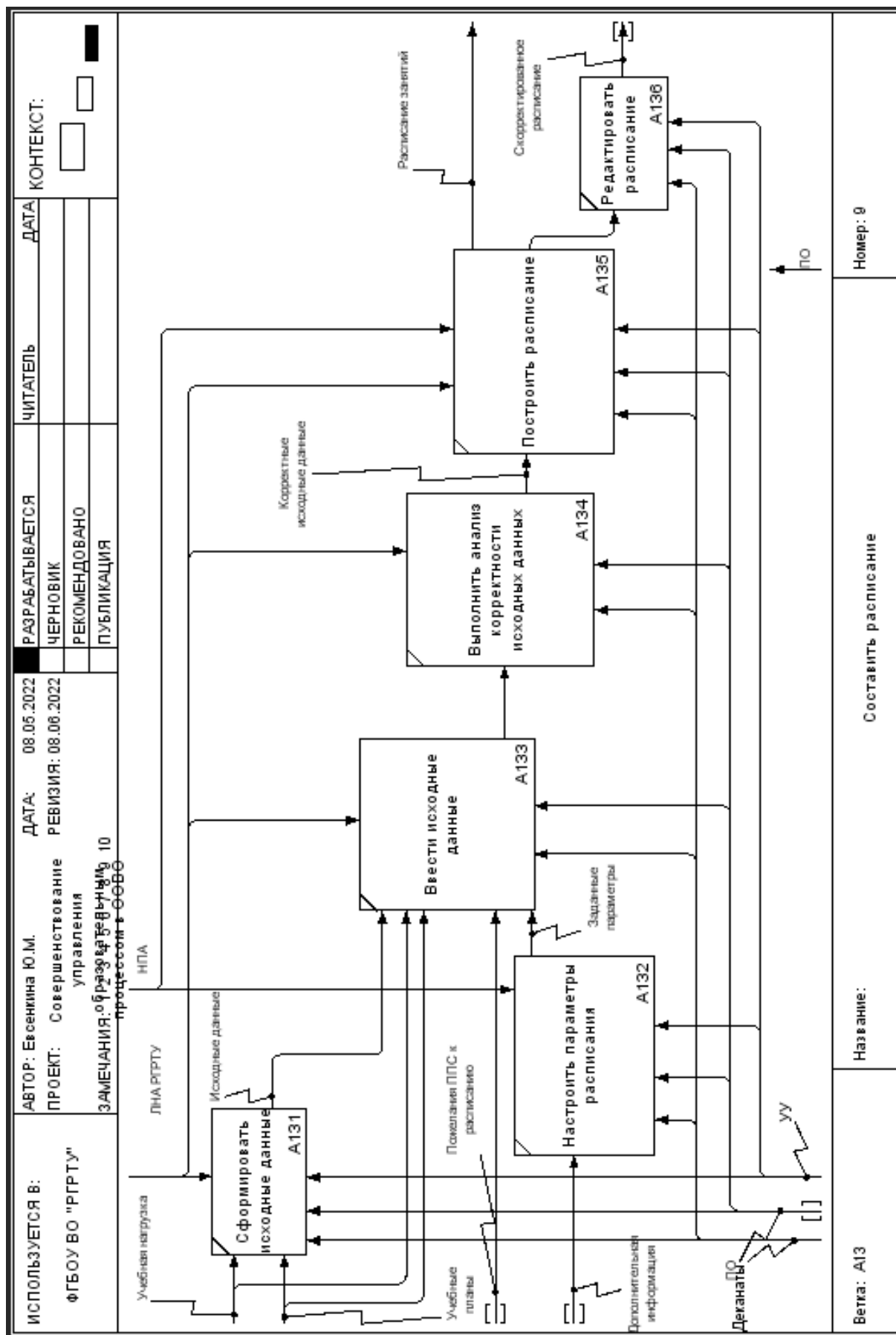

Рис. 9. Функциональная модель процесса А13 «Составить расписание»

- ◆ A1131 «Внести информацию о праздничных и нерабочих днях»;
- ◆ A1132 «Установить сроки теоретического обучения и проведения экзаменационных сессий»;
- ◆ A1133 «Установить сроки проведения практик и ГИА»;
- ◆ A1134 «Установить сроки каникул»

Детализация подпроцесса A114 «Разработать рабочие программы дисциплин (практик, ГИА) графически представлена на рисунке 7.

Подпроцесс включает следующие процедуры:

- ◆ A1141 «Определить роль и место дисциплины в образовательной программе»;
- ◆ A1142 «Определить структуру и содержание РП»
- ◆ A1143 «Указать учебно-методическое, материально-техническое обеспечение дисциплины»
- ◆ A1144 «Разработать приложения РПД (ФОС, МОД)»

Выходом данного процесса являются готовые рабочие программы дисциплин (практик, государственной итоговой аттестации). Рабочие программы дисциплин включают в себя фонд оценочных средств, методическое обеспечение дисциплины.

Процесс A12 «Распределить учебную нагрузку» включает следующие процедуры:

- ◆ A121 «Загрузить учебные планы в базу данных»;
- ◆ A122 «Сформировать учебные группы»;
- ◆ A123 «Настроить параметры расчета нагрузки»;
- ◆ A124 «Выполнить расчет учебной нагрузки»;
- ◆ A125 «Сформировать потоки и подгруппы»;
- ◆ A126 «Рассчитать штаты»
- ◆ A127 «Закрепить нагрузку за ППС»

Графически детализация процесса A12 «Распределить учебную нагрузку» представлена на рисунке 8.

Входящей информацией для данного процесса являются учебные планы. В качестве руководящей информации будут выступать такие нормативные правовые акты, локальные нормативные акты РГРТУ как:

- ◆ Приказ Минобрнауки России от 05.04.2017 № 301 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры»;
- ◆ Приказ Минобрнауки России от 22.12.2014 № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной на-

грузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре»;

- ◆ Приказ Минобрнауки России от 11.05.2016 № 536 «Об утверждении особенностей режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность»;
- ◆ Положение об оплате труда работников РГРТУ;
- ◆ Перечень видов работ и норм времени для расчета учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава РГРТУ.

Выходом данного процесса является общая нагрузка, штат, план кафедры, индивидуальный план профессорско-преподавательского состава (ИП ППС).

Процесс A13 «Составить расписание» состоит из следующих подпроцессов:

- ◆ A131 «Сформировать исходные данные»;
- ◆ A132 «Настроить параметры расписания»;
- ◆ A133 «Ввести исходные данные»;
- ◆ A134 «Выполнить анализ корректности исходных данных»
- ◆ A135 «Построить расписание»;
- ◆ A136 «Редактировать расписание».

Графически детализация процесса A13 «Составить расписание» представлена на рисунке 9.

Входом для данного процесса будет являться следующая информация: учебные планы; учебная нагрузка; индивидуальные пожелания преподавателей к планированию нагрузки в течение недели; дополнительная информация (информация о продолжительности учебного дня, расписание звонков, начало семестра, выходные дни и т.п.).

Участниками процесса являются учебное управление, деканаты, кафедры, ППС. Выходом процесса будет являться расписание: расписание учебных групп; расписание преподавателей; расписание аудиторий. Выходы процесса будут являться входами для процесса контролирования текущей учебной деятельности.

Таким образом, в целях совершенствования управления образовательным процессом построена функциональная модель процесса «Управлять образовательным процессом ООВО», отображающая структуру процесса и информационные потоки связывающие функции процесса. Осуществлена декомпозиция процесса на подпроцессы и конкретные процедуры. Детализация позволила выделить конкретные операции процесса и предложить концепцию автоматизации процесса планирования образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N273-ФЗ (последняя редакция) — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 13.06.2021).
2. Приказ Минобрнауки России от 05.04.2017 N301 (ред. от 17.08.2020) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» — URL: <https://base.garant.ru/71721568/> (дата обращения: 13.06.2021).
3. Положение о порядке разработки и утверждения основных профессиональных образовательных программ высшего образования — URL: <http://web.rrtu/sveden/document/lokalnye-normativnye-akty-po-obrazovatelnoj-deyatelnosti/> (дата обращения 5.03.2021).
4. Панасюк, В.П. Качество образования: инновационные тенденции и управление [Электронный ресурс]: монография /В.П. Панасюк, Н.В. Третьякова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. 201 с. — URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0635-8/> (дата обращения: 05.05.2021).
5. Планы. Текст: электронный // Лаборатория ММиМС: официальный сайт. — 2022. — URL: <https://www.mmis.ru/programs/planu> (дата обращения: 10.09.2020)
6. Хвещкович, Э.Б., Мазурик М.С. Автоматизированные информационные системы управления учебным процессом вуза: практическое исследование // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2011. № 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizirovannye-informatsionnye-sistemy-upravleniya-uchebnym-protsessom-vuza-prakticheskoe-issledovanie> (дата обращения: 26.05.2022).

© Бачина Татьяна Валерьевна (bachina_t@mail.ru),

Евсенкина Юлия Михайловна (evsenkina@mail.ru), Ерзылева Анна Александровна (erzyleva.a@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Рязань

АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЫНКА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ОДЕЖДЫ

Берсенёва Евгения

Магистрант Института экономики и управления,
Кемеровский государственный университет

Поликарпова Л.А.

Научный руководитель, к.э.н., Кемеровский
государственный университет

ANALYSIS AND PROSPECTS OF THE SPECIALIZED CLOTHING MARKET

**E. Berseneva
L. Polikarpova**

Summary. Specialized clothing is not just a uniform; its key purpose is to ensure the safe work of a person, and sometimes even save his life in the work process. In recent years, the production and sales of workwear have been developing quite actively, without losing positive rates even during the pandemic, moreover, according to experts, during this period, the market for specialized clothing showed the highest growth rates in relation to other areas of the light industry. This article presents the results of a study of the workwear market for 2019–2022 (as of the beginning of the year).

Keywords: specialized clothing, medical clothing, trend, coronavirus pandemic, export, import.

Аннотация. Специализированная одежда представляет собой не просто униформу, ее ключевое предназначение — обеспечить безопасный труд человека, а иногда и вовсе спасти ему жизнь в рабочем процессе.

В последние годы производство и продажи спецодежды достаточно активно развивались, не теряя положительных темпов даже в период пандемии. Более того, по оценкам специалистов, в этот период рынок специализированной одежды показал наивысшие темпы роста по отношению к остальным направлениям легкой промышленности. В настоящей статье представлены результаты исследования рынка спецодежды за 2019–2022 гг. (по данным на начало года).

Ключевые слова: специализированная одежда, медицинская одежда, тренд, пандемия коронавируса, экспорт, импорт.

Введение

Согласно требованиям нормативной документации, под специальной понимают производственную одежду, которая предназначена для защиты работника от воздействия вредных внешних факторов при осуществлении им трудовой деятельности. В отдельных ситуациях специализированная одежда может также рассматриваться, как атрибут корпоративного стиля, выступающий, как средство коммуникации с конечными потребителями или частными инвесторами [1].

Условия предоставления и требования к безопасности в России установлены на законодательном уровне, и в первую очередь они раскрываются в ТР ТС 019/2011 [2].

История развития производства специализированной одежды в России начинается с 1741 г. с введения «Суконного регламента», который регламентировал обязательное использование специализированной производственной одежды на всех мануфактурных производствах. На сегодняшний день практически для

каждой профессии прописаны индивидуальные требования к специализированной одежде. Более того, с учетом повышения требований пользователей к рабочей одежде, а также инновационной составляющей в производстве, ее ассортимент неуклонно растет, а объемы производства и потребления увеличиваются.

Цель настоящего исследования — анализ мирового и российского рынка специализированной одежды.

Основные задачи исследования:

- ◆ провести анализ ключевых тенденций мирового рынка специализированной одежды;
- ◆ проанализировать изменения российского рынка специализированной одежды за последние годы;
- ◆ выявить основные тенденции, проблемы и перспективы рынка специализированной одежды.

Объектом исследования является мировой и российский рынок специализированной одежды. Предмет исследования — показатели мирового и российского рынка специализированной одежды, характеризующие его текущую ситуацию.

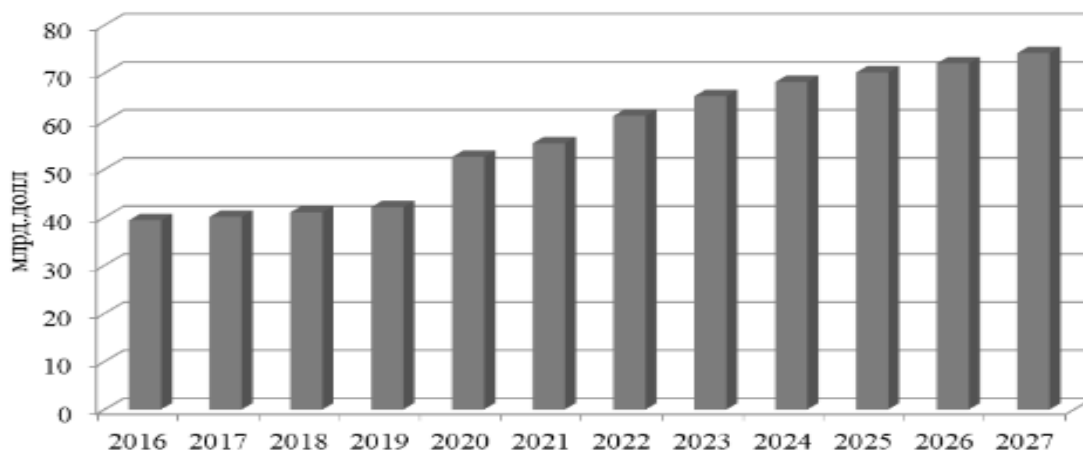

Рис. 1. Прогноз мирового рынка специализированной одежды, млрд. долл. [8]

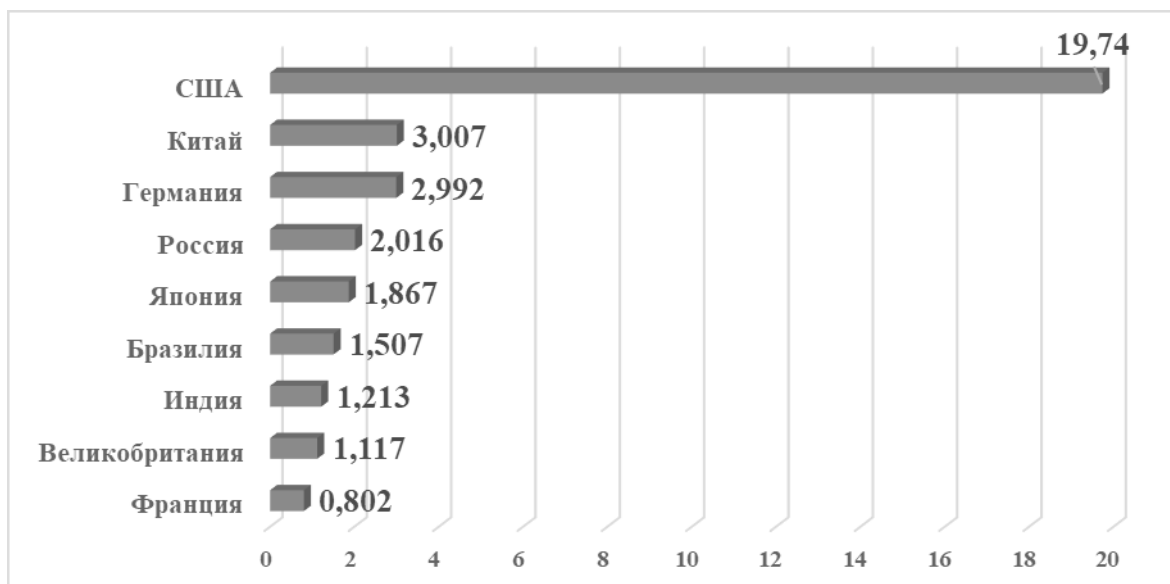

Рис. 2. Структура мирового рынка спецодежды по странам в 2019 г.

Методы исследования

Анализ и синтез, систематизация и упорядочивание вторичной информации.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с мировой классификацией специализированной одежды, ее разделяют на две большие категории: спецодежда общего назначения и спецодежда с особыми потребительскими характеристиками, способными обеспечить безопасность работника

в сложных и агрессивных условиях труда. Безусловно, как в мировом, так и в российском производстве наибольшая доля принадлежит первой категории спецодежды. Рынок специальной одежды, как в мировом, так и в рамках российского рынка достаточно активно развивается. Так, по мнению специалистов, в период с 2020–2027 гг. ежегодный прирост мирового рынка специализированной одежды составит в среднем 4,3% в год, хотя некоторые эксперты прогнозируют и больший рост — от 6,4–7,0% в год.

По данным Research and Markets, объем мирового рынка специализированной одежды в 2019 г. составил

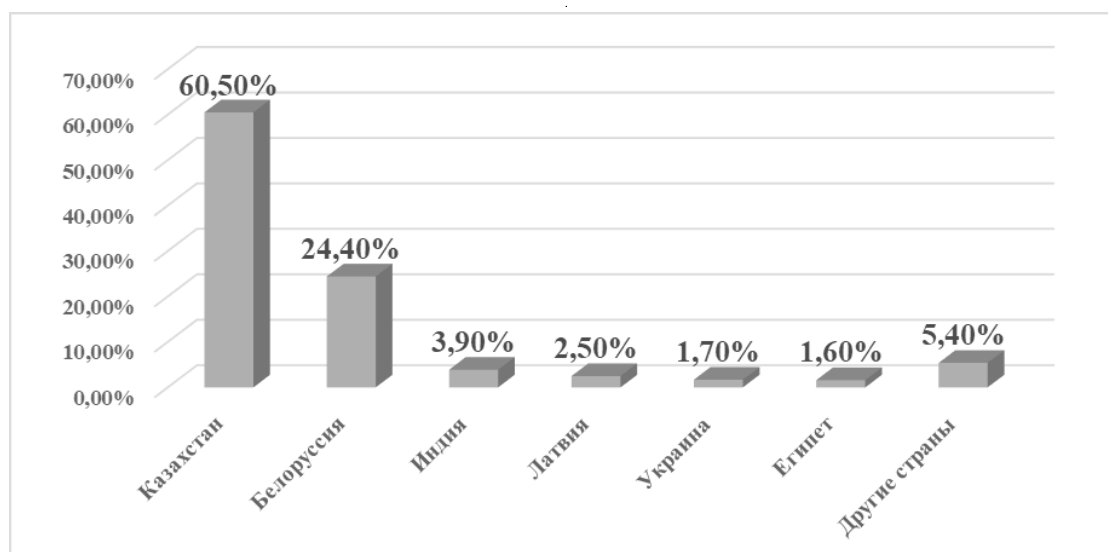

Рис. 3. Структура российского экспорта спецодежды в 2019 г.

39,4 млрд. долл. (к 2027 г. он может достигнуть более 74 млрд. долл.), рисунок 1.

Как отмечают специалисты, наибольшие темпы роста будут отмечаться по европейскому рынку, ключевой особенностью которого являются повышенные требования к безопасности труда в целом, и к специализированной одежде в частности.

Ключевые тенденции мирового рынка спецодежды можно назвать достаточно разнонаправленными. С одной стороны, в мире увеличивается спрос на безопасный труд, соответственно пользователи обращают большое внимание на инновации в отрасли, которые будут наилучшим способом это обеспечивать. Однако, с другой стороны, в условиях экономической нестабильности и неопределенности, численность трудовых ресурсов в предприятиях сокращается, что безусловно оказывает негативное влияние на объемы инвестиций в разработку инновационных материалов для производства качественной и эффективной специализированной одежды для персонала.

Структура мирового рынка специализированной одежды на 2019 г. в разрезе основных игроков представлен на рисунке 2.

Следует отметить, что специалисты к ключевым игрокам мирового рынка относят такие компании, как: Alpha Pro Tech Ltd., Du Pont, 3M, Ansell, Adians, Delta Plus, Rock Fall Limited, Uvex Safety Group

Как можно увидеть из представленных данных на рисунке 2, объем рынка специализированной одеж-

ды в России в 2019 г. занимает 4 место в рейтинге мирового объема [13].

В первую очередь, это обусловлено поддержкой государства данной отрасли, благодаря чему данный сегмент рынка можно назвать одним из наиболее стабильных. Кроме того, на основании действующего законодательства, специализированная одежда должна заменяться каждый год, что также стимулирует развитие отрасли.

Объем рынка специализированной одежды в России, по данным компании АМИКО на 2019 г. составил 66,4 млрд. руб., при этом 98,8% приходилось на отечественных производителей. В рамках экспорта спецодежды из России за 2019 г. также можно отметить увеличение на 50%, однако в целом он занимает только 0,5% в общем объеме.

Структура российского экспорта специализированной одежды на 2019 г. отражена на рисунке 3.

Можно увидеть, что основной экспорт идет в Казахстан и Белоруссию, наименьшие объемы идут в Египет и Украину.

Если говорить о мировом импорте, то лидерами считаются США и Япония, большие объемы также импортируют Южная Корея, Китай и страны Евросоюза. Рынки этих стран достаточно объемные и перспективные. Так, объем импорта спецодежды в Японию в 2019 г. составлял почти 25% всего отечественного производства и в 60 раз превышал российский экспорт специализированной одежды.

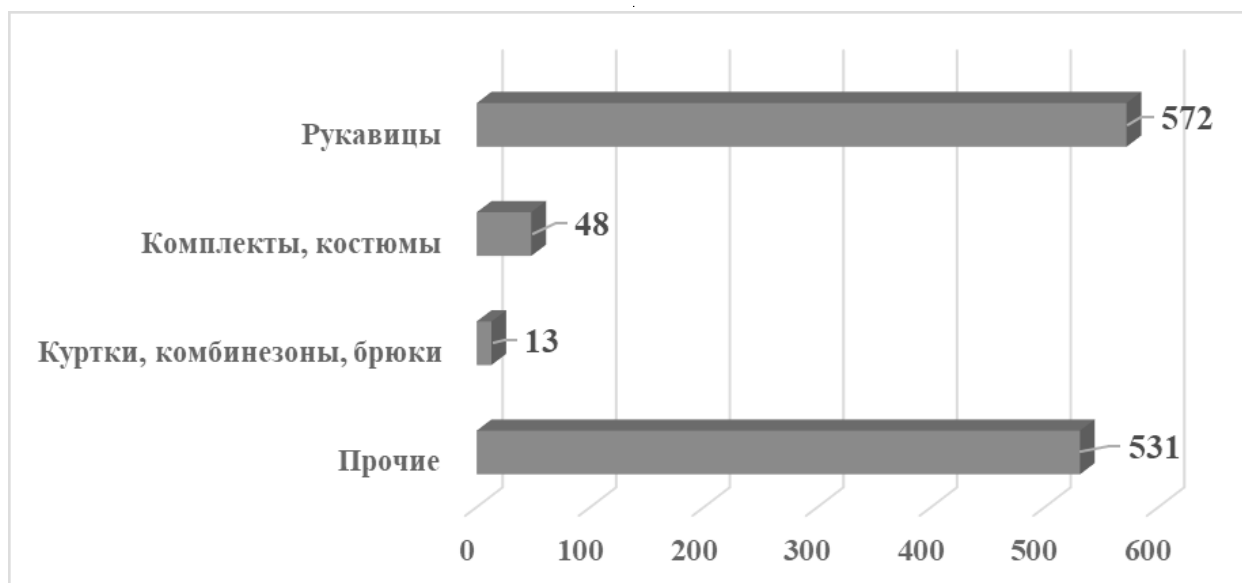

Рис. 4. Продажи специализированной одежды в России в 2020 г. по видам, млн. шт. [11]

В 2020 г. наиболее крупным импортером является Германия, которая закупила 26 млн. ед. продукции, составившей 628 млн. евро [5]/

2020 г. стал особенным для всех сегментов рынка, поскольку был обусловлен наступлением кризиса, связанного с пандемией коронавируса.

Основными трендами рынка спецодежды в 2020 г. стали:

- ◆ рост спроса на данную продукцию;
- ◆ снижение деловой активности в потребляющих сегментах, что оказывает негативное влияние на развитие рынка [3].
- ◆ более 50 производственных предприятий переориентировали свою деятельность на изготовление масок и специальной одежды (БТК Групп, Bosco di Ciliegi и т.д.);
- ◆ эффективная поддержка государства, реализация соответствующих мероприятий;
- ◆ за 2020 г. было сформировано большое количество малых предприятий, специализирующихся на производстве спецодежды и средств индивидуальной защиты, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых;
- ◆ отдельные крупные предприятия создали собственное производство специальной одежды и средств индивидуальной защиты (ПАО «КАМАЗ», ПАО «Татнефть», ПАО Нижнекамскнефтехим» и т.д.) [7].

Как отмечает Центр экономики рынков, в 2020 г. рынок специализированной одежды российского произ-

водства вырос в среднем на 23,6% и достиг 900,5 млн. ед. товаров. Ключевым драйвером роста стало увеличение производства медицинской одежды. Годом ранее рост продаж был на уровне 43,9%, что составило 1,16 млрд. единиц.

Интересно отметить, что с 2016 г. по 2020 г. продажи специализированной одежды в России возросли на 79,9% [4].

Продажи специализированной одежды в России в 2020 г. по видам, млн. шт. представлены на рисунке 4.

В общей ассортиментной структуре продаж наибольшую долю занимали профессиональные и производственные рукавицы, она составила 49,2%. Удельная доля продаж прочих видов спецодежды составила 45,6% (531 млн. ед.), в структуре данной категории присутствуют: профессиональная и производственная одежда, включая специализированные средства защиты от воздействия внешних факторов.

Несмотря на падение продаж во многих отраслях в 2020 г., производство и продажи специализированной одежды имеют положительную динамику, что помимо роста спроса, также обусловлено поддержкой государства, которая отразилась в ряде мероприятий:

- ◆ в этот период Правительство РФ выделило на поддержку отрасли легкой промышленности более 2 млрд. руб.;
- ◆ достаточно большое количество проектов получили займы от Фонда развития промышленно-

сти, например, АО «Корпорация «Росхимзащита», ГК «БТК» и т.д.

Кроме того, 06.06.2020 г. Правительством РФ была утверждена Стратегия развития обрабатывающей промышленности до 2035 г., в которой объем выпуска спецодежды отмечен, как целевой показатель, значение по которому предусмотрено на уровне 121,1 млрд. руб., что в 2 раза больше, чем в 2019 г.

Если рассматривать географию производства спецодежды в этот период, можно отметить в качестве лидера Центральный федеральный округ, поскольку на его территории сосредоточено 62,0% производства (55 крупных производственных предприятий). Крупнейшими центрами являются Ивановская, Костромская и Ярославская области, на их долю приходится 90% выпуска хлопчатобумажных тканей, 86% льняных, 73% шерстяных, 60% шелковых тканей и более 75% других нетканых материалов [9].

В 2021 г. производство спецодежды выросло относительно 2020 г. на 33,7%, что по темпу роста опередило все направления легкой промышленности. Так, только по данным на май 2021 г. объем производства спецодежды возросли на 15,4% по отношению к маю прошлого года (83 млн. шт.). Лидером продаж стал также Центральный округ с долей рынка в 82,2%.

Несмотря на относительно стабильную ситуацию на рынке специализированной одежды за период с 2019–2021 гг. можно отметить и негативные факторы:

- ◆ повышение цен на сырье для производства изделий. Так, за период с 2019 г. на начало 2022 г. средние цены производителей на рукавицы, а также профессиональные производственные перчатки возросли на 50,9%. По прогнозам специалистов, на конец 2022 г. рост цен на спецодежду может составить от 50–100% [6].

Это можно объяснить, в первую очередь инфляцией и ростом цен на сырье и материалы. Так, только цена хлопка за 2021 г. выросла в среднем на 40%, а уже в 1 квартале 2022 г. основные зарубежные производители увеличили отпускные цены на 6–12%, российские производители подняли цены на 6,8% [12];

- ◆ наличие нехватки швейных мощностей в производственных предприятиях, обусловленной тем, что в большинстве компаний используют зарубежное оборудование, эффективное обслуживание оборудования в настоящих условиях санкционного давления затруднительно. Возникшие сложности с поставками сырья, материалов и оборудования могут сформировать дефицит спецодежды на рынке;
- ◆ устаревшие мощности в отдельных производственных предприятиях [10];
- ◆ рост популярности данной отрасли, обусловленный повышением спроса на спецодежду, сформировал увеличение количества производителей этой продукции, что соответственно усилило конкуренцию в сегменте. Кроме того, некоторые предприятия на своей базе сформировали соответствующие производства;
- ◆ значительное увеличение стоимости транспортной логистики в отрасли, которое было спровоцировано пандемийными условиями, рост за 2019–2021 гг. произошел в 3–5 раз;
- ◆ рост дефицита рабочих профессий (швей, закройщиков и т.д., а также квалифицированных специалистов (технологов, наладчиков, ИТР и т.д.), что обусловлено низким уровнем заработных плат в отрасли.

Таким образом, развитие рынка специализированной одежды можно охарактеризовать относительно стабильным. Производство и продажи смогли нарастить свои объемы, поскольку на фоне пандемии на продукцию вырос спрос, а также была обеспечена своевременная и эффективная поддержка государства отрасли. Однако, несмотря на устойчивое развитие существуют отдельные проблемы, которые способны сдерживать рост производства, а в отдельных случаях и стимулировать развитие дефицита специализированной одежды.

По мнению специалистов, наиболее эффективными мерами для устранения негативных факторов могут стать: обновление оборудования на производственных предприятиях, при этом используя отечественных производителей швейных мощностей; снижение налоговой нагрузки на малые производственные предприятия; стимулирование обучения рабочим и техническим профессиям в рамках отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ 17037–85 Изделия швейные и трикотажные. Термины и определения. — Введ. 01.07.1997. М.: Стандартинформ, 2010, — 13 с.
2. ТР ТС 019/2011 № 878 «О безопасности средств индивидуальной защиты». — Принят 09.12.2011 г. — 56 с.
3. Анализ рынка спецодежды в России: стабилизация после взрывного роста и перспективы увеличения экспорта [Электронный ресурс] URL: https://www.megaresearch.ru/news_in/analiz-rynka-specodezhdy-v-rossii-stabilizaciya-posle-vzryvnogo-rosta-i-perspektivy-uvelicheniya-eksporta-1573?ysclid=I5i3f7adjr306836433

4. В 2016–2020 гг. продажи спецодежды в России выросли на 80%, с 0,65 до 1,16 млрд. шт. [Электронный ресурс] URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12876/?ysclid=I5qi8cttm0732728117>
5. Западноевропейский рынок промышленной спецодежды 2021–2027: факторы роста, тренды, мнения экспертов [Электронный ресурс] URL: <https://getsiz.ru/zapadnoevropejskij-rynok-promyshlennoj-spetsodezhdy-2021-2027-factory-rosta-trendy-mneniya-ehkspertov.html?ysclid=I5qpu3n1t30266608>
6. Дорогая ты наша охрана труда [Электронный ресурс] URL: <https://www.solidarnost.org/articles/dorogaya-ty-nasha-ohrana-truda.html?ysclid=I5ty9y9ch5397890385>
7. Крупнейшие компании российского рынка спецодежды и СИЗ в 2021 году [Электронный ресурс] URL: <https://getsiz.ru/50-kompanii-2021.html?ysclid=I5i373wgfc200645528>
8. Мировой рынок спецодежды и перспективы его развития в условиях пандемии [Электронный ресурс] URL: https://tftp.ivgpi.com/wp-content/uploads/2021/07/393_06.pdf
9. Обзор рынка спецодежды в России в 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sostav.ru/blogs/159986/31018?ysclid=I5qqr8rx71125706863>
10. Производство спецодежды в 2021 году выросло на 33,7% — «Союзформа» [Электронный ресурс] URL: <https://getsiz.ru/proizvodstvo-spetsodezhdy-v-2021-godu-vyro.html?ysclid=I5qur01u1t942025568>
11. Рынок специализированной одежды [Электронный ресурс] URL: <https://plus.rbc.ru/specials/specovka-xxi-veka?ysclid=I5i3bejqsh995228025>
12. Семь тенденций на российском рынке СИЗ, которые нас ожидают в 2022 году [Электронный ресурс] URL: <https://getsiz.ru/7-tendencij-na-rossijskom-rynke-siz-kotorye-nas-ozhidayut-v-2022-godu.html?ysclid=I5tz30mpuk199422819>
13. Эксперт: Производство спецодежды в ЦФО существенно расширится [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2021/09/21/reg-cfo/proizvodstvo-spetsodezhdy-v-cfo-sushchestvenno-rasshiritsia.html?ysclid=I5qqssdheg150271323>

© Берсенёва Евгения, Поликарпова Л.А.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кемеровский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПАТЕНТНОЙ АКТИВНОСТИ РЕЗИДЕНТОВ И НЕРЕЗИДЕНТОВ, И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ

STUDY OF INNOVATION PROCESSES BASED ON THE ANALYSIS OF PATENT ACTIVITY OF RESIDENTS AND NON-RESIDENTS, AND SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL OF THE COUNTRY

**V. Zhigalov
M. Sokolova**

Summary. The article examines the relationship of patent applications, the right holders of which are residents and non-residents of the country with the scientific and technological potential of the country. This analysis is closely related to the issue of technology imports into various countries, as well as to the assessment of the scientific and technological potential of countries. The scientific and technological potential of the country was assessed by indicators related to the characteristics of the number of researchers who work in the country, the efficiency of their activities, as well as the number of patent applications of residents per capita. The novelty of the study lies in revealing a certain correlation between the proposed indicators and proposing certain principles for grouping countries with dominant features. In addition to these factors, an important role is played by the country's policy, which is implemented in relation to intellectual property and can include both mechanisms for attracting imported technology, and building certain barriers to support their own scientific school.

Keywords: patents, scientific and technical potential, policy of attraction, technology transfer, number of researchers.

Жигалов Владимир Иванович

*Д.э.н., с.н.с., Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики
vlzhigalov@mail.ru*

Соколова Мария Владимировна

*Н.с., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
mashunkadel@yahoo.com*

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь патентных заявок, правообладателями которых являются резиденты и нерезиденты страны с научно-техническим потенциалом страны. Этот анализ тесно связан с вопросом импорта технологий в различные страны, а также с оценкой научно-технического потенциала стран. Научно-технический потенциал страны оценивался по показателям, связанным с характеристикой количества исследователей, которые работают в стране, эффективностью их деятельности, а также количества патентных заявок резидентов на душу населения. Новизна исследования заключается в выявлении определенной взаимосвязи между предложенными показателями и предложении определенных принципов группировки стран с доминирующими признаками. Кроме указанных факторов важную роль играет политика страны, которая реализуется по отношению к интеллектуальной собственности и может предусматривать как механизмы привлечения импортных технологий, так и выстраивание определенных барьеров с целью поддержки собственной научной школы.

Ключевые слова: патенты, научно-технический потенциал, политика привлечения, трансфер технологий, количество исследователей.

Введение

Изучение влияния основных характеристик инновационного процесса на развитие страны с учетом ее специфики является актуальной задачей, которой посвящено определенное количество работ [1–5]. Интегрированным показателем, который представляется ВОИС, является Глобальный Инновационный Индекс (ГИИ), который учитывает большое количество параметров [6]. Действующие в стране патенты являются

значимым показателем для характеристики развития страны и в инновационной части экономики являются определяющим фактором [7].

Важным фактором для понимания мировых экономических процессов является трансфер технологий [8]. Появление той или иной технологии в стране возможно двумя способами: создание ее резидентами страны, т.е. существующим в стране научно-техническим потенциалом, или за счет трансфера импортных технологий

в страну. Измеряемыми параметрами для этих процессов являются количество патентов резидентов и нерезидентов [9], а также их патентная активность.

Методология

В данной работе предлагаются к рассмотрению ряд параметров, которые помогают анализу инновационной активности страны в плане обеспечения ее развития и показывают роль научно-технического потенциала страны и трансфера импортных технологий в этом процессе [10].

Одним из существенных показателей является отношение патентных заявок резидентов к общему количеству заявок. Малое значение этого отношения говорит, как правило, о недостаточном собственном научно-техническом потенциале страны и необходимости привлечения технологий нерезидентов для обеспечения функционирования экономики страны и обеспечения занятости. Хотя для ряда стран это является следствием создания специальных мер по привлечению технологий на территорию страны. Это позволяет выделить группы стран по этим показателям.

Для характеристики научно-технического потенциала страны в анализе предлагается рассматривать ряд характеристик. Первая — это количество исследователей на один миллион граждан, а вторая — количество патентных заявок резидентов на сто исследователей, а также количество патентных заявок на душу населения [11]. Нужно учитывать эти показатели для анализа научного потенциала, так как неравномерность развития регионов (наличие регрессивных регионов в составе страны) может приводить к неправомерному занижению оценки потенциала [12]. Второй показатель больше связан с эффективностью работы исследователей. И наконец, производство этих показателей показывает количество патентных заявок на душу населения, а этот показатель тесно связан с объемом ВВП страны, который формируется за счет национального потенциала.

Большую роль особенно для крупных стран играет проводимая политика в области допуска технологий на рынок той или иной страны [13,14]. Ряд стран в силу традиций и обстоятельств проводят политику либо «открытых дверей», либо проводят политику ограничений с целью поддержки развития собственного научно-технического потенциала [15].

Для настоящего исследования сделан ряд предположений:

1. **Недостаточный уровень собственного научно-технического потенциала.** Есть страны, у которых количество патентов резидентов значительно меньше, чем нерезидентов. Это явля-

ется первым признаком недостатка своего научно-технического потенциала для обеспечения функционирования экономики вследствие чего привлекаются иностранные технологии для обеспечения нужного уровня ВВП.

2. **Наличие собственной научно-технической базы, но при этом используется политика привлечения патентов нерезидентов в определенные сектора экономики.** Есть страны с мощной наукой, как США, но они привлекательны из-за сильной экономики и допускают на свой рынок чужие патенты. К ним, безусловно, относятся также Израиль и еще ряд стран.
3. **Наличие собственной научно-технической силы, и при этом реализуется политика не привлекать импортные технологии, особенно в ключевые отрасли экономики.** Стратегия определенных барьеров для импортных технологий и акцент на собственные разработки ярко выражена в Китае, Финляндии и еще ряде стран.

Методология исследования — групповой подход для представления основных закономерностей на основе представленных критериев.

Таким образом, в выборке из 54 стран на первом этапе выделены три группы:

Группа I. Страны с малым вкладом патентов резидентов в общее количество действующих патентов (менее или около 20%), что подразумевает недостаточное количество отечественных технологий для независимого функционирования экономики в плане реализации нужного уровня ВВП.

Группа II. Наличие собственного научного потенциала и проведение политики привлечения технологий в свою экономику (количество патентов резидентов к общему количеству от 20 до 70%, как пример, США).

Группа III. Достаточно сильный собственный научный потенциал и закрытая политика в отношении нерезидентов (более 70%, как пример, Китай).

На втором этапе для оценки научно-технического потенциала страны используется комплексная оценка на основе таких параметров как доля исследователей среди населения, количество действующих патентов на сто исследователей и количество патентов резидентов на душу населения.

Результаты

В таблице 1 приведен список стран по показателю, который определяется как отношение патентных зая-

Таблица 1. Группы стран по критерию «Патентные заявки резидентов в общем количестве патентов по годам».

Показатель	Доля патентных заявок резидентов в общем количестве* (%)		
	2018	2019	2020
Группа I — около или менее 20%			
Гонконг	2,0	2,1	2,0
ОАЭ	3,2	2,9	2,0
Новая Зеландия	16,3	5,4	6,0
Мексика	9,5	8,2	7,9
Австралия	9,2	8,9	8,1
ЮАР	9,5	8,2	8,1
Марокко	7,4	7,3	9,3
Перу	7,3	10,9	9,9
Иордания	18,0	6,8	10,7
Таиланд	11,1	10,6	11,5
Филиппины	12,3	11,4	11,9
Канада	12,0	11,6	12,9
Вьетнам	10,6	9,6	13,3
Чили	13,1	13,5	13,3
Сингапур	13,3	12,2	13,4
Малайзия	15,3	14,2	14,5
Индонезия	14,4	26,9	16,0
Колумбия	18,7	19,6	17,4
Израиль	20,5	17,7	20,2
Бразилия	20,0	21,5	21,7
Алжир	22,6	17,7	23,0
Аргентина	11,6	11,9	26,6
Группа II — более 20% и до 70%			
Саудовская Аравия	31,7	32,5	36,3
Пакистан	34,3	35,8	37,6
Нигерия	42,9	39,1	40,7
Индия	32,5	36,3	40,8
Украина	53,1	54,4	42,8
Египет	44,2	47,0	44,3
США	47,7	45,9	45,1
Великобритания	61,4	62,7	58,1
Норвегия	64,6	62,2	60,9
Россия	65,7	65,7	67,9
Германия	68,7	69,2	68,0
Группа III — более 70%			
Греция	74,3	59,9	52,4
Португалия	95,8	87,1	72,5
Нидерланды	84,3	83,2	72,7
Бельгия	80,4	77,3	75,0
Япония	80,9	79,7	78,8
Республика Корея	77,4	78,4	79,6
Швеция	80,6	82,3	80,3
Швейцария	79,4	79,7	82,1
Дания	84,1	85,6	85,3
Франция	88,2	88,9	89,2
Китай	90,4	88,8	89,8
Италия	90,8	91,1	91,4
Испания	91,1	89,0	92,0

Таблица 1 (продолжение). Группы стран по критерию «Патентные заявки резидентов в общем количестве патентов по годам».

Показатель	Доля патентных заявок резидентов в общем количестве* (%)		
Страна	2018	2019	2020
Чехия	92,6	94,1	92,3
Австрия	92,4	90,9	92,5
Венгрия	91,9	94,9	93,9
Финляндия	93,3	94,6	94,2
Румыния	95,9	93,8	94,6
Иран	92,9	95,2	94,7
Турция	95,8	97,3	97,1
Польша	97,3	97,2	97,9

* рассчитано авторами.

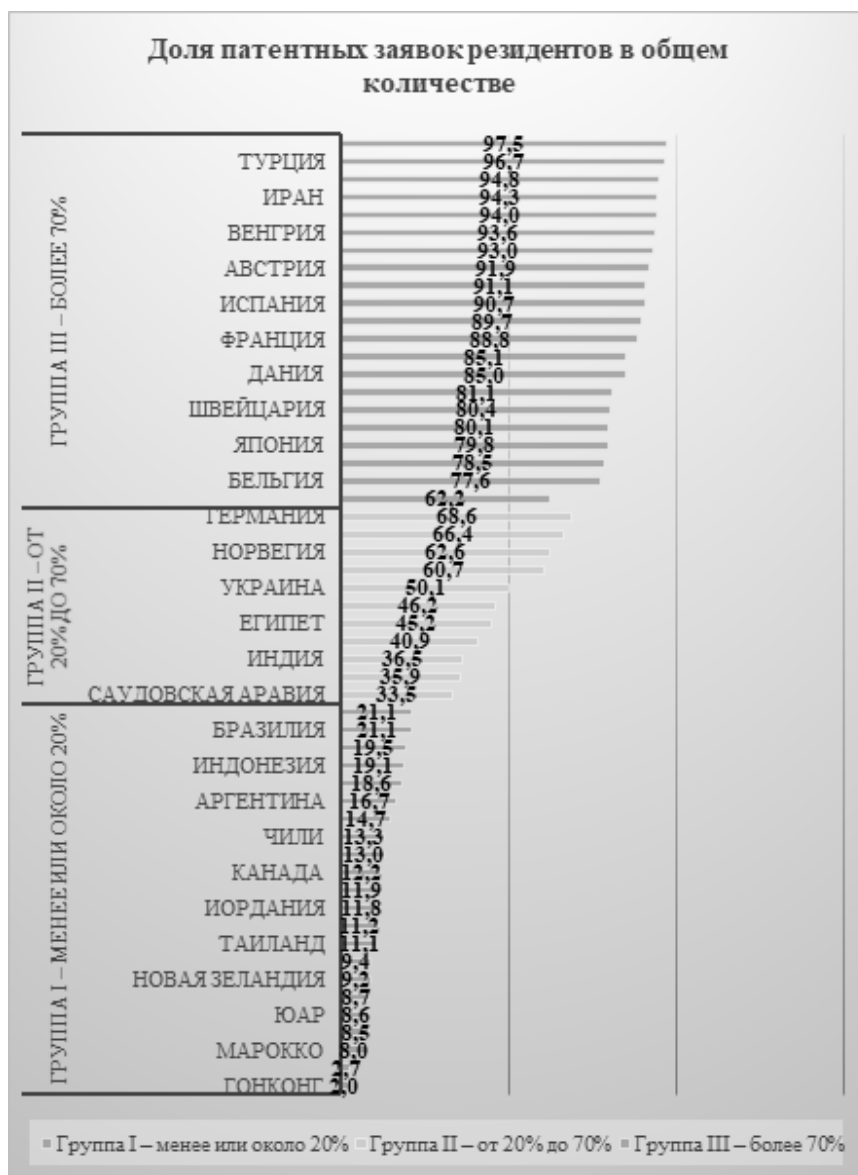

Рис. 1

Таблица 2. Группы стран по критерию «Научно-технический потенциал».

Показатель*	Исследователи в НИОКР (% от населения)			Количество патентных заявок на 100 исследователей			Количество патентных заявок резидентов на десять тысяч населения		
	Страна	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019
Группа — Значимый научно-технический потенциал									
Испания	0,27	0,29	0,30	1,20	0,95	1,01	0,32	0,28	0,30
Малайзия	0,23	0,24	0,24	1,56	1,42	1,28	0,36	0,34	0,31
Украина	0,10	0,11	0,10	4,55	4,22	3,12	0,46	0,46	0,31
Греция	0,26	0,32	0,35	1,54	1,05	1,07	0,40	0,34	0,37
Румыния	0,09	0,09	0,09	6,19	5,11	4,81	0,56	0,46	0,43
Венгрия	0,26	0,29	0,32	1,57	1,49	1,36	0,41	0,43	0,44
Гонконг	0,34	0,34	0,40	1,24	1,35	1,40	0,42	0,46	0,56
Чехия	0,35	0,37	0,39	1,81	1,94	1,63	0,63	0,72	0,64
Португалия	0,39	0,44	0,45	1,64	1,57	1,49	0,64	0,69	0,67
Новая Зеландия	0,41	0,41	0,55	5,12	1,61	1,24	2,10	0,66	0,68
Бельгия	0,47	0,49	0,50	1,65	1,55	1,49	0,78	0,76	0,75
Австралия	0,45	0,45	0,45	2,43	2,29	2,03	1,09	1,03	0,91
Турция	0,12	0,14	0,14	7,15	6,81	6,81	0,86	0,95	0,95
Польша	0,22	0,30	0,31	5,13	3,41	3,41	1,13	1,02	1,06
Израиль	0,83	0,83	0,83	1,24	1,35	1,40	1,03	1,12	1,16
Канада	0,46	0,43	0,43	2,58	2,64	2,75	1,19	1,14	1,18
Нидерланды	0,48	0,50	0,56	2,53	2,57	2,25	1,21	1,29	1,26
Иран	0,07	0,07	0,15	21,70	20,79	9,20	1,52	1,46	1,38
Швейцария	0,53	0,53	0,55	2,87	3,04	2,94	1,52	1,61	1,62
Норвегия	0,58	0,64	0,65	3,52	2,79	2,53	2,04	1,79	1,64
Россия	0,30	0,29	0,28	5,79	5,67	5,92	1,74	1,64	1,66
Италия	0,21	0,23	0,23	6,93	6,73	7,34	1,46	1,55	1,69
Швеция	0,72	0,73	0,75	2,53	2,41	2,26	1,82	1,76	1,70
Великобритания	0,44	0,44	0,46	4,37	4,12	3,88	1,92	1,81	1,78
Франция	0,43	0,44	0,47	4,95	4,72	4,02	2,13	2,08	1,89
Дания	0,75	0,79	0,81	2,90	2,93	2,68	2,18	2,31	2,17
Австрия	0,52	0,54	0,57	4,47	4,28	4,15	2,32	2,31	2,37
Финляндия	0,65	0,67	0,69	3,85	3,57	4,19	2,50	2,39	2,89
Сингапур	0,67	0,67	0,68	4,15	4,50	4,60	2,78	3,02	3,13
Германия	0,49	0,50	0,52	11,49	11,14	9,75	5,63	5,57	5,07
США	0,43	0,43	0,44	20,22	20,40	18,43	8,69	8,77	8,11
Китай	0,12	0,12	0,13	82,41	71,54	72,91	9,89	8,58	9,48
Япония	0,52	0,53	0,53	38,39	36,53	33,78	19,96	19,36	17,90
Республика Корея	0,71	0,75	0,80	44,30	44,12	43,63	31,45	33,09	34,90
Группа — Слабый научно-технический потенциал									
Пакистан	0,03	0,03	0,03	0,49	0,49	0,46	0,01	0,01	0,01
Алжир	n/a	0,08	0,08	n/a	0,32	0,45	n/a	0,03	0,04
ОАЭ	0,24	0,24	0,24	0,25	0,23	0,17	0,06	0,06	0,04
Иордания	0,06	0,06	0,06	0,40	0,35	0,59	0,02	0,02	0,04
Филиппины	0,02	0,02	0,01	2,64	2,47	4,11	0,05	0,05	0,04
Индонезия	0,01	0,01	0,02	5,89	12,81	2,22	0,06	0,13	0,04
Марокко	0,11	0,11	0,11	0,49	0,51	0,63	0,05	0,06	0,07
Мексика	0,02	0,02	0,03	5,05	4,19	2,78	0,10	0,08	0,08
Колумбия	0,01	0,01	0,01	6,33	9,47	8,24	0,06	0,09	0,08
ЮАР	0,05	0,05	0,05	2,40	2,05	1,86	0,12	0,10	0,09
Вьетнам	0,07	0,07	0,07	1,01	1,07	1,48	0,07	0,07	0,10
Египет	0,07	0,07	0,07	1,49	1,53	1,39	0,10	0,11	0,10
Таиланд	0,09	0,12	0,14	1,50	1,03	0,92	0,14	0,12	0,13

Таблица 2 (продолжение). Группы стран по критерию «Научно-технический потенциал».

Показатель*	Исследователи в НИОКР (% от населения)			Количество патентных заявок на 100 исследователей			Количество патентных заявок резидентов на десять тысяч населения		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
Чили	0,05	0,05	0,05	4,32	4,60	3,94	0,22	0,23	0,20
Индия	0,02	0,02	0,03	5,57	6,59	6,64	0,11	0,13	0,20
Аргентина	0,12	0,12	0,12	0,78	0,80	1,72	0,09	0,10	0,21
Бразилия	0,09	0,09	0,09	2,64	2,94	2,80	0,24	0,26	0,25

* рассчитано авторами

вок резидентов к общему количеству заявок. В группу менее 20% включены страны, которые хотя бы в один год из трех имели такой показатель, а в группу более 70% также включены страны, имеющие такой показатель в один из трех лет.

На диаграмме (рис. 1) данные представлены визуально. Для построения диаграммы были взяты средние показатели на три года.

Далее в таблице 2 представлено разделение на две группы стран по критериям научно-технического потенциала, где в первой группе — значимый научно-технический потенциал принято значение выше 0,3, а в другой — ниже.

Обсуждение

Анализ таблицы заключается в учете вышеперечисленных в методологии факторов, которые учитывают основные тенденции в поведении резидентов и нерезидентов, оценки собственного научно-технического потенциала и политики по трансферу технологий.

Возможность использования патента нерезидента на территории страны существует, если в стране развит этот вид деятельности, но нет соответствующего национального научно-технического потенциала для ее поддержания. В этом случае существует явная целесообразность по трансферу технологии нерезидента. Скажем, например, это технологии, которые используются при добыче нефти в ОАЭ и которые внедряются импортными компаниями. Это часто характерно для стран, у которых есть природные ресурсы и нет соответствующих технологий.

Отметим также ряд тенденций:

- ♦ недостаточный потенциал научно-технологических школ в стране открывает возможность прихода других научно-технических школ со своей интеллектуальной собственностью. Наличие большой доли нерезидентов является основным

индикатором в этом случае, но как правило эти патенты позволяют формировать определенную долю национального ВВП такой страны и поэтому страна заинтересована в этом пуле действующих патентов.

- ♦ определенная агрессивная политика по привлечению импортных технологий в страну также является значимым фактором для развития страны. Такая стратегия может быть успешной и при достаточно развитой научно-технической школе. Это позволяет выделить отдельную группу стран в первой группе, в которой преобладают патенты нерезидентов, в лице таких стран как Канада, Австралия и Новая Зеландия (близкие в плане сотрудничества с США и Великобританией), а также Сингапур, который продемонстрировал высокие темпы роста и рассматривался как определенное экономическое чудо, а также соседняя Малайзия. Привлекательные условия в стране для внедрения инноваций, даже при условии наличия конкурирующей научно-технической школы, могут способствовать развитию.
- ♦ проведение агрессивной политики по недопущению инновационных решений нерезидентов на национальный рынок. Ярким примером в этом разделе является Китай. Хотя похожий эффект дает и политика санкций по отношению к стране, что можно продемонстрировать на примере Ирана. Конечно, для реализации такой инновационной политики необходима развитая национальная научно-техническая школа, включая соответствующую инфраструктуру.

Отметим ряд закономерностей. Основная тенденция — это увеличение ВВП с ростом патентов ввиду включения их в коммерческий оборот, так как патент регистрируют с этой целью. Но политика коммерциализации в разных странах разная, что приводит к нелинейным зависимостям. В ряде стран, например, в Китае проводится агрессивная политика регистрации патентов с целью формирования барьера для вхождения на свой рынок, даже если использование патента

Таблица 3. Группы стран на основе анализа инновационных процессов.

Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV
Недостаточный научно-технический потенциал	Значимый научно-технический потенциал и политика привлечения	Комбинирующая политика	Развитый научно-технический потенциал и политика ограничений
ОАЭ Марокко Иордания Перу ЮАР Алжир Тайланд Филиппины Вьетнам Аргентина Чили Индонезия Колумбия Бразилия Мексика	Австралия Канада Сингапур Новая Зеландия Малайзия Израиль	США Великобритания Германия Норвегия Россия Саудовская Аравия Индия Пакистан Нигерия Египет Украина	Китай Иран Румыния Турция Бельгия Греция Республика Корея Япония Швейцария Швеция Нидерланды Дания Франция Италия Испания Чехия Австрия Венгрия Финляндия Португалия Польша Гонконг

на своем рынке сомнительна. Этот фактор, конечно, увеличивает баланс патентов в сторону патентов резидентов.

Особый интерес вызывает анализ положения стран во второй группе, где отношение патентных заявок резидентов к их общему количеству находится в районе 50%, что связано с комбинацией влияния различных факторов. Отметим также, что ряд стран относятся к группе ведущих экономик мира и обладает определенными ресурсами, включая научно-технический потенциал. В этой группе присутствуют также страны с недостаточным научно-техническим потенциалом, которые наряду с внедрением своих технологий активно привлекают импортные технологии и их показатель по соотношению патентных заявок резидентов к общему количеству патентов находится ближе к первой группе (меньше 0.5), в то время как у развитых в научно-техническом смысле стран (ближе к 0.5 и более).

Резюмируя проведенный анализ можно предложить группировку стран по следующим группам.

Заключение

В работе выявлены определенные закономерности, которые позволяют сформировать группы стран

по определенным признакам. В качестве основных дифференцирующих факторов использованы следующие:

- ♦ отношение патентных заявок резидентов к их общему количеству;
- ♦ характеристики научно-технического потенциала страны, такие как процент исследователей в стране, количество патентных заявок на сто исследователей и количество патентных заявок резидентов на душу населения;
- ♦ политика привлечения нерезидентов: от агрессивной (создания благоприятных условий) политики по привлечению до создания определенных барьеров по внедрению импортных технологий в стране.

В результате анализа удалось выделить четыре группы стран:

- ♦ группа стран с недостаточным научно-техническим потенциалом, которые вынуждены привлекать технологии для обеспечения функционирования экономики и обеспечения занятости населения. При этом естественно количество патентных заявок резидентов значительно меньше, чем у нерезидентов.
- ♦ группа стран, обеспечивающая привлечение значимого количества технологий в страну при до-

статочном высоком научно-техническом потенциале с целью обеспечения высокого темпа развития. При этом количество патентных заявок резидентов значительно меньше, чем у нерезидентов.

- ◆ группа стран, которые применяют комбинацию методов стимулирования собственных инноваций и привлечения импортных технологий для обеспечения устойчивого развития. Ряд стран обладают развитым научно-техническим потенциалом такие как США и соотношение патентных заявок резидентов и нерезидентов сравни-

мы. Но при этом в данной группе находятся ряд стран и с невысоким научно-техническим потенциалом, которые пытаются развивать трансфер технологий в свою страну.

- ◆ группа стран, которые делают акцент на стимулирование развития собственного научно-технического потенциала для обеспечения функционирования национальной экономики. Для этой группы стран характерны незначительное количество патентных заявок нерезидентов в их общем количестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев И.Д., Неволин И.В. Инновационная активность и экономический рост // *Инновации*. 2019. № 8 (250). С. 3–8.
2. Реус С.П. Влияние научно-технического прогресса на формирование экономического роста // *Креативная экономика*. 2020. № 2. С. 159–174.
3. Солдатенко Д.М. Промышленная интеллектуальная собственность как фактов инновационного развития ЕС // *Современная Европа*. 2021. № 4. — С. 107–118.
4. Фомина А.П., Дрозд Р.А., Гайченя М.И. Драйверы развития национальной инновационной системы на основе взаимодействия бизнеса и науки // *Аудит и финансовый анализ*. 2020. № 6. С. 144–148.
5. Жигалов В.И., Соколова М.В. Изучение влияния новых технологий на показатели развития различных стран в современных условиях // *Инновации. Инвестиции*. 2022. № 7. С. 181–186.
6. https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru
7. Жигалов В.И., Соколова М.В. Глобальный индекс инноваций и оценка влияния инновационной деятельности на основе количества действующих патентов на Валовой внутренний продукт (ВВП) // *Экономика и Предпринимательство*. 2022. № 2. С. 253–258.
8. Коц А.В. Международный трансфер технологий и его влияние на экономическое развитие стран мира // *Сборник научных статей НИРС БГЭУ*. 2020. № 9. С. 114–117.
9. Солдатенко Д.М. Технологическое лидерство через патентование // *Наука и бизнес: пути развития*. 2020. № 10. С. 111–115.
10. Логинов Б.Б. Технологическая специализация стран в мировой экономике (методологические аспекты) // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020. № 1. С. 15–29.
11. Нечепуренко Ю. Индикаторы интеллектуальной собственности // *Наука и инновации*. 2015. Т. 1. № 143. С. 53–56.
12. Тарасов Д.О., Дубина И.Н. Инновационный потенциал национальных экономик: сопоставительный анализ // *Экономика Профессия Бизнес*. 2021. № 3. С. 116–124.
13. Колесникова И.И. Статистические подходы к анализу факторов патентной активности // *Друкерровский вестник*. 2020. № 4. С. 140–153.
14. Маргарян А.Ш. Проблемы коммерциализации инновационных продуктов в контексте новой промышленной политики // *Инновационная экономика и менеджмент: Методы и технологии*. — 2018. С. 410–414.
15. Клыпин А.В., Вьюнов С.С. Патентный анализ и государственная научно-техническая политика в сфере интеллектуальной собственности // *Управление наукой и наукометрия*. 2020. № 2. С. 136–171.

© Жигалов Владимир Иванович (vlzhigalov@mail.ru), Соколова Мария Владимировна (mashunkadel@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОЧНИКИ НАПОЛНЕНИЯ РОССИЙСКОГО БЮДЖЕТА

SOURCES OF THE RUSSIAN BUDGET

**M. Imamov
N. Semenikhina**

Summary. This article analyzes the sources of filling the federal budget in the Russian Federation and considers the forecast values of its revenues and expenditures in 2016–2021. It is concluded that minimizing the federal budget deficit by reducing its expenditures and accumulating reserves in the National Wealth Fund at the expense of additional oil and gas revenues is a priority task of the government. The data of the Federal Treasury on the consolidated budget in 2020 are analyzed and it is concluded that its main donors are Russian citizens, and not at all oil and gas corporations, whose taxes on oil and gas occupy only the 3rd place in the total volume of consolidated budget revenues, contrary to the commonplace perceptions and assertions of over-zealous officials. Such conclusions are the basis for a renegotiation of the social contract in favour of a tougher demand on the state, represented by its officials, for its obligations to the country's citizens.

Keywords: federal budget, consolidated budget, budget revenue, taxes, oil and gas revenue, non-oil and gas revenue, deficit, surplus.

Имамов Марсель Мукатдисович

Доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань
cool921815@yandex.ru

Семенихина Наталья Борисовна

Кандидат экономических наук, Казанский федеральный университет Казань
nt.sem@mail.ru

Аннотация. В данной статье проанализированы источники наполнения федерального бюджета в Российской Федерации и рассмотрены прогнозные значения его доходов и расходов в 2016–2021 гг. Сделан вывод о минимизации дефицита федерального бюджета путем сокращения его расходов и накоплении резервов в ФНБ за счет дополнительных нефтегазовых доходов как приоритетной задаче правительства. Проанализированы данные Федерального казначейства по консолидированному бюджету в 2020 году и сделан вывод о том, что его основным донором выступают граждане России, а отнюдь не нефтегазовые корпорации, чьи налоги на нефть и газ занимают только третье место в общем объеме доходов консолидированного бюджета вопреки обывательским представлениям и утверждениям чрезмерно ретивых чиновников. Такие выводы являются основанием для пересмотра общественного договора в пользу ужесточения спроса с государства в лице чиновников за его обязательства перед гражданами страны.

Ключевые слова: федеральный бюджет, консолидированный бюджет, доходы бюджета, налоги, нефтегазовые доходы, ненефтегазовые доходы, дефицит, профицит.

Введение

Налоговые доходы в любом государстве выступают основным источником наполнения государственного бюджета, гораздо более значительным, чем неналоговые доходы. Органы власти, реализующие бюджетно-налоговую политику в России,— министерство финансов, Федеральная налоговая служба — так же, как

и в любой другой стране, напрямую заинтересованы в сбалансированности государственного бюджета, позволяющей одновременно решать две задачи:

- ♦ обеспечить устойчивое функционирование самой бюджетной системы;
- ♦ способствовать росту национальной экономики, поскольку от этого зависит объем поступающих в государственную казну ресурсов.

Таблица 1. Фактическое исполнение доходов и расходов федерального бюджета в 2016–2021 годах, млрд. руб. [1, 2, 3, 4]

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022*
ВВП	85616,1	91843,2	103861,7	109193,2	106606,6	128827,4	133328
Цена на нефть марки «Юралс», долл США / баррель	41,7	53,0	70,0	63,8	41,4	69,1	62,2
Цена на газ (дальнее зарубежье) долл США / тыс куб.м	167,7	195,2	245,3	245,3	131,6	274	208
Курс доллара США к рублю	66,9	58,3	62,5	64,7	71,9	73,6	72,1
Уровень инфляции,%	5,4	2,5	4,3	3,0	4,9	8,4	4,0
Доходы, всего	13460,0	15088,9	19454,4	20188,8	18719,1	25286,4	25021,9
В% к ВВП	15,7	16,4	18,7	18,5	17,5	19,6	18,8
Нефтегазовые доходы	4844,0	5971,9	9017,8	7924,3	5235,2	9056,5	15479,3
В% к ВВП	5,7	6,5	8,7	7,3	4,9	7,0	11,5
Ненефтегазовые доходы	8616,0	9117,0	10436,6	12264,5	13483,8	16229,9	9542,6
В% к ВВП	10,1	9,9	10,0	11,2	12,6	12,6	6,3
Расходы	16416,4	16420,3	16713,0	18214,5	22821,6	24762,1	23694,2
В% к ВВП	19,2	17,9	16,1	16,7	21,4	19,2	17,8
Дефицит (-)/профицит (+)	-2956,4	-1331,4	2741,4	1974,3	-4102,5	524,3	1327,7
Ненефтегазовый дефицит	-7800,4	-7303,3	-6276,4	-5950,0	-9337,7	-8532,2	-7435,7

*Прогноз

Цель статьи

Показать источники наполнения российского бюджета.

Для достижения этой цели необходимо последовательно решить следующие задачи:

1. проанализировать источники наполнения федерального бюджета в 2016–2021 годах;
2. рассмотреть прогнозные значения доходов и расходов федерального бюджета в 2022 году;
3. выявить приоритеты бюджетной политики правительства;
4. рассмотреть соотношение нефтегазовых и ненефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета в 2016–2022 годах;
5. проанализировать данные Федерального казначейства по консолидированному бюджету в 2020 году;
6. сравнить сумму зарплатных налогов и налогов, которые уплачивают граждане в составе цен товаров и услуг с суммой налогов, уплачиваемых корпорациями;
7. рассчитать сумму налогов, уплаченных средне-статистическим россиянином в 2020 году.

Для решения указанных задач проведем следующие исследования: источники наполнения федерального бюджета в 2016–2021 годах и прогноз его доходов и расходов в 2022 году, приоритеты бюджетной политики правительства, соотношение нефтегазовых

и ненефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета в 2016–2022 годах, крупнейшие источники доходов консолидированного бюджета в 2020 году.

Обзор литературы

Информационной основой статьи являются нормативно-законодательные акты, а также статистические данные, размещенные на официальных сайтах Федеральной службы государственной статистики, Федерального казначейства, Министерства финансов России, Министерства экономического развития РФ. Кроме того, в процессе работы над статьей использовались аналитические материалы Минфина России и прогнозы Минэкономки на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов.

Методы и этапы исследования

В статье задействованы разнообразные методы научного исследования и научного изложения. Особенно широко использовались методы: диалектический, научной абстракции, статистический, анализа и синтеза, экономико-математического моделирования, единства исторического и логического, компаративного анализа, а также нормативный, позитивный, каузальный, функциональный методы.

Выделим этапы исследования:

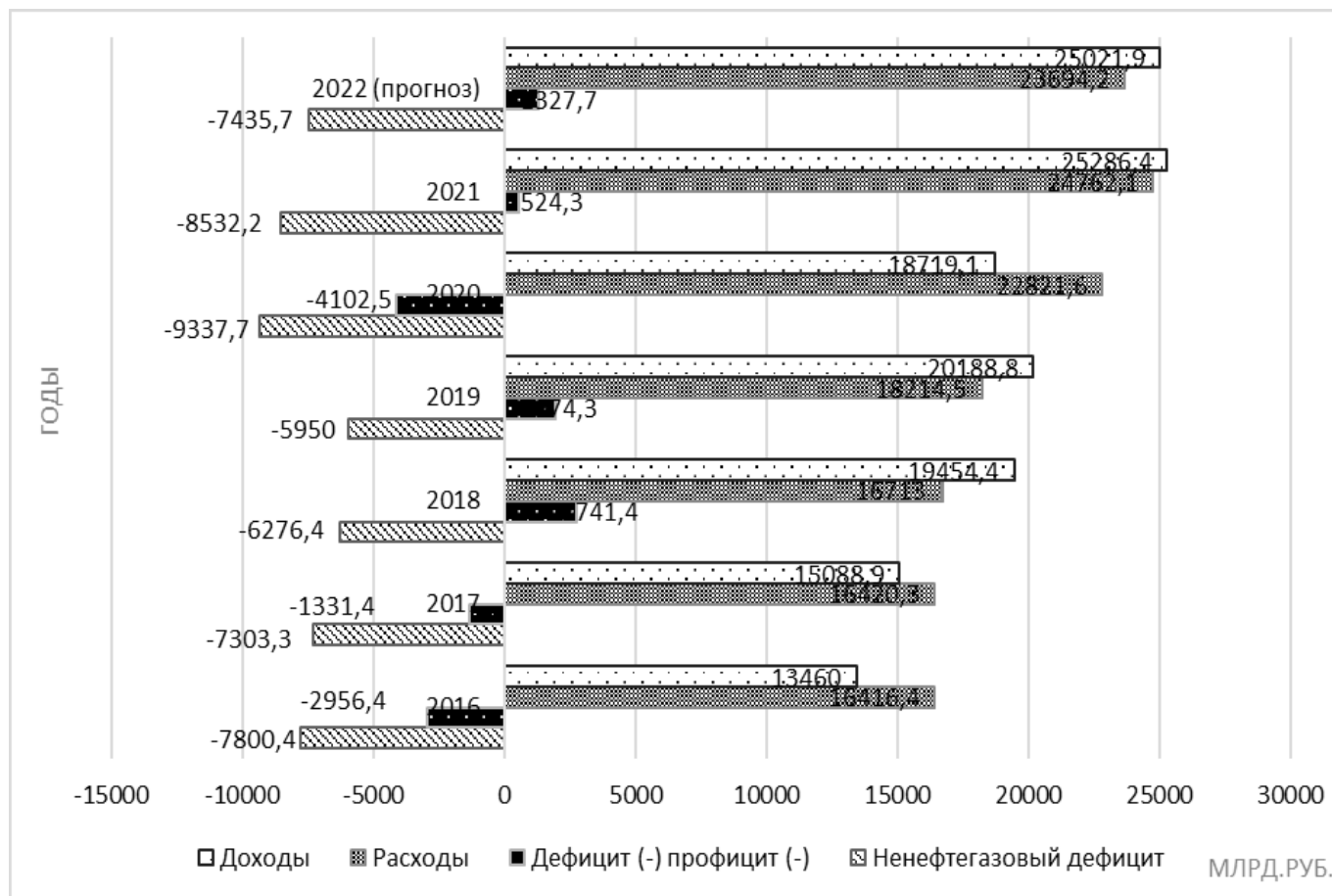

Рис. 1. Динамика исполнения доходной и расходной частей федерального бюджета РФ в 2016–2022 годах, млрд. руб.

1. Источники наполнения федерального бюджета в 2016–2021 годах и прогноз его доходов и расходов в 2022 году. Проанализируем их в таблице 1.

Исполнение доходной части бюджета и, соответственно, инструменты бюджетной политики определяются состоянием внешней и внутренней конъюнктуры. К числу макроэкономических показателей, на основе которых рассчитывается бюджет, относятся: цена на нефть марки «Юралс» (долларов США за баррель), среднегодовой курс рубля к доллару США (рублей за доллар США), ВВП (млрд. рублей), инфляция (% к декабрю предыдущего года). С точки зрения наполнения государственного бюджета для России первоочередное значение имеют мировые цены на нефть и газ, валютный курс рубля по отношению к доллару и бивалютной корзине. Из глобальных экономических шоков и рисков, неизбежно оказавших влияние на доходы бюджетной системы страны и российскую экономику в исследуемом периоде, следует назвать, прежде всего, кризис, связанный с распространением COVID-19 и обвал цен на нефть в марте 2020 года.

Динамика исполнения доходной и расходной частей федерального бюджета РФ представлена на рисунке 1.

Анализ рисунка и данных таблицы позволяет нам прийти к выводу, что на протяжении исследуемого периода правительство стремилось сбалансировать федеральный бюджет России посредством минимизации его дефицита за счет сокращения расходов относительно ВВП (так называемая бюджетная консолидация). Исключение составил 2020 год, когда расходы росли, в том числе за счет мер поддержки, принятых в период пандемии, хотя они были незначительными (3,9–4,0% ВВП) на фоне колоссальной поддержки населения своих стран западными правительствами (для сравнения: Италия — 54,6% ВВП; США — 45,7%; Германия — 39,2%; Великобритания — 30,9%; Франция — 19,0%).

При этом объем валового внутреннего продукта России в 2021 году несравнимо меньше ВВП развитых стран: США (\$22998 млрд), Китая (\$17458 млрд), Германии (\$4226 млрд), Великобритании (\$3188 млрд), Франции (\$2935 млрд) и др. По величине ВВП в 2021 году

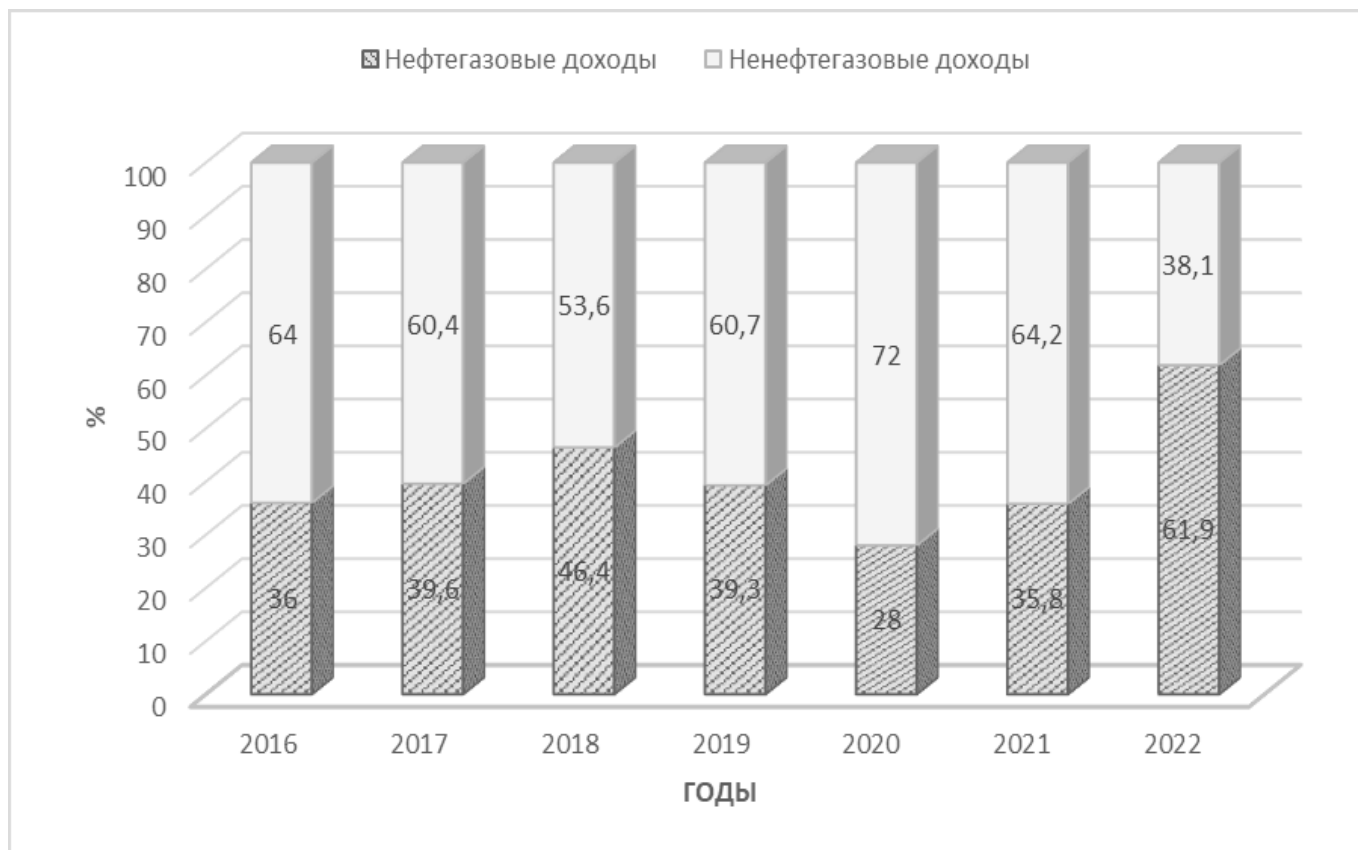

Рис. 2. Соотношение нефтегазовых и ненефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета в 2016–2022 годах, %

Россия (\$1776 млрд) не вошла в число крупнейших 10 стран¹.

2. Приоритеты бюджетной политики правительства. Обратим внимание на плановый профицит бюджета в 2022 году в размере 1327,7 млрд. руб. Как видим, он превышает профицит 2021 года на 803,4 млрд. руб. Это превышение в значительной степени получено за счет лишних налогов, а именно повышения ставки НДС с 18% до 20% с 1 января 2019 года под благовидным предлогом определения долгосрочных источников финансирования, в том числе национальных проектов, реализация которых отнюдь не демонстрирует их возрастающую эффективность. Согласно данным Минфина, федеральный бюджет получит более 2 трлн. руб. в 2020–2022 годах от повышения ставки НДС: 639 млрд. руб. в 2020 году, 686 млрд. руб. в 2021 году, 737 млрд. руб. в 2022 году.

Еще одним приоритетом бюджетной политики правительства стало накопление резервов в Фонде национального благосостояния за счет дополнительных

нефтегазовых доходов. Сохранение и накопление резервов в ФНБ является средством превентивной защиты от глобальных экономических шоков и рисков. Этот приоритет прослеживается в Федеральном законе от 06.12.2021 N390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [5], в котором заложен рекордный рост финансовой кубышки правительства. Объем ФНБ планируется в размере: на конец 2022 года — 16,5 трлн. руб. (12,4% к ВВП); на конец 2023 года — 20,1 трлн. руб. (14,2% к ВВП); на конец 2024 года — 23,3 трлн. руб. (15,4% к ВВП) [6, с. 7]. Однако, следует подчеркнуть, что «политика примитивного накопительства» ограничивает возможности экономического развития, требующего привлечения значительных финансовых ресурсов.

3. Соотношение нефтегазовых и ненефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета в 2016–2022 годах. К нефтегазовым доходам относятся НДС (налог на добычу полезных ископаемых) на углеводородное сырье; вывозные таможенные пошлины на нефть, газ и нефтепродукты; акциз на нефтяное сырье, направленное на переработку; налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья.

¹ Данные Международного валютного фонда (МВФ)

Таблица 2. Крупнейшие источники доходов консолидированного бюджета в 2020 г., млрд. руб. [7]

	Налоги	2020		Налоги	2020
1	Страховые взносы на ФОТ	8286,14	8	Экспортные пошлины на углеводороды	1131,54
2	НДС	7202,31	9	Имущество юридических лиц	910,07
3	НДФЛ	4253,14	10	Налоги на малый бизнес	593,34
4	Корпоративный налог на прибыль	4018,37	11	Утилизационный сбор	364,32
5	НДПИ на углеводороды	3819,67	12	Госпошлины и госуслуги	333,93
6	Акцизы	1935,25	13	Имущество физических лиц	78,73
7	Доходы от использования государственного имущества	1458,46	14	Импортные пошлины	0,008

К нефтяным доходам относятся доходы:

- ◆ связанные с внутренним производством — НДС внутренний (на произведенные товары и услуги), акцизы (на производимую продукцию), налог на прибыль, НДФЛ;
- ◆ связанные с импортом — НДС ввозной (на ввозимые товары), акцизы (на ввозимую продукцию), ввозные пошлины;
- ◆ прочие.

В целом в анализируемом периоде формировалась разнонаправленная тенденция изменения соотношения нефтегазовых и нефтяных доходов в общем объеме доходов федерального бюджета (рисунок 2). Это объясняется и резкими колебаниями цен на нефть в 2020–2021 годах с последующим их постепенным возвращением к долгосрочному равновесному уровню, и увеличением доли добычи нефти на месторождениях с льготными режимами налогообложения. Ожидаемый резкий рост доли нефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета в 2022 году, как предполагалось, будет происходить на фоне роста добычи в результате поэтапного снятия ограничений в рамках соглашения ОПЕК+.

Однако, во все годы, кроме 2022 года, нефтяные доходы всегда превышали нефтегазовые доходы в общем объеме доходов федерального бюджета. По всей видимости, нефтегазовые доходы 2022 года значительно превысят даже самые радужные ожидания, поскольку при прогнозировании бюджета в него закладывалась цена на нефть марки «Юралс» в размере 62,2 долл США за баррель, в то время как на 01.07.2022 года она составляла 111,38 долл.

4. Крупнейшие источники доходов консолидированного бюджета в 2020 году. Нередко от наших чиновников приходится слышать фразы, что-то вроде: «Государство вам ничего не должно», «Вы в этот бюджет что-то вложили, чтобы из него брать?». В результате у рядового обывателя складывается впечатление, что основ-

ными источниками наполнения российского бюджета выступают такие мастодонты, как ПАО «НК «Роснефть»» или ПАО «Газпром», позиционирующее себя как «национальное достояние». При этом поступления в государственную казну от рядовых налогоплательщиков преподносятся как некая мелочь, которая не делает погоды в деле наполнения бюджета. Так ли это на самом деле? Чтобы разобраться в источниках наполнения российского бюджета, проанализируем данные Федерального казначейства по консолидированному бюджету в 2020 году¹.

Таблица 2 представляет собой своеобразную «таблицу о рангах», в которой крупнейшие источники доходов консолидированного бюджета расположены по степени их убывания в общем объеме доходов консолидированного бюджета в 2020 году. Из нее следует, что налог на добычу полезных ископаемых на углеводородное сырье представляет собой лишь пятую статью доходов консолидированного бюджета (3,8 трлн. руб.), экспортные пошлины на нефть и газ — восьмую статью (1,1 трлн. руб.).

В этой таблице о рангах лидируют страховые взносы на фонд оплаты труда (8,3 трлн. руб.). Они составляют 30% от заработной платы, из которых 22% подлежат перечислению в Пенсионный фонд России, 5,1% — в Фонд федерального обязательного медицинского страхования, 2,1% — в Фонд социального страхования. На втором месте находится налог на добавленную стоимость (7,2 трлн. руб.), который наряду с акцизами является косвенным налогом, формально перечисляемым предприятиями, но фактически оплачиваемым конечными потребителями в составе цен товаров и услуг. Третью позицию в рейтинге доходов консолидированного бюджета занимает налог на доходы физических лиц (4,3 трлн. руб.) — это больше, чем экспортные пошлины на нефть и газ (1,1 трлн. руб.).

¹ На сайте Федерального казначейства <https://roskazna.gov.ru/> в годовом выражении опубликованы данные 2020 года.

Таблица 3. Источники финансирования бюджета, млрд. руб.

Граждане		Корпорации	
Зарплатные налоги (страховые взносы, НДФЛ)	12539,28	Налоги на нефть и газ (НДПИ, экспортные пошлины)	4951,21
Налоги, уплачиваемые россиянами в составе цен товаров и услуг (НДС, акцизы, импортные пошлины, утилизационный сбор на автомобильную и колесную технику, налоги на малый бизнес (налоги на совокупный доход))	10095,23	Корпоративные налоги на прибыль, имущество	4928,44
Госпошлины и госуслуги	333,93	Доходы государства от использования государственного имущества	1458,46
Имущество физических лиц	78,73		
Всего	23047,17	Всего	11338,11

Таблица 4. Сумма налогов, уплаченная средним россиянином в консолидированный бюджет в 2020 году

	Налог	руб.
1	Страховые взносы на ФОТ	56662,0
2	НДС	49250,6
3	НДФЛ	29083,7
4	Акцизы	13233,6
5	Прочие (включая штрафы)	9370,5
	Всего	157600,4

Результаты исследования и их практическая значимость

Даже из этого краткого анализа ситуация просматривается достаточно прозрачно. Крупнейшим источником доходов консолидированного бюджета в 2020 году являлись страховые взносы на ФОТ. И неважно при этом, что техническим плательщиком этого налога выступают работодатели. Важно то, что они считают эти взносы частью заработных плат работников, и в корпоративной финансовой отчетности статья «Отчисления в государственные внебюджетные фонды» идет вместе с разделом «Оплата труда» у подавляющего большинства компаний.

Если суммировать все зарплатные налоги и налоги, которые уплачивают граждане в составе цен товаров и услуг, с одной стороны, и все налоги, которые платят корпорации, с другой, то мы получим следующие цифры (таблица 3).

В итоге в 2020 году граждане заплатили в бюджет через те налоги, которые они финансируют, более 23 трлн. руб., а корпорации — только 11,3 трлн. руб. Таким образом, граждане выступают основным донором консолидированного бюджета (люди — вторая нефть? или уже первая?), между тем как налоги на нефть и газ занимают только третье место в общем объеме доходов консолидированного бюджета. Налоги, уплачиваемые россия-

нами в составе цен товаров и услуг, весят неизмеримо больше, чем доходы России от нефти и газа. Корпорации приносят государству заметно меньше, чем государство забирает у россиян вопреки утверждениям чрезмерно ретивых чиновников.

Обратим внимание на то, что речь идет о 2020 году, когда граждане России и без того столкнулись со значительным снижением доходов, вызванным локдауном из-за коронавирусной инфекции. Начиная с 2014 года реальные располагаемые доходы населения (т.е. доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен) снизились на 10–15%, в то время как в 2000-е годы рост реальных располагаемых доходов россиян составлял более 12% в год.

В федеральный бюджет 2022 года также не заложено сколько-нибудь значимого роста доходов (всего 2%), который к тому же еще отстает от планируемого роста ВВП (3%). Реалистичность достижения этих макроэкономических показателей еще больше подрывается совершенно нереалистичным прогнозом по инфляции (4%). В 2022 году Россия заняла 1 место в мире по уровню инфляции, составившему в мае текущего года 17,11% в годовом выражении.

Рассчитаем, сколько налогов заплатил среднестатистический россиянин в 2020 году из своего скром-

ного бюджета, исходя из численности населения России на 1 января 2021 года — 146 млн. 238 тысяч человек (включая детей). Очевидно, что если взять только взрослое население, то цифра будет еще больше.

Итак, средний россиянин уплатил в 2020 году налогов и сборов в размере 157600,4 руб., среди которых крупнейшими являются четыре: страховые взносы, НДС, НДФЛ, акцизы (в составе бензина, табака, алкоголя и других подакцизных товаров). Это означает то, что в месяц средний россиянин отдает государству в виде налогов сумму, сопоставимую с заработной платой многих россиян и примерно равную пенсии, а именно 13133,4 руб. Напомним, что минимальная пенсия в России в 2022 году составляет 10022 руб., а минимальный размер оплаты труда (МРОТ) — 13890 руб.

Практическая значимость проведенных исследований очевидна. Они доказывают, что во главу угла современной бюджетной политики РФ поставлены преимущественно фискальные цели и повышение роли государства в перераспределении финансовых ресурсов

в экономике. Между тем для обеспечения устойчивого экономического роста необходима радикальная смена парадигмы бюджетной политики России, что возможно лишь при наличии соответствующей политической воли.

Заключение и рекомендации

Государство, будучи в рамках общественного договора сильнейшей в правовом отношении стороной, ставит в крайне неравноправное отношение другую сторону — население страны, домохозяйства, которые по факту выступают кормильцами государственного бюджета, но поставлены чиновниками в унижительное положение жалких просителей. Проведенный в статье анализ доказывает, что у населения существуют реальные основания вполне жестко требовать от государства выполнения общественного договора на принципах социальной справедливости, абсолютно необходимых для достижения цели любой полноценной экономической системы — всестороннее развитие личности в условиях свободы, мира, стабильности, физического и душевного комфорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 01.07.2022).
2. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2020 год (предварительные итоги) [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 01.07.2022).
3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 01.07.2022).
4. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2022).
5. Федеральный закон от 06.12.2021 N390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.06.2022).
6. Бюджет для граждан [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 02.07.2022).
7. Федеральное казначейство: официальный сайт Казначейства России [Электронный ресурс]. URL: <https://roskazna.gov.ru/> (дата обращения: 01.07.2022).

© Имамов Марсель Мукатдисович (cool921815@yandex.ru), Семенихина Наталья Борисовна (nt.sem@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНТЕНТ-МАРКЕТИНГ ДЛЯ СТАРТАПОВ: С КАКИМИ ПРОБЛЕМАМИ СТАЛКИВАЮТСЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И КАК ИХ РЕШИТЬ

CONTENT MARKETING FOR STARTUPS: WHAT CHALLENGES ENTREPRENEURS FACE AND HOW TO SOLVE THEM

V. Lastenko

Summary. The article is devoted to describing the problems that entrepreneurs face when creating a content marketing strategy, as well as finding solutions. In recent years, many startup founders have noticed the low effectiveness of previously developed marketing solutions. The author analyzes how strongly the quality of the analysis of the behavior of the audience, the quality of the content and the number of invested funds are interconnected with the number of customers and profit. The article demonstrates the role and effectiveness of using content marketing, and describes the main techniques that allow company managers to establish a connection with the target audience. Direct interaction between brands and people, which is what content marketing is, is proving to be the most important marketing channel.

Keywords: content marketing, content, marketing management, content marketing processes, communication policy.

Ластенко Владимир

Эксперт по маркетингу, Сооснователь
и коммерческий директор digital-агентства AYEP'S
vladimir@ayeps.com

Аннотация. Статья посвящена описанию проблем, с которыми сталкиваются предприниматели, создавая контент-маркетинговую стратегию, а также поиску решений. В последние годы многие основатели стартапов замечают низкую эффективность ранее разработанных маркетинговых решений. Автор анализирует, насколько сильно взаимосвязаны качество анализа поведения аудитории, качество контента и число инвестированных средств с числом клиентов и прибылью. В статье демонстрируется роль и результативность использования контент-маркетинга, описаны основные приемы, позволяющие управляющим компаний установить связь с целевой аудиторией. Прямое взаимодействие брендов и людей, чем и является контент-маркетинг, оказывается наиболее важным маркетинговым каналом.

Ключевые слова: контент-маркетинг, контент, маркетинг-менеджмент, процессы контент-маркетинга, коммуникационная политика.

Ежегодно открывается более 60 000 стартапов в США, Китае, Великобритании, Индии и других странах. Около 90% новых предприятий закроются [1], причем 10% из них — уже в течение первого года. Неправильная оценка потребностей рынка, нехватка финансирования, неопытная команда основателей, отсутствие конкурентов, проблемы с ценообразованием, неудобный для пользователя продукт — все это является основными причинами неудач.

Никто не говорил о том, что бизнес — это легко, и согласно многим исследованиям даже опытные предприниматели открывают успешный бизнес не с первого раза. При этом все нынешние основатели находятся в более выгодном положении, чем их предшественники: они могут использовать современные каналы связи с потенциальными клиентами и возможность создать эффективную стратегию продвижения проекта в интернете, выходя на новые аудитории, изучая их интересы и совершенствуя продукт в соответствии с потребностями людей.

Зачем стартапу контент-маркетинг?

Для того, чтобы стать лидером отрасли, завоевать доверие миллионов постоянных покупателей, вывести на рынок новый продукт или обеспечить ежегодный рост прибыли недостаточно только контент-маркетинга, но он поможет ускорить развитие компании и все позитивные процессы, происходящие в ней.

Обучение аудитории

Представим себе, что вы создали инновационный проект, будь то нейроинтерфейс для игр, электронный агроном или сервис для автоматизации трейдинга. Многие люди, даже ваша целевая аудитория, ранее не сталкивались с подобными проектами, поэтому продавать им продукт будет сложно. Для начала важно рассказать о том, как работает то, что сделано, чем это может быть полезно, как это использовать, какие выгоды это принесет людям и какие гарантии дает производитель. Согласно статистике, 83% [2] клиентов больше до-

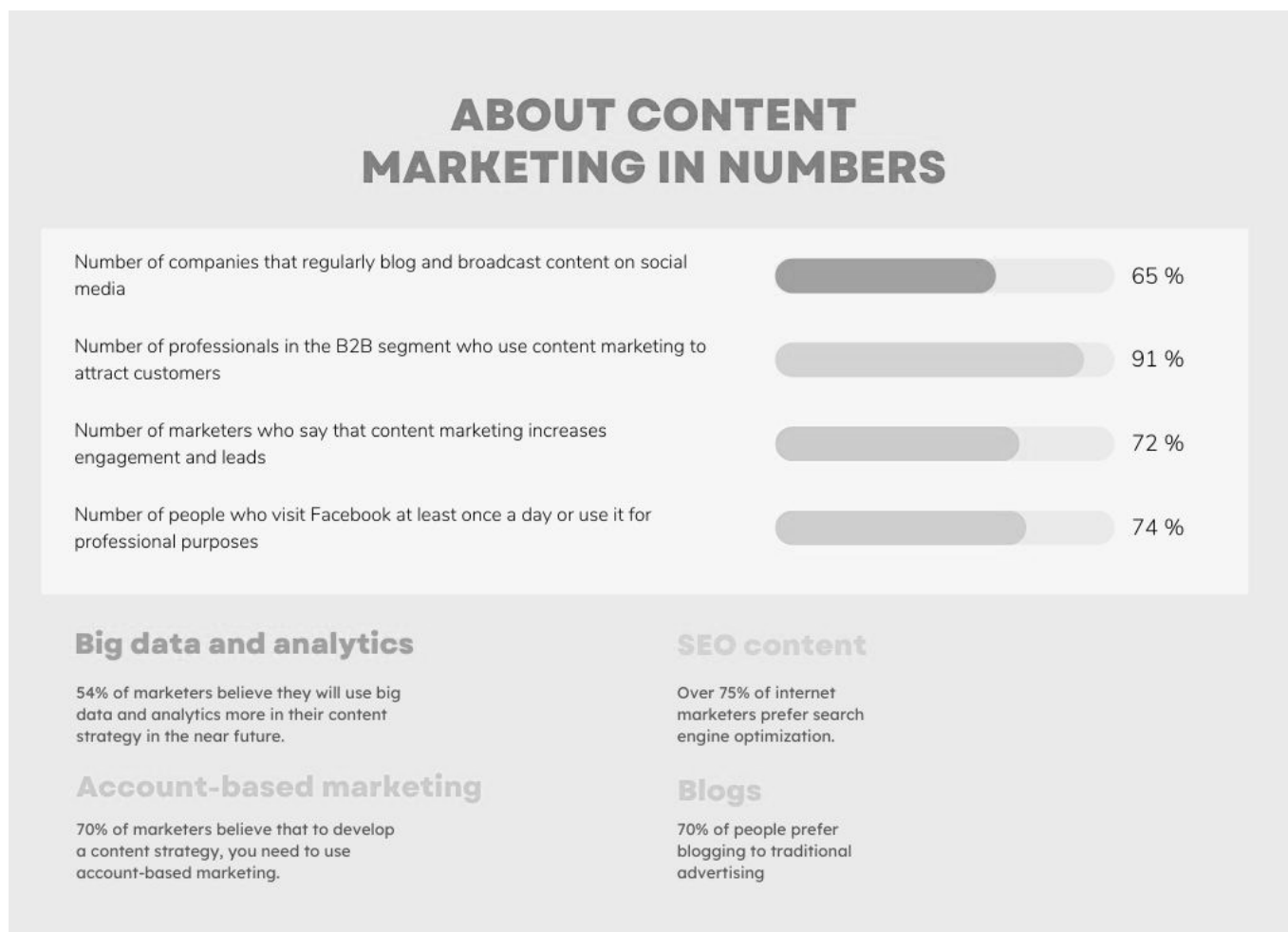

Рис. 1

веряют компании, если ее представители поделились с ними полезной информацией.

Абсолютно понятных проектов можно не ждать, поэтому необходим контент-маркетинг: чтобы описывать идеи, рассказывать об их ценности, знакомить потребителей с закулисьем и бороться с возражениями.

Рост продаж

Заявив о себе в социальных сетях [3], на сайте или любой другой площадке, а также выбрав грамотную стратегию и предложив качественные услуги, вы сможете быстро привлечь новых клиентов, при этом не вкладывая большой бюджет.

Опыт показывает, что контент-маркетинг позволяет достучаться даже до тех, кто игнорирует рекламу на телевидении, радио или баннерах, а также пропускает другие стандартные коммерческие предложения. При этом важно помнить о том, что быстро продать что-то

людям можно только тогда, когда вам доверяют, и если доверия нет, сосредоточьтесь в первую очередь на том, чтобы завоевать его, а не на продаже.

Общение с аудиторией

Контент-маркетинг позволяет быстро получать и анализировать фидбек от покупателей. Если компания грамотно рассказывает о себе, то аудитория не остается равнодушной, а подсказывает, что можно улучшить или изменить, а от чего вообще избавиться. Предприниматель сможет быстрее узнавать о негативных мнениях и работать с ними: отвечать на отзывы, объяснять, почему всё произошло именно так, рассказывать о том, что может сделать, чтобы не повторить ситуацию. Этот подход положительно влияет на качество продукта и продажи.

Репутация и имидж

Если первые годы владельцы стартапов сосредоточены на привлечении клиентов, то в последующий

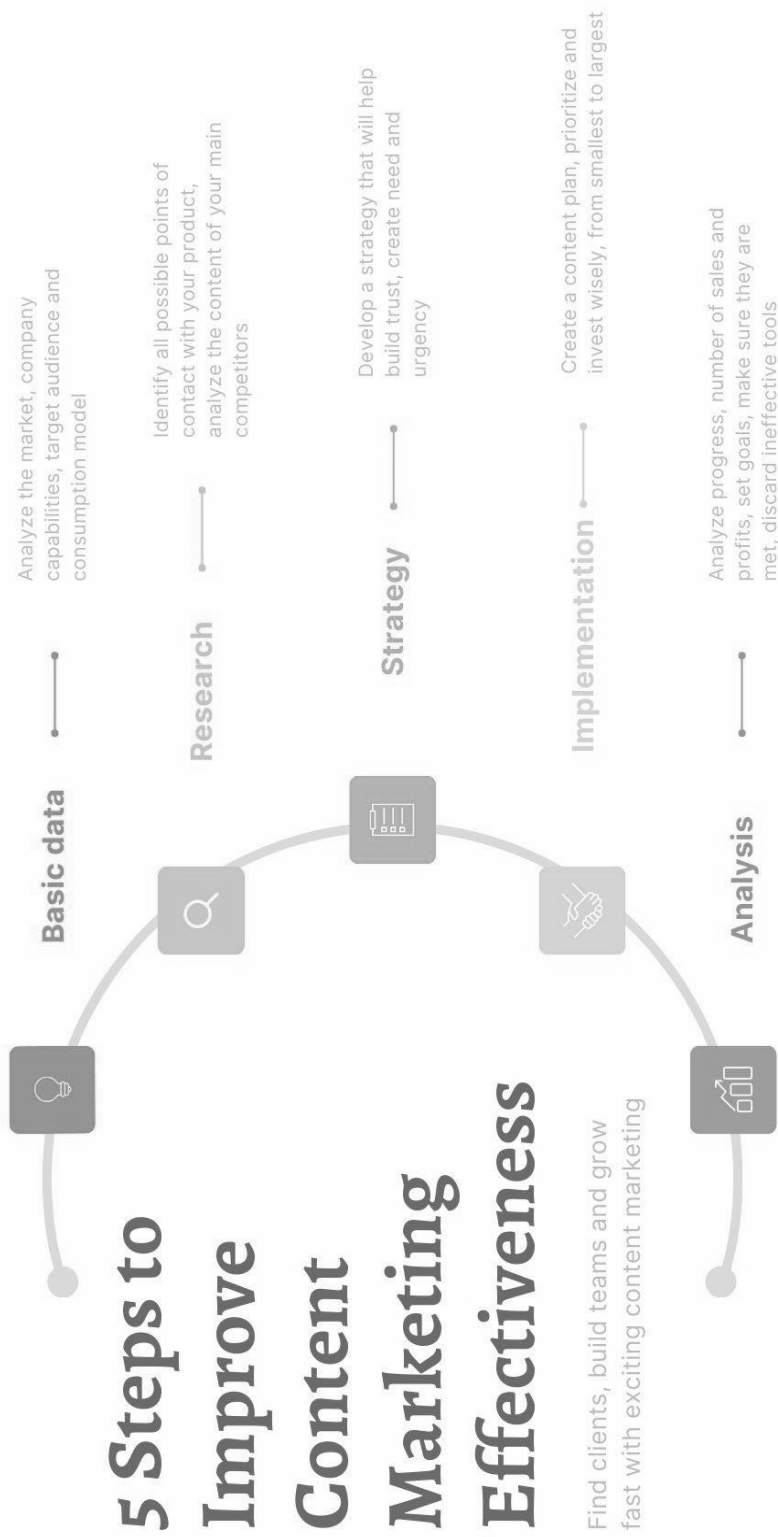

Рис. 2

период основная часть ресурсов будет тратиться именно на формирование имиджа и репутации. Если у аудитории фирмы сложилось позитивное впечатление о компании и о том, что она делает, то любые изменения будут даваться проще, будь то выход на новые рынки, борьба с большим числом конкурентов, запуск продуктов. Вкладывая ресурсы в формирование имиджа невозможно получить результаты быстро, но можно оценить их в будущем, когда сократятся издержки на продвижение или поиск новых специалистов.

Поиск профессионалов

Перспективным стартапам приходится масштабироваться, а значит и искать новых сотрудников. Востребованные специалисты с большей вероятностью захотят работать в преуспевающей компании, поэтому предприниматели при поиске команды часто используют контент-маркетинг для создания благоприятного образа. Рассказывая о сложных задачах, предприниматели привлекают тех, кому это интересно, а показывая один день из жизни сотрудника зовут тех, кто ищет новую работу. При этом важно то, как рассказывать обо всем и что действительно готов предложить основатель стартапа: используя сотни площадок для поиска работников, но обещая маленькую зарплату и плохие условия труда, не получится найти специалистов своего дела.

Стратегия контент-маркетинга для стартапа

У стартапов есть своя специфика: основателю кажется, что его компания перевернет мир, а для потенциальных покупателей это очередная неизвестная фирма. Сначала предприниматель должен рассказать о самом товаре, потом — о том, почему нужно купить его именно у него, а потом снять все возражения. Более того, своя специфика может быть и у ниши, в которой запускается стартап: к примеру, многие люди до сих пор не полностью доверяют производителям биоактивных добавок или сервисам, в основе которых лежат нейросети.

При разработке стратегии стоит начать с создания карты потребителя: она содержит данные не только о целевой аудитории, но и потребительской среде. На наш взгляд описывать необходимо не только возраст, увлечения, модель поведения потенциальных клиентов, но и их образ жизни: во сколько они просыпаются, как добираются на работу, как проводят день [4]. Важно узнать точки соприкосновения потребителя с проектом и подумать о том, как в эти моменты стартап может помочь.

Далее следует продумать воронку продаж: каждое соприкосновение должно подтолкнуть человека к по-

купке. Если упростить, то всю схему можно свести к 8 этапам:

- ◆ обращаем внимание — человек впервые узнает о вашем предложении,
- ◆ вызываем заинтересованность — человек хочет узнать больше о вашем проекте,
- ◆ вызываем желание — человек хочет приобрести себе такой продукт,
- ◆ помогаем исследовать — потенциальный покупатель сравнивает компании, а вы стараетесь выглядеть лучше на фоне конкурентов,
- ◆ снимаем возражения — этап, на котором вы боретесь с сомнениями потенциального покупателя,
- ◆ продаете — вы делаете процесс покупки простым, клиент делает заказ и оплачивает его,
- ◆ помогаем в использовании — покупатель тестирует продукт, а вы отвечаете на вопросы,
- ◆ получение обратной связи — вы узнаете о том, что клиент думает о вас и о вашей компании, рекомендует он ее или нет.

У каждого из нас есть ожидания от использования чего-либо и вопросы, которые мы задаем на каждом этапе. Задача тех, кто хочет что-либо продать, состоит в том, чтобы дать точные ответы и решения.

К примеру, если рекламировать кофейню:

1. Первое соприкосновение — объявление на баннере у станции метро, приглашающее на дегустацию;
2. Вызываем заинтересованность, разместив рекламу акции в социальных сетях;
3. Вызываем желание купить, рассказывая о том, почему наш кофе и сама кофейня особенные и давая попробовать продукт;
4. Сотрудничаем с конкурентами, описывая в блоге, чем отличаются наши виды кофе;
5. Снимаем возражения серией постов в социальных сетях;
6. Позволяем пользователю сделать заказ с помощью разных способов: на сайте, прямо в кофейне, по телефону и т.д.
7. Отправляем на почту цепочку писем о том, как правильно варить кофе, делаем подарки на день рождения и другие праздники;
8. Мотивируем людей делиться мнениями, рассказывая о том, что удастся менять, просто читая отзывы, и отвечаем на негатив.

Когда есть портрет клиента и вы знаете все о том, когда он соприкасается с проектом, начинайте писать идеи и создавать контент-план. Важно, чтобы он объединял несколько типов контента: развлекательный, имиджевый и продающий.

Выводы

Первое, о чем нужно помнить — грамотная оценка перспектив бизнеса. Часто предприниматели замещают работу над продуктом и его соответствием потребностям целевой аудитории инвестициями в маркетинг или сотрудничеством со СМИ. Даже имея хорошую стратегию развития, предприниматели все равно терпят убытки, нанимая в штат управляющих, а не исполнителей, сталкиваясь в дальнейшем с нехваткой рабочих рук и финансов. [5]

Из вышесказанного следует, что стоит действовать рационально: сначала тестировать гипотезу, не вкладывая в нее много. Стоит создать простой лендинг, а не дорогой многостраничный сайт, написать пару статей для небольших блогов, не стремясь на региональные телеканалы. Если у проекта есть перспективы, можно двигаться дальше: запустить интернет-магазин, заказать рекламу на YouTube, создать рассылки в соцсетях. Важно помнить о том, что первое время главная задача — продажи. Следовательно, об имидже, личном бренде и всем остальном можно серьезно задуматься на следующих этапах.

Вместе с тем, просто — не значит плохо. Контент должен быть полезным, а при его создании необходимо учитывать запросы аудитории, поисковых систем и партнеров. Требования к контенту (к заголовкам, периодичности, полезности, объему материалов, достоверности фактов, качеству иллюстраций) должны быть четкими и понятными всей команде.

Стоит также упомянуть, что не всегда есть смысл использовать контент-маркетинг. Если компания предлагает ситуативную услугу, такую как вызов эвакуатора, ремонт сантехники или вскрытие дверных замков, то пользователю нужен будет лишь сайт с кратким описанием и контакты. В таких случаях не важны обучение или подробные данные: увидев поломку и ее последствия, никто не захочет исследовать специфику оборудования.

Все вышесказанное дает нам возможность сделать следующие выводы: нужно не просто надеяться на контент, а придумать уникальное торговое предложение, создать качественный продукт и изучить поведение потребителей. Все эти действия займут время, но в этом случае контент-маркетинг ускорит темпы развития компании в разы.

ЛИТЕРАТУРА

1. "The Lean Startup" by Eric Ries, 2011
2. "Content Strategy for the Web" by Kristina Halvorson, 2013
3. "Hard SMM. Making the Most of Social Media" by Dan Kennedy and Kim Welsh-Phillips, 2019
4. "Google Analytics for Professionals" by Brian Clifton, 2013
5. "Good to Great: Why Some Companies Make the Leap and Others Don't" by Jim Collins, 2001
6. The article uses research of Demand Metric, Statista, Earthweb, Pew Research, Zazzle Media, Skyword, Omnicore and Neil Patel (he helped companies like NBC, GM, HP and Viacom grow their revenue).

© Ластенко Владимир (vladimir@ayeps.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОЦЕССОВ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСОКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ECONOMIC–MATHEMATICAL MODELS OF PROCESSES TO ACHIEVE HIGH RESULTS OF FOOD INDUSTRY ENTERPRISES

D. Malyshev

Summary. The article considers the peculiarities of modeling the processes of achieving high results of food industry enterprises in Russia. The factors restraining the progress in the sphere of food production and output are highlighted. The criteria for selecting models of innovative development of food enterprises are outlined. The system model of diffusion and diffusion of innovations between participants of one production chain has been developed.

Keywords: result, enterprise, model, innovation.

Малышев Денис Александрович

Докторант программы ДВА ВШКУ РАНХиГС (Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
Почетный работник агропромышленного комплекса России
denisaleksandrovich.malyshev@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности моделирования процессов достижения высоких результатов деятельности предприятий пищевой промышленности России. Выделены факторы, сдерживающие прогресс в сфере производства и выпуска продуктов питания. Обозначены критерии выбора моделей инновационного развития пищевых предприятий. Разработана системная модель распространения и диффузии инноваций между участниками одной производственной цепочки.

Ключевые слова: результат, предприятие, модель, инновации.

Пищевая промышленность является ведущим и стратегически важным сектором экономики России. За последние годы страна добилась впечатляющих результатов в укреплении национальной продовольственной безопасности и вошла в число крупнейших аграрных держав мира. До недавних пор основными драйверами развития сектора были в основном увеличение инвестиций и повышение качества управления, рост покупательной способности населения и продовольственное эмбарго [1]. Однако в настоящее время на фоне неблагоприятной внешне-экономической ситуации ресурсы развития отрасли в значительной степени исчерпаны.

Современные предприятия пищевой промышленности России сталкиваются с глобальными вызовами и должны перейти на новый технологический уровень, чтобы сохранить и укрепить свою роль на внутреннем и внешнем рынках. Являясь основным мировым производителем сырья (крупы, растительные масла и т.д.) и локализуя импортную зависимость по отдельным товарным группам продуктов глубокой переработки, Россия остается критически зависимой от внешних вложений.

Отдельный акцент необходимо сделать на том, что на данный момент сельскохозяйственные науки зани-

мают достаточно скромное место в структуре научно-технического потенциала Российской Федерации по объему финансирования. В результате чего активность отечественных пищевых предприятий в освоении различных инноваций и прорывных технологических решений очень низкая: в аграрном секторе их доля составляет 1% и менее, в производстве продуктов питания этот показатель колеблется от 2% до 4%.% в зависимости от сегмента [2]. В международном сравнении разрыв в инновационной активности пищевой промышленности России с некоторыми странами ЕС составляет 4 и более раз (см. рис. 1).

С учетом вышеизложенного, особую актуальность в настоящее время приобретает задача поиска путей повышения эффективности деятельности предприятий пищевой отрасли России. Эффективным методом решения этой задачи может являться применение аппарата экономико-математического моделирования. В современной экономической практике экономико-математические методы получили широкое распространение, что вызвано высоким уровнем развития производства, ростом темпов научно-технического прогресса и развития информационных технологий.

Таким образом, обозначенные обстоятельства определяют выбор темы данной статьи и свидетель-

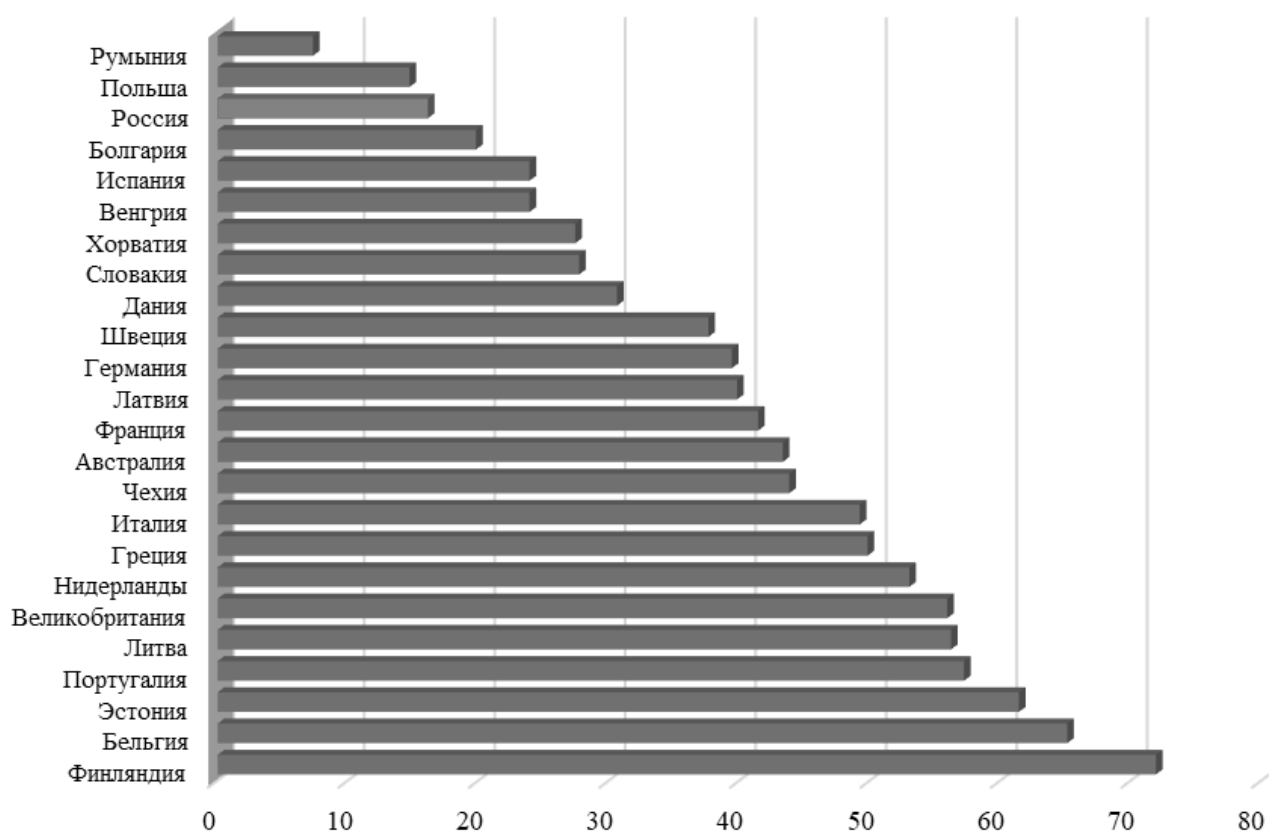

Рис. 1. Доля инновационных продуктов и технологий, внедренных в пищевой промышленности в разных странах мира за год (%) [3]

ствуют о ее высокой теоретической и практической значимости.

Особенности функционирования секторов и предприятий пищевой промышленности на разных этапах развития отражены в трудах многих отечественных ученых, к числу которых можно отнести Катлишина О.И., Трифонову Е.Н., Шаталову А.Н., Сергееву И.Г., Фоменко Е.В.

Такие исследователи как Гербер Ю.Б., Балко С.В., Якушев А.А., Бельченко С.А., Ториков В.Е. посвятили свои труды решению проблем развития предприятий пищевой промышленности в условиях глобализационных сдвигов и обоснованию методов, позволяющих устранить негативное влияние эндогенных и экзогенных социально-экономических факторов на них.

Теоретико-методологические подходы к моделированию инновационных процессов на предприятиях детально прорабатывали Калмыкова М.А., Соловьева И.П., Шкиотов С.В., Савичева А.Н.

Однако, несмотря на обстоятельные наработки ученых, касающиеся отдельных аспектов функционирования

пищевой промышленности РФ в целом и предприятий в частности, не все вопросы в данной предметной плоскости еще до конца решены.

Отдельного внимания заслуживают проблемы моделирования процессов работы предприятий пищевой промышленности, связанные с турбулентной экономической ситуацией, сменой экономико-географической ориентации отечественных хозяйств в процессе реализации производимой продукции, а также возможностями использования достижений парадигмы Сельское хозяйство 4.0.

Принимая во внимание вышеизложенное, цель статьи можно сформулировать следующим образом — рассмотреть особенности разработки экономико-математических моделей процессов достижения высоких результатов деятельности предприятий пищевой промышленности России.

Итак, как уже отмечалось ранее, характерной чертой современного этапа функционирования предприятий пищевой промышленности является разработка принципиально новых моделей развития, которые

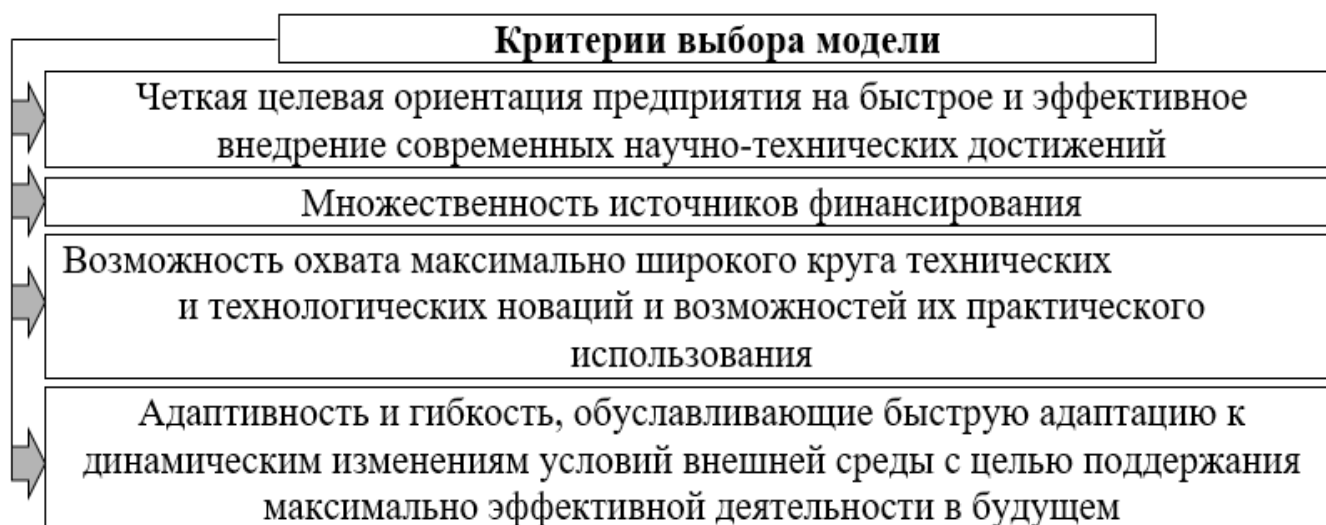

Рис. 2. Основные критерии выбора экономико-математических моделей для описания деятельности пищевых предприятий

основываются на гармоничном сочетании текущей производственной деятельности с потенциальными возможностями инновационных технологий на базе использования прогрессивной техники, достижений Четвертой промышленной революции, внедрении новейших систем управления производством, а также комплексном подходе к разработке и внедрению новшеств.

Эти особенности и вызовы современного рынка предопределяют специфику выбора экономико-математических моделей для описания деятельности пищевых предприятий. Чтоб решить эту задачу на рис. 2 представлены формализованные автором критерии выбора.

В общем виде модель стратегического развития предприятий пищевой промышленности России представляет собой многокритериальную задачу одновременной оптимизации нескольких целевых функций на заданном множестве целей:

$$y_n = f_k(x) \rightarrow opt, k = \overline{1, m}, x \in X$$

где m — количество целевых функций, подлежащих оптимизации;

f_k — отдельная k -я функция из набора ($k = \overline{1, m}$);

X — множество запланированных мероприятий по улучшению, отдельный элемент которых обозначен через x .

Для разработки экономико-математических моделей процессов достижения высоких результатов де-

ятельности предприятий пищевой промышленности необходимо выделить факторы, определяющие эти результаты. По мнению автора, к таким факторам относятся: технологические инновации; внедрение передовых производственных технологий; гармонизация АПК.

Обозначенные факторы в современных отечественных реалиях, к сожалению, имеют крайне низкую тенденцию и динамику развития, поэтому необходимо предпринимать действенные меры как на уровне государственных органов, так и со стороны самих предприятий по их стимулированию.

На примере технологических инноваций разработаем экономико-математическую модель их активизации.

Рассмотрим модель распространения инноваций с учетом влияния передовых предприятий отрасли на все звенья производственной цепочки выпуска продукции. Каждое инновационное предприятие оказывает влияние на r производственных систем, которые с ним контактируют. Под контактами в этом контексте будем понимать взаимодействие субъектов системы в процессе осуществления своей производственно-хозяйственной деятельности в следующих условиях:

$S(t)$ — количество производств одного предприятия отрасли, восприимчивых к инновациям;

$I(t)$ — инновационно-активные предприятия, являющиеся распространителями инноваций;

$R(t)$ — количество производств, не восприимчивых к инновациям.

Общее количество производственных цепочек в одном сегменте пищевой промышленности в период t составит:

$$N(t) = S(t) + I(t) + R(t)$$

Для упрощения моделирования будем рассматривать процессы диффузии инноваций одного типа (нового продукта, новой технологии). Общее количество связей между производственными системами пищевых предприятий, способствующих распространению инноваций в t -й момент времени, равно $rI(t)$.

Тогда первое инновационное предприятие распространяет инновации на

$$c_1 = p_1 r \frac{S(t)}{N(t)}$$

производств, восприимчивых к инновациям, второе на

$$c_2 = p_1 r \frac{S(t) - c_1}{N(t)} = p_1 r \frac{S(t)}{N(t)} \left(1 - \frac{p_1 r}{N(t)} \right) = c_1 \left(1 - \frac{p_1 r}{N(t)} \right)$$

и так до последнего:

$$c_{i+1} = p_1 r \frac{S(t) - \sum_{k=1}^i c_k}{N(t)} = c_i \left(1 - \frac{p_1 r}{N(t)} \right)$$

То есть величина

$$\sum_{k=1}^i c_k -$$

это уменьшение производств, не воспринявших на t -й момент времени инновации. Их сумма представляет собой сумму геометрической прогрессии.

Таким образом, подводя итоги, отметим следующее. Учитывая текущее положение предприятий пищевой промышленности в России, в статье обозначены главные критерии выбора моделей их инновационного развития. Также разработана системная модель распространения, диффузии инноваций между участниками одной производственной цепочки.

Разработанная модель может использоваться для прогнозирования эффективности мер по стимулированию деятельности предприятий пищевой отрасли с целью получения более высоких результатов и реализации инновационной стратегии развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ловчикова Е.И. Тенденции и тренды рынка пищевой и перерабатывающей промышленности в России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 6 (88). С. 106–113.
2. Акимова Р.А. Пищевая промышленность в России: проблемы и пути совершенствования // Теория и практика современной науки. 2022. № 5 (83). С. 25–30.
3. Food systems: research and innovation investment gap study research: policy paper. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. 215 p.

© Малышев Денис Александрович (denisaleksandrovich.malyshev@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЗОР МЕТОДОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

REVIEW OF EFFECTIVENESS METHODS FOR DETERMINING THE OF THE INNOVATION CLUSTERS' FUNCTIONING

Yu. Mindlin
Yu. Shedko
M. Vlasenko

Summary. The article considers the problem of determining the effectiveness of the functioning of innovation clusters in the economic system, which is relevant, since the improvement of cluster policy is carried out directly taking into account the results of cluster activities. However, this problem is insufficiently developed in modern economic sources, which is hindered by the fact that there are no or insufficient statistical data for a comprehensive study and assessment of the impact of innovation clusters on the competitiveness of regional and national economies, as well as the fact that existing methods do not always pay attention to the innovation orientation of clusters.

Clarification of the features of determining the effectiveness of the functioning of innovation clusters in the national economic system is carried out on the basis of existing indicators for assessing the effectiveness of innovation clusters in economic systems developed by domestic and foreign authors. In order to systematically assess the effectiveness of the functioning of innovation clusters and analyze their impact on the competitiveness of meso- and macro-level economic systems, based on the developed conceptual model of the formation of an innovation cluster, four indicators of the effectiveness of an innovation cluster are identified, as well as two indicators of the impact of an innovation cluster on the competitiveness of a region and a country.

Keywords: clusters, clustering of the economy, methods of efficiency assessment, European experience of cluster assessment.

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru

Шедько Юрий Николаевич

Д.э.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
ynshedko@mail.ru

Власенко Михаил Николаевич

К.э.н., доцент, Национальный исследовательский университет МЭИ (НИУ «МЭИ»); Эксперт международной контртеррористической тренинговой ассоциации МКТА, Москва
vlasenkoMN@mpei.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема определения результативности функционирования инновационных кластеров в экономической системе, которая является актуальной, поскольку совершенствование кластерной политики осуществляется непосредственно с учетом результатов деятельности кластеров. Однако данная проблема является недостаточно разработанной в современных экономических источниках, чему препятствуют факт отсутствия или недостатка статистических данных для комплексного исследования и оценки влияния инновационных кластеров на конкурентоспособность региональной и национальной экономик, а также то, что в существующих методиках не всегда уделяется внимание инновационной направленности кластеров.

Выяснение особенностей определения результативности функционирования инновационных кластеров в национальной экономической системе осуществляется на основе существующих показателей оценки результативности инновационных кластеров в экономических системах, разработанных отечественными и зарубежными авторами. С целью системного оценивания результативности функционирования инновационных кластеров и анализа их влияния на конкурентоспособность экономических систем мезо — и макроуровня на основе разработанной концептуальной модели формирования инновационного кластера выделены четыре показателя результативности инновационного кластера, а также два показателя влияния инновационного кластера на конкурентоспособность региона и страны.

Ключевые слова: кластеры, кластеризация экономики, методы оценки эффективности, европейский опыт оценки кластеров.

Взарубежных и отечественных экономических источниках представлены различные подходы, методики, критерии и показатели по определению результативности функционирования кластеров. Так, в исследованиях ОЭСР приводятся различные группы показателей, необходимые для определения эффективности деятельности кластеров. Оценка кластерной политики как таковой является явлением редким. Поэтому оценка сосредотачивается преимущественно на результатах деятельности кластеров и результатах реализации кластерных инициатив. Результативность кластера отражают следующие показатели: объемы продаж, производительность, объемы экспорта, расходы на НИОКР, число патентов. Реализация кластерных инициатив оценивается с учетом результатов деятельности кластера или показателей, отражающих результативность процесса (степень удовлетворенности услугами кластера, совместные проекты участников и тому подобное). В процессе оценки результативности кластера и кластерных инициатив необходимо обязательно учитывать изменения показателей во времени [11].

С целью оценки результативности бизнес-кластеров в странах-членах ОЭСР используются такие показатели:

- ◆ уровень предпринимательства (доля фирм в кластере, сроком деятельности менее пяти лет);
- ◆ рост занятости (средние темпы роста занятости в фирмах кластера);
- ◆ экономический рост (средние темпы роста оборота в фирмах кластера); — рентабельность (средние темпы роста доходности совокупных активов в фирмах кластера);
- ◆ финансовая устойчивость (коэффициент ликвидности фирм кластера, который рассчитывается как отношение текущих активов к текущим обязательствам);
- ◆ коэффициент платежеспособности фирм кластера, отношение акционерного капитала к совокупным активам) [15].

М. Портер подчеркивал, что непрерывная оценка кластеров является мощным инструментом для определения и проверки широкомасштабной экономической политики, для выявления недостатков и поиска эффективных практических решений [5]. Учеными Института стратегии и конкурентоспособности (США), в том числе. Портером, определены показатели, отражающие экономическую результативность кластера: уровень специализации; число занятых; темпы роста занятости; количество созданных рабочих мест; размер среднегодовой заработной платы; темпы роста среднегодовой заработной платы; коэффициент локализации; изменения коэффициента локализации; количество действующих в кластере организаций; темпы роста количества организаций в кластере; количество созданных в кла-

стере организаций; количество патентов; темпы роста количества патентов [9].

Экономическая результативность кластера влияет на экономическую результативность того или иного региона. В свою очередь, экономические результаты того или иного региона сопоставимы с экономическими результатами других регионов. Учитывая это, учеными Института стратегии и конкурентоспособности (США) определен ряд индикаторов, которые отражают экономическую результативность региона, включая уровень благосостояния населения; темпы роста среднегодовой заработной платы; уровень занятости; уровень безработицы; уровень бедности; темпы роста производительности рабочей силы; темпы роста инноваций; объемы экспорта [1].

Заслуживает внимания методика определения эффективности канадских инновационных кластеров Национального Исследовательского Совета Канады (NRC). Поскольку данная структура внедрила ряд кластерных инициатив в различных регионах страны, то соответственно возникла потребность в определении показателей с целью контроля за реализацией кластерных инициатив, анализа результатов влияния NRC на деятельность инновационных кластеров, а также планирование будущих кластерных инициатив.

Концептуальная структура инновационного кластера Национального Исследовательского Совета Канады включает две составляющие: «текущие условия» и «текущие результаты». Составляющая «текущие условия» состоит из трех групп показателей, с помощью которых можно оценить: деятельность организаций, поддерживающих кластер (в том числе влияние NRC); конкурентную среду потребителей и конкурентов; факторы, которые влияют на игроков (например, бизнес-климат). Составляющая «текущие результаты» состоит также из трех групп показателей, которые оценивают: значимость кластера с точки зрения критической массы фирм, обязанностей фирм и их экспортной ориентации; взаимодействия внутри кластера и извне; динамику кластера с точки зрения инновационности и роста. Следовательно, результативность инновационного кластера зависит не только от успеха отдельных фирм, но и от действия различных факторов, деятельности поддерживающих организаций, потребителей и конкурентов [16].

На базе структуры инновационного кластера Национальным Исследовательским Советом Канады предложено 34 показателя для оценки не только результатов деятельности инновационных кластеров, но и условий, которые оказывают влияние на результативность кластеров. Показатели формируют 6 структурных групп и 15 структурных подгрупп.

После апробации методики на канадских кластерах, важнейшими показателями результативности кластеров оказались такие: количество фирм кластера, экспортная ориентация, внешнее признание, внутренние связи, количество новых фирм и роста фирмы. Среди показателей условий важнейшими отмечены следующие: доступ к квалифицированному персоналу, наличие местного капитала, возможность развития бизнеса и возможность развития продукта. Однако экспертами NRC отмечено, что предложенные ими показатели обеспечивают лишь частичный взгляд на инновационные кластеры, поскольку много преимуществ кластеризации (создание скрытых знаний и социального капитала, развитие коллективного обучения) являются нематериальными и поэтому их сложно определить количественно. Вместе с тем процедура оценки канадского инновационного кластера охватывает не только оценку количественных показателей, но и способы привлечения заинтересованных в деятельности кластера сторон с целью получения от них качественной информации (интервью «с глаза на глаз», телефонные опросы или веб-опросы и т.д.) [16].

В европейских странах получила распространение трехзвездочная рейтинговая система оценки кластеров, разработанная экспертами Европейской кластерной обсерватории (ЕСО). По этой системе европейские кластеры получают одну, две или три звезды в зависимости от трех критериев: размера, специализации и фокусировки. Кластеры, получившие три звезды, считаются сильнейшими объединениями [10]. Однако трехзвездочные кластеры различаются по уровню инновационности, поскольку методика учитывает критерии, привязанные к занятости, а не к инновационной направленности. Поэтому инновационные кластеры могут попасть в группы однозвездочных и двухзвездочных кластеров.

Европейская кластерная обсерватория — это научно-исследовательская организация, которая занимается исследованием кластеров и кластерной политики стран Европы. Организация оценивает результативность европейских кластеров с помощью различных методов, включая: проведение их статистической картографии; измерение показателей результативности (занятость, размер заработных плат, количество патентов), предоставление информации относительно конкурентоспособности регионов, в которых действуют кластеры (ВВП на душу населения, уровень занятости и т. п.); реализацию бенчмаркинга кластеров и их кластерных организаций [10].

Исследованию результатов деятельности кластеров значительное внимание уделяется в Великобритании. Из отчета британской консалтинговой компании

«Ecotec Research & Consulting», представленном Министерству торговли и промышленности Великобритании (DTI) и британским агентствам регионального развития (RDAs) следует, что невозможно однозначно определить эффективность того или иного кластера, вместо этого стоит сосредоточиться на ключевых факторах, способствующих успешности кластера. Учитывая это, данная консалтинговая структура предложила показатели, с помощью которых можно определить экономическую эффективность кластера, сгруппировав их в две группы: показатели-драйверы (факторные показатели) и показатели результативности. Однако, по мнению экспертов «Ecotec Research & Consulting», данный перечень показателей не является окончательным и исчерпывающим.

Группа британских ученых во главе с Ф. МакДональдом исследовала связи между ключевыми характеристиками кластера (глубина, стадия развития, индустриальный сектор) и результативностью кластера (рост занятости, международная значимость). В ходе исследования учеными были использованы лог-линейное моделирование и методы логистической регрессии. Выводы были таковы: во-первых, глубина кластера не важна для роста занятости или международной значимости; во-вторых, отлаженные кластеры с большей вероятностью связаны с ростом занятости, чем с международной значимостью; в-третьих, кластеры, которые действуют в непроизводственном секторе (сектор услуг, сектор медиа, компьютерных технологий и биотехнологий) с большей вероятностью связаны с хорошей результативностью как в случае роста занятости, так и международной значимости; в-четвертых, учет факторов индустриального сектора и установления баланса между локальными, национальными и международными связями должно быть важным элементом эффективной кластерной политики [12].

Процедура оценки результативности кластеров во Франции осуществляется независимыми консалтинговыми фирмами через каждые три года с целью определения наиболее конкурентоспособных. Кластерам присваивают один из четырех уровней совершенства: кластер мирового уровня, кластер, что претендует на мировой уровень; кластер национального значения; локальный кластер. Кластеры первых трех уровней считаются более инновационными и поэтому их называют «полюсами конкурентоспособности». Оценивания французских кластеров осуществляется с использованием 72 показателей, объединенных в следующие группы: показатели, отражающие исследовательскую и технологическую деятельность кластера (например, объемы ежегодных расходов на исследовательские проекты кластера, количество работников предприятий и исследовательских учреждений, привлеченных

к этим проектам); показатели, отражающие развитие занятости в кластере; показатели, отражающие качество стратегии кластера и ее реализацию; показатели, отражающие управленческий аспект кластера (привлечение частного сектора к финансированию управленческой структуры кластера); показатели, отражающие основные результаты деятельности кластера (реализация проектов НИОКР, развитие инфраструктуры, малых и средних предприятий, партнерства, навыков, международное развитие) [13].

Система оценки японских индустриальных кластеров была разработана Министерством экономики, торговли и промышленности Японии (METI) совместно с консалтинговой компанией «Libertas Consulting». Эта система включает совокупность данных и показателей в отношении следующих позиций: наличие ядра кластера; уровень сотрудничества в кластере; уровень инвестиций в научные разработки; уровень создания бизнеса; экономические эффекты (доля компаний кластера с возросшими объемами продаж, прибыли, ростом числа работающих); восприятие, использование и удовлетворенность участников кластера различными видами поддерживающих услуг; статистические данные, отражающие основные результаты деятельности кластера (занятость, объемы продаж, прибыль). Особенностью этой системы оценивания является то, что она прежде всего предусматривает проведение опроса (анкетирования) среди участников кластера, а также прямых интервью с его координаторами [13].

Система оценки японских индустриальных кластеров позволяет не только определить состояние развития кластера и уровень удовлетворенности его участников, но и оценить влияние государственной политики на деятельность кластеров и выявить существующие проблемы. METI, ссылаясь на результаты оценки, демонстрирует преимущества компаний от участия в кластере, сравнивая динамику кластера с национальными трендами.

Отдельные ученые, исследуя эффективность функционирования кластеров, акцентируют внимание на их конкурентных преимуществах. Так, по мнению Яшевой Г.А., критериями конкурентоспособности кластера должны быть: во-первых, значимость кластера для того или иного региона; во-вторых, эффективность его функционирования; в-третьих, масштабы горизонтальных связей между субъектами кластера. Значимость кластера для региона предлагается оценивать по показателю «доля кластера в объеме промышленного производства региона». Эффективность кластера может отражать показатель производительности труда в кластере, рассчитанный по добавленной стоимости. Масштабы горизонтальных связей между субъектами

кластера, считает исследовательница, целесообразно оценивать по количеству уровней переработки продукта в цепочке ценностей [7].

Для получения комплексной оценки перспективности кластера одновременно за всеми показателями, которые имеют разные единицы измерения, Г.А. Яшева предлагает использовать индексы показателей. Следовательно, общенную количественную оценку конкурентоспособности кластера целесообразно рассчитывать по формуле [33, с. 98]:

$$Q_k = \frac{I_{дв}}{I_3} + I_{рп} + I_q,$$

где Q_k — оценка конкурентоспособности кластера, коэф.; $I_{дв}$ — индекс добавленной стоимости всех субъектов кластера; I_3 — индекс количества занятых работников в кластере; $I_{рп}$ — индекс количества уровней переработки продукта в цепочке ценностей; I_q — индекс доли кластера в объеме промышленного производства региона.

Критерий отбора перспективного кластера определяется следующим образом:

$$Q_k \rightarrow \max$$

Мингалева Ж.А. предложила ряд показателей для оценки эффективности функционирования инновационного кластера и его влияния на региональную экономику. Показатели объединены в группы, учитывая основные направления производственно-хозяйственной деятельности предприятий-участников кластера, а также направления влияния на систему потенциалов кластера и экономики в целом [14].

Важнейшим для инновационного кластера является инновационный потенциал, который оценивается с помощью таких показателей, как наличие отечественных или зарубежных аналогов внедряемого нововведения; рост доли нематериальных активов в структуре капитала предприятий-участников кластера; количество отраслей (производств), в которых может быть внедрено нововведение; уровень новизны (идентификация инновации как базовой, прирастающей или системной).

Кроме инновационного потенциала предлагается использовать показатели по целью оценки инвестиционного, производственного, экспортного, социального, воспроизводственного, экологического, ресурсоберегающего потенциалов, а также потенциала саморазвития. Например, социальный потенциал инновационного кластера целесообразно оценивать по таким показателям, как социальная значимость инновации и создание новых рабочих мест [4].

Бочкова А.В. предложила методику расчета показателя мощности кластера (P_C), который должен отражать социально-экономическую эффективность кластера для того или иного региона. В свою очередь, данный показатель включает в себя расчет шести коэффициентов, четыре из которых состоят из двух-трех субкоэффициентов.

Итак, мощность кластера (P_C) (power of cluster) — агрегированный показатель, характеризующий социально-экономическую эффективность кластера и его роль в территориальном распределении труда. Рассчитывается показатель как среднее арифметическое суммы шести коэффициентов:

$$P_C = \frac{k_E + k_{PA} + k_{EO} + k_{IA} + k_{SRA} + k_{TR}}{6},$$

где k_E — интегральный коэффициент занятости; k_{PA} — интегральный коэффициент производственной активности кластера; k_{EO} — интегральный коэффициент экспортной ориентации кластера; k_{IA} — интегральный коэффициент инвестиционной привлекательности кластера; k_{SRA} — коэффициент научно-исследовательской активности кластера; k_{TR} — коэффициент налоговых поступлений.

С помощью этого показателя можно проследить динамику развития кластера в течение определенного периода времени и его влияние на экономику того или другого региона. Показатель более комплексно отражает социально-экономическую значимость кластера как хозяйственной единицы. Значение каждого коэффициента колеблется в пределах от 0 до 1 ($0 < k < 1$). Соответственно и показатель мощности кластера будет принимать значения от 0 до 1 ($0 < P_C < 1$). Безусловно, каждый коэффициент может рассчитываться как самостоятельно, так и вместе с другими коэффициентами для итогового расчета мощности кластера [2].

Поскольку кластеры являются многоаспектным явлением, то, по мнению Корчагиной Н.А., это необходимо учитывать в процессе оценки результатов их деятельности. Залогом этого может стать использование трех потенциальных источников информации: официальных статистических данных; вторичной информации; качественного анализа, проведенного по результатам разговоров с представителями кластера. Выбор источника информации зависит от показателя, который необходимо оценить. Использование трех источников информации позволяет составить комплексное представление о развитии кластера [3].

Система мониторинга функционирования кластера должна предусматривать комплекс показателей, которые бы позволили получать регулярную информацию

для отслеживания прогресса в долгосрочной перспективе. Цикл мониторинга развития кластера может охватывать такие временные промежутки, как один, два, пять и десять лет. Например, деятельность, связанная с поддержкой инноваций, может осуществляться в течение нескольких лет до получения первых результатов, в то время как формирование партнерства осуществляется гораздо быстрее.

Исследователь кластерных образований Агафонов В.А. предложил методику оценки различных аспектов конкурентоспособности кластеров, включая позицию на рынке, технологическое лидерство и способность к инновациям, а также способность к обновлению [1].

Социально-экономические эффекты от деятельности кластера для предприятий-участников и региона исследовал Федоров С.И. Синергизм в пределах кластера обеспечивает следующие основные эффекты: эффект от совместного внедрения инноваций; эффект от применения аутсорсинга; эффект от распределения рисков между участниками кластера; эффект от совместного использования инфраструктуры; эффект от снижения транзакционных издержек; эффект от формирования единой товарно-распределительной базы по каждому виду грузопотока [6]. Наибольшая эффективность функционирования кластера согласно Федорова С.И. достигается лишь при условии его инновационного и наукоемкого развития.

Оценка экономической эффективности инновационного кластера, по мнению авторов, требует комплексного подхода, поскольку разные субъекты оценивания имеют разные цели, соответственно — объект оценки требует разных показателей и критериев; результаты, полученные в процессе функционирования кластера, зависят от начальных условий его создания, что должно быть учтено при оценивании; методика оценки должна предусматривать установление связи между показателями, учитывая широкий спектр деятельности субъектов хозяйствования, формирующих кластер, а также то, что эффект от кластеризации может проявиться в разных сферах [14].

Оценка эффективности деятельности инновационного кластера должна рассматриваться с учетом интересов заинтересованных субъектов макро-, мезо — и микроуровня. Главным критерием эффективности функционирования кластера должно выступать соответствие его результатов целям заинтересованных субъектов. Авторы статьи «Application of Social Network Analysis to Visualization and Description of Industrial Clusters: A Case of the Textile Industry» выделяют выделяемые возможные показатели для определения эффек-

тивности инновационного кластера в зависимости от субъектов оценивания.

На основании анализа зарубежных и отечественных исследований нами выявлено, что в деятельности объектов инновационной инфраструктуры как важного структурного элемента инновационного кластера уделяется недостаточно внимания. Учитывая это, к показателям, отражающим значимость инновационной инфраструктуры для обеспечения эффективного функционирования инновационного кластера, следует отнести следующие:

- ◆ удельный вес количества объектов инновационной инфраструктуры в общем количестве участников инновационного кластера, %;
- ◆ удельный вес числа работников, занятых на объектах инновационной инфраструктуры, в общем количестве занятых в инновационном кластере, %;
- ◆ удельный вес количества инноваций, образованных на объектах инновационной инфраструктуры в общем количестве инноваций, образованных инновационным кластером, %;
- ◆ удельный вес количества патентов, полученных объектами инновационной инфраструктуры в общем количестве патентов инновационного кластера, %;
- ◆ удельный вес объемов инвестиций (внутренних и внешних), привлеченных объектами инновационной инфраструктуры, в общем объеме инвестиций, привлеченных инновационным кластером, %;
- ◆ удельный вес объемов инновационных продуктов и услуг, реализуемых объектами инновационной инфраструктуры (на внутренний рынок, за границу) в общем объеме инновационных продуктов и услуг, реализуемых инновационным кластером, %;
- ◆ удельный вес размера выручки от реализации инновационных продуктов и услуг объектами инновационной инфраструктуры (на внутреннем рынке, на зарубежных рынках) в общем размере выручки от реализации инновационных продуктов и услуг инновационным кластером, %.

Таким образом, показателями, которые можно использовать для определения эффективности функционирования инновационных кластеров, следует считать следующие:

- ◆ количество инноваций, созданных в рамках инновационного кластера;
- ◆ вид каждой отдельной инновации согласно существующих классификаций;
- ◆ патентная активность (количество патентов);

- ◆ удельный вес малых и средних предприятий в общем количестве предприятий инновационного кластера;
- ◆ финансирование проектов НИОКР (объемы затрат на проекты НИОКР);
- ◆ количество реализованных совместных инновационных проектов (проектов НИОКР);
- ◆ доход от реализации проектов НИОКР;
- ◆ производительность труда работников предприятий кластера и темпы ее роста;
- ◆ количество рабочих мест и темпы роста количества рабочих мест;
- ◆ уровень заработной платы и темпы ее роста;
- ◆ количество созданных предприятий и организаций;
- ◆ объемы привлеченных инвестиций (внутренних и внешних);
- ◆ объемы реализованной инновационной продукции кластера на внутренний рынок, за рубеж);
- ◆ выручка от реализации инновационной продукции (на внутреннем рынке, на зарубежных рынках);
- ◆ количество рынков сбыта (в том числе иностранных);
- ◆ удельный вес инновационной продукции, идущей на экспорт, в общем объеме инновационной продукции;
- ◆ рентабельность участников инновационного кластера.

Разработана концептуальная модель формирования инновационного кластера позволила определить основные показатели для системного оценивания результативности функционирования инновационного кластера и его влияния на конкурентоспособность экономических систем мезо — и макроуровня. Так, среди показателей результативности инновационного кластера выделены следующие четыре показателя:

1. удельный вес объемов инновационной продукции кластера в общем объеме инновационной продукции, реализованной регионом / страной на мировом рынке;
2. удельный вес количества патентов, полученных научными центрами кластера, в общем количестве полученных кластером патентов;
3. удельный вес объемов внешних инвестиций, привлеченных инновационной инфраструктурой кластера, в общем объеме привлеченных кластером инвестиций;
4. удельный вес участия органов власти в финансировании инновационных проектов кластера. Указанные показатели дают количественную относительную оценку четырем ключевым элементам внутренней среды инновационного кластера: субъектам сферы бизнеса, науки, инфраструктуры и власти.

Среди показателей влияния инновационного кластера на конкурентоспособность региона и страны выделены следующие показатели:

1. доля продукции кластера в валовом региональном продукте;
2. доля валового регионального продукта, в котором действует кластер, в ВВП страны. Указанные показатели дают количественную относительную оценку участия инновационного кластера в обеспечении экономического роста региона и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов В.А. Региональные инновационные кластеры // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2015. № 3(43). С. 2–16.
2. Бочкова Е.В. Методика расчета мощности кластера в повышении эффективности национального производства. Вестник КрасГАУ. 2013. № 9. С. 30–36. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metodika-raschyota-moschnosti-klastera-v-povyshenii-effektivnosti-natsionalnogo-proizvodstva>.
3. Корчагина Н.А. Кластерная политика — технология повышения эффективности управления компаниями: монография. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. 117 с.
4. Мингалева Ж.А. К вопросу о системе показателей оценки влияния инновационных кластеров на развитие региона. Актуальные вопросы экономических наук. 2012. № 26. С. 83–88. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sisteme-pokazateley-otsenki-vliyaniya-innovatsionnyh-klasterov-na-razvitie-regiona>.
5. Портер М. Конкуренция. Москва: Издат. дом «Вильямс», 2005. 608 с.
6. Федоров С.И. Кластерная политика и инновационная активность промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. № 4. С. 161–185. <https://doi.org/10.38050/01300105202148>.
7. Яшева Г.А. Методологические основы кластерного подхода в повышении конкурентоспособности предприятий. Белорусский экономический журнал. 2006. № 2. С. 87–100.
8. Chen C.L. Value creation by SMEs participating in global value chains under industry 4.0 trend: Case study of textile industry in Taiwan // Journal of Global Information Technology Management. 2019. vol. 22, No.2, pp. 120–145. <https://doi.org/10.1080/1097198X.2019.1603512>.
9. Cluster Dashboard. Economic indicator. The official website of the U.S. Cluster Mapping Project. URL: <http://www.clustermapping.us/cluster>.
10. Cluster Observatory Scoreboard. The official website of the European Cluster Observatory. URL: <http://www.clusterobservatory.eu/>.
11. Cluster policies. OECD Innovation Policy Platform. The official website of Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org/innovation/policyplatform/48137710.pdf>.
12. McDonald F. Huang Q., Tsagdis D., Tuselmann H. Is There Evidence to Support Porter-type Cluster Policies. Regional Studies. 2007. February. Vol. 41.1. P. 39–49. URL: https://www.researchgate.net/publication/27313693_Is_there_evidence_to_support_Porter-type_policies.
13. Promoting cluster excellence. Measuring and Benchmarking the Quality of Cluster Organisations and Performance of Clusters / ed. by Gerd Meier zu Köcker and Jørgen Rosted. Berlin, Copenhagen, 2010. 101 p. URL: http://www.ictcluster.bg/_Code/UserFiles/Files/7.%20proceedings-report.pdf.
14. Sheresheva M.Y., Valitova L.A., Sharko E.R., Buzulukova E.V. Application of Social Network Analysis to Visualization and Description of Industrial Clusters: A Case of the Textile Industry. Journal of Risk and Financial Management. 2022, 15(3), 129. <https://doi.org/10.3390/jrfm15030129>.
15. Temouri Y. The Cluster Scoreboard: Measuring the Performance of Local Business Clusters in the Knowledge Economy. OECD Local Economic and Employment Development (LEED) Working Papers, 2012/13. Paris: OECD Publishing, 2012. 45 p. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5k94ghq8p5kd-en>.
16. What Indicators for Cluster Policies in the 21st Century? / ed. by C.H. Davis, D. Arthurs, E. Cassidy, D. Wolfe. Ottawa, 2006. 15 p. URL: <http://www.oecd.org/sti/inno/37443546.pdf>.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru),

Шедько Юрий Николаевич (ynshedko@mail.ru), Власенко Михаил Николаевич (vlasenkoMN@mpei.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЛАТИЛЬНОСТИ КУРСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ И ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ И В МИРЕ¹

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE NATIONAL CURRENCY VOLATILITY AND INFLATIONARY PROCESSES IN RUSSIA AND IN THE WORLD²

**E. Sokolova
A. Tanasova**

Summary. Globalization of economic processes, liberalization, openness of national economies — all this leads to an increase in external factors that influence inflationary processes. The degree of influence of external factors on inflation is difficult to predict, but the more open a country's economy is, the stronger the impact of external causes on inflation. The volatility of the exchange rate is one of the factors having an external cause that influence the change in prices in the country. This phenomenon is called the transfer effect. Based on theoretical models of an open economy, it is proved that a number of different reasons affect the degree of the transfer effect, among them the future dynamics of the exchange rate. With a volatile exchange rate, it is difficult to accurately predict the future dynamics, but the current prices of imported goods are more sensitive to the expected future dynamics of the exchange rate than to its changes at the moment. In the same country, as the inflation rate decreases, the effect of the transfer of exchange rate volatility may decrease. According to observations, in a group of developing countries, including Russia, China and Brazil, both in the short and long term, as the inflation rate decreases, the magnitude of the transfer effect also decreases. The need to study and evaluate the transfer effect in the Russian economy is due to the increased tendency of the ruble to volatility and the orientation of the country to export raw materials. Prices on international markets have an impact on the economic situation in Russia, which affects the ruble exchange rate. However, studies show that in Russia there is often an asymmetric reaction of prices to changes in the exchange rate, when prices react more strongly to the fall of the ruble than to its strengthening.

Keywords: exchange rate, volatility, inflation, transfer effect, price level, internal market, export, import.

Соколова Елена Юрьевна

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ (Москва)*

EYSokolova@fa.ru

Танасова Анна Станиславовна

*К.э.н., Финансовый университет при
Правительстве РФ (Москва)*

ASTanasova@fa.ru

Аннотация. Глобализация экономических процессов, либерализация, открытость национальных экономик — все это ведет к росту внешних факторов, которые оказывают влияние на инфляционные процессы. Степень влияния на инфляцию внешних факторов сложно прогнозировать, но чем более открытой является экономика страны, тем сильнее оказывается воздействие на инфляцию внешних причин. Волатильность валютного курса выступает одним из имеющих внешнюю причину факторов, оказывающих влияние на изменение цен в стране. Данное явление имеет название эффект переноса. На основе теоретических моделей открытой экономики доказано, что ряд различных причин оказывают воздействие на степень эффекта переноса, среди них — будущая динамика курса валют. При волатильном курсе точно предсказать будущую динамику затруднительно, однако текущие цены импортных товаров более чувствительны к ожидаемой в будущем динамике обменного курса, чем к его изменениям в текущий момент. В одной и той же стране по мере снижения уровня инфляции эффект переноса волатильности валютного курса может снижаться. По наблюдениям, в группе развивающихся стран, среди которых Россия, Китай и Бразилия, как в краткосрочном, так и долгосрочном периодах, по мере снижения уровня инфляции, уменьшается и величина эффекта переноса. Необходимость изучения и оценки эффекта переноса в экономике России обусловлена повышенной склонностью рубля к волатильности и ориентацией страны на экспорт сырья. Цены на международных рынках оказывают влияние на экономическую ситуацию в России, что сказывается на курсе рубля. Однако, как показывают исследования, в России часто возникает асимметричная реакция цен на изменения валютного курса, когда цены сильнее реагируют на падение рубля, чем на его укрепление.

Ключевые слова: валютный курс, волатильность, инфляция, эффект переноса, уровень цен, внутренний рынок, экспорт, импорт.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета

² The article is based on the research results carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University

Определение влияния волатильности курс национальной валюты на различные финансово-экономические параметры привлекает внимание исследователей многие годы. Действительно многие вопросы касались влияния курсовой политики на инфляцию, сбережения инвестиции и др. Исследования акцентировали внимание на различных аспектах влияния валютного фактора на разных этапах функционирования мировой экономики.

Глобализация экономических процессов, либерализация, открытость национальных экономик — все это ведет к росту внешних факторов, которые оказывают влияние на инфляционные процессы. Степень влияния на инфляцию внешних факторов сложно прогнозировать, но чем более открытой является экономика страны, тем сильнее оказывается воздействие на инфляцию внешних причин.

Волатильность валютного курса выступает одним из имеющих внешнюю причину факторов, оказывающих влияние на изменение цен в стране. Данное явление имеет название эффект переноса, определили его Голдберг и Кнеттер как изменение цен на внутреннем рынке в процентах, обусловленное однопроцентным изменением обменного курса между валютами стран экспортера и импортера [1]. При снижении курса национальной валюты стоимость импортных товаров в национальной валюте растет, кроме того, стоимость национальных товаров, при производстве которых были использованы иностранные комплектующие или сырье, тоже увеличивается. В итоге изменяющиеся ожидания среднего уровня цен и ожидания экономических агентов могут сказаться на том, что цены товары и услуги вырастут.

Экономистами проведена серия исследований, посвященных эффекту переноса, которые показывают одинаковые результаты в разных странах: при изменении курса валюты происходит сопоставимое, но менее выраженное изменение цен, таким образом, эффект переноса является неполным [2]. В одной и той же стране величина переноса непостоянна во времени, страны разнятся по величине его эффекта [3]. С целью объяснения различий значимости факторов в эффекте переноса, все факторы возможно объединить в две группы:

- ◆ микроэкономические — те, на которые влияют производственный процесс и распределение продукции конкретной компанией;
- ◆ макроэкономические — те, которые связаны с проводимой центральными банками денежно-кредитной политикой, состоянием рынков и уровнем инфляции.

Между двумя малыми открытыми экономиками в соответствии с теорией паритета покупательной

способности, при отсутствии транспортных издержек и торговых барьеров, цена одного и того же товара, обозначенная в единицах базовой валюты, будет одинаковой, следовательно изменения валютного курса полностью переносятся в цены. Динамика валютного курса, по мнению Обстфельда и Рогоффа, оказывает влияние на цены по прямому каналу и косвенному каналу. Прямой канал действует, когда меняются цены в национальной валюте на внутреннем рынке на импортные товары [4]. Действие косвенного канала можно увидеть при падении курса национальной валюты, в следствии чего стоимость отечественных товаров понижается по сравнению с импортными, что вызывает повышенный спрос на российские товары и внутренний рост цен на них [5]. В действительности же теория паритета покупательной стоимости действует не всегда, и отклонения от нее выражаются в различном по величине и неполном эффекте переноса.

На основе теоретических моделей открытой экономики доказано, что ряд различных причин оказывают воздействие на степень эффекта переноса, можно выделить следующие.

1. Структура потребления. Она основана на составе потребительской корзины. Чем больше доля импорта в составе корзины, тем более выраженным будет выше эффект переноса.
2. Разные модели ценообразования компаний. Если импортер максимизирует прибыль, то эффект переноса становится выраженнее, но при максимизации доли рынка экспортером эффект переноса становится менее значимым. При желании экспортера сохранить долю своего присутствия на зарубежном рынке, он может установить постоянную цену на производимую им продукцию на уровне рынка и снижать или повышать наценку на нее, а не изменять цены вслед за изменениями курса валют. В такой ситуации экспортеры понесут недлительные убытки, но сохранят долю присутствия на рынке в долгосрочной перспективе при отсутствии волатильности и укреплении национальной валюты.
3. Валюта ценообразования. Если цены на продукцию устанавливаются в долларах США, то эффект переноса будет на 25% ниже, нежели при определении цен в других валютах, в этом случае эффект переноса составит 95%. Подобная разница происходит из-за доли продукции, на которую цены устанавливаются в долларах США [6]. Когда цены на продукцию устанавливаются в национальной валюте, то в краткосрочной перспективе динамика курса валюты и уровень его волатильности на цены влияния не оказывает.
4. Уровень конкуренции. Если на внутреннем рынке наблюдается высокий уровень конкурентно-

сти, то отечественные производители стремятся установить цены в национальной валюте, а импортеры устанавливают стоимость в иностранной валюте. В таком случае не будет эффекта переноса в цены отечественной продукции, а вот в цены импортных товаров эффект переноса проявится в полной мере [7].

5. Уровень инфляции. Эффект переноса проявляется слабее при низком уровне инфляции. Поскольку производители устанавливают заранее стоимость своих товаров, то при определении цены учитываются и издержки, которые могут возникнуть из-за падения валютного курса. Поэтому при невысоком уровне инфляции эффект переноса волатильности курса валют ниже.
6. Будущая динамика курса валют. При волатильном курсе точно предсказать будущую динамику затруднительно, однако текущие цены импортных товаров более чувствительны к ожидаемой в будущем динамике обменного курса, чем к его изменениям в текущий момент [8].
7. Размер транзакционных издержек. Размер эффекта переноса зависит от размера транзакционных издержек, которые несет производитель в национальной валюте. Высокая доля издержек означает меньшую эластичность цены продукции, а значит, и меньший эффект переноса [9].

Степень эффекта переноса определяется географией внешней торговли, так, чем выше доля страны — торгового партнера в объеме внешней торговли изучаемой экономики, тем сильнее проявится эффект переноса шоков обменного курса валют этих стран.

Исследования, проведенные для девяти развитых стран с режимом плавающего валютного курса (Бельгия, Великобритания, Германия, Нидерланды, США, Франция, Швеция, Швейцария, Япония), показали, что влияние изменений валютного курса на цены товаров в странах не так велико, как влияние на цены импортных товаров. За исключением США, почти во всех перечисленных странах доказано существенное дезинфляционное влияние этого факта на цены в конце 1990-х гг. В странах с высокой долей потребляемого импорта и устойчивым курсом валюты, а следовательно, стабильными ценами на импорт, эффект переноса проявляется сильнее. Такое же заключение можно сделать и по развивающимся странам при отсутствии высокой волатильности курса национальной валюты — при повышении доли импорта в издержках местных производителей, увеличивается величина эффекта переноса [10].

При наличии в стране низкой инфляции, в ней можно наблюдать и низкую величину эффекта переноса.

Между уровнем инфляции в стране и величиной эффекта переноса существует статистически значимая положительная связь. Так, в странах, установивших режим таргетирования инфляции, наблюдается более низкий эффект переноса. Данный вывод подтверждают многочисленные исследования на примере как развитых, так и развивающихся стран [11].

В одной и той же стране по мере снижения уровня инфляции эффект переноса волатильности валютного курса может снижаться. По наблюдениям, в группе развивающихся стран, среди которых Россия, Китай и Бразилия, как в краткосрочном, так и долгосрочном периодах, по мере снижения уровня инфляции, уменьшается и величина эффекта переноса [12].

Таким образом, следует стремиться сохранять низкий уровень инфляции, поскольку благодаря этому уменьшится эффект переноса изменений валютного курса в цены товаров и услуг.

Существенным фактором, влияющим на степень эффекта переноса, является асимметричная жесткость цен. Проявляется жесткость цен может последствиями на рост или ослабление национальной валюты. Когда снижается курс национальной валюты, то цены и издержки производства возрастают сильнее, нежели чем снижаются при росте национальной валюты на ту же величину. Заметим, что рассмотрение некоторых аспектов процессов девальвации или ревальвации валютного курса важны, поскольку данные процессы формируют среду для повышения или понижения волатильности курса рубля.

Подобное заключение об асимметричности эффекта переноса, возникающего при снижении или росте национальной валюты подтверждается и данными, полученными на основе исследований развитых стран: Великобритании, Германии, США и Японии. Наблюдаться подобный результат может по причине более жестких цен при их снижении и несовершенной конкуренции [13].

В целом, проведенные исследования показывают нестабильный и неполный перенос волатильности валютного курса в цены продукции в различные периоды. Величина эффекта переноса может быть разной при различной фазе экономического цикла и структуре внешней торговли в странах, уровне инфляции и проводимой денежно-кредитной политикой, росте или снижении валютного курса.

Необходимость изучения и оценки эффекта переноса в экономике России обусловлена повышенной склонностью рубля к волатильности и ориентацией страны

на экспорт сырья. Цены на международных рынках оказывают влияние на экономическую ситуацию в России, что сказывается на устойчивости курса рубля. Прошедшие экономические кризисы 1998 г., 2007–2009 гг. вызвали интерес к изучению влияния волатильности курса рубля, к исследованию эффекта переноса изменения курса в цены товаров и услуг в России. Антироссийские санкции, введенные в 2014 г., снижение стоимости нефти сопровождались ускорением темпов инфляции с 6,5 п.п. в декабре 2013 г. до 12,9 п.п. в 2015 г. и двукратным падением курса рубля. На этом фоне переход в конце 2014 г. Банка России к режиму инфляционного таргетирования и режиму свободного плавления валютного курса вновь заставил российских экономистов обратиться к вопросу переноса шоков валютного курса в цены потребительских товаров.

При анализе эффекта переноса в 2000–2008 гг. использовался номинальный обменный курс доллара к рублю, поскольку именно от динамики курса доллара зависело поведение экономических агентов. Результаты оценок показали, при постепенном замедлении роста стоимости товаров, эффект переноса проявился слабо, это может означать, такая стабильность может быть неустойчива к отрицательным ценовым шокам [14]. Если в других странах мира улучшение макроэкономических условий ведет к менее выраженному эффекту переноса, то России это не свойственно по причине инфляционных ожиданий, в силу которых любые отрицательные изменения повышают уровень инфляции. В России эффект переноса носит ярко выраженный асимметричный характер, то есть потребительские цены всегда остро реагируют на ослабление национальной валюты, и крайне пассивно на укрепление. Наибольший эффект переноса наблюдается в секторе продовольственных товаров, расходы на которые составляют существенную часть бюджета домашних хозяйств в России.

Отметим, что при сравнении групп продовольственных и непродовольственных товаров, обнаружено, что в непродовольственной группе в краткосрочном периоде эффект переноса проявляется в меньшей степени, чем в продовольственных товарах. А в среднесрочном периоде в группе непродовольственных товаров эффект переноса не выявлен. Причем для группы непродовольственных товаров эффект переноса при ослаблении рубля сильнее, нежели при укреплении, а для продовольственных товаров рост курса рубля на цены не влияет, в сфере услуг эффект переноса проявляется в одинаковом размере и при укреплении, и при ослаблении рубля.

Было установлено, что в период 2000–2012 гг. для продовольственных товаров оценка эффекта переноса

валютного курса почти в два раза превышала эффект переноса для непродовольственных товаров. Величина эффекта переноса снижается при повышенной волатильности курса валюты. Это можно объяснить тем, что экономические агенты при высокой волатильности валютного курса не так часто меняют цены, поскольку учитывают воздействие ожиданий на его величину. Также в ситуации повышенной волатильности могут возникать разнонаправленные шоки валютного курса, которые могут компенсировать друг друга. На адаптацию уровня цены требуется от полугода до года. Если сравнивать эффект переноса в краткосрочном периоде для доллара США и евро, то его величина оказывается практически одной и той же, но за год эффект переноса валютного курса рубля к доллару оказывается сильнее — более 85%, тогда как для евро — 57%. Такой эффект возникает по причине ориентации граждан в своих инфляционных ожиданиях на курс можно объяснить тем, что население при формировании своих инфляционных ожиданий ориентируется именно на обменный курс рубля к доллару США. Отметим, что подобные оценки, полученные для России, совпадают с оценками исследователей эффекта переноса в других развивающихся странах [15].

Существенное влияние волатильности валютного курса на инфляцию, как отмечает Евразийский Банк Развития, может быть вызвано высоким уровнем долларизации в стране. Структура экономики, ее зависимость от импорта, от мировых рынков выступают каналами этого влияния [16].

Следует отметить, что переход ЦБ РФ к режимам инфляционного таргетирования и плавающему валютному курсу способствовал уменьшению величины эффекта переноса валютного курса. Не было установлено нелинейности эффекта переноса, так же как и существенных различий в зависимости от направленности колебаний валютного курса [17].

Исследование Банка России по изучению асимметрии и нелинейности эффекта переноса валютного курса на цены показывает, что кроме курса рубля на стоимость товаров влияют динамика цен и экономическая активность в зарубежных странах, а также инфляционные ожидания граждан. Подтверждается действие асимметричного эффекта переноса валютного курса в цены в краткосрочном периоде, при котором величина переноса усиливается при снижении курса рубля, тогда как при росте курса рубля она незначительна. Экономические агенты могут адаптироваться к увеличению волатильности курса, например, применять хеджирование валютного риска, и это должно вызвать понижение эффекта переноса валютного курса на инфляцию. Тем не менее, при серьезной волатильности

валютного курса в кризисные периоды, с ростом неопределенности, эффект переноса валютного курса в инфляцию может увеличиваться по причине опасений об изменении курса валют в будущем.

В долгосрочном периоде присутствует симметричный эффект переноса, но величины в краткосрочном и долгосрочном периодах существенно не отличаются. Банк России наблюдает происходящее в период 2011–2018 гг. повышение воздействия валютного курса на цены, тогда как некоторые экономисты в более раннем временном периоде такого факта не отмечали [18]. Возможно, различие объясняется разными режимами денежно-кредитной политики в исследуемые периоды.

Результаты исследований свидетельствуют, что наблюдается неполный эффект переноса волатильности валютного курса рубля в цены потребительских това-

ров, его величина определяется различными факторами, возникающими как на макро, так и на микроуровнях. Часто возникает асимметричная реакция цен на изменения валютного курса, когда цены сильнее реагируют на падение рубля, чем на его укрепление.

К внешним причинам, которые воздействуют на величину эффекта переноса валютного курса в цены, можно отнести зависимость экономики от импорта, развитость внешнеторговых связей и их география.

Среди макроэкономических факторов можно выделить уровень инфляции, ее волатильность, режим валютного курса, фазу экономического цикла, эффективность денежно-кредитной политики. К факторам на микроуровне относятся ценообразование в компаниях и структура товарных рынков, и достаточной информации о них не имеется.

ЛИТЕРАТУРА

- Goldberg P.K., Knetter M.M. Goods prices and exchange rates: What have we learned? *Journal of Economic Literature*. — 1998. -Vol. 35. -No. 3. -Pp. 1243–1272.
- McCarthy J. Pass-through of exchange rates and import prices to domestic inflation in some industrialized economies // *Eastern Economic Journal*. 2007. Vol. 33. No. 4. Pp. 511–537.
- В. Жураковский, А. Новопашина, А. Тарантаев. Региональная разнородность эффекта переноса валютного курса на инфляцию. Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях, январь 2021.
- Obstfeld M., Rogoff K. The six major puzzles in international macroeconomics: Is there a common cause? // *NBER Macroeconomics Annual*. 2000. Vol. 15. No. 1. Pp. 339–390.
- Kahn G.A. Dollar depreciation and inflation // *Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review*. 1987. -Vol. 72. — No. 9. — Pp. 32–49.
- Gopinath G., Itskhoki O., Rigobon R. Currency Choice and Exchange Rate Pass-through // *American Economic Review*. — 2010. 1–00:1. -Pp. 304–336.
- Bacchetta P., Wincoop E. Why Do Consumer Prices React Less than Import Prices to Exchange Rates? // *Journal of the European Economic Association*. — 2003. — Vol. 1. -No. 2–3. -Pp. 662–670.
- Froot K.A., Klemperer P.D. Exchange Rate Pass-through When Market Share Matters // *The American Economic Review*. — 1989. -Vol. 79. -No. 4. -Pp. 637–654.
- Obstfeld M., Rogoff K. New Directions for Stochastic Open Economy Models // *Journal of International Economics*. — 2000. -Vol. 50. -No. 1. -Pp. 117–153.
- Kassi D.F., Rathnayake D.N., Edjoukou A.J.R., Gnangoin Y.T., Louembe P.A., Ding N., Sun G. Asymmetry in Exchange Rate Pass-Through to Consumer Prices: New Perspective from Sub-Saharan African Countries // *Economies*. — 2019. -Vol. 7. — No. 1:5.
- Картаев Ф.С., Якимова Ю.И. Влияние инфляционного таргетирования на эффект переноса валютного курса // *Вопросы экономики*. — 2018. — No 11. — С. 70–84.
- Jašová M., Moessner R., Takáts E. Exchange rate pass through: What has changed since the crisis? // *BIS Working Paper*. 2016. No. 583.
- Delatte, A.-L., López-Villavicencio, A. Asymmetric exchange rate pass-through: Evidence from major countries // *Journal of Macroeconomics*. — 2012. — 34(3). — Pp. 833–844.
- Катаранова М. Связь между обменным курсом и инфляцией в России // *Вопросы экономики*. — 2010. -№ 1. — С. 44–62.
- Пономарев Ю., Трунин П., Улюкаев А. Эффект переноса динамики обменного курса на цены в России // *Вопросы экономики*. — 2014. -№ 3. -С. 21–35.
- Кузнецов А.С., Харитончик А.И., Бердигулова А.Р., Федоров К.С. Эффекты переноса валютных курсов на инфляцию в странах — участницах ЕАБР // Евразийский Банк Развития. Специальный доклад. Июнь, 2019.
- В. Жураковский, А. Новопашина, А. Тарантаев Региональная разнородность эффекта переноса валютного курса на инфляцию. Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях. — январь 2021.
- Пономарев Ю., Трунин П., Улюкаев А. Эффект переноса динамики обменного курса на цены в России // *Вопросы экономики*. 2014. No 3. С. 21–35.

© Соколова Елена Юрьевна (EYSokolova@fa.ru), Танасова Анна Станиславовна (ASTanasova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ши Юань

Аспирант, Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
yuanws@mail.ru

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE FORMATION OF CHINESE INDUSTRY

Shi Yuan

Summary. The author describes the peculiarities of implementing the tools of the digital revolution in Chinese enterprises. The author examines the practical aspects of this issue on the example of the initiatives of local companies, which are expressed in the implementation of digital technologies in the management and production systems. It was concluded that the desire for the process of digitalization is encouraged by the government, which aims to establish the country as a digital superpower. Examples of successful digital innovation at modern companies in China are also cited.

Keywords: digitalization, economy, China, digitalization, innovation, artificial intelligence, big data.

Аннотация. Автором описываются особенности внедрения инструментов цифровой революции на китайских предприятиях. Автор рассматривает практические аспекты данного вопроса на примере инициатив местных компаний, которые выражаются во внедрении цифровых технологий в управленческую и производственную системы. Был сделан вывод о том, что стремление к процессу диджитализации поощряется правительством, которое ставит перед собой цель к становлению страны в качестве цифровой сверхдержавы. Также приводятся примеры успешного внедрения цифровых инноваций на современных компаниях Китая.

Ключевые слова: цифровизация, экономика, Китай, диджитализация, инновации, искусственный интеллект, большие данные.

В докладе 19-го Национального конгресса Коммунистической партии Китая указывалось, что саммиты под названием «Цифровой Китай» должны проводиться для содействия глубокой интеграции Интернета и экономики, активного использования больших данных и искусственного интеллекта на предприятиях в различных отраслях экономики [3, с. 38]. Они ориентированы на расширение возможностей доступа брендов к цифровым технологиям, при этом также подразумевают под собой модернизацию производства.

Процесс цифровизации является основной движущей силой экономического роста в Китайской Народной Республике. С одной стороны, цифровая трансформация изменила бизнес-модель современных предприятий, сделав ее более адаптивной к внешним и внутренним факторам. К примеру, влияние диджитализации прослеживается в стоимости производства и доставки товаров. С другой стороны, цифровая трансформация способствует модернизации экономики страны и промышленной интеграции предприятий. Непрерывное применение цифровых технологий в производственном процессе оказывает большое влияние на деятельность персонала по управлению организа-

цией и продолжает развиваться в направлении активного использования искусственного интеллекта [1, с. 7].

Поэтому неудивительно, что именно цифровые технологии являются важнейшим инструментом для реализации основной цели правительства Китая: стать промышленной сверхдержавой к 2025 году на глобальном пространстве. Помимо этого, власти поставили в качестве ориентира 2049 год, когда большинству китайских предприятий необходимо внедрить кибернетические и научно-технические инновации. К тому же эта дата является важной, т.к. она связана с 100-летием Китая [5]. К 2025 году ожидается, что на долю Китая будет приходиться одна треть (4,1 миллиарда) мировой промышленности [2].

Амбициозная цель Китая в становлении страны в качестве лидера четвертой промышленной революции демонстрируется на примере China Aerospace Science & Industry Corporation Limited (CASIC). Ожидается, что данная компания станет примером для многих организаций, т.к. на предприятии внедрена цифровая платформа для бизнеса (B2B) под названием INDICS: она включает в себя Инфраструктуру как услугу (IaaS), Про-

Таблица 1. Меры государственной поддержки промышленных компаний в контексте цифровизации

Государственная поддержка	Пример государственной поддержки
Региональные денежные субсидии	Около 20 000 юаней на компанию, использующую современные цифровые технологии
Субсидии на проведение государственных тендеров правительствами провинций	Партнерство между государственными предприятиями Чанши и местными правительственными фондами China Electronics Corporation
Корпоративное финансирование	Привлечение венчурных инвестиций Rootcloud получило 500 миллионов юаней.

Источник: составлено автором самостоятельно

граммное обеспечение как услугу (SaaS) и Платформу как услугу (PaaS), а также широкий спектр промышленных приложений.

С 2016 года CASIC тесно сотрудничает с такими немецкими компаниями, как Siemens, когда они подписали соглашение о стратегическом партнерстве, и SAP, с которой они являются партнерами в области закупок программного обеспечения. Платформа INDICS ориентирована на МСП в традиционных отраслях, предоставляя им возможность подбора торговых партнеров и совместного использования ресурсов при помощи искусственного интеллекта. По данным финансовой отчетности компании, в 2018 году у нее было 1,6 миллиона зарегистрированных пользователей, а общая сумма транзакций превысила 400 миллиардов юаней.

Другие страны также могут извлечь выгоду из данного партнерства, особенно Германия, с ее мощной промышленной базой и богатым опытом в области «Индустрии 4.0».

Активное использование цифровых технологий китайскими компаниями осуществляется в рамках экосистемы крупных политических инициатив Интернет+, «Сделано в Китае 2025» и «Китайские стандарты 2035», направленных на стандартизацию передовых технологий, таких как искусственный интеллект, облачные вычисления, интернет вещей и большие данные. Данные проекты сочетают в себе инициативы китайских компаний, принадлежащих к крупному бизнесу, с усилиями правительства по интеграции передовых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в традиционные отрасли промышленности.

Так, например, государственным предприятиям поручено активно развивать национальные отрасли. Например, подразделение нефтяного гиганта Sinopec создало особую платформу для нефтехимической промышленности.

Правительство Китая признает огромный потенциал цифровизации для стимулирования инноваций и производительности компаний в государственном секторе. Данные предприятия играют важнейшую роль

в экономике Китая, хотя они остаются значительно более консервативными и менее эффективными, чем частные фирмы. Основные меры поддержки местных компаний со стороны властей представлены на таблице 1.

В качестве примера можно привести сталелитейного гиганта Baosteel, который активно использует платформы, такие как системы дистанционного управления производством, для мониторинга выпуска продукции с помощью визуализации данных и применения моделирования данных для улучшения процесса принятия решений. Другие заслуживающие внимания инициативы ведутся в области энергетики (Huaneng, State Grid) и автомобилестроения (FAW Group, BAIC Group). Государство активно поддерживает эти программы, выделяя финансовые ресурсы и спонсируя пилотные проекты.

В дополнение к этим производственным гигантам, китайские ИКТ-компании являются еще одной движущей силой создания межотраслевых платформ. Облачные вычисления, искусственный интеллект и Интернет вещей открывают новые возможности для производителей телекоммуникационного оборудования. Например, Huawei разработала FusionPlant для обслуживания традиционных отраслей промышленности на внутреннем рынке, предоставляя им полный спектр услуг. Huawei также управляет международной платформой Ocean Connect, узконаправленной платформой, где активно используется интернет вещей. Она ориентирована на умные дома, автомобили, города и современные заводы.

Платформы Китая, ориентированные на интересы массового потребителя, процветают на международном пространстве. Примеры успешной деятельности включают TikTok от Bytedance (видеохостинг), Taobao от Alibaba (электронная торговля), Youdao от NetEase (электронное образование), Chunyu Doctor (электронное здравоохранение), Didi Chuxing (прокат автомобилей) и WeChat Pay от Tencent (финтех). Их росту способствовали большой внутренний рынок с достаточным спросом, потребители, разбирающиеся в Интернете, и свободная рыночная среда. Напротив, промышлен-

Рис. 1. Политика Китая в области цифровизации промышленности.
Источник: составлено автором самостоятельно

ный сектор Китая, как правило, гораздо менее оцифрован. Отраслевые опросы, охватывающие КНР и США, дают следующие совокупные результаты. Например, согласно отчету экспертов McKinsey, в 2018 году доля компаний в Китае, которые были активны в использовании цифровых технологий, составляла всего 40 процентов, по сравнению с 85 процентами в Соединенных Штатах и 70 процентами в ЕС [7]. В качестве основных трудностей были названы проблемы в кибербезопасности, а также недостаточная квалификация сотрудников.

До сих пор в Китае существует недостаточное количество компаний, которые конкурировали бы с промышленными гигантами в глобальном масштабе. Но такие примеры все же имеются. По данным американской компании Forrester Research, к ним относятся следующие компании такие как COSMOPlat от Haier и China Aerospace Science & Industry Corporation (платформа INDICS от CASICloud).

Так, COSMOPlat от Haier использует в своей деятельности огромное количество пользовательской информации, в связи с чем активно используются большие данные. Пользователи могут участвовать во всем производственном процессе от идеи и дизайна до конечного продукта и доставки. Благодаря этому COSMOPlat смогла привлечь множество партнеров: дизайнеров, поставщиков оборудования и логистики, которые объ-

единили деятельность для создания мощной пользовательской базы. COSMOPlat обслуживает 35 000 компаний с 320 миллионами конечных пользователей.

Еще одна история успеха китайских промышленных компаний дает представление об платформе XREA, развёрнутой Xuzhou Construction Machinery Group. Она является единственной прибыльной промышленной платформой (PaaS). Одна из причин успеха шанхайской компании XREA заключается в том, что компании присущи развитая корпоративная культура и активное использование цифровых технологий.

Обобщая вышесказанное, в Китайской Народной Республике по-прежнему не хватает лидеров, которые могли бы интегрировать многочисленные цифровые технологии в производство. Возможности китайских компаний по созданию промышленных PaaS, расширению сообщества разработчиков и внедрению инновационных бизнес-моделей также ограничены. Эти недостатки являются одной из причин, по которой китайские предприятия сотрудничают с иностранными компаниями, такими как Siemens, Bosch, SAP или GE.

Ключевой особенностью влияния Индустрии 4.0 на функционирование китайских компаний является использование данных о поведении потребителей для оптимизации проектирования и производства. На Всемирной конференции по искусственному интеллекту

Таблица 2. Степень внедрения цифровых технологий в некоторых подотраслях обрабатывающей промышленности в Китае в 2018 г.

Сфера	Число компаний	Число компьютеров на 100 человек	Доля предприятий, использующих цифровые технологии	Доля компаний с веб-сайтами	Доля компаний с транзакциями электронной коммерции
Сельскохозяйственная и пищевая промышленность	22 640	13.59	97.70%	53.10%	13.00%
Производство продуктов питания	8361	19.41	98.30%	63.90%	19.81%
Производство вина, напитков и чая	6192	18.42	98.20%	59.70%	18.88%
Табачная промышленность	105	47.70	100.00%	55.20%	45.71%
Текстильная промышленность	18172	11.53	96.80%	46.10%	7.57%
Швейная промышленность	13604	14.33	96.00%	44.10%	7.16%
Производство мебели	6189	17.78	95.70%	54.70%	9.68%
Бумажная промышленность	6505	18.55	96.80%	50.70%	8.42%
Нефтеперерабатывающая, коксохимическая и ядерно-топливная промышленность	1909	30.88	98.00%	56.30%	8.17%
Химическое сырье и химическое производство	21733	26.11	97.90%	66.20%	8.87%
Фармацевтическое производство	7291	32.24	98.70%	77.50%	11.92%
Производство электрических машин и оборудования	24002	30.77	97.40%	72.10%	12.84%
Производство компьютеров, средств связи и прочего электронного оборудования	17014	42.85	97.40%	72.20%	12.41%
Автомобильное производство	15034	32.95	98.40%	62.70%	8.49%

Источник: составлено автором на основе данных Четвертой национальной экономической переписи Национального бюро статистики Китая.

в 2018 году генеральный директор Tencent Ма Хуатенг объяснил желание своей компании объединить свои силы в обеспечении потребительских интересов в области интеллектуальной розничной торговли и интеллектуального производства.

Организационная реструктуризация Tencent привела к использованию новой инновационной модели на предприятии. Аналогичным образом, B2C-онлайн-маркетплейс Alibaba Tmall открыл инновационный центр, который помогает продавцам настраивать свои продукты с помощью доступа к технологиям Alibaba и большому объему данных из 600 миллионов онлайн-пользователей [6].

Множество стартапов предоставляют услуги платформенных решений к конкретным отраслям промышленности. В пример можно привести Apollo от Baidu, где представлена первая в мире технологическая платформа для автономных транспортных средств с открытым исходным кодом, которая насчитывает более 390 000 строк кода, 12 000 разработчиков на Github и 130 корпоративных партнеров.

Открытая платформа искусственного интеллекта, Baidu Brain использует возможности искусственного интеллекта в нескольких отраслях, например, ИИ используется в производстве для обнаружения дефектов материалов товаров.

Что касается потребительского спроса, то огромное количество малых и средних предприятий (МСП) в сильно фрагментированном производственном секторе Китая является основным фактором, способствующим развитию цифровых технологий.

Например, AliCloud, подразделение облачных вычислений Alibaba, разработало ET Industrial Brain, промышленную платформу PaaS, которая использует алгоритмы искусственного интеллекта и процесс автоматизации производства для поддержки интеллектуального производства, куда входит интеллектуальное управление цепочками поставок, маркетинговые исследования поведения потребителей, интеллектуальное производство в различных отраслях, от возобновляемых источников энергии до тяжелой промышленности. Можно представить основные направления

политики Китая в области внедрения цифровизации в компаниях в разных отраслях промышленности на рисунке ниже.

Промышленные компании могут предоставлять огромный объем собранных потребительских данных для создания цифровых платформ, которые преобразуют современные промышленные процессы. Однако успешное внедрение цифровых и информационных технологий будет зависеть от общего прогресса Китая в направлении цифрового и интеллектуального производства, особенно в традиционных отраслях промышленности.

Нехватка передовых производственных мощностей в Китае является ключевой причиной разрыва между цифровизацией промышленности и процветающими сервисными платформами, ориентированными на массового потребителя, такими как центр обмена видео TikTok, портал электронной коммерции Taobao и экосистема WeChat от Tencent: доля предприятий, использующих облачные технологии, в Китае составила всего 30,8 процента [4].

Также важно отметить и то, что существует проблема отставания различных отраслей промышленности в зависимости от их территориальной принадлежности, в результате чего одни компании успешно внедряют различные цифровые технологии в производство, а другие нет. Например, согласно данным исследования степени информатизации предприятий, проведенным Национальным бюро статистики в ходе четвертой национальной экономической переписи 2018 года, становится ясно, что разные компании в таких отраслях как розничная торговля, текстильная промышленность, автомобилестроение и производство электроники относительно продвинулись вперед во внедрении цифровых технологий в производство. В то же время организации, ориентированные на массового потребителя, представлены преимущественно в тяжелой промышленности: нефтехимия, машиностроение, из-за чего они отстают во внедрении цифровизации. Причина в том, что рыночная конкуренция, с которой сталкиваются местные предприятия, более интенсивна, и им необходимо удовлетворять потребности различных потребителей за счет гибкого производства, поэтому степень цифровизации относительно высока. На таблице 2 представлены основные показате-

тели внедрения цифровых технологий в производство компании.

Исходя из данных таблицы 2, большинство предприятий успешно внедрили цифровые технологии, т.к. данный показатель колеблется в пределах 70–90%. У половины компаний почти во всех отраслях существует собственный сайт и онлайн-транзакции. Большой проблемой является маленький показатель использования современных компьютеров: у многих компаний он колеблется на уровне 20–40%. Наиболее отстающими отраслями можно признать текстильную и швейную промышленность, по сравнению с конкурентами их показатели почти во всех случаях ниже. Наиболее развитыми отраслями являются табачная промышленность, производство фармацевтики, пищевая промышленность, что связано с их ориентиром на интересы большого круга потребителей и узкой специализацией производства.

Таким образом, правительство стимулирует работу гигантских государственных предприятий в ключевых секторах; к ним присоединились фирмы частного сектора; и гиганты ИКТ решаются на B2B, чтобы противостоять стагнации роста пользователей в своих опорных пунктах B2C. Однако быстрый переход от базовой автоматизации и традиционного программного обеспечения к производству на основе цифровых технологий и Интернету вещей предстает сложной задачей.

Многие китайские предприятия обременены устаревшими производственными мощностями и неэффективной деятельностью компаний, и, следовательно, с меньшей вероятностью будут внедрять передовые технологии.

Большое количество новых стартапов появляется в последние дни, а также наиболее крупные компании имеют устоявшийся имидж на рынке. Например, лишь несколько китайских промышленных компаний, таких как COSMOPlat от Haier, стали влиятельными по всему миру. Однако Пекин заявил о своем намерении продвигать промышленные компании в рамках инициативы «Пояс и путь». Основное внимание уделяется цифровизации и интеллектуальному управлению транспортными, энергетическими и логистическими проектами, осуществляемыми китайскими компаниями на рынках при помощи цифровых платформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин С.В., Щетинина И.В. Организация производства в условиях цифровой экономики // Организатор производства. — 2018. — № 26. — С. 7–18.
2. Головенчик Г.Г. Цифровая трансформация промышленности Китая: опыт для ЕАЭС / Г.Г. Головенчик, Ван Юань; под общ. ред. М.М. Ковалёва. — Минск: Изд. центр БГУ, 2020. — 166 с.

3. Климович А.П. Влияние цифровых технологий на современное общество. Пример системы рейтинга социального кредита в Китае // Цифровая социология. — 2020. — № 3. — С. 35–44.
4. Облачные вычисления (мировой рынок) // URL: <http://dialog-e.ru/market-news/465/> [Дата обращения: 05.06.2022]
5. Тимофеев О.Г., Ронжина В.С. Сопряжение программ «Сделано в Китае — 2025» и Industrie 4.0 как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2017. — Т. 22. — № 22. — С. 338–351.
6. Tencent chief causes stir with repost of article on China's economy // URL: <https://www.reuters.com/world/china/tencent-chief-causes-stir-with-repost-article-chinas-economy-2022-05-23/> [Дата обращения: 05.06.2022]
7. Woetzel J. China and the world: Inside the dynamics of a changing relationship. — McKinsey Global Institute, 2019. — 168 p.

© Ши Юань (yuanws@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ОПТИМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА

OPTIMAL ORGANIZATIONAL STRUCTURE FOR SMALL BUSINESSES

**A. Yurasov
N. Onanko**

Summary. The article deals with the issues of effective management of small enterprises (businesses). It is proposed to create a tool that will quickly simulate an effective management structure for a small enterprise (business). To create the tool it is recommended to use methods of optimization, mathematical models that are actively used in the managing economic processes

Keywords: small business, entrepreneur, organizational structure, labor resources, tools for building optimal organizational structures.

Юрасов Александр Борисович

Кандидат педагогических наук, доцент, Московский
международный университет
jurasow@mail.ru

Онанко Наталья Абековна

Кандидат педагогических наук, доцент, Московский
международный университет
nataonanko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эффективного управления малыми предприятиями. Предлагается создание инструмента, который позволит оперативно моделировать эффективную структуру управления малым предприятием. Для создания инструмента рекомендуется использовать методы оптимизации, математические модели, которые активно применяются при управлении экономическими процессами.

Ключевые слова: малый бизнес, предприниматель, организационная структура, трудовые ресурсы, инструментальный построения оптимальных организационных структур.

В условиях санкционной изоляции России в сфере экономического сотрудничества, поставки импортных товаров, включая комплектующие для производства, снизились, что привело к сокращению выпуска продукции по многим направлениям. В тоже время правительство РФ принимает эффективные меры по импортозамещению, создавая необходимые условия для развития предприятий как крупного так и малого бизнеса. [1,2].

Однако, такой поддержки в сложившейся ситуации недостаточно. Для достижения результата необходимо обеспечить комплекс как внешних так и внутренних факторов. И если внешние факторы (меры поддержки бизнеса), максимально направлены на решение возникающих проблем, то внутренние факторы (организация производства) порой не позволяют получить максимального эффекта от деятельности. Причин этому много, одна из них — структурная организация предприятия. Не каждый предприниматель задается вопросом — нужна ли ему организационная структура? Обычно он сам выступает в роли лица, принимающего решения и распределяет работников по технологической цепочке на интуитивном уровне. Но такое

решение ведет к перегрузке самого предпринимателя, ослаблению контроля и, соответственно, к снижению эффективности деятельности предприятия.

Организация малых предприятий, в отличие от средних и крупных, чаще не структурирована. Обычно это группа специалистов, у каждого из которых свои функциональные обязанности. Связано это, в частности, с тем, что количество работников малого предприятия небольшое, постоянно требуется более высокая гибкость в деятельности, а это, в свою очередь, не позволяет проводить тщательные работы по перестройке структуры под новый бизнес процесс. Разрабатывать в таких условиях при каждом изменении бизнес процессов новую структуру достаточно сложно, особенно с учетом уровня подготовки активных, но не обученных методам управления, молодых предпринимателей. В тоже время, наибольший эффект может быть достигнут только в условиях наилучшего использования как материальных, так и трудовых ресурсов, что неизбежно связано с четкой и эффективной структурой организации производства.

Не менее важный аспект в деятельности малых предприятий — это стабильность трудового коллектива.

Операции	Работник 1	Работник 2	Работник 3	Работник 4	Работник 5	135	2025
операция 1	300	0	0	0	0	20	300
операция 2	105	45	0	0	0	10	150
операция 3	0	150	0	0	0	10	150
операция 4	0	210	15	0	0	15	225
операция 5	0	0	150	0	0	10	150
операция 6	0	0	240	135	0	25	375
операция 7	0	0	0	75	0	5	75
операция 8	0	0	0	195	105	20	300
операция 9	0	0	0		150	10	150
операция 10	0	0	0		150	10	150
фонд рабочего времени, мин/раб. день	405	405	405	405	405	2025	2025

Рис. 1. Таблица с распределением имеющегося у малого предприятия фонда рабочего времени и затраты на операции бизнес процесса.

	операция 1	операция 2	операция 3	операция 4	операция 5	операция 6	операция 7	операция 8	операция 9	операция 10
Работник 1	15	10								
Работник 2		5	15	14						
Работник 3				1	15	10				
Работник 4						5	15	10		
Работник 5								5	15	15

Рис. 2. Таблица с распределением работ между работниками малого предприятия.

ва и его развитие. Очевидно, что если коллектив малого предприятия уже сработался, то менять уже имеющихся специалистов на других, нужных в рамках новых технологических и бизнес процессов, не всегда рационально, т.к. сплоченный коллектив — это значительная доля успеха предприятия.

Таким образом, возникает противоречивая ситуация. С одной стороны существует необходимость оперативной модернизации или изменения организационной структуры малого предприятия под изменившиеся внешние и внутренние факторы, а с другой — у предпринимателя нет времени и специальных знаний в области управления организацией предприятия.

В то же время, как показывает практика, выход из этой ситуации есть. Если предприниматель будет иметь простой и надежный инструмент модернизации или полного обновления организационной структуры, то он сможет создать без особых затрат времени оптимальную модель организационной структуры и реализовать ее на практике. В данной статье авторами ставится акцент на оптимальном использовании трудового ресурса, поэтому под оптимизацией рассматривается ситуация, когда все работники малого предприятия задействованы в бизнес процессе в равной степени и в полном объеме. Только в этом случае можно гово-

рить об эффективном использовании трудового ресурса. В свою очередь, процесс проектирования новой организационной структуры, как правило, должен учитывать ряд особенностей. Вот некоторые из них.

Во-первых, отсутствие четких перспектив развития малого предприятия. Так, если продукция предприятия востребована у потребителей, то ее производство будет со временем налажено на крупном предприятии с меньшими затратами и большими объемами. Такую конкуренцию малое предприятие конечно же не выдержит.

Во-вторых, модернизация производства часто связана с приобретением универсального оборудования, ведущего к уменьшению численности рабочих мест. В такой ситуации сохранить имеющийся трудовой потенциал достаточно сложно. [3]

В третьих, ресурсы малого предприятия ограничены, что затрудняет содержание «непроизводственных» специалистов: кадровиков, экономистов и др. Это приводит к тому, что предприниматель, либо вынужден сам выполнять функции управления в полном объеме, либо отдавать их сторонним организациям. Даже автоматизация процессов управления и производства для малых предприятий не снижает нагрузки на предприни-

мателя, и это ведет, как правило, к снижению качества продукции, недостаточной загруженности работников предприятия и др.

Существует и ряд других причин, по которым предприниматель считает, что заниматься улучшением структуры бизнес процессов своего предприятия не эффективно и не оправдывает затраченных на это времени и сил. [4]

Изучение проблемы синтеза оптимальной организационной структуры — актуальное направление современного менеджмента. Сегодня можно найти много решений в части организации производства на малых предприятиях. Несомненно, некоторые конструкции структур удачные, и приносят максимальный результат от используемых ресурсов, другие носят универсальный характер. [3]

Так, один из приемов — это создание универсальной организационной структуры, что позволяет малым предприятиям, снизить затраты на управление за счет уменьшения числа работников в системе управления. Идея универсальной структуры заключается в объединении сходных или близких действий. Т.е., речь идет о сотруднике-универсале, например, он и водитель, и экспедитор, и грузик, и мастер по ремонту автомобиля. Но такое возможно не в каждом бизнес процессе, особенно сложно дело обстоит с производственным процессом, требующим разных профессиональных компетенций.

Авторами предлагается подход к проектированию организационной структуры на основе математических моделей оптимизации. Использование математических методов позволяет создать программу, которая может применяться любым предпринимателем, не вникая, при этом, в суть методики.

В частности, при решении задачи полного использования трудового ресурса в бизнес процессе можно воспользоваться методом оптимизации распределения ресурсов и потребностей, известном как метод оптимизации транспортных потоков в логистике — закрытые транспортные задачи. Для этого достаточно заменить данные по объему ресурсов имеющихся у поставщиков и потребности потребителей на требуемый ресурс времени на конкретный бизнес процесс (через описание операций) и на имеющийся фонд рабочего времени с учетом занятости каждого работника предприятия. На рисунке 1 представлена таблица с распределением участия работников по операциям. Важно отметить, что в примере для наглядности рассматривается линейная технология организации бизнеса, в которой отсутствуют параллельные процессы.

Как видно из рисунка, бизнес процесс состоит из 10 операций, а у предприятия имеется 6 работников. Время на выполнение операции составляет 20, 10, 10, 15, 10, 25, 5, 20, 10, 10 минут. Общее время на изготовление одного изделия равно 135 минут. Дневной фонд рабочего времени составляет 2025 минут, с учетом перерыва на обед (20–25 минут). Зная, что на предприятии задействовано 6 работников, можно рассчитать максимальный объем получения готовых изделий. Для этого делим имеющийся фонд рабочего времени на время изготовления одной детали. В результате получаем 15 изделий за одну смену. Задача состоит в том, чтобы распределить участие каждого работника в бизнес процессе таким образом, что бы каждый из них был полностью занят в течении рабочего дня. Причем не исключено, что для выполнения нескольких операций может привлекаться один и тот же работник и, наоборот, для выполнения одной операции может быть привлечено несколько работников. Распределяем обычным способом время участия каждого работника в операциях. В примере требуемое и имеющееся время совпадают, поэтому применим для оптимизации распределения работников по операциям решение, используемое для транспортной задачи в логистике. Распределение времени проводим методом север-западного угла. В результате получаем информацию о загруженности каждого работника в технологической цепочке бизнес процесса (рис. 1).

Как вариант, получить оптимальное распределение работ между сотрудниками можно с использованием инструмента «Принятие решения» в программе Excel. В простейшем случае таблица с распределением участия каждого работника в производственном процессе (или бизнес процессе) составляется вручную (рис. 2), как это показано в примере.

Из рисунка следует, что выполнение операции 1 (15 изделий) осуществляет 1 работник, но при этом у него есть время на выполнение операции 2, как минимум для 10 изделий. Второй работник участвует в выполнении трех операций, как и остальные работники. Таким образом, остается только организовать распределение работ между ними в соответствии с данными в таблице.

Такое представление рабочих процессов для малого бизнеса позволяет не только эффективно организовать работы, но и построить новую организационную структуру. Для этого достаточно четко описать операции, временные затраты на их реализацию и рассчитать максимально возможный объем производства. В случае работы под заказ, объем производства известен заранее, поэтому можно достаточно точно рассчитать срок выполнения заказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://government.ru/> Сайт правительства Российской Федерации
2. <http://duma.gov.ru/> Сайт Государственной Думы Российской Федерации
3. <https://www.business.ru/article/1483-proizvodstvo-struktura> портал для малого бизнеса.
4. <https://www.gd.ru/articles/8613-optimizaciya-upravleniya> – «Генеральный Директор» — электронный журнал для руководителей.

© Юрасов Александр Борисович (jurasow@mail.ru), Онанко Наталья Абековна (nataonanko@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский международный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОКТРИН ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ

THEORETICAL ASPECTS OF THE DOCTRINES OF THE ENFORCEMENT OF FOREIGN DECISIONS IN THE MODERN LEGAL FIELD

M. Gaponov

Summary. The subject of the study is the legal aspects of the doctrines of the execution of foreign decisions in the modern legal field. In the context of a specific mechanism of legal regulation of recognition and enforcement of foreign decisions, the most significant point is the establishment of the object of the recognition in question and subsequent enforcement. At the same time, the immediate legal consequences caused by decisions formed by judicial instances may be implemented in a different country than the one whose court they were decided by. The very process of appropriate recognition of a decision formulated by a judicial instance of another country is giving these documents the same legal force as judicial decisions of one's own state. The purpose of the study is to study the theoretical aspects of the doctrines of the execution of foreign decisions as a comprehensive principled solution to problematic issues of this sphere of the legal field in the international space. These principles, in a systematic understanding, are a combination of four doctrines — international courtesy, reciprocity, the doctrine of acquired rights, and the latter includes the harmony achieved between law, on the one hand, and a judicial decision, on the other. At the same time, the significance of pointing to the fairness of recognition and enforcement of foreign decisions is predetermined by the potential possibility of refusing to implement the decision formulated by a foreign court, which may lead to a violation of the right of the subject of law, which is impossible not to recognize in the general category of international rights. This issue is quite relevant for the development of modern methodological approaches in the legal field for the use of practical aspects of doctrines in order to regulate issues of recognition and enforcement of court decisions. The author concludes that, despite the fact that the doctrines considered in the article have a force characteristic of the legal sphere, there is an impossibility of the practical exercise of the right to judicial proceedings based on the principle of justice, in the absence of certain guarantees for the subsequent implementation of the final court decision. As a fact, it should be noted that the mandatory conditions for this should determine the competence of the relevant court, as well as the protection of the existing domestic law and order. The main conclusion of the study is that doctrines are generally applied, but they are not simultaneously, in the totality of all doctrines, the conceptual basis for the recognition and enforcement of foreign judgments in the modern legal field, which does not allow us to consider the process of execution of foreign decisions only based on doctrines.

Гапонов Марат Дамирович
Аспирант, Российский государственный
университет правосудия (г. Москва)
gaponovm7@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования выступают аспекты доктрин исполнения иностранных решений в современном правовом поле. В контексте конкретного механизма правовой регламентации признания и исполнения иностранных решений наиболее значимым моментом выступает установление объекта рассматриваемого признания и последующего исполнения. При этом, непосредственные правовые последствия, обуславливаемые решениями, сформированными судебными инстанциями, могут реализовываться в иной стране, чем та, судом которой они были постановлены. Сам процесс соответствующего признания решения, сформулированного судебной инстанцией другой страны, представляет собой придание указанным документам аналогичной юридической силы, что и судебным решениям собственного государства. Целью исследования определяется изучение теоретических аспектов доктрин исполнения иностранных решений как комплексного принципиального решения проблемных вопросов данной сферы правового поля в международном пространстве. Данные принципы в системном понимании они представляют собой объединение четырех доктрин — международная вежливость, взаимность, доктрина приобретенных прав и к последней относится гармония, достигаемая между правом, с одной стороны, и судебным решением, с другой. При этом значимость указания на справедливость признания и исполнения иностранных решений предопределяется потенциальной возможностью отказа от практической реализации решения, сформулированного иностранной судебной инстанцией, что может обусловить нарушение права субъекта права, которое невозможно не признать в общей категории международных прав. Данный вопрос является достаточно актуальным для разработки современных методических подходов в правовом поле для использования практических аспектов доктрин с целью регулирования вопросов признания и исполнения судебных решений. Автор приходит к мнению о том, что несмотря на то, что рассматриваемые в статье доктрины обладают характерным для правовой сферы силой, существует невозможность практического осуществления права на осуществление судебного разбирательства, базирующегося на принципе справедливости, в отсутствии определенных гарантий последующей реализации итогового судебного решения. Как факт, необходимо заметить, что обязательными условиями при этом должны определяться компетентность соответствующей судебной инстанции, а также охрана существующего отечественного правопорядка. Основной вывод проведенного исследования состоит в том, что доктрины в общем смысле применяются, однако не являются одновременно в совокупности всех доктрин концептуальной основой признания и приведения исполнения иностранных судебных решений в современном правовом поле, что не позволяет рассматривать процесс исполнения иностранных решений только на основании доктрин.

Keywords: doctrine, foreign judicial decision, enforcement of foreign judicial decisions, justice, reciprocity, international courtesy, principle, recognition and enforcement, court decision.

Введение

Современная международно-правовая действительность демонстрирует наличие случаев, при которых ответчик по конкретному судебному делу располагается на территориальном пространстве иной страны. Представленные случаи обуславливают актуальность признания и последующей практической реализации таких решений в рамках государства ответчика.

Обозначенная проблематика становится все более острой, что определяется рядом соответствующих предпосылок, в частности, ростом внешнеэкономического функционирования со стороны субъектов хозяйствования, а также ускорением темпов и объемов миграции физических лиц. Исходная направленность установления и фиксации правил разрешения вариативных споров, связанных с гражданским и экономическим функционированием, ориентирована на благоприятствование совершению адекватных международно-правовых взаимодействий посредством становления конкретных гарантий последующей реализации обязательств, принятых на себя соответствующими сторонами. Правильное, справедливое и незатянутое судебное разбирательство положительно сказывается на развитии торговых взаимодействий, транснациональном сотрудничестве, вопросах трудовой миграции и пр. [9].

Как выше было отмечено, непосредственные правовые последствия, обуславливаемые решениями, сформированными судебными инстанциями, могут реализовываться в иной стране, чем та, судом которой они были постановлены. Сам процесс соответствующего признания решения, сформулированного судебной инстанцией другой страны, представляет собой придание указанным документам аналогичной юридической силы, что и судебным решениям собственного государства [4].

Особая значимость рассматриваемых вопросов обуславливается Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters). Представленный правовой документ недавно принят в рамках соответствующей

Ключевые слова: доктрина, иностранное судебное решение, исполнение иностранных судебных решений, справедливость, взаимность, международная вежливость, принцип, признание и исполнение, решение суда.

щей Гагской конференции [6]. Отдельно подчеркнем, что наше государство подписало от своего имени заключительный акт обозначенной сессии. Очевидно, что данный момент не тождествен автоматическому принятию конкретных международно-правовых обязательств, предопределяемых содержанием анализируемой Конвенции. Тем не менее, обозначенное обстоятельство наглядно свидетельствует об интенсивном интересе со стороны транснационального сообщества к становлению действенного механизма, обуславливающего качественную возможность признания решений, сформированных судебными инстанциями, по аналогии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 г. Непосредственные разработчики исследуемого документа учли существование существенных разногласий, выражаемых отдельными странами, что получило наглядное воплощение в виде наделения сторон правом фиксации оговорки, закрепляющей недопустимость использования Конвенции к отдельным странам-участницам. Указанное право предусмотрено ч. 2 ст. 29 рассматриваемого документа.

В целом, механизмы транснациональных взаимодействий, связанных с практической реализацией решений, сформулированных иностранными судебными инстанциями, отличаются существенным исходным фундаментом. В частности, как свидетельствует позиция Г. Радбруха, суть права раскрывается в качестве действительности, основная значимость и ценность которой состоит в обеспечении справедливости [12]. В анализируемом контексте существенным представляется мнение А.И. Муранова, интерпретирующего разделение на практическую реализацию решений, сформулированных иностранными судебными инстанциями, как особый инструмент достижения справедливости в рамках транснациональных гражданских и торговых взаимодействий [10].

Кроме того, значимость указания на справедливость предопределяется потенциальной возможностью отказа от практической реализации решения, сформулированного иностранной судебной инстанцией обусловить нарушение права индивида, относящегося к категории общепризнанных. Так, речь идет о праве лица на судебное разбирательство, базирующееся на принципе справедливости. Также вышеобозначенный отказ вступает в диссонанс с международно-правовыми обязательствами стран. В частности, речь идет о соблюдении

принципа *jus cogens*, предполагающего потребность сотрудничества со стороны публично-властных субъектов для благоприятствования благосостоянию всех народов.

Основная часть

Исходя из конкретных международно-правовых принципов, правила и алгоритм практической реализации решений, сформулированных иностранными судебными инстанциями и арбитражами, определяются положениями, объединенными соответствующими международными соглашениями, а также нормами внутригосударственного законодательства страны, в которой требуется такая реализация.

В случае, когда соответствующего вышепредставленного международного соглашения нет, исходной базой регламентации выступают общие принципы практической реализации анализируемых решений. Отметим, что согласно позиции отдельных зарубежных исследователей, источником такого признания и реализации выступает обязанность судебной инстанции к вменению правосудия, исходя из собственных взглядов [7].

Совокупность вышеобозначенных общих принципов объединяет четыре соответствующих доктрины. В частности, первой из них определяется международная вежливость, следующей выступает взаимность, третьей является доктрина приобретенных прав, к последней относится гармония, достигаемая между правом, с одной стороны, и судебным решением, с другой. Проанализируем представленные положения.

Итак, прежде всего, рассмотрим доктрину международной вежливости (*comity, comity of nations*). Данный принцип характеризуется высокой значимостью при рассмотрении судебных дел, которые связаны с порядком другого государства. Фактически, судебное признание важности и потребности международной вежливости демонстрирует факт присутствия конкретной концепции, сформированной аккумулированной судебной практикой, и предполагающей практическое использование иностранного закона вследствие проявления уважения к суверенитету соответствующей страны. Другой вариант предусматривает ограничение собственной национальной юрисдикции, обуславливаемое тождественной причиной [1].

При этом вышепредставленная доктрина отличается общим характером собственного применения, что не допускает ее интерпретацию в качестве условия признания и последующей практической реализации решений, сформулированных зарубежными судебными инстанциями.

Среди преимущественных международно-правовых принципов, характеризующихся общепризнанностью, выделяется сотрудничество стран. Данный принцип зафиксирован п. 3 ст. 1 Устава ООН. Кроме того, положениями, объединенными текстом Декларации о принципах международного права 1970 г., перечисляющая общепризнанные принципы международного права, непосредственно утверждается обязанность стран, заключающаяся в их взаимном сотрудничестве.

Наряду с иными предпосылками своего становления, рассматриваемый принцип сотрудничества опирается на результаты теории игр, обусловленные преодолением дилеммы заключенного. Так, произведя ряд соответствующих экспериментов, исследователи выяснили экономическую преимущественность реализации альтруистических стратегий, исходно базируемых на сотрудничестве. При этом самой предпочтительной оказалась стратегия *tit-for-tat* (иными словами «око за око»; далее — TFT). Положения указанной стратегии предусматривают применение в процессе первого хода принципов сотрудничества, после чего предпочтение отдается повтору последующих решений, принимаемых соответствующим оппонентом. Согласно позиции биологов, TFT, наряду с тем, что она является наиболее действенным преодолением дилеммы заключенного, также представляет собой наиболее продуктивную эволюционную стратегию. Так, данного мнения придерживается, достаточно много зарубежных исследователей [14, 16].

Согласно представлениям исследователей, возникновение и совершенствование актуальной доктрины правового сотрудничества (*international comity*) произошло в США [3]. Так, в качестве непосредственного примера приводят судебное требование, заявленное в 1895 г. со стороны гражданина Франции, и рассмотренное ВС США. Изучив предмет требования, ВС США отметил отсутствие положений федерального законодательства, регламентирующих постановленный вопрос, а также отсутствие соответствующего международного соглашения, заключенного с Францией. Исходя из указанных обстоятельств, ВС США определил потребность исходить в такой ситуации из принципа международной вежливости. При этом одновременно предусматривался отказ в признании и последующей практической реализации французского судебного решения. Представленный отказ аргументировался тем, что конкретный принцип «*comity*» не предполагает автоматическую возможность практической реализации решения, сформулированного зарубежной судебной инстанцией, когда в тождественных ситуациях французские судебные инстанции не реализовывали бы на основе взаимности американские судебные решения [16].

Иными словами, несмотря на то, что по американскому законодательству рассматриваемая доктрина вежливости интерпретируется в качестве базы для соответствующего признания решений, сформированных зарубежными судебными инстанциями [8], данный момент не гарантирует автоматического ее использования.

Согласно позиции судебной системы Австралии, ведущее значение исследуемого принципа состоит в толковании положений национального законодательства, обладающих потенциальной способностью к формированию правовых эффектов вне территориального пространства исходного государства [13]. В целом, рассматриваемые суды проявляют лояльность к практическому вменению принципа вежливости, при обязательном условии, что судебные инстанции страны соответствующего решения демонстрируют тождественную лояльность в отношении практической реализации австралийских судебных решений в рамках собственного территориального пространства.

Что касается судебной системы Великобритании, то временная протяженность реализации решений, сформулированных зарубежными судебными инстанциями, исходя из принципов международной вежливости, насчитывает весьма длительный период, отсчет которого начинается еще в XVII в. Согласно принятой в рассматриваемой стране позиции, международное право напрямую обуславливает потребность судебных инстанций одного государства способствовать судебным инстанциям другого. Кроме того, Английские суды исходили из того, что в случае отсутствия практической реализации на территории их страны зарубежных судебных решений, их собственные решения, в свою очередь, не найдут соответствующего исполнения в других государствах [11]. В целом, представленный исторический факт свидетельствует о становлении исходных основ последующей доктрины взаимности.

В представленном контексте, взаимность интерпретируется в качестве признания и последующей практической реализации решений, сформулированных иностранными судебными инстанциями, при неотъемлемом соблюдении аналогичного порядка зарубежной страной, отправителем такого решения.

Доктрина взаимности, указания на которую порой встречаются в западных источниках, отличается наличием определенной взаимосвязи с содержанием транснациональной доктрины вежливости. Здесь непосредственная сущность данного принципа интерпретируется в значении, сходном с реторсией. Иными словами, в качестве основания, обуславливающего отказ в признании и последующей принудительной реализа-

ции решения, сформулированного зарубежной судебной инстанцией, выступает отсутствие во внутригосударственном законодательстве страны постановления соответствующего решения потребности применения принципа *res judicata* в контексте решений, вынесенных судебными инстанциями страны, в которой требуется такая реализация [8].

Подчеркнем, что значительное число научных трудов [2; 11; 13], предметом изысканий в которых выступают аспекты признания и последующей реализации решений, постановленных зарубежными судебными инстанциями, оба вышепредставленных принципа (а именно, международная вежливость, а также взаимность) рассматриваются в едином контексте, определяясь как общая предпосылка для соответствующего признания и реализации.

Существует и иная позиция, разделяющая вышеуказанные принципы. В частности, взаимность рассматривается как адекватное основание для осуществления рассматриваемой реализации зарубежных решений, тогда как международная вежливость, напротив, к таким основаниям не причисляется [16].

С точки зрения К.Л. Брановицкого, суть взаимности в некотором смысле тождественна конкретному международно-правовому принципу, а именно, равенству и сотрудничеству [1, 2]. Далее представленный исследователь высказывает справедливую позицию, согласно которой равенство и сотрудничество представляют собой исходный источник публичного аспекта рассматриваемых вопросов, тогда как принцип взаимности скорее является источником частноправового их аспекта.

В исследуемом контексте определенный интерес представляет опыт, аккумулированный ЕС. В частности, согласно позиции, сформированной Европейским Судом по правам человека, наличие недопустимости реализации решений, постановленных зарубежными судебными инстанциями, на фоне отсутствия соответствующего международного соглашений, истолковывается в качестве нарушения права индивида на суд. Напомним, что данное право определено и закреплено ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Иными словами, при наличии представленных обстоятельств, постановление судебного решения и последующее отсутствие его практической реализации, обусловленное формальным признаком, является существенным нарушением выше представленного права. Значимость и актуальность обозначенного подхода обуславливаются его непосредственной взаимосвязью с наличествующим у индивида правом, а также способствованием сохранению соответствующего доступа к правосудию.

Также присутствует позиция, согласно которой взаимность интерпретируется как определенная процессуальная презумпция, адресующая должнику потребность соответствующего опровержения. Итак, наличие взаимности обуславливается непосредственной зависимостью от такового со стороны реализации зарубежного права, а также отсутствием доказательств другого.

Исходя из представленных обстоятельств, общемировая судебная практика демонстрирует значительное число ситуаций, при которых исходным условием формирования определения судебной инстанции о признании и реализации решения, сформулированного зарубежным судом, выступает принцип взаимности, при неотъемлемом наличии доказательств, что судебные инстанции такой зарубежной страны аналогично будут производить тождественные действия в отношении судебных решений государства, осуществляющего такое признание и реализацию.

В рамках транснациональных взаимодействий значительным вменением характеризуется принцип взаимной вежливости (*comitas gentium*) [5]. В представленном контексте вежливость подразумевает добровольное соблюдение публично-властными субъектами в транснациональных взаимодействиях положений, которые не закреплены нормами международного права.

Так, отталкиваясь от изучения существующих судебных решений, для интерпретации взаимности присутствует два варианта. Первый из представленных вариантов предполагает резюмирование судебной инстанцией указанного принципа при осуществлении признания зарубежного судебного решения. Второй вариант предполагает т.н. негативную взаимность, при которой судебная инстанция вынуждает к предоставлению доказательств факта наличия такого принципа.

В целом, подчеркнем отсутствие универсального международно-правового обычая, предусматривающего четкую обязанность, заключающуюся в признании зарубежных судебных решений. В ситуации, когда между странами нет соответствующего международного соглашения, каждая из них самостоятельно устанавливает возможность непосредственного признаний и конкретные условия, требуемые к соблюдению.

Согласно позиции, сформулированной отдельными исследователями, причиной, предопределяющей невозможность установления вышерассмотренных принципов в качестве исходных источников непосредственной потребности признания и реализации, рассматриваемых в настоящей статье, выступает недопу-

стимость интерпретации непризнания и не реализации в качестве нарушения принципа, предусматриваемого международной вежливостью, что, в свою очередь, обуславливается принципом суверенитета.

Таким образом, функционирование суверенных государств, отличающихся желанием формирования собственных правовых позиций, обуславливаемых реализацией своих устремлений и интересов, выступает предпосылкой невозможности становления общего механизма признания и последующей реализации решений, сформулированных зарубежными судебными инстанциями, равно как и обеспечения полной унификации их национальных законодательств [2].

Следующей из исследуемых доктрин определяется доктрина приобретенных прав. Исходя из сути представленного положения, предполагается зависимость между признанием и последующей реализацией решения, сформулированного зарубежной судебной инстанцией, с одной стороны, и принципом, предусматривающим потребность охраны прав, полученных в зарубежной стране, с другой. Согласно анализируемой доктрине, конкретные права, сформированные полномочной судебной инстанцией, характеризуются потребностью признания и последующего принудительного исполнения везде, что обуславливается универсальным правилом, предусматривающим уважение к правам, становление которых предопределяется внутригосударственным законодательством зарубежных стран. Неотъемлемым условием реализации указанного правила выступает отсутствие противоречия таких прав внедряемой политики, осуществляемой страной, в которой требуется соответствующая реализация, а также вреда ее интересам.

Охрана прав, которые были получены в зарубежной стране, отличается существенной взаимообусловленностью с принципом справедливости. При этом функционирование последнего в общем его виде способно вызывать определенные сомнения. В частности, допустима ситуация, при которой судебное решение, при постановлении которого были тщательно соблюдены все законодательные положения конкретного государства, и соответствующее морально-нравственным нормам, в нем установленным, вступает в диссонанс с публичным порядком страны, в рамках территориального пространства которой оно предполагается к реализации. Иными словами, судебное решение, полностью соответствующее принципу справедливости в одном государстве, не предполагает автоматическую тождественную оценку в иной стране.

Следующая доктрина предполагает наличие гармонии, достигаемой между правом, с одной стороны, и су-

дебным решением, с другой. Согласно обозначенной доктрине, существует взаимосвязь между признанием решений, сформулированных зарубежными судебными инстанциями, и использованием норм зарубежного законодательства. Иными словами, подчеркивается сходство закона, с одной стороны, и судебного решения, с другой, когда последнее определяется как закон, требуемый к непосредственному использованию в рамках конкретного спора.

В представленном контексте сложность заключается в аргументации допустимости реализации рассматриваемого решения потребностью охраны прав, становление которых обусловлено зарубежным национальным законодательством.

В рамках научных источников присутствует аргументация представленной потребности, исходя из представлений, связанных с правовым характером и идеями общественной ценности, базирующимися на справедливости, отличающей безотносительно приобретенные права. Предоставление официальной возможности реализации решения, сформулированного зарубежными судебными инстанциями, интерпретируется в качестве особого инструмента, способствующего становлению справедливости в рамках транснациональных гражданских и торговых взаимодействий.

Считается, что достаточным условием для реализации рассматриваемых решений определяется их удовлетворение определенным критериям справедливости, принятым в стране, где требуется соответствующая реализация.

Вынесение отказа в реализации по причине несоответствия конкретного решения публичному порядку, существующему в определенной стране, может интерпретироваться в качестве ущемления прав, принадлежащих взыскателя. При этом данный момент может также толковаться как восстановление прав, находящихся у должника. В каждом случае актуальной представляется потребность соблюдения тщательного баланса между интересами страны, постановившей конкретное судебное решение, с одной стороны, и государства, где требуется его реализация, с другой.

Отмеченная ранее универсальная Конвенция обладает потенциальной способностью выступить в качестве правовой основы транснационального признания и реализации рассматриваемых решений.

Заключение

Таким образом, подводя совокупное заключение представленной информации, дополнительно отметим

невозможность практического осуществления права на осуществление судебного разбирательства, базирующегося на принципе справедливости, в отсутствие определенных гарантий последующей реализации итогового судебного решения. Естественно, что обязательными условиями при этом должны определяться компетентность соответствующей судебной инстанции, а также охрана существующего отечественного правопорядка. Например, наличие оговорки о публичном порядке является достойным «фильтром» для такого положения.

Также отметим, что позиции, систематически публикуемые в рамках специальных источников, указывают на то, что реализация решения в отсутствие договора не соответствует отечественным национальным интересам, а также затрагивает аспекты суверенитета нашего государства, обуславливаются игнорированием потребности проведения качественного политико-правового анализа в ходе интерпретации закона.

В итоге необходимо акцентировать внимание на том, что в ходе реализации отечественными судебными инстанциями зарубежных решений при отсутствии соответствующего международного соглашения применяются следующие инструменты, в частности: прямое использование ст. 6 Европейской конвенции, употребление положений Нью-Йоркской конвенции 1958 г., использование принципа международной вежливости, а также расширительная интерпретация международных договоров, отличающихся общим характером. Представляется вполне очевидным, что возможность становления прозрачного и предсказуемого алгоритма транснационального оборота существующих многовариативных судебных решений обуславливается необходимостью максимально полного круга участвующих в данном процессе субъектов. В представленном контексте видится необходимым присоединение нашей стране к вышеприведенной новой Конвенции, а равно внесение корректировок в актуальные процессуальные кодексы посредством определения и фиксации презюмируемой взаимности.

Особое внимание необходимо сфокусировать на невозможности отдельного самостоятельного использования проанализированных в настоящей работе доктрин в качестве исходного фундамента признания и реализации рассматриваемых решений (иными словами, в отрыве от других). Кроме того, недопустимо исходить лишь из данных доктрин при установлении неотъемлемости такой реализации. Именно потому странами формируются и подписываются соответствующие вариативные международные соглашения (как между двумя конкретными государствами, так и многосторонние).

ЛИТЕРАТУРА

1. Брановицкий К.Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе / Арбитражный и гражданский процесс. — М., 2005. -№ 8. — С. 27.
2. Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в Европейском союзе и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект): автореф. дис. . . . д.ю. н. Екатеринбург, 2019. 30 с.
3. Власова Н.В. Взаимность как основание признания и исполнения в России иностранных судебных решений / Н.В. Власова // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 10 (61). — С. 190–196.
4. Гинзбург И.В., Аграшева О.Е. Исполнение иностранных судебных решений: теория и практика // Сборник материалов IV Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 90-летию СЮИ-СГЮА «Перспективы развития гражданского процессуального права». — Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. Академии. 2020. С. 28–32.
5. Евсеев П.Н. Сотрудничество органов юстиции по договорам о правовой помощи / П.Н. Евсеев // Правовое сотрудничество между социалистическими государствами; отв. ред. В.С. Тадевосян. — М: ИМО. 1962. — С. 175–182.
6. Засемкова О.Ф. «Судейская конвенция» как новый этап на пути признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений // Lex russica. 2019. №10. С. 84–103.
7. Изюмова Д.А., Корякова Е.А. Признание и исполнение иностранных судебных решений в отечественном гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 709–715.
8. Кайсин Д.В. Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // Закон. — 2014. — № 6. — С. 152–160.
9. Кузнецов Д.К. Правоприменительная основа признания иностранных арбитражных решений / Д.К. Кузнецов // Colloquium-Journal. — 2019. — № 15 (39). — С. 49–51.
10. Муранов А.И. Исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: компетенция российских судов / А.И. Муранов. — М.: Юстицинформ, 2002. — 168 с.
11. Попов В.В. Основания признания и исполнения иностранных судебных решений в России // Вопросы российской юстиции. 2021, № 15. С. 137–152.
12. Радбрух Г/ Философия права / Г Радбрух; Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. — М.: Междунар. отношения, 2004. — 238 с.
13. Яцук Н.П. Европейский разворот в регулировании признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений в Российской Федерации / Н.П. Яцук // Научные записки молодых исследователей. — 2018. — № 5. — С. 50–58.
14. Fali S. Nariman. The Convention contribution to the globalization of international commercial arbitration // Enforcing Arbitration Awards under the New York Convention. Experience and Prospects. — New York: United Nations, 2001. — P. 131–146.
15. Schultz T., Ridi N. Comity: the American development of a transnational concept // Yearbook of private international law: 2016/2017. — В., 2017. -Vol. 18. -P. 225.
16. Schultz T. Navigating sovereignty and transnational commercial law: The use of comity by Australian courts // King's college London Dickson Poon school of law legal studies research paper series. -L., 2016. — № 2. -P. 8–9.

© Гапонов Марат Дамирович (garonovm7@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННЫМ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ АЗАРТНЫХ ИГР

CORRUPTION AS A THREAT TO COMBATING ILLEGAL ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING

D. Goncharov

Summary. The article is devoted to the analysis of corruption crimes committed in the course of the activities of illegal gambling establishments. The issues of the negative impact of corruption on various areas of activity are considered. Studied the statistical data of the state of the fight against corruption. The most common elements of corruption crimes are considered. Some normative legal acts regulating the fight against corruption in the Russian Federation are analyzed. The author made an attempt to analyze the relationship between corruption crimes and illegal organization and conduct of gambling. Based on the studied practice of investigating criminal cases, the author identifies the main types of corruption committed by both the organizers of illegal gambling and law enforcement officers. The author analyzed the materials of criminal cases against persons who prevented the fight against illegal gambling, identified problematic issues related to the investigation of such crimes. Ways to improve the detection, disclosure and investigation of the facts of illegal organization and conduct of gambling are proposed. The issues of interaction between law enforcement agencies in the fight against illegal gambling are considered.

Keywords: Corruption; corrupt practices; organizer; gambling; opposition; analysis; state of crime; officials; detection; interaction.

Гончаров Дмитрий Константинович

Адъюнкт, ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской
Федерации», г. Керчь
dmitrij.goncharov.2016@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу коррупционных преступлений, совершаемых при осуществлении деятельности незаконных игорных заведений. Рассмотрены вопросы негативного влияния коррупции на различные сферы деятельности. Изучены статистические данные состояния борьбы с коррупцией. Рассмотрены наиболее распространенные составы коррупционных преступлений. Проанализированы некоторые нормативно-правовые акты, регламентирующие борьбу с коррупцией в Российской Федерации. Автором предпринята попытка проанализировать взаимосвязь преступлений в коррупционной сфере и незаконных организации и проведения азартных игр. На основании изученной практики расследования уголовных дел автором выделены основные виды коррупционных проявлений, совершаемых как организаторами незаконных азартных игр, так и сотрудниками правоохранительных органов. Автором проанализированы материалы уголовных дел в отношении лиц, препятствовавших борьбе с незаконными азартными играми, установлены проблемные вопросы, связанные с расследованием таких преступлений. Предложены пути совершенствования выявления, раскрытия и расследования фактов незаконных организации и проведения азартных игр. Рассмотрены вопросы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с незаконными азартными играми.

Ключевые слова: коррупция; взяточничество; организатор; азартные игры; противодействие; анализ; состояние преступности; должностные лица; выявление; взаимодействие.

Коррупция издавна является негативным явлением, порождающим условия, при которых создаются препятствия нормальному функционированию и развитию значимых отраслей экономики, гражданского общества и государства в целом. Немаловажным является факт угрозы коррупции национальной безопасности. Шишкарев С.Н. справедливо отмечает, что «чем выше уровень коррупции, тем беднее общество, не стабильнее политическая и экономическая системы страны, выше степень криминализации социума» [10]. Коррупция, как правило, приводит к дестабилизации безопасности общества, создает угрозу социально-экономическому и политическому развитию государства.

Поэтому борьба с коррупцией является неотъемлемой частью политической деятельности каждого

современного общества [11]. Согласно исследованию Международного антикоррупционного движения Transparency International «Индекс восприятия коррупции», Российская Федерация за 2021 год заняла 136 место из 180 стран мира [12].

Вопросы противодействия коррупции рассматривали в своих исследованиях многие ученые, такие как: М.В. Шадей, Н.С. Цинцадзе, М.К. Кумышева, В.В. Невинский, С.С. Худяков, Л.Р. Гибадулинова, О.П. Салтыкова, И.Е. Ильичев, М.М. Поляков, В.А. Черкашенин, В.А. Коновалов и др.

Однако, до настоящего времени в Уголовном Кодексе Российской Федерации отсутствует понятие «коррупция». Термин «коррупция» употребляется в статье 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ

«О противодействии коррупции», который является описательным и собирает в себе несколько составов преступлений, ответственность за которые уже предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [13]. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» гласит о том, что «Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение коррупционных преступлений», среди которых наиболее опасным определено взяточничество [14].

Взяточничеством в настоящее время пронизаны все сферы деятельности общества. Данное негативное явление приводит к нарушению нормального функционирования органов власти. Взяточничество и иные коррупционные преступления не обходят стороной и правоохранительные органы. Призванные бороться с преступностью, защищать интересы граждан и государства, некоторые их представители зачастую «сражаются» с преступниками, а порой и возглавляют организованные преступные группы и преступные сообщества, с целью получения колоссальных доходов.

Одним из прибыльных источников дохода от теневого бизнеса является незаконная организация и проведение азартных игр. Такой вид деятельности позволяет за относительно короткий промежуток времени получить огромный доход, в несколько раз превышающий размер вложенных инвестиций.

Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» установлены определенные ограничения на проведение азартных игр на территории Российской Федерации [15]. Указанным законом определены игорные зоны для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр [16, с. 299]. В соответствии со ст. 171.2 УК РФ, запрещена организация и (или) проведение игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети Интернет, средств связи, в том числе подвижной, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, сопряженное с извлечением дохода в крупном и особо крупном размере, либо совершенные организованной группой [17].

Ввиду значительных санкций за совершение преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, организа-

торы незаконных азартных игр, с целью минимизации рисков изобличения их незаконной деятельности, кроме мер конспирации [7], зачастую прибегают к помощи «не чистых на руку» сотрудников правоохранительных органов, которые ввиду своих служебных полномочий либо сами могут осуществлять проверки незаконных игорных заведений, либо располагают информацией о возможном времени проведения таких проверок.

А.Ю. Антонов вполне обоснованно относит к элементам планирования незаконной игорной деятельности выяснение уровня противодействия со стороны правоохранительных органов, а также поиск их корумпированных сотрудников, отвечающих за данное направление деятельности [1].

Такие сотрудники ради личной наживы создают препятствия другим сотрудникам при выявлении и раскрытии фактов незаконных организации и проведения азартных игр, создают иллюзию в сознании организаторов незаконных игорных заведений об их безнаказанности и недостижимости, скрывая и без того высококачественные преступления.

Однако, слаженная работа и взаимодействие различных правоохранительных органов позволяет своевременно выявлять и привлекать таких сотрудников к различным видам ответственности.

Ярчайшим тому примером является уголовное дело по ч. 6 ст. 290 УК РФ, рассмотренное 04.02.2019 Петушинским районным судом Владимирской области в отношении оперуполномоченного отделения экономической безопасности и противодействия коррупции полиции ОМВД России по Петушинскому району [4], который в период времени с 01.07.2014 по 22.05.2017 получил взятку в общей сумме 5623700 рублей от организаторов незаконных азартных игр А. и З. за систематическое предоставление последней информации о планируемых сотрудниками ОМВД России по Петушинскому району Владимирской области проверках незаконных игорных заведений на территории г. Петушки и г. Покров Петушинского района Владимирской области. Указанный сотрудник приговорен к лишению свободы на срок 6 лет и 4 месяца в колонии строгого режима и штрафу в размере двукратной суммы взятки. Благодаря проведенной масштабной работе сотрудниками УФСБ по Владимирской области, организаторы незаконных игорных заведений А. и З. также понесли ответственность по ч. 5 ст. 291 УК РФ и ч. 3 ст. 171.2 УК РФ.

Таким образом, сотрудники полиции ОМВД России по Петушинскому району, войдя в сговор с организаторами незаконных азартных игр, обеспечивали беспре-

пятственное осуществление незаконной игровой деятельности на протяжении двух лет и десяти месяцев, нанося ущерб государству и азартным игрокам.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, число преступлений, зарегистрированных по ст. 290 УК РФ в 2014 г. составило 5980, в 2015 г.— 6495, в 2016 г.— 5344, в 2017 г.— 3188, в 2018 г.— 3499, в 2019 г.— 3988, в 2020 г.— 4174, в 2021 г.— 5020, в январе-июне 2022 года — 3642. Количество преступлений по ст. 291 УК РФ в 2014 г. составило 5913, в 2015 г.— 6816, в 2016 г.— 4640, в 2017 г.— 2272, в 2018 г.— 2612, в 2019 г.— 3174, в 2020 г.— 3649, в 2021 г.— 4499, в январе-июне 2022 года — 2855 [2]. Анализируя полученные сведения, можем наблюдать динамичный рост коррупционных преступлений за последние 5 лет. Примечательно, что за первое полугодие 2022 года количество выявленных преступлений по ст. 290 УК РФ составляет 72,5% от количества фактов получения взяток, выявленных за весь 2021 год. Количество выявленных преступлений по ст. 291 УК РФ в первом полугодии 2022 года составляет 63,5% от количества выявленных фактов дачи взяток за 2021 год. Таким образом, можно предположить, что по итогам 2022 года будет наблюдаться прирост преступлений в сфере коррупции по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Такие внушительные цифры еще раз подтверждают, что коррупция с каждым годом приобретает все большие масштабы и становится угрозой нормального функционирования государства.

При выявлении преступлений, в том числе, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр, сотрудники органов внутренних дел и иных правоохранительных органов зачастую сталкиваются с проблемой недобросовестной работы их руководителей, которые, требуя выполнения поставленных задач, искусственно создают условия, при которых такие задачи априори не могут быть выполнены.

Примером тому может служить уголовное дело, рассмотренное 15.07.2019 Московским районным судом г. Твери по ч. 3 ст. 290 УК РФ в отношении исполняющего обязанности заместителя начальника полиции (по оперативной работе) УМВД России по Тверской области Б. [3], который получил денежные средства в виде взятки в сумме 120000 рублей за не пресечение преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, которые совершались в игорных заведениях Ф., в том числе, в игорном заведении, расположенном по адресу: г. Тверь, ул. Коминтерна, д. 20 г. С целью реализации своего преступного умысла, Б. дал указание сотрудникам УЭБиПК УМВД России по Тверской области, проводившим проверки

указанного игорного заведения, прекратить проведение проверок, сославшись на отсутствие законных оснований для возбуждения уголовного дела. После чего Б. организовал незаконное списание вышеуказанных материалов проверок в номенклатурное дело УЭБиПК УМВД России по Тверской области, предназначенное для приобщения сообщений, которые не содержат признаков преступления, с целью сокрытия своих преступных намерений.

Помимо преступлений, связанных со взяточничеством, зачастую сотрудники правоохранительных органов, с целью личного обогащения либо иных корыстных мотивов, совершают преступления коррупционной направленности. Такие преступления чаще всего совершаются должностными лицами, осведомленными в силу своих должностных полномочий, о планируемых мероприятиях, направленных на выявление и пресечение преступлений, со стороны иных правоохранительных органов.

Так 03.07.2019 Хостинским районным судом г. Сочи Краснодарского края рассмотрено уголовное дело по ч. 1 ст. 285 УК РФ в отношении инспектора отделения по исполнению административного законодательства отдела полиции (Хостинский район) УВД по г. Сочи Е. [5], который, получив информацию о планируемых прокуратурой Хостинского района г. Сочи обследованиях объектов, имеющих признаки действующих игорных заведений, сообщил об этом ранее знакомому С., незаконно организовавшему и проводившему азартные игры в Хостинском районе г. Сочи. В результате чего С. заблаговременно скрыл следы совершаемого преступления, замаскировав организованный им игровой клуб, под складское помещение, что позволило последнему во время проверки уйти от ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр. В последствии преступная деятельность С. и иных лиц, которые незаконно организовали и проводили азартные игры в якобы складском помещении, была выявлена, указанные лица привлечены к уголовной ответственности. Таким образом, действия Е. по предупреждению С. о планируемой проверке позволили последнему продолжить осуществлять преступную деятельность и несвоевременно понести уголовную ответственность за совершенное преступление, причинив существенный вред охраняемым законом интересам общества и государства.

Практике известны случаи, когда сотрудники правоохранительных органов пытаются помочь преступникам избежать уголовной ответственности после совершенного ими противоправного деяния, однако, в силу складывающихся не в их пользу определенных обстоятельств, им не всегда удается довести свой замысел до логического финала.

19.02.2020 Железнодорожным районным судом г. Орла рассмотрено уголовное дело по ч. 3 ст. 159 УК РФ в отношении начальника ОУУП и ПДН ОП № 3 (по Северному району) УМВД России по г. Орлу Л. [6], который получил от ранее знакомого С. денежные средства в общей сумме 100000 рублей за обещание повлиять на результаты расследования уголовного дела по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ, по факту незаконных организации и проведения азартных игр, возбужденного в отношении С., находящегося в производстве СО по Заводскому району г. Орел СУ СК России по Орловской области, с целью не привлечения С. к уголовной ответственности. При этом Л. в силу занимаемой должности не был наделен полномочиями по расследованию уголовных дел и принятию по ним процессуальных решений и не имел возможности повлиять на ход расследования уголовного дела.

Изучая практику расследования уголовных дел по фактам незаконных организации и проведения азартных игр, можем заключить, что в большинстве случаев, как на стадии доследственной проверки, так и во время проведения следственных действий, в окружении организаторов незаконных азартных игр присутствуют представители правоохранительных органов, пытающихся различными способами оказать им помощь в избежании уголовной ответственности за совершаемые преступные деяния, подталкивая последних к совершению иных преступлений и зачастую оказывающихся с ними на одной «скамье».

Такие лица своими действиями дискредитируют органы государственной власти и правоохранительной системы в целом, подрывают доверие к ним со стороны граждан и общества и создают общественное мнение о работниках МВД России как не способных защитить права и законные интересы граждан, что противоречит требованиям ст.ст. 1, 7, 9 Закона № 3-ФЗ «О полиции» [8], о необходимости осуществления своей деятельности в целях обеспечения общественного доверия к сотруднику полиции и не совершения любых действий, которые могут нанести ущерб авторитету органов внутренних дел в целом.

С целью противодействия таким нерадивым сотрудникам, представляется целесообразным при про-

ведении проверок незаконных игорных заведений привлекать к таким проверкам наиболее опытных, проверенных, добросовестных сотрудников, избегать утечки информации о запланированных мероприятиях, не посвящать в детали проверок лиц, не принимающих в них участия. Кроме того, необходимо отметить, что для эффективной борьбы с незаконными организацией и проведением азартных игр целесообразно осуществлять взаимодействие между сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, совместное планирование проводимых мероприятий, определение сил и средств, которые будут задействованы, немедленное реагирование и принятие решений при изменении складывающейся криминалистической ситуации.

Преступления в сфере незаконных организации и проведения азартных игр имеют высокую степень латентности. В случае, если такие преступления сопровождаются коррупционными проявлениями среди лиц, призванных их выявлять, создается угроза не привлечения к ответственности организаторов незаконных азартных игр и иных лиц, обеспечивающих их проведение. Поэтому можем предположить, что для наиболее эффективной борьбы с такими преступлениями необходимо изучать, разрабатывать и постоянно совершенствовать криминалистические рекомендации по их выявлению, раскрытию и расследованию, своевременно и в полном объеме использовать средства и методы оперативно-розыскной деятельности и специальные знания [9] в области компьютерных технологий, с привлечением необходимых специалистов.

Подводя итоги настоящей статьи, можно сделать вывод о том, что только совместная, слаженная, целенаправленная, бескомпромиссная и добросовестная работа сотрудников правоохранительных органов позволит пусть не искоренить, но успешно бороться с незаконными игорными заведениями, контролировать лиц, склонных к совершению подобного рода преступлений и обладать информацией об открытии новых игровых залов для немедленного реагирования и принятия действенных мер к их ликвидации и привлечению организаторов игровых заведений и лиц, проводящих азартные игры, к уголовной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов О.Ю. — Функции управления незаконной организацией и проведением азартных игр // Полицейская деятельность. — 2019. — № 6.
2. Портал правовой статистики. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации — URL: http://crimstat.ru/offenses_chart (дата обращения 11.08.2022).
3. Приговор Московского районного суда г. Твери от 15.07.2019 по делу № 1–69/19 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ <https://sudact.ru/regular/doc/NZU3ec2cclb0/> (дата обращения 12.08.2022).

4. Приговор Петушинского районного суда Владимирской области от 04.02.2019. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ <https://sudact.ru/regular/doc/uXcP80Zfmr/> (дата обращения 04.08.2022).
5. Приговор Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 03.07.2019 по делу № 1–151/2019. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ <https://sudact.ru/regular/doc/JyCkf7gQDeZa/> (дата обращения 02.08.2022).
6. Приговор Железнодорожного районного суда г. Орла от 19.02.2020 по делу № 1–11/2020. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ <https://sudact.ru/regular/doc/Vug7phahcyNB/> (дата обращения 15.08.2022).
7. Гончаров Д.К. Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования незаконной организации и проведения азартных игр / Д.К. Гончаров // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В.И. Шиканова, Иркутск, 10 декабря 2021 года. — Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. — С. 26–34.
8. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 16.08.2022).
9. Гусев А.В. Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности: автореф. дис. . . . д-ра юрид. Наук, Краснодар, 2015. — 46 с.
10. Шишкарёв С.Н. Борьба с коррупцией в системе приоритетов правового обеспечения национальной безопасности. // Вестник ПАГС. 2009. С. 102.
11. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/ (дата обращения 13.08.2022).
12. Индекс восприятия коррупции 2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptcii-2021-29-ballof-i-136-e-mesto> (дата обращения 13.08.2022).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022). [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 17.08.2022).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения 17.08.2022).
15. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в редакции от 02.07.2021) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ (дата обращения 10.08.2022).
16. Лимарь А.С. К вопросу о совершенствовании мер предупреждения незаконных организации и проведения азартных игр // Уголовная ответственность и наказание. Мат. Всерос. научн. — практ. конф. Под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань. 2017. С. 296–301.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022). [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (дата обращения 11.08.2022).

© Гончаров Дмитрий Константинович (dmitrij.goncharov.2016@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2974.2022.09.07

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ И ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

ON THE CONTINUITY OF SOCIAL ORIENTATION HOUSING POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND LEGAL MECHANISMS FOR ITS IMPLEMENTATION

**A. Gudkov
V. Mishchenko
E. Kotlyarova**

Summary. In this article, the authors analyze the legal mechanisms for the implementation of housing policy at various stages of the historical development of the Russian state, note the continuity of the social orientation of this sphere of public relations.

Assessing the progress made in solving the housing problem, the authors draw attention to the problematic aspects of regulating housing legal relations at the present stage of the socio-economic development of the Russian Federation, emphasizing that the task of providing citizens with affordable and comfortable housing remains relevant.

Keywords: person, state, law, dwelling, housing legislation, legal regulation, social orientation of housing policy.

Тысячелетняя история развития цивилизации свидетельствует о том, что на всех этапах своего развития человечество не переставало заботиться о безопасности своего бытия, постоянно совершенствовало среду своего обитания, заботясь, в первую очередь, о безопасном и комфортном жилище.

По мере развития научно — технического прогресса происходили значительные изменения в сфере материальной и духовной культуры. Главной движущей силой всех преобразований был и остается человек, который, действуя в конкретных исторических условиях, всегда стремился обеспечить себе и своей семье достойные жилищные условия, исходя из достигнутого уровня материальной культуры, сложившихся традиций жилищной архитектуры и собственного достатка.

В Российской Федерации проблема обеспечения населения доступным и комфортным жильем остается актуальной, несмотря на существенные изменения в данной сфере. С развитием науки и техники, произ-

Гудков Анатолий Иванович
Кандидат юридических наук, доцент, ВЮИ ФСИИ
России

gudkovaniv@yandex.ru

Мищенко Вячеслав Иванович
Кандидат философских наук, доцент, ВЮИ ФСИИ
России

vyacheslav-mischenko@mail.ru

Котлярова Елена Исааковна
Кандидат философских наук, ВЮИ ФСИИ России
kotlyarova.advokat@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторы анализируют правовые механизмы реализации жилищной политики на различных этапах исторического развития российского государства, отмечают преемственность социальной направленности данной сферы общественных отношений.

Оценивая достигнутые успехи в решении жилищной проблемы, авторы обращают внимание на проблемные аспекты регулирования жилищных правоотношений на современном этапе социально — экономического развития РФ, подчеркивают, что задача обеспечения граждан доступным и комфортным жильем остается актуальной.

Ключевые слова: человек, государство, закон, жилое помещение, жилищное законодательство, правовое регулирование, социальная направленность жилищной политики.

водительных сил и производственных отношений, роста производительности труда и благосостояния людей меняются требования, предъявляемые субъектами гражданского права к размерам (площади) и комфортности жилого помещения.

Ретроспективно анализируя правовые аспекты регулирования жилищной политики советского периода, вспомним, что в условиях командно — административной экономики, например, в частном секторе пределом мечтаний был дом, который, согласно действующему законодательству, находился в личной собственности граждан. Нормативно — правовую основу регулирования жилищных отношений на этом историческом этапе составляли Конституция СССР, ГК РСФСР 1964 года, Жилищный кодекс РСФСР 1983 года, подзаконные нормативные правовые акты.

Отметим, что ни в одном нормативно — правовом акте советского периода и речи быть не могло о частной собственности, которая признавалась источником

эксплуатации человека человеком, причиной неравенства и несправедливости. Так, норма права ст. 106 ГК РСФСР 1964 года указывала на невозможность нахождения в собственности граждан более одного жилого помещения. При этом, в ситуации, когда в личной собственности субъектов гражданского права оказывалось более одного дома, (например, образовалась семья, в которой каждый из супругов владел домом до брака), такая семья была обязана в течение года произвести отчуждение одного из домов.

Важной вехой жилищного строительства в РСФСР стала вторая половина 50 — х годов, когда после XX съезда партии, на котором был разоблачен культ личности Сталина, руководство страны принялось решительно избавляться от сталинизма во всех сферах: в политике, экономике, науке и культуре. Этот подход коснулся и жилищной политики.

В декабре 1954 года состоялось Всесоюзное совещание строителей, на котором прозвучала резкая критика в адрес тех специалистов архитектуры и строительства, кто, как было сказано, занимались «украшательством» и «архитектурными излишествами» [5]. В это время в периодической печати и специальных изданиях шло активное обсуждение о целесообразности и необходимости массового типового строительства.

4 ноября 1955 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Главной идеей названного документа было освоение технологии быстрого и дешевого типового строительства. Так завершилась эпоха сталинской архитектуры, 7 зданий-высоток которой являются украшением Москвы и памятниками архитектуры, вызывающих восхищение и у наших современников.

Началась эпоха массового типового строительства, что позволило в короткие сроки переселить людей из жилья барачного типа, из землянок и коммуналок в отдельные благоустроенные квартиры. Это был важный этап в реализации социальной политики государства. Благодаря хрущёвским реформам были построены сотни миллионов квадратных метров жилья.

В научных публикациях и средствах массовой информации можно встретить различные статистические данные. Так А.Г. Григорьева приводит данные, согласно которым за период 1956–1963 годы жилищный фонд страны увеличился с 640 до 1184 млн. квадратных метров [4]. В других источниках речь идет о 290 млн. квадратных метров, введенных в строй в России с 1959 по начало 80 -х годов XX столетия. Не подвергая ре-визии названную статистику, отметим, на наш взгляд,

главное: это, несомненно, был прорыв в жилищном строительстве, а в сознании россиян старшего поколения этот период ассоциируется как важнейший этап реализации социальной политики в решении жилищных правоотношений.

С улучшением материального благосостояния людей менялись и требования к жилью. Маленькие и тесные «хрущевки» уже не радовали население. Людям хотелось большего жизненного пространства в жилом помещении, просторной кухни с выходом на лоджию и т.п. Однако строительство «хрущевок» продолжалось еще долгое время. И только после 1969 года, в связи с принятым постановлением ЦК КПСС и СМ СССР

«О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства», начался постепенный отказ от строительства хрущёвок. Разрабатываются новые типовые проекты жилищного строительства, начинается строительство многокомнатных квартир улучшенной планировки. Такие квартиры строились преимущественно из кирпича в период с 1970 по 1990 годы. В народе их назвали «брежневками».

По нашему мнению, определенную положительную роль в обеспечении граждан жилыми помещениями сыграла программа «Жилье — 2000», принятая в 1986 году, целью которой было обеспечение отдельной квартирой каждой семьи к началу нового тысячелетия. Рассчитанная на 15 лет, программа прекратила свое действие в 1990 году вместе с ликвидацией Госстроя СССР. За этот достаточно недолгий срок было введено в строй 650 млн. квадратных метров жилья, выросла обеспеченность жилой площадью на одного человека с 14,6 до 16,5 квадратных метров.

В декабре 1991 года произошел распад СССР, завершилась целая эпоха и в сфере жилищного строительства, темпы которого в последующее десятилетие существенно замедлились. Отметим, что особенностью правового регулирования и реализации жилищной политики этого важного и значимого этапа было то, что заказчиком, финансистом, подрядчиком и собственником возводимого жилья было государство, которое предоставляло гражданам жилые помещения по договору социального найма в бессрочное пользование. Граждане не имели права совершать никакие гражданско — правовые сделки со своим жилищем, за исключением обмена жилых помещений.

С принятием в 1990 году Закона РСФСР «О собственности в РСФСР» впервые легитимно в нормативно — правовом акте было закреплено положение о частной собственности. Окончательно этот процесс завершился с принятием Конституции РФ в 1993 году [1].

Действующая Конституция РФ отражает смену эпох в удовлетворении жилищных потребностей, переход к новой системе, которая складывается из таких конституционных основ, как отказ государства от монополии на собственность и экономическую деятельность, утверждение равенства различных форм собственности, включая частную собственность на жилье и землю. Многие зависят от своевременного изменения законодательства, которое призвано развивать и совершенствовать новые формы решения жилищных проблем. Государственный жилищный фонд утратил господствующее положение, возникла частная собственность граждан и юридических лиц на жилищный фонд, частные проектные и строительные организации, образовался рынок жилья, земли и т.п. [5].

В настоящее время какие-либо ограничения, касающиеся размеров жилища и правомочий собственников, в российском законодательстве отсутствуют. В частности, в ст. 213 ГК РФ [3] законодатель отмечает, что в собственности физических и юридических лиц может находиться любое имущество, не изъятое из оборота, при этом подчеркивается, что не ограничивается и его стоимость. Эта норма права в полной мере распространяется и на жилые помещения.

Следует отметить, что и Основной закон страны, и новый ЖК РФ, вступивший в силу в марте 2005 года, сохранили социальную направленность жилищной политики. Так, ч. 3 ст. 40 Конституции РФ [1] корреспондирует с разделом 3 ЖК РФ [2], в котором анализируется правовой механизм предоставления жилых помещений по договору социального найма. Свидетельством тому, например, является выполнение социальных обязательств государства по отношению к льготным категориям граждан, которым, в соответствии с действующим законодательством, предусмотрены меры поддержки. Причем эта поддержка оказана в сложных экономических условиях противодействия коронавирусной инфекции.

Несмотря на существующие проблемы, с помощью государственных программ поддержки россияне, которые относятся к льготным категориям, улучшают свои жилищные условия. В настоящее время российское жилищное законодательство относит к так называемым «льготникам» 18 категорий граждан. Это, в первую очередь, ветераны Великой Отечественной войны, инвалиды и ветераны боевых действий. На решение жилищных проблем названных категорий граждан в 2020 году государство выделило 6,28 млрд. рублей, что позволило обеспечить жильем почти две тысячи семей инвалидов, а также нуждающиеся в улучшении жилищных условий ветеранов Великой Отечественной войны и участников боевых действий.

Среди других категорий, получивших господдержку в решении жилищных проблем, следует назвать, например, переселенцев из районов Крайнего Севера, ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС, молодые семьи. Так, из федерального бюджета было выделено 5,1 млрд. рублей для 16,1 тыс. молодых семей, 4,7 млрд. рублей на жилищные сертификаты для 2,1 тыс. семей переселенцев из районов Крайнего Севера, более 2,8 млрд. рублей для тысячи ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Эти примеры государственной поддержки граждан являются свидетельством социальной направленности жилищной политики.

Однако следует отметить, что нередко льготные категории граждан находятся в очереди в течение довольно длительного времени (15–20 лет).

Вступление в силу Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ, стало новой вехой

в развитии жилищной строительства в стране. На наш взгляд, этот важный нормативно — правовой акт существенно повлиял на решение жилищной проблемы, благодаря которому миллионы граждан за счет собственных и кредитных финансовых средств смогли улучшить жилищные условия. Но в ходе реализации данного закона проявились и негативные последствия в виде такого постыдного явления для правового государства, как обманутые дольщики. Вопрос о решении жилищной проблемы названной категории участников долевого строительства находится сегодня в поле постоянного внимания федеральной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ.

В названный закон неоднократно вносились изменения, результатом которых явилось решение о переходе строительной отрасли на проектное финансирование. Переход на эскроу-счета нейтрализовал действия недобросовестных застройщиков, которые в настоящее время не могут по своему усмотрению распоряжаться деньгами граждан — участников долевого строительства, а получают финансовые средства только после передачи жилого помещения их собственникам.

С целью защиты и восстановления прав обманутых дольщиков Правительством РФ в октябре 2017 года был создан Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства, по данным которого в России насчитывается 159 тысяч обманутых дольщиков. В Единый реестр проблемных объектов по итогам 2021 года включены 2910 домов. И если в Москве и Московской

области в основном проблемы решены, то в регионах эта проблема остается весьма острой.

Над решением этих вопросов сегодня работают и правительство РФ, и регионы. Так, впервые во Владимирской области обманутые дольщики получают компенсации с помощью Фонда защиты прав граждан — участников долевого строительства. Администрация области строго следит за соблюдением плана-графика осуществления мер по восстановлению прав граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства. На наш взгляд, это острая проблема, требующая самого пристального внимания и постоянного контроля со стороны органов власти всех уровней.

В заключение отметим, что главной целью всех преобразований должна быть реализация интересов человека труда, рост его благосостояния, его социальное самочувствие, которое во многом зависит от степени удовлетворенности в комфортном жилье. Благодаря принятым мерам правового регулирования и эффективным организационно — управленческим решениям в ходе реализации национального проекта «Жилье и городская среда» в 2021 году впервые в новейшей истории России достигнут рекордный ввод в строй 92,

6 млн. квадратных метров жилья. Свои жилищные условия улучшили более 10 млн. россиян.

В то же время, как отмечают эксперты, чье мнение мы разделяем, ключевой фактор, мешающий нарастить объемы строительства,— это рост ставок по ипотеке в сочетании с опережающим темпом роста цен на жилье, неурегулированные права собственности на значительную часть земель, дефицит коммуникаций и монополизированный рынок подведения инфраструктуры. Все это позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правовых механизмов в сфере реализации государственной жилищной политики. Так, по итогам заседания Госсовета, состоявшегося в августе 2022 года, принято решение о разработке пятилетней комплексной программы «Строительство», на реализацию которой в 2023–2027 годы предусмотрено 1 трлн. 900 млрд. рублей. А Правительству РФ уже к середине ноября 2022 года поручено проработать вопрос о целесообразности продления национального проекта «Жилье и городская среда» до 2030 года. Полагаем, этот вопрос будет решен положительно, что послужит новым конструктивным шагом на пути решения жилищной проблемы в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 20.08.2022 года.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 1, ч. 1, ст. 14.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N32. ст. 3301.
4. Григорьева А.Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «оттепели»// Теория и практика общественного развития. — 2010 № 4.с. 12
5. Документ, который изменил все. Главное о постановлении «Об устранении излишеств. . .» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://strelkamag.com/ru/article/dokument-kotoryi-izmenil-vsyo> . Дата обращения 20.08.2022 года.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru),

Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru), Котлярова Елена Исааковна (kotlyarova.advokat@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ/ОБВИНЯЕМЫХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

FEATURES OF ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF JUVENILE SUSPECTS/ACCUSED IN CRIMINAL CASES

O. Doleva

Summary. This article discusses the specifics of ensuring and protecting the rights and legitimate interests of minors who are suspects/accused in criminal cases.

The object of the study is the rights and legitimate interests of minor suspects/accused, the subject is the procedure for ensuring them, depending on the legal status of the minor.

The literature review includes regulatory legal acts of the federal level, scientific literature, as well as materials of periodicals.

The normative legal basis of the study were certain provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The methodological basis of the study was a systematic approach, general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, system and structural method) and private scientific methods (comparative legal, formal logical, descriptive).

Results of the study: the result of the study was the identification of the significance of the manifestation of an individual, comprehensive approach aimed at analyzing the circumstances to be proved, the use of special knowledge in the investigation of criminal cases against minors, the manifestation of special attention to the living conditions of a minor; orientation to the use of coercive measures of educational influence against a minor; the use of special research methods, conducting examinations, involving a teacher, a psychologist in the process of criminal proceedings.

The author concludes that special attention to ensuring and protecting the rights and legitimate interests of minors involved in criminal proceedings is caused by the lack of a minor, due to his age and mental development, the ability to qualitatively and effectively resist criminal prosecution and the indictment, to protect their rights and legitimate interests. The current procedure for criminal proceedings against minors guarantees the protection of their rights and legitimate interests, promotes a comprehensive study of the circumstances of the commission of a crime, the identity of a minor suspect/accused.

Долева Ольга Андреевна

Помощник прокурора, юрист 1 класса,
Прокуратуры Лежневского района Ивановской
области
olya.doleva@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности обеспечения и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, являющихся подозреваемыми/обвиняемыми по уголовным делам.

Объектом исследования являются права и законные интересы несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых, предметом — порядок их обеспечения в зависимости от правового статуса несовершеннолетнего.

Обзор литературы включает нормативные правовые акты федерального уровня, научную литературу, а также материалы периодических изданий.

Нормативной правовой основой исследования стали отдельные положения Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили системный подход, общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение, системный и структурный метод) и частно-научные методы (сравнительно-правовой, формально-логический, описательный).

Результатом исследования выступило выявление значимости индивидуального, всестороннего подхода к личности несовершеннолетнего субъекта преступления, проявление особого внимания к установлению обстоятельств жизни несовершеннолетнего; важности применения специальных методов исследования, проведения экспертиз, привлечения к участию педагога, психолога при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории; ориентация на применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего.

Автор делает выводы о том, что особое внимание к обеспечению и защите прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства вызвано отсутствием у несовершеннолетнего в силу его возраста и психического развития возможности качественно и эффективно противостоять уголовному преследованию и предъявленному обвинению, защищать свои права и законные интересы. Действующий порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних гарантирует охрану их прав и законных интересов, способствует всестороннему исследованию обстоятельств совершения преступления, личности несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого.

Ключевые слова: законные интересы несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых, законный представитель, несовершеннолетний подо-

Keywords: legal interests of minor suspects/accused, legal representative, minor suspect, minor accused, rights of minor suspects/accused.

Введение

Одной из важнейших задач нашего государства является защита прав ребенка. Указанное выступает и в качестве приоритетного направления государственной политики — Президентом Российской Федерации 2018–2027 годы объявлены «Десятилетием детства». Государством гарантировано обеспечение гражданам их права на защиту. Только в этом случае можно говорить о справедливом правосудии. Подтверждением тому выступает постулат, который закреплен в статье 38 Конституции Российской Федерации, согласно которому охрана детства находится под особой защитой государства [5].

Обзор литературы

Освещение вопросов, затронутых в статье, определило обращение авторов к нормативным правовым источникам, научной литературе, материалам периодических изданий. Необходимо отметить, что весомый вклад в исследование заявленной проблематики в разные годы внесли Шестакова Л.А. [1], Елагина Е.В. [2], Лазарева В.А., Демкина М.С. [3], Орлова А.А., Виноградова О.Б. [4] и другие авторы.

Материалы и методы

При подготовке статьи автор опирался на широкий круг разнообразных источников. Среди них следует отметить нормативные правовые акты, среди которых особое значение имеет Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, работы отечественных ученых, материалы интернет-ресурсов. При написании статьи использованы системный подход, общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение, системный и структурный метод), а также частно-научные методы (сравнительно-правовой, формально-логический, описательный).

Результаты исследования

Лицам, которые не достигли совершеннолетия, предоставляются особые гарантии обеспечения их прав и законных интересов. Указанное обусловлено отсутствием у данной категория лиц полноценной возможности защищать свои права и интересы самостоятельно в силу их возраста и психического развития. При

зреваемый, несовершеннолетний обвиняемый, права несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых.

этом законодатель не выделяет несовершеннолетнего в качестве особого субъекта.

Положениями ст. 19, 20 УК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 421, ст. 73 УПК РФ установление возраста несовершеннолетнего обязательно, поскольку его возраст входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, является одним из условий его уголовной ответственности [6].

Гарантией обеспечения прав несовершеннолетнего, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом, является прекращение в отношении него уголовного преследования в случае не достижения таким несовершеннолетним возраста, с которого наступает уголовная ответственность. В таком случае уголовное преследование подлежит прекращению по основанию, указанному в п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Аналогичное решение подлежит реализации и в случае достижения несовершеннолетним возраста наступления уголовной ответственности, при условии наличия на момент совершения преступления отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством. В таких случаях, в силу ст.ст. 195 и 196, ч. 2 ст. 421 УПК РФ надлежит назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в целях решения вопроса о психическом состоянии несовершеннолетнего, его способности правильно воспринимать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства [7].

В целях дачи оценки особенностям личности подростка представляется обязательным выяснение обстоятельств жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня его психического развития. Установленные данные о нахождении несовершеннолетнего на учете у нарколога, психиатра, об условиях воспитания, о наличии у него черепно-мозговых травм, других заболеваний, о низкой успеваемости могут свидетельствовать об отставании в психическом развитии. Непоследовательность поведения подростка, необычность мотивации его поведения могут являться поводами к сомнению в его дееспособности.

В связи с тем, что несовершеннолетние, в силу подверженности внешнему влиянию, могут стать фактически орудием совершения преступных намерений старших по возрасту лиц, что, безусловно, влечет причинение вреда моральному и нравственному развитию таких несовершеннолетних, принципиальной правовой оценке подлежит влияние на них взрослых.

Указанное влечет необходимость дачи оценки, как характеру их взаимоотношений, так и непосредственно роли взрослого в совершенном несовершеннолетним преступлении. При установлении такой роли действия совершеннолетнего взрослого лица будут подлежать оценке по статьям 150, 151 УК РФ.

При этом законодатель в статье 422 УПК РФ, в целях обеспечения прав несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления совместно со взрослым, допускает выделение уголовного дела в отношении такого несовершеннолетнего в отдельное производство. При этом, в случае невозможности выделения, представляется необходимым рассматривать вопрос об исключении негативного влияния на несовершеннолетнего взрослого в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу.

В связи с необходимостью обеспечения права несовершеннолетнего на защиту, обусловленного неполной процессуальной дееспособности несовершеннолетнего, законодатель указывает на обязательный допуск к участию в деле с момента первого допроса несовершеннолетнего, наряду с защитником (адвокатом), его законного представителя (ст.ст. 48, 191, 424–426 УПК РФ). При этом числу законных представителей относит его родителей, усыновителей, опекунов или попечителей, представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый/обвиняемый.

В практике нередки случаи, когда позиция законного представителя несовершеннолетнего не отвечает интересам несовершеннолетнего, выявляются факты, свидетельствующие о ненадлежащем законном представителе, как например, в случае по уголовному делу, находившемуся в производстве территориального отдела СУ СК России одного из субъектов, по признакам преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, по факту причинения 06.01.2017 несовершеннолетним И.В.Н., 06.01.2001 г.р., тяжкого вреда здоровью несовершеннолетнему В.О.А. с использованием предмета в качестве оружия при обстоятельствах, свидетельствующих об умышленном характере действий подозреваемого. По результатам расследования уголовного дела следователем действия подозреваемого И.В.Н. по причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшему В.О.А. квалифицированы по ч. 1 ст. 109 УК РФ [8].

При изучении уголовного дела прокурором установлено, что подозреваемый И.В.Н. допрошен с участием отца Н.В.В., защитника и психолога. При оценке соблюдения требований п. 12 ст. 5 и ч. 1 ст. 426 УПК РФ в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого И.В.Н. установлено, что ре-

шением суда Н.В.В. лишен родительских прав в отношении указанного несовершеннолетнего.

В связи с изложенным, Н.В.В. не мог участвовать в ходе допросов несовершеннолетнего подозреваемого И.В.Н. в качестве законного представителя, будучи лишенным прав родителя решением суда, вступившим в законную силу. Таким образом, гарантированное положениями ч. 1 ст. 426 УПК РФ право несовершеннолетнего на участие в ходе его допросов законного представителя следователем обеспечено не было.

По результатам изучения уголовного дела прокурором вынесено постановление о признании доказательств недопустимыми, уголовное дело направлено для организации дополнительного расследования.

В целях соблюдения интересов несовершеннолетнего законодатель указывает на возможность отстранения законного представителя от участия в уголовном деле с одновременным допуском другого законного представителя в случае, если установлено, что действия законного представителя наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого, (ч. 4 ст. 426 УПК РФ).

Бережное отношение к психическому состоянию несовершеннолетнего, применение индивидуального подхода к нему, а также необходимость обеспечения его права на защиту вызваны стремлением смягчить психотравмирующее воздействие на него жесткой процессуальной формы [1, с. 23]. В этой связи все активнее в процессе уголовного судопроизводства находят применение специальные методы исследования, проведение экспертиз, привлечение к участию педагога, психолога [2, с. 54].

Более того, обязательное участие лиц указанных категорий при допросах несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых в возрасте от 14 до 16 лет, а также в возрасте от 16 до 18 лет — при условии, что такое лицо страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии, закреплено в ст. 425 УПК РФ.

При этом на законодательном уровне процессуальный статус педагога или психолога в процессе проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего четко не определен. Представляется, что при участии в уголовном судопроизводстве ими выполняются функции специалиста. При этом законодатель наделяет данных лиц лишь частью тех прав, которыми обладает специалист [3, с. 101].

Педагог, как и психолог, как носитель знаний в области психологии несовершеннолетних, привлекается

к участию в проведение следственных действий, прежде всего с целью обеспечения соблюдения процессуальных прав несовершеннолетнего, содействию следователю в фиксации показаний. Предполагается, что квалифицированный специалист способствует установлению значимых обстоятельств, позволяет своевременно выявлять признаки самооговора.

Положениями ст.ст. 191, 425 УПК РФ определена зависимость продолжительности следственных действий от возраста несовершеннолетнего, установлено, что их производство в ночное время допускается лишь в случаях, не терпящих отлагательства. Представляется объективным способом обеспечения права несовершеннолетнего на нормальное психическое развитие указание законодателя на невозможность привода несовершеннолетнего в возрасте до четырнадцати лет, в случае его неявки без уважительных причин по вызову лица, которое осуществляет досудебное производство по уголовному делу. При это возможность применения видеозаписи или кино съемки в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего поставлена в зависимость от согласия как самого несовершеннолетнего, так и его законного представителя на ее проведение [4, с. 51].

В целях реализации гуманного отношения к несовершеннолетним, охраны их нравственного и психического развития, благоприятного воздействия на их поведение, положениями статьи 423 УПК РФ предусмотрена обязанность по обсуждению возможности применения альтернативной меры пресечения в виде передачи несовершеннолетнего подозреваемого/ обвиняемого под присмотр законных представителей или других лиц, заслуживающих доверие. В случае нахождения несовершеннолетнего в специализированном детском учреждении — в виде передачи такого несовершеннолетнего под присмотр должностных лиц этого учреждения (статья 105 УПК РФ) [9].

Указанным выше целям служит и взаимосвязь категории тяжести инкриминируемого несовершеннолетнему преступления с практикой избрания таким несовершеннолетним меры пресечения.

Законодатель не допускает избрание меры пресечения, связанной с изоляцией от общества, в отношении

не достигшего 18 лет лица, по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести, указывая на возможность применения такой меры пресечения только в отношении несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

В целях обеспечения интересов несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого, способствования его нравственному развитию, становлению на путь исправления без изоляции от общества законодателем предоставлена возможность освобождения несовершеннолетнего от наказания и применения к нему в соответствии с ч. 1 ст. 92 УК РФ принудительных мер воспитательного воздействия с одновременным постановлением обвинительного приговора. При решении судом вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания и направлении его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, в отношении несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого обязательным является проведение медицинского освидетельствования, предметом которого будет являться установление наличия/отсутствия у него заболеваний, которые могут препятствовать содержанию и обучению в таком учреждении.

Обсуждение и заключения

Особое внимание к обеспечению и защите прав и законных интересов субъектов преступлений по уголовным делам, расследуемым в отношении несовершеннолетних, обусловлено отсутствием у несовершеннолетних в силу их возраста и психического развития возможности качественно и эффективно защищать свои права и законные интересы при осуществлении в отношении них уголовного преследования.

Значимым по уголовным делам в отношении несовершеннолетних представляется проявление индивидуального, всестороннего подхода, направленного на проведение анализа обстоятельств, подлежащих доказыванию, применение при расследовании уголовных дел упомянутой категории специальных познаний, проявление особого внимания к условиям жизни несовершеннолетнего; ориентация на применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2016. 280 с.
2. Елагина Е.В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 115 с.

3. Лазарева В.А., Демкина М.С. Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 101–107.
4. Орлова А.А., Виноградова О.Б. Правовое регулирование представительства интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства: проблемы и способы их решения. // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 23–28.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант-Плюс.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС Консультант-Плюс.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета от 27 декабря 2013 года № 294.

© Долева Ольга Андреевна (olya.doleva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Иваново

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ЕАЭС

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF ECONOMIC ENTITIES IN THE EAEU STATES

Z. Zairullina

Summary. In the article, the author tried to consider the problem of ensuring the economic security of each integration association, including the Eurasian Economic Union, on the basis of ensuring the national and economic security of each EAEU member state and to identify the main factors affecting the economic security of the EAEU countries, as well as to offer practical recommendations that contribute to the formation and development of the economic security system of the EAEU countries. It is proposed to create an independent arbitration center that has the ability to consider applications from economic entities of the participating countries that recognize its jurisdiction, which will ensure effective dispute resolution within the EAEU.

Keywords: subject of economic activity, EAEU, economic security, protection of rights.

Зайруллина Зульфия Наильевна

*Аспирант, ФГАОУВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», г. Казань
zulfiya.zayrullina@mail.ru*

Аннотация. В статье автор попытался рассмотреть проблему обеспечения экономической безопасности каждого интеграционного объединения, включая Евразийский экономический союз, на основе обеспечения национальной и экономической безопасности каждой страны-участницы ЕАЭС и определить основные факторы, влияющие на экономическую безопасность стран ЕАЭС, а также предложить практические рекомендации, способствующие формированию и развитию системы экономической безопасности стран ЕАЭС. Предложено создание независимого третейского центра, обладающего возможностью рассматривать заявления хозяйствующих субъектов стран-участниц, признающих его юрисдикцию, что обеспечит эффективное разрешение споров в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: субъект экономической деятельности, ЕАЭС, экономическая безопасность, охрана прав.

Охрана прав субъектов экономической деятельности в государствах ЕАЭС может быть обеспечена только в рамках современной рыночной экономики с условиями возможности реализации своих прав в рамках разрешения спора и эффективного правового регулирования, включая нормотворческий процесс, где предусмотрены основные аспекты охраны прав субъектов экономической деятельности в государствах ЕАЭС.

В условиях становления и развития рыночной экономики интеграционные процессы лежат в основе эффективного развития каждой страны. В соответствии с концепцией отечественных и зарубежных ученых, ключевая идея, лежащая в основе интеграционных процессов, заключается в целесообразности для тех стран, которые характеризуются равным уровнем экономического развития.

Очевидно, что этот фактор обострил проблему экономической безопасности интеграции постсоветских стран [1]. В этой связи актуальной проблемой является обеспечение экономической безопасности каж-

дого интеграционного объединения, включая Евразийский экономический союз, на основе обеспечения национальной и экономической безопасности каждой страны-участницы. Система экономической безопасности ЕАЭС необходима для формирования траектории эффективного развития Единого экономического пространства, в рамках которого с 2015 года функционирует Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Кыргызстан [2].

Деятельность ЕАЭС направлена на комплексную модернизацию, сотрудничество, повышение конкурентоспособности национальных экономик и создание условий, способствующих стабильному социально-экономическому развитию стран ЕАЭС в интересах повышения уровня жизни населения [3].

В этой связи были определены основные факторы, влияющие на экономическую безопасность стран ЕАЭС и предложены практические рекомендации, способствующие формированию и развитию системы экономической безопасности стран ЕАЭС.

В первую очередь необходимо отметить, что одной из важнейших задач Евразийской экономической комиссии является налаживание эффективного механизма обмена информацией, характеризующей прямые и косвенные угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза. Соответствующая информация о состоянии системы экономической безопасности стран ЕАЭС и самого Евразийского экономического союза в целом генерируется с помощью инструментария контроллинга и является основой для разработки эффективной системы экономической безопасности [4, с. 180–183]

Оценка состояния экономической безопасности ЕАЭС основана на своевременном выявлении вызовов и угроз экономической безопасности каждой страны-участницы, на оперативном реагировании на них, на выработке управленческих решений и рекомендаций, формируемых системой управления рисками в рамках инструментария контроллинга [4, с. 108–183].

Основными целями управления рисками являются:

1. выявление и оценка текущих и потенциальных вызовов и угроз экономической безопасности стран ЕАЭС;
2. оценка ресурсов, необходимых и достаточных для предотвращения вызовов, и угроз экономической безопасности ЕАЭС;
3. планирование государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности для каждой страны ЕАЭС, определение целей органов исполнительной власти, субъектов естественных монополий, государственных корпораций, компаний и других заинтересованных организаций;
4. разработка управленческих решений, направленных на противодействие экономическим санкциям, введенным в отношении стран ЕАЭС, мониторинг их реализации и оценка эффективности, а также предоставление ответных мер в отношении стран, вводящих данные санкции [4, с. 180–183].

Так, чтобы объективно оценить системы экономической безопасности, выделить тенденции к оптимизации факторов риска и, таким образом, снизить угрозы экономической безопасности стран ЕАЭС, изучены данные аналитических отчетов Всемирного банка «Ведение бизнеса», который публикуется Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией (входит в группу Всемирного банка). В данных отчетах представлены рейтинги 189 стран по показателю создания благоприятных условий для ведения бизнеса, в котором количественный и качественный аспект характеризует основные компоненты систем экономической безопасности 190 стран.

В ходе проведенного исследования выявлены общие проблемы, влияющие на состояние системы экономической безопасности ЕАЭС и национальных систем экономической безопасности стран-участниц ЕАЭС; эти вопросы негативно влияют на деятельность взаимовыгодных торговых отношений.

Например, полная унификация базовых налоговых ставок в странах-членах ЕАЭС не была достигнута, поскольку размер налоговых ставок и сборов зависит от уровня экономического развития каждой страны, от проводимой налоговой политики и от реализации реформ в данной сфере. Консультативной комиссии по налоговой политике и администрированию ЕЭК целесообразно рассмотреть возможности внедрения опыта Европейского союза в Евразийском экономическом союзе; в ЕС, согласно проекту директивы об общеевропейской системе налога на добавленную стоимость, планируется установить минимально приемлемую ставку НДС на пять последующих лет [5].

Для составления рейтинга используется десять показателей. Они имеют равное значение, лежат в основе процесса регулирования предпринимательской деятельности, учитывают время и стоимость выполнения требований страны для регистрации предпринимателем нового предприятия, позволяют проводить торговые операции, обеспечивают выполнение контрактов, налогообложение и закрытие предприятия. В процессе составления рейтинга страны учитываются такие переменные, как макроэкономическая политика, качество инфраструктуры, квалификация рабочей силы, колебания валютных курсов, мнения инвесторов, безопасность и уровень коррупции [6]

Следовательно, условия организации и ведения бизнеса в каждой стране рассматриваются исключительно на уровне государственного регулирования, без учета политических аспектов.

Итоговый рейтинг отражает ранг каждой страны, значение которого определяется уровнем благоприятных условий для ведения бизнеса, где высокая позиция означает, что ее регулирующий климат способствует ведению бизнеса и характеризует экономическую безопасность [6].

В ходе исследования определено, что экономическая безопасность в условиях рыночной экономики является ключевым фактором, характеризующим благоприятные условия для организации и ведения бизнеса. В этой связи, для эффективного развития стран Евразийского экономического союза необходима концепция экономической безопасности, способствующая реализации стратегического вектора в системе управ-

ления рисками на основе инструментария контроллинга, учитывающего специфику национальных систем экономической безопасности России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана.

Функции и полномочия по осуществлению мониторинга и оценки состояния экономической безопасности переданы органам законодательной и исполнительной власти ЕАЭС, которые выполняют функции по продвижению государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития ЕАЭС.

Разработка концепции экономической безопасности Евразийского экономического союза способствует стимулированию конкурентоспособности, создавая, таким образом, наиболее благоприятные условия для накопления капитала и обеспечения функционирования внутреннего рынка с минимальными ограничениями и барьерами.

Эффективное стратегическое планирование экономической безопасности позволяет в полной мере реализовать один из основных принципов интеграции — свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на территории Евразийского экономического союза.

Следующим условием эффективной охраны прав субъектов экономической деятельности в государствах ЕАЭС является действенный механизм разрешения споров. Существующие договоры между государствами-членами ЕАЭС не обеспечивают эффективного механизма разрешения споров.

На основании проанализированных документов, касающихся деятельности Суда ЕАЭС, можно сделать вывод, что Суд ЕАЭС не достаточно соответствует потребностям и ожиданиям современного делового сообщества. Законодатели должны соответствовать ожиданиям быстро развивающегося бизнес-сообщества и выполнять взятые на себя обязательства в рамках международных организаций.

Дополнительно хотелось бы обратить внимание на существующие механизмы разрешения споров между хозяйствующим субъектом и государственным органом в странах, входящих в ЕАЭС. Существующий порядок обжалования уже не соответствует последним требованиям и разработкам, происходящим в рамках интеграционных сообществ.

Следует отметить, что ранее государствами-членами ЕАЭС поднимался вопрос о создании арбитражно-

го (третейского) центра. Концепция создания международного арбитражного центра Таможенного союза предполагала, что компетенция Международного арбитражного центра Таможенного союза (арбитражного центра) будет значительно шире, чем компетенции любого другого международного коммерческого арбитражного центра. Кроме того, предполагалось, что арбитражный центр будет создан в соответствии с законодательством Российской Федерации и соответственно расположен на ее территории [7]

К ведению арбитражного центра были отнесены следующие споры:

- ◆ споры, вытекающие из договорных и гражданско-правовых отношений;
- ◆ споры между акционерами/участниками юридических лиц, связанные с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридических лиц;
- ◆ споры, связанные с акциями/долями в юридических лицах, обременениями акций/долей;
- ◆ споры, возникающие из требований акционеров/участников юридического лица о взыскании убытков, прекращении сделок юридических лиц;
- ◆ споры, связанные с назначением, избранием, приостановлением или прекращением полномочий физических лиц, входящих в состав органов управления юридических лиц;
- ◆ споры, связанные с ценными бумагами, в том числе споры о решениях органов управления, выпускающих такие ценные бумаги. К ним также относятся операции, совершенные в процессе выпуска ценных бумаг, отчеты об итогах выпуска ценных бумаг;
- ◆ споры, возникающие из деятельности реестродержателя ценных бумаг, связанные с правами собственности на акции и иные ценные бумаги;
- ◆ споры, связанные с обжалованием решений органов управления юридических лиц;
- ◆ споры, возникающие в связи с деятельностью депозитариев в отношении прав собственности на акции и иные ценные бумаги;
- ◆ споры, связанные с защитой репутации в сфере предпринимательства и иной экономической деятельности;
- ◆ споры, связанные с недвижимостью [7]

Для обеспечения эффективной работы третейского центра предполагалось, что государства-члены подпишут международное соглашение, в котором будут уточнены вопросы компетенции третейского центра, предусмотрен упрощенный порядок признания и исполнения решений третейского центра по территории государств-членов. Он также должен был предусмотреть специальную процедуру применения обеспечительных мер, применяемых арбитражным центром.

Предполагалось, что организационная структура арбитражного центра будет состоять из президента, правления, генерального секретаря и секретариата. Концепция предусматривала, что правление будет состоять из двух палат. В свою очередь, каждая палата будет состоять из 6 человек. Первая палата будет рассматриваться как международная палата, в которую должны будут входить широко признанные и уважаемые международные представители юридической науки, и иностранные судьи, вышедшие на пенсию. Во вторую палату (внутреннюю палату) должны были войти широко известные представители юридической науки и практикующие юристы государств-членов Таможенного союза. Внутренняя палата должна была быть сформирована таким образом, чтобы обеспечить каждое государство-член двумя представителями [7].

Также предполагалось, что состав трибунала будет формироваться арбитражным центром и должен включать гражданина одного из государств-участников, международного арбитра и независимого председателя.

Председатель Казахстанского международного арбитража Сулейменов М.К. выступил с предложением о создании арбитражного центра по аналогии с арбитражным центром в рамках Арабской конвенции о коммерческом арбитраже (Амманская конвенция).

Амманская конвенция была подписана 14 апреля 1987 года с целью создания единого свода правил коммерческого арбитража между арабскими странами, признанного среди международных и национальных правил арбитража [8].

Таким образом, действие Конвенции распространяется на коммерческие споры между физическими и юридическими лицами, независимо от гражданства или места регистрации, связанные между собой коммерческими сделками с одним из договаривающихся государств, либо с одним из его граждан, либо с юридическим лицом, которая зарегистрирована в этом штате.

Стороны вправе передать любой спор в арбитражный центр, включив арбитражную оговорку в свой договор или включив арбитражную оговорку после возникновения спор [8].

Вместе с тем следует отметить, что предложенная в 2013 г. Концепция создания арбитражного центра имеет ряд существенных недостатков.

Предложенный механизм создания двух палат (международной и внутренней), назначения управляющего совета для дальнейшей подготовки списка арбитров

и председателей трибуналов является весьма бюрократическим процессом. Кроме того, такая процедура может создать почву для коррупции в отношении назначения арбитра и поставить под угрозу универсальные принципы разрешения споров — независимость и беспристрастность арбитров. Хозяиствующие субъекты вправе назначать своих арбитров, но не ограничиваться их списком [7].

Структура арбитражного центра должна быть проста и понятна рядовому бизнесмену. Его правила должны отражать современные требования профессионального и беспристрастного разрешения споров, а международные соглашения, регулирующие деятельность и компетенцию арбитражного центра, должны предусматривать четкую процедуру безусловного исполнения решения арбитражного центра государствами-членами. Хозяиствующие субъекты должны свободно решать, где проводить процесс разрешения споров — либо в столицах, либо в других крупных городах государств-членов. При этом регламент арбитражного центра не должен содержать общих положений, чтобы исключить возможность неверного толкования или непоследовательного применения его положений [7].

Только действительно независимый третейский центр, обладающий возможностью рассматривать заявления хозяиствующих субъектов стран-участниц, признающих его юрисдикцию, обеспечит эффективное разрешение споров в рамках ЕАЭС. Арбитражный центр позволил бы применить все международно-признанные рекомендации, руководящие принципы, регулирующие принципы ведения международного арбитража, назначения арбитров и экспертов и т.д.

Арбитражный центр должен быть создан как независимая некоммерческая международная организация, которую можно было бы назвать, например, Евразийской торговой палатой, в которую вошли бы тысячи ассоциаций и компаний, заинтересованных в развитии коммерческих отношений на территории ЕАЭС. Евразийская торговая палата могла бы помочь компаниям в решении различных проблем в рамках ЕАЭС. Основной целью такого учреждения могло бы стать развитие уважения к высоким стандартам ведения бизнеса в ЕАЭС.

Международный арбитражный центр Евразийской торговой палаты поможет завоевать доверие тех национальных и транснациональных компаний, которые сегодня предпочитают решать свои споры за рубежом.

В результате мы можем получить мощный, эффективный и быстрорастущий единый рынок в рамках

Евразии, который послужит примером для других сообществ и привлечет в ЕАЭС больше инвестиций мирового бизнес-сообщества.

С момента образования Евразийского экономического союза его деятельность вызывает много вопросов в международно-правовой науке. Все время возникает вопрос о правовой природе ЕАЭС, об отношениях между ЕАЭС и другими государствами, об интеграционных образованиях в рамках ЕАЭС, о необходимости развития и реформирования. В связи с этим особое внимание уделяется вопросам, связанным с эффективностью нормотворческого процесса в рамках этой организации, уровнем имплементации принятых международных актов, проблемой их имплементации в национальные правовые системы государств-членов ЕАЭС. Однако эффективность актов ЕАЭС во многих случаях остается не в полной мере эффективной. Они выполняются государствами-участниками недостаточно в ряде областей сотрудничества. И самое главное, что эти невыполнения имеют место в сферах, связанных с формированием нового экономического порядка, зоны свободной торговли, единого рынка труда, которые являются основой охраны прав субъектов экономической деятельности [9].

Нормы международного права, направленные на формирование единого экономического пространства и установление единой налоговой политики, не в полной мере эффективны [10]. Все это показывает, что потенциал, заложенный в актах, заключенных в рамках ЕАЭС, все еще полностью реализуется на практике, и многое еще предстоит сделать для совершенствования норм международного права, повышения их эффективности [10].

Глубинные причины невысокой эффективности многих норм Союза коренятся не в правовых сферах, а в политических и социально-экономических, как справедливо отмечают многие исследователи [9]. Развитие сотрудничества со странами ЕАЭС является одним из главных внешнеполитических приоритетов Республики Казахстан [11]. Работа по углублению интеграции на пространстве Союза остается приоритетной для Казахстана и для других стран ЕАЭС.

Однако вопросы эффективности и имплементации международных норм ЕАЭС не были объектом специального исследования в международно-правовой науке Казахстана. Научный интерес представляют публикации ученых из государств ЕАЭС, а также авторов из других стран, посвященные изучению эффективности и имплементации международно-правовых актов, норм и институтов.

В своей работе Марочкин С.Ю. отмечает, что эффективность международно-правовой нормы — это комплексная категория, характеризующая качество международной нормы [12, с. 184]. Основными признаками, характеризующими норму как эффективную, являются ее обоснованность, реальность, соотношение цели и достигнутого результата. В таком случае необходимо различать действующую норму международного права в двух значениях. В первом значении его можно оценить по тому, как оно закреплено в международно-правовых актах и правовых обычаях. Во втором случае эффективная норма может быть оценена только на основе всего процесса ее действия, начиная с ее содержания, механизма реализации и наличия достигнутого результата.

Национальное законодательство государств-участников Союза оказывает существенное влияние на реализацию международно-правовых норм ЕАЭС. В связи с этим в исследовании обосновывается разница между эффективностью норм, принятых государствами ЕАЭС, и эффективностью их реализации как в межгосударственной сфере, так и во внутренней.

Рассматривая проблему эффективности и имплементации норм международного права, необходимо придерживаться метода системного подхода, поскольку существуют проблемы не только правового характера, но и экономического и политического. Это было наглядно продемонстрировано в деятельности Союза, где многие его нормы остаются нереализованными из-за их низкой эффективности в различных сферах [9].

Существующая в Республике Казахстан тенденция приведения национального законодательства в соответствие с положениями международных правовых норм позволяет совершенствовать казахстанскую правовую систему, приближая ее к мировым стандартам в различных сферах — экономической, социальной, культурной и политической. В то же время метод реализации, который будет использоваться для достижения цели, полностью зависит от Казахстана.

На основании изложенного, в целях улучшения нормотворческого процесса в рамках охраны прав субъектов экономической деятельности предложены следующие формы совершенствования институциональной системы в рамках ЕАЭС.

Представляется необходимым повысить эффективность актов, принимаемых в рамках ЕАЭС, двумя взаимосвязанными способами:

1. наделение органов Союза правом принимать решения прямого действия на территории государств-участников, которые не требуют их

последующей имплементации во внутреннее законодательство и имеют обязательную юридическую силу и примат над национальными правовыми актами в случае коллизий;

- наделение органов ЕАЭС полномочиями осуществлять эффективный контроль в рамках традиционных международно-правовых процедур и закрепление других специальных правовых механизмов интеграции в учредительном соглашении.

Низкая эффективность механизмов контроля за исполнением принятых актов и мер ответственности государств-членов Союза за невыполнение обязательств приводит к неисполнению актов, принятых в рамках интеграционных объединений государств-участников ЕАЭС.

Исходя из этой позиции, проведен анализ договорной базы, регулирующей единое таможенное пространство ЕАЭС. Анализ показал, что международно-правовые нормы ЕАЭС в сфере таможенного регулирования характеризуются их эффективным внутренним качеством: действительностью, реальностью, гарантией и т.д., успешным действием, внедрением, экономической эффективностью и достижением цели, соответствующей потребностям прогрессивного развития международных отношений. В то же время следует подчеркнуть, что сегодня очень трудно выделить какие-либо нормы международного права, которые теоретически соответствовали бы приведенному выше описанию [13, с. 38–45]

В процессе реализации необходимо различать, во-первых, непосредственную фактическую деятельность государств и других субъектов права, направленную на обеспечение соблюдения норм международного права, достижение общественно значимого результата; во-вторых, различать юридические и организационные действия, такие как издание дополнительных нормативных актов, включая административные акты, создание специальных органов, контроль за соблюдением норм международного договора.

В целом, суть этого процесса всегда одинакова: государство должно привести внутреннее законодательство в соответствие с международным правом, чтобы обеспечить соблюдение предписаний, разрешений и запретов, установленных последним. В соответствии с Конституцией Республики Казахстан (пункт 3 статьи 4) предусмотрены оба способа реализации. Выражая свое согласие на обязательность для себя международного договора путем присоединения или утверждения, а также в случае его ратификации, Казахстан также принимает на себя определенные международные обязательства [14].

Существующая в Республике Казахстан тенденция приведения национального законодательства в соответствие с положениями международных правовых норм позволяет усовершенствовать казахстанскую правовую систему, приблизить ее к мировым стандартам в различных сферах экономической, социальной, культурной, политической жизни мирового сообщества, а метод внедрения, который позволит будет использоваться для достижения цели, всецело зависит от Казахстана [15]

Национальное законодательство государств-участников Союза оказывает существенное влияние на процесс имплементации международно-правовых норм ЕАЭС. В связи с этим возникает вопрос между эффективностью норм, принятых государствами ЕАЭС, и эффективностью их выполнения, как в межгосударственной сфере, так и во внутренней.

Анализ международных договоров в экономической сфере позволяет в целом говорить о достаточном правовом механизме регулирования отношений для обеспечения охраны прав субъектов экономической деятельности. Нормы Договора о ЕАЭС обеспечивают формирование и развитие свободы передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение согласованной, скоординированной или единой политики в определенных секторах экономики [16]. В развитие интеграционного процесса Союза приняты конкретные меры на новую перспективу для углубления сотрудничества в следующих основных сферах: в финансово-экономической сфере, в области управления энергетикой, в вопросах технического регулирования, конкуренции и антимонопольной деятельности, в гуманитарной и социальной областях, в координации цифровизации и развитие инновационных технологий [17]. Национальные правовые нормы приводятся в соответствие с международными обязательствами этого государства. Именно нормы внутреннего права обеспечивают имплементацию международного права.

В то же время отсутствует четкий механизм согласования и взаимосвязи международных актов, принятых на различных уровнях сотрудничества и интеграции. Дальнейшее решение проблем совершенствования нуждается в частичной реформе, которая, в первую очередь, должна касаться правового регулирования реализации процедур рассмотрения отчетов. Необходимо принять специальные договорные нормы о правовом статусе и распределении компетенции между органами ЕАЭС, осуществляющими контроль, а также о характере их решений. Целесообразно разработать систему санкций за невыполнение принятых обязательств государствами-участниками Союза. [18, с. 511–515]

Все вышеуказанные меры будут реализованы государствами ЕАЭС в рамках Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», утверждённых решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года № 12 [17].

Решение проблемных аспектов охраны прав субъектов экономической деятельности в государствах ЕАЭС зависит от реализации национальных и международных интеграционных обязательств государств ЕАЭС, а также деятельности национальных или наднациональных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю.А. Фридман, Г.Н. Речко, Ю.А. Писаров «Экономическая безопасность, экономическая защищенность и конкурентоспособность: региональный аспект» — <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-ekonomicheskaya-zaschischnost-i-konkurentosposobnost-regionalnyy-aspekt-1>
2. Единое экономическое пространство (ЕЭП). Ссылка. Доступно в Интернете: <https://ria.ru/spravka/20120101/529308191.html>
3. Официальный сайт ЕАЭС. Доступно в Интернете: <http://www.eaeunion.org/>
4. В.Д. Ковалева. Формирование системы контроллинга в условиях становления и развития инновационной экономики. Экономика и управление: проблемы и решения. Научно-практический журнал, 2(38), 2016, с. 180–183.
5. Анализ действующих систем регулирования агропродовольственного рынка в государствах-членах ЕАЭС в части налогообложения, кредитования, ценового регулирования и разрешительной системы. — МЛ, 2015. стр. 8–10. <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/5fc/ANALIZ-obshchiy-EAES.pdf?ysclid=16tinie0zt564169579>
6. Ведение бизнеса. 2018 год. Доступно в Интернете: <http://www.doingbusiness.org/>
7. Международный центр арбитража в рамках Таможенного союза: проблемы и перспективы создания и развития <https://journal.zakon.kz/4582804-mezhdunarodnyjj-centr-arbitrazha-v.html>
8. Конвенция Арабских государств о коммерческом арбитраже (Амманская конвенция) <https://www.conventions.ru/int/13143/?ysclid=16tivpi3dj225401442>
9. «Правовые проблемы функционирования евразийского экономического союза» Е.Ф. Довгань, М.А. Мокосеева, Международный университет «МИТ-СО», Республика Беларусь, г. Минск, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола — <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-funktsionirovaniya-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza?ysclid=16w0hy502t227256068>
10. Некоторые проблемы договорного регулирования международных отношений в области охраны окружающей среды <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-dogovornogo-regulirovaniya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-v-oblasti-ohrany-okruzhayushey-sredy>
11. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы» — <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280>
12. Марочкин. С.Ю. Условия и критерий эффективности норм международного права: понятие, соотношение/ С.Ю. Марочкин. — Свердловск, 1984. — 184 с.
13. Боклан Д.С. Соотношение права Евразийского экономического союза и соглашений ВТО// Современное международное право: глобализация и интеграция. Сборник научных статей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2016. С. 38–45
14. Конституция Республики Казахстан https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_
15. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» — <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>
16. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240>
17. «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», утверждённого решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года № 12: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H20B0000012>
18. Базманова А.Г. Современные проблемы и перспективы развития Евразийского экономического союза / А.Г. Базманова, М.Г. Исаев // Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире. — 2016. — № 5. — С. 511–515.

© Зайруллина Зульфия Наильевна (zulfya.zayrullina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ СС (CREATIVE COMMON) КОНТРАКТОВ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Исмаилов Руслан Акиф

Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный
Экономический Университет
Ruslik957@mail.ru

THE INFLUENCE OF CC (CREATIVE COMMON) CONTRACTS ON INTELLECTUAL AND LEGAL RELATIONS OF A CROSS-BORDER NATURE

R. Ismailov

Summary. The practice of exchanging works free from traditional legal disclaimers aims to mark both ideological and systemic distance from the exclusive proprietary regime of copyright. Positive public engagement in creative action is a defining feature of a transformative culture in the digital realm that encourages creative collaboration among multiple people, without any constraints in space or time. IP regimes are contrary to this practice. This article will address the intellectual property issues that arise in connection with a transformative culture. Take the example of Creative Commons licenses and their interaction with internationally recognized intellectual property rights. We conclude that the chilling implications of this legal uncertainty surrounding IP enforcement may be detrimental to copyright in general, but that IP rights can still represent a strong defense mechanism against today's risks associated with digitally transformative creativity.

Keywords: intellectual property rights, user-generated content, Creative Commons, public domain.

Аннотация. Практика обмена произведениями, свободными от традиционных правовых оговорок, направлена на то, чтобы обозначить как идеологическую, так и системную дистанцию от исключительного имущественного режима авторского права. Позитивное вовлечение общественности в творческие действия является определяющей чертой трансформационной культуры в цифровой сфере, которая поощряет творческое сотрудничество между несколькими людьми, без каких-либо ограничений в пространстве или времени. Режимы интеллектуальных прав противоречат этой практике. В этой статье будут рассмотрены проблемы в области интеллектуальных прав, возникающие в связи с преобразующей культурой. Возьмем в пример лицензии Creative Commons и их взаимодействие с международно признанными интеллектуальными правами. Приходим к выводу, что пугающие последствия этой правовой неопределенности, связанной с обеспечением соблюдения интеллектуальных прав, могут нанести ущерб авторскому праву в целом, но что интеллектуальные права все еще могут представлять собой сильный механизм защиты от современных рисков, связанных с цифровым преобразующим творчеством.

Ключевые слова: интеллектуальные права, пользовательский контент, Creative Commons, общественное достояние.

Введение

В глобальном масштабе нормативная база авторского права создает сильно фрагментированный ландшафт, и интеллектуальные права не являются исключением [1, с. 5]. Современное применение и обеспечение соблюдения интеллектуальных прав на транснациональном уровне происходит в различных формах, оттенках и размерах.

Личные неимущественные права уже давно составляют прочную основу, на которой строится защита авторских прав. Это справедливо и на европейском уровне. Например, Европейский суд (CJEU) постановил, что автор может использовать аргументы защиты интеллектуальных прав для защиты законных монополий, предлагаемых правилами авторского права. В онлайн-деле Spiegel (C-516/17) Генеральный адвокат

(AG) Шпунар указал, что «личные неимущественные права, вытекающие из авторского права, если они остаются за рамками гармонизации, осуществляемой Директивой 2001/29, должны учитываться при толковании положений этой директивы, когда применение этих положений может отрицательно повлиять на эти права». Как бы то ни было, в разгар усилий по гармонизации правил авторского права и созданию единого цифрового рынка, интеллектуальные права стоят особняком.

Исторически личные неимущественные права предполагали (по крайней мере) одного автора, а главное, законченного, оригинального произведения. Каждый автор имеет возможность пользоваться этими правами независимо от того, как было создано произведение и сколько других участников. Радикальный сдвиг в сторону крупномасштабного плюрализма в творчестве,

вызванный оцифровкой, не обеспечил легкий путь для интеллектуальных прав на их цифровые версии. Французское законодательство, например, кратко, но существенно, обращается к этому типу творчества, создавая отдельную правовую категорию «множественных произведений» [12, с. 64]. По сути, это работы, созданные более чем одним автором, как совместное предприятие или как собрание отдельных произведений, внесенных в более крупное произведение. Это различие, даже если оно тонкое в теории, будет иметь значение для установления интеллектуальных прав на практике. В первом случае осуществление личных неимущественных прав соответствующим автором (авторами) должно осуществляться в соответствии с интересами группы, а во втором случае каждый автор волен осуществлять по своему желанию свои личные неимущественные права на свои независимые вклады.

Применение индивидуалистического права, несущего значительные территориальные связи, в транснациональном масштабе современного (цифрового) творчества становится достаточно сложным. Наступление XXI века поразило авторское право растущей потребностью общественности в совместном использовании, повторном использовании и ремиксах. В то же время личные неимущественные права рассматривались как спорные и ограничивающие, даже если они наделяют полномочиями. Не имея более эффективных инструментов регулирования, были созданы механизмы частных заказов для облегчения, организации и масштабирования совместного использования творческих интересов. Договорные решения, такие как решения Creative Commons, представляют собой такой подход, который с тех пор доминирует в области совместного творчества.

В этой статье будет рассмотрено взаимодействие между интеллектуальными правами и преобразующими произведениями на примере использования лицензии Creative Commons. Сначала рассмотрим общие недостатки взаимодействия интеллектуальных прав с пользовательским контентом. Затем примем во внимание доступный набор инструментов Creative Commons для изучения соответствия интеллектуальным правам и рассмотрения возможных путей продвижения вперед.

Интеллектуальные права на пользовательский контент

Общественность традиционно квалифицируется авторским правом как просто пассивные получатели произведений. Однако место общественности в целом и отдельных пользователей резко изменилось [9, с. 64]. Их роль в «потребительской» культуре трансфор-

мируется во все более активную. Большая часть того, что правила авторского права воспринимают и определяют как «публичную», регулярно, если не ежедневно, участвует в актах творчества, основанных на ранее существовавших works, найденных в Интернете. Экономика платформы и социальные сети побуждают пользователей участвовать в процессе создания, предоставляя им удобные технологические инструменты для публикации продуктов их выражения в Интернете. Этот тип творчества стал нормой в цифровом творчестве и является основой для довольно прибыльной системы для крупных игроков и ключевых игроков платформы на рынке, созданной вокруг пользовательского контента.

Требование о праве на повторное использование охраняемых произведений без предварительного разрешения их рецензентов иногда признавалось судами с использованием либо существующих ограничений и исключений из авторского права, либо подходов к основным правам [8, с. 54]. Однако перестановки в юридических категориях авторов и работ ставят в тупик рамки личных неимущественных прав из-за отсутствия координации между теорией и практикой. Концептуальные рамки, в которых были задуманы и развиты личные неимущественные права, разрушаются с расширением пользовательских или преобразующих произведений.

В гражданско-правовых нормах *смысл* введения личных неимущественных прав, по-видимому, заключается в создании прав, присущих автору, прав, которые обеспечивают авторский контроль и которые уравнивают переговорную силу между художниками и третьими сторонами. Эти права были реализованы в эпоху обширной защиты авторского права, которая отвечала многочисленным проблемам, с которыми сталкивается искусство. Однако презумпция того, что автор будет считаться более слабой стороной в соглашении, заключенном путем переговоров, и что регламентационные постановления обеспечат сбалансированность договорных соглашений об авторском праве, в последние годы приобретает новую форму. Хотя этот дисбаланс находится в центре европейской реформы авторского права, он в основном фокусируется на отношениях авторов с онлайн-посредниками. Таким образом, балансирование, связанное с интеллектуальными правами в преобразующих произведениях, остается довольно недостаточно изученным.

В ходе текущих дебатов по реформе авторского права эти вопросы представляются в виде исключений и ограничений из авторского права или «прав пользователей». От интеллектуального анализа данных до пользовательского контента и от преобразующих

работ до гибридных приложений и мемов повторное использование существующих охраняемых произведений сформировало новую творческую категорию оригинальных произведений. Исключения и ограничения из авторского права облегчают это творческое выражение, и суды стремятся сбалансировать интеллектуальные права авторов существующих произведений с правом на творчество и свободой выражения последующего автора. Некоторые национальные юрисдикции рассматривают новые пути творчества с использованием инновационных, даже если несовершеннолетних, решений, таких как исключение созданных пользователями произведений в канадском законодательстве об авторском праве. Аналогичным образом, в ходе дебатов о реформе авторского права в Европе обсуждалось и выдвигалось исключение для преобразующего использования, но оно не было реализовано в окончательной Директиве об авторском праве.

Опора на нормативные документы оказалась недостаточной из-за территориального правоприменения и различных национальных правовых режимов. Как подчеркнул Халабардер, *«строгая территориальность особенно чувствительна к отсутствию гармонизации в области личных неимущественных прав, а также в области ограничений. В зависимости от того, какой закон применяется, некоторые виды деятельности могут представлять собой нарушение интеллектуальных прав в одной стране, но считаться законным использованием в другой. Кроме того, когда эти действия совершаются в Интернете, их всеместные последствия делают национальные законы де-факто неактуальными»* [2, с. 4].

Рассмотрение личных неимущественных прав в рамках преобразующего творчества является двойным: с одной стороны, уважение личных неимущественных прав автора преобразованного произведения является *непременным условием*, но с другой стороны, (интеллектуальные) права автора преобразующего (оригинального) произведения должны быть признаны в равной степени и независимо. Размещение индивидуалистических прав во множественном и нелинейном творчестве, безусловно, не является простым. Традиционно авторство автора оригинального произведения является условием физической нагрузки, а не условием существования последующей работы. Оригинальная работа, сделанная без разрешения первого автора, будет нарушать авторские права, но все же подлежит защите авторских прав. Следовательно, автор преобразующего произведения, по-видимому, также имеет авторское право.

Существующее уравнивание конкурирующих прав объясняет существование авторских интеллекту-

альных прав на произведение, претерпевающее трансформацию, как в гражданском праве, так и в традициях общего права. Например, пародийное исключение не отменяет права автора не допускать дискриминационного использования его произведения. Аналогичным образом, добросовестное использование обеспечивает некоторую защиту автора и репутации художника, уравнивая основные права, даже если сами правила о интеллектуальных правах кажутся менее влиятельными [5, с. 55].

Дискурс *droit d'auteur* рассматривает преобразующие работы как содержание, которое было основано на ранее существовавшей оригинальной работе, где увлечение художника является первичным и основополагающим. Презумпция состоит в том, что все преобразующие произведения заимствуют, а все преобразованные произведения нет. Таким образом, вопрос резко ограничен степенью, в которой интеллектуальные права существующего автора должны быть сохранены или нет.

Наконец, глобальное расширение и признание преобразующих произведений диверсифицировало интенсивность интеллектуальных прав, существующих для их авторов. Интеллектуальные права художников-трансформаторов редко защищаются вне контекста национально ограниченных юрисдикций с благоприятными правовыми рамками. Кроме того, международная доступность аудитории делает работы предметом автоматизированной фильтрации и модерации контента. По мере того, как становится все более очевидным, политика платформы редко бывает мягкой по отношению к преобразующему творчеству, особенно потому, что разнородные исключения в соответствии с применимым правом делают правовой статус рассматриваемого произведения неоднозначным.

Отсутствие международной гармонизации трансформационной культуры привело к росту легитимизации и расширению использования транснациональных частных механизмов упорядочения. Доминирующая в содействии культуре «совместного использования и повторного использования», Creative Commons представляет собой наиболее яркий пример этих механизмов [4, с. 8]. Этот анализ будет сосредоточен на Creative Commons, поскольку они были первой международной попыткой систематизировать новый порядок обмена и ремикса непрограммных произведений.

Лицензии Creative Commons и интеллектуальные права

По мере того, как авторы начинают сомневаться в эффективности и своевременном применении тради-

ционных правил авторского права, они перешли к более либеральным механизмам частного заказа, таким как Creative Commons. Эти правовые документы включают в себя подход «выбор-н-выбор», с тем чтобы облегчить гибкий обмен произведениями в соответствии с различными сводами правил в соответствии с выбором авторов.

Термин Creative Commons описывает ассоциацию, созданную в 2001 году в Соединенных Штатах группой ученых-юристов и видных участников «свободного движения». Вдохновленный лицензиями на свободные программы, Creative Commons продвигает свободный доступ, использование (а иногда и повторное использование) произведений. Авторы могут выбирать из доступных лицензионных элементов, соответствующих разрешениям и ограничениям, чтобы сформулировать условия использования совместно используемого произведения. Ассоциация сопоставила существующую систему «все права защищены» с системой «определенные права защищены».

Лицензии были переведены и «перенесены» (перенесены) в более чем 100 юрисдикций, и в общей сложности было опубликовано четыре последовательные версии. В то время как последняя версия 4.0 была переведена, а не «перенесена», предыдущие три версии все еще используются, и их можно найти с небольшими лингвистическими и юридическими различиями в зависимости от применимой юрисдикции.

Начиная с версии 3.0, Creative Commons систематически изменяет язык, используемый в своих лицензиях, чтобы привести себя в соответствие с терминологией Бернской конвенции. Этот сдвиг отражает стремление организации сделать лицензии юридически совместимыми с международными правовыми нормами и гибкими для местных интерпретаций [3, с. 10].

Личные неимущественные права, абсолютные по своей природе, никогда не исключались из договорных сделок автора с третьими лицами. Напротив, личные неимущественные права могут выступать в качестве гарантии от эксцессов в договорных разрешениях, которые автор должен (быть вынужден) уступить. Например, принцип неотчуждаемости личных неимущественных прав, введенный в гражданско-правовых юрисдикциях с сильной защитой личных неимущественных прав, влечет за собой запрещение глобального отказа от личных неимущественных прав. В то же время этот принцип не лишает авторов возможности заключать договорные соглашения, направленные на обеспечение практического обеспечения соблюдения их личных неимущественных прав.

Атрибутами личных неимущественных прав, которые имеют квазимеждународный охват, являются право на присвоение (*droit de paternité*) и право на целостность (*droit au respect*) произведения. Эти два права были признаны Бернской конвенцией и представляют собой защиту *de minimis* для всех присоединившихся стран. Основное внимание в этой статье будет по-прежнему уделяться двум «доминирующим» аспектам интеллектуальных прав, оставляя в стороне более локализованные версии интеллектуальных прав, такие как право на отказ (*droit de retrait ou de repentir*) и right of disclosure (*droit de divulgation*). Эти права, ранее рассматриваемые из-за их взаимодействия с лицензиями Creative Commons, порождают несовместимость, но они вызвали мало прецедентного права.

Особое внимание, которым пользуются права на приписывание и уважение к произведению на международном уровне, также обусловлено разнообразием правового режима, толкования и обеспечения соблюдения этих прав в различных юрисдикциях. Таким образом, те же гипотетические сценарии, скорее всего, будут связаны с переменными рассуждениями и решениями. Это отсутствие интероперабельности между международно признанными интеллектуальными правами делает их взаимодействие с транснациональными частными механизмами заказа Creative Commons довольно проблематичным. Пугающие последствия этой правовой неопределенности, связанной с обеспечением соблюдения интеллектуальных прав, могут также изменить то, как закон решает интегрировать экономические права авторов преобразующих произведений. В результате авторское право в конечном итоге пострадает в целом.

Совместимость законодательства о личных неимущественных правах с текущей версией (4.0) лицензий является относительно простой. В разделе 3(a) лицензий, озаглавленном «Атрибуция», описывается, в частности, каким образом интеллектуальное право отцовства будет сочетаться с совместным использованием данного произведения. В частности, в соответствии с разделом 3(a)(1)(A)(i) лицензий «идентификация создателя (создателей) Лицензируемого материала и любых других лиц, назначенных для получения атрибуции, в любом разумном порядке, запрошенном Лицензиаром (в том числе по псевдониму, если он указан)». Это ограничение переводит в договорные термины, как должно соблюдаться интеллектуальное право отцовства автора совместного произведения. Этот пункт, рассматриваемый в сочетании с разделом 3(a)(1) и (2), учитывает общие трудности соблюдения обязательств по интеллектуальным правам в цифровую эпоху совместного использования, трансформации и создания контента. Короче говоря, такое определе-

ние интеллектуального права отцовства без прямого упоминания конкретного права в тексте лицензий свидетельствует о приверженности стандартизации и поддержке связи между произведениями и авторами даже в контексте «свободной культуры». По словам Раджана, договорное включение ограничения атрибуции служит стимулом для авторов использовать лицензии Creative Commons в качестве средства косвенного создания своего рода защиты интеллектуальных прав. Раджан отмечает, что «в случае страны, где интеллектуальные права не защищены должным образом, лицензия Creative Commons может предлагать защиту интеллектуальных прав, которая иначе недоступна в этой форме, например, в Соединенных Штатах» [2, с. 21].

Независимо от выбранной лицензии, положение, описывающее атрибуцию автора рассматриваемого произведения, предполагает линейное измельчение произведений. Правообладатель, предлагающий произведение, указывает — через лицензию — как автор произведения, первоначально переданного, должен упоминаться во время совместного использования и распространения произведения. Однако по мере того, как совместное использование произведений становится все более сложным, с изменениями, вкладами, дополнениями и ремиксами, необходимое различие между первоначальной версией произведения и внесенным изменением или вкладом, добавленным к нему, становится размытым [7, с. 11]. Атрибуция всех участников создания совместной работы не является простой.

Возможность проведения различий между последовательными авторами и их соответствующим вкладом, а также необходимость разграничения изменений в совместно используемых произведениях описаны в версии 4.0 лицензий. Раздел под названием «Атрибуция» остается неизменным во всех лицензиях с добавлением простого заявления в лицензиях с ограничением «без изменений», в котором указывается, что совместное использование вторичного произведения не допускается. Это связано с концентрацией усилий по стандартизации, предпринимаемых создателями лицензий.

Наконец, важно рассмотреть вопрос о правоприменении. Взаимодействие традиционных норм международного частного права с нормами *lex contractus* и разнородными законами об авторском праве укрепляет неопределенность уважения личных неимущественных прав [6, с. 31]. Таким образом, рассмотрение положения об анонимности или отказа от права отцовства будет зависеть от того, какие рули будут применяться судом. Если *lex contractus* будет преобладать, то весьма вероятно, что судебная практика будет представлять аномалии в зависимости от уров-

ня защиты личных неимущественных прав в каждой юрисдикции и типа используемого лицензии Creative Commons.

Существуют две лицензии Creative Commons, которые содержат элемент «без изменений», что ограничивает разрешение только дословным обменом оригинальной работой без разрешения на публикацию преобразующих или любых других вторичных произведений. Применимое ограничение относится к тому, что лицензия определяет как «Адаптированный материал». Однако, как отмечалось выше, ограничение не является абсолютным, поскольку технически необходимые изменения прямо разрешены всеми лицензиями. Кроме того, такое же ограничение не может запрещать включение всего совместного произведения в коллекцию.

В зависимости от применимой юрисдикции объем интеллектуального права на неприкосновенность может повлиять на это ограниченное разрешение на внесение технических изменений в совместную работу. Сможет ли договорное соглашение переопределить это право? Например, хотя обработка произведения может быть квалифицирована как технически необходимое изменение, допускаемое лицензиями, это может рассматриваться как снижение качества рассматриваемого произведения. Прецедентное право Франции пришло к выводу, например, что потоковое вещание «допускает только некачественный просмотр, в частности из-за очень маленького кадра, непригодного для художественного фильма, и отрывистого эффекта, при котором единство фильма также нарушается разделением его на две части; что, таким образом, посягательство на целостность произведения является таковым» [3, с. 11]. Возникают и другие вопросы, касающиеся возможности судов осуществлять баланс между основными правами и неимущественными правами авторов, с тем чтобы выявлять нарушения.

Степень нарушения целостности произведения определяется автором; обычно не выдвигается никаких юридических ограничений. Несмотря на то, что это право на целостность находится за пределами сферы действия разрешений, предоставляемых лицензией, оно может быть ограничено по контракту с целью облегчения этих разрешений. Поэтому, если право на целостность произведения не может быть ограничено в соответствии с разрешением, выданным автором, то оно может потерять свое содержание. Кроме того, *смысл существования* соответствующих лицензий был бы ошибочным, если бы система предварительных разрешений на любое использование совместного произведения была введена из опасения нарушения личных неимущественных прав.

Лицензии, которые допускают модификацию совместного произведения, исключая элемент «без деривативов», не содержат конкретных существенных положений о интеллектуальных правах. Вместо этого повторяется общее исключение интеллектуального права на неприкосновенность из сферы действия лицензии. Разрешение на изменение произведения при условии соблюдения права на целостность ограничивается «оговоркой о формальности», которая напоминает о принципе «разумного и неоскорбляющего» применения интеллектуального права без практического содействия развитию интеллектуального права в контексте этого общего разрешения.

Создание производных работ представляет собой форму законного нарушения права на целостность произведения первого автора. А именно, это представляет собой обход этого права в пользу творческой свободы автора производного произведения. Традиционно и для того, чтобы приспособить это интеллектуальное право к свободе творчества, адаптационные договоры описывают разрешенные изменения, т.е. изменения, которые автор не рассматривает как нарушение своего интеллектуального права. Согласование *ex ante* разрешений на создание производных произведений с правом на целостность произведения не является новой проблемой, но она становится все более острой в рассматриваемых открытых лицензиях. Причина этого заключается в том, что это упреждающее разрешение на изменение достаточно велико, чтобы вместить все изменения, поправки, вклады и ремиксы в общую работу. Эти вмешательства могут привести к созданию новой, отдельной оригинальной преобразующей работы или к простой эволюции

совместной работы без добавления слоя оригинальности. В обоих случаях вторичный автор извлекает выгоду из лицензии на изменение, но все же рискует получить возражение против интеллектуальных прав со стороны лицензиара, в зависимости от юрисдикции, в которой будет требоваться охрана.

Заключение

Обеспечение соблюдения личных неимущественных прав в этих случаях должно было бы найти свое место и рамки применения. Нет никакого противоречия в том, чтобы варьировать соблюдение интеллектуальных прав в зависимости от типа творческого контента, делая его модулируемым. Таким образом, относительное и модульное применение к творческим произведениям, охраняемым авторским правом, может стать долгожданным исправлением к широкому применению его сферы применения.

Критически применяемое законодательство о личных неимущественных правах может быть использовано в качестве действенного механизма защиты от аспектов лицензирования открытого контента, которые мало способствуют интересам общественности или автора. Самое главное, важно проверить применимость этого инструмента в отношении автоматизированных механизмов фильтрации и машинного обучения обработки больших данных. В этом отношении личные неимущественные права расширяют сферу их применения и переосмысливают, где интересы авторов будут лежать в современном цифровом творчестве, в котором доминируют платформы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крупко С.И. Роль международных договоров в унификации и гармонизации права интеллектуальной собственности. Труды Института государства и права Российской академии наук. № 3, 2019.
2. Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации // Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/registration/lisbon/> (дата обращения: 04.02.2022).
3. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. Москва: Спарк, 2020. 1007 с.
4. Луткова О.В. Системообразующие принципы в общей классификации принципов правового регулирования трансграничных авторских отношений // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 4.
5. Мадридское Соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г. // Федеральная служба по интеллектуальной собственности «Роспатент». URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/madridskoe-soglashenie-o-mezhdunarodnoy-registracii-znakov-ot-14-aprelya-1891-g> (дата обращения: 04.02.2022).
6. Максимов А.А. Разрешение споров в праве интеллектуальной собственности / А.А. Максимов. // Молодой ученый. — 2020. — № 45 (335). — С. 130–134. [Электронный ресурс]. — URL: <https://moluch.ru/archive/335/74851/> (дата обращения: 17.01.2022).
7. Hassan, S., and De Filippi, P., (2019), Reputation and Quality Indicators to Improve Community Governance. DOI: 10.2139/ssrn.2725369.
8. Senftleben, M., (2020), "User-Generated Content — Towards a New Use Privilege in EU Copyright Law". IN: Aplin T., (ed.), Research handbook on intellectual property and digital technologies, Edward Elgar Publishing 2020.

СРОЧНАЯ СЛУЖБА И СЛУЖБА ПО КОНТРАКТУ КАК ОСНОВЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

MILITARY SERVICE AND CONTRACT SERVICE AS THE BASIS FOR MANNING THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

D. Kalinichenko

Summary. The article presents a comparative legal analysis of two historically established ways of recruiting the Armed Forces of the Russian Federation. It is noted that their combination in the process of application, the determination of the dominant technology for the formation of the personnel of the army and Navy are influenced by various foreign policy, domestic, including economic factors. The characteristic of the modern dual model of manning of the Russian armed forces with priority on the contract system is given. The question of the effectiveness of further preservation of conscription service is raised, various opinions of statesmen, representatives of legal and economic sciences on this problem are given. The author's point of view on the topic of scientific research is formulated.

Keywords: recruitment of the Armed Forces of the Russian Federation, conscription service, contract service, Military doctrine of the Russian Federation, Armed Forces of the Russian Federation.

Калиниченко Дмитрий Владимирович

Аспирант, Санкт-Петербургский Гуманитарный
Университет Профсоюзов
kalinichenkodmit@gmail.com

Аннотация. В статье представлен сравнительно-правовой анализ двух исторически сложившихся способов комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации. Отмечено, что на их сочетание в процессе применения, определение доминирующей технологии формирования кадрового состава армии и военно-морского флота оказывают влияние различные внешнеполитические, внутригосударственные, в том числе экономические, факторы. Дана характеристика современной дуальной модели комплектования российских вооруженных сил с приоритетом на контрактную систему. Поднят вопрос об эффективности дальнейшего сохранения службы по призыву, приведены различные мнения государственных деятелей, представителей юридической и экономических наук по указанной проблеме. Сформулирована авторская точка зрения по теме научного исследования.

Ключевые слова: комплектование Вооруженных Сил Российской Федерации, служба по призыву, служба по контракту, Военная доктрина Российской Федерации, Вооруженные Силы Российской Федерации, мобилизационный резерв.

Определение приоритетной технологии комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, отвечающей современным требованиям в обеспечении обороны, национальной безопасности и суверенитета государства, в настоящее время является одним из стратегически значимых предметов правового регулирования в Российской Федерации. Так Н.И. Кузнецов в своих научных исследованиях обосновывает, что и для мировой, и для отечественной практики характерно использование двух основных способов кадрового обеспечения армии и флота: обязательный порядок (несение военной службы по призыву) и на добровольной основе (несение военной службы по контракту) [6, с. 235].

Длительный исторический период времени система устройства отечественных вооруженных сил преимущественно основывалась на обязательном принципе несения военной службы. Формирование кадрового состава армии Российской империи (XVIII–XIX в.в.) базировалось на практически пожизненной солдатской

рекрутской повинности, введенной в начале XVIII века Петром Первым и действовавшей до 1917 г.

Октябрьская революция 1917 г. в России наряду с глобальными изменениями в государственном устройстве повлекла за собой и трансформацию системы устройства Вооруженных Сил. Пришедшее к власти правительство большевиков отказалось от рекрутской системы, узаконив переход к комплектованию армии и военно-морского флота на добровольной основе (Декреты о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии на добровольческих началах от 28 января 1918 г. [10]; О создании Рабоче-крестьянского Красного Флота от 12 февраля 1918 г. [11]). Следует отметить, что власть Советов на начальном этапе становления вооруженных сил утвердило привилегированный классовый характер несения военной службы с оружием. Указанное право предоставлялось только трудящимся, тем самым реализуя цели и задачи октябрьской революции 1917 г. по установлению власти пролетариата, беднейшего крестьянства и защите их интересов [9]. В тоже время

уже в 1918 году параллельно был запущен процесс введения на конституционном уровне всеобщей воинской повинности. Впервые воинская обязанность, выражающаяся в защите социалистического Отечества всеми гражданами Советской республики, была узаконена в статье 19 Конституции РСФСР 1918 г. [5]. Отказ от использования ценза социального происхождения при комплектовании советских вооруженных сил осуществляется только к концу 30-х годов XX в. Руководством страны были сняты все ограничения и запреты для призыва граждан в Вооруженные Силы именно по названному критерию. На основании Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности», принятого 1 сентября 1939 г., «все мужчины — граждане СССР независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образования, социального и имущественного положения обязаны были проходить действительную военную службу» [9]. Монопольное комплектование советской армии и военно-морского флота путем несения военной службы по призыву сохранилось до середины 90-х годов XX в. Второй способ, основанный на принципе добровольности службы, также был присущ для Вооруженных Сил СССР и применим в качестве дополнительного при комплектовании высшего и среднего командного состава, для которого несение военной службы являлось видом профессиональной деятельности.

Кардинальная трансформация системы кадрового обеспечения формирования отечественных вооруженных сил осуществляется в середине 90-х годов XX в. на втором этапе реализации концепции военной реформы (1993–1994 г.г.). В одной стороны, в пункте 1 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [1] нашли отражение оба способа кадрового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации: добровольный порядок (прохождение военной службы по контракту) и обязательный (прохождение военной службы по призыву). Но, с другой, был «продекларирован переход на контрактный способ комплектования Вооруженных Сил». Таким образом, при сохранении дуальной модели комплектования Вооруженных Сил приоритет в современной России отдается контрактной системе как основе создания и функционирования в Российской Федерации профессиональной армии.

В действующей Военной доктрине Российской Федерации 2014 г. [2] в качестве одного из направлений военной реформы назван переход к комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации именно на добровольной основе. Начиная с 2016 года число российских военнослужащих контрактной службы, как минимум, втрое превышает число военнослужащих по призыву [1, с. 7]. В 2018 году Президент Российской

Федерации В.В. Путин определил «контрактную систему как генеральный путь развития армии», обосновав это тем, что управлять высокоточной и высокотехнологичной техникой в сфере обороны и безопасности можно только на профессиональной основе [15].

Последние два десятилетия в науке, средствах массовой информации и на просторах Интернета все чаще комплектование Вооруженных Сил Российской Федерации путем обязательного несения военной службы подвергается критической оценке. Предметом таких дискуссии выступают не только вопросы создания профессиональной российской армии в соответствии с передовыми мировыми моделями, но и экономические стороны реализации данной стратегической задачи, например, влияние службы по призыву на развитие национальной экономики. Ведущими отечественными и зарубежными экономистами ставится под сомнение рациональность и эффективность применения такого способа комплектования Вооруженных Сил РФ. Например, по мнению ректора Российской экономической школы Р.С. Ениколопова, «продолжение использования призывников наносит существенный вред как самим призывникам, так и экономическому развитию всей страны. В странах ОЭСР в период с 1960 по 2000 год рост доли призывников в населении на 0,01% снижал рост экономики на горизонте 10 лет более чем на 4%» [14]. Глава комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по обороне и безопасности В.Н. Бондарев считает, что в будущем у России имеется возможность перейти в полном объеме на контрактную основу при обязательном формировании за счет призывников мобилизационного резерва [3].

В тоже время Пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д.С. Песков в 2021 г. отметил, что полный отказ от службы по призыву в настоящее время в Российской Федерации на государственном уровне не обсуждается [13]. Российская Федерация отказалась от первоначального плана перевода всей армии на контрактную службу с учетом международного опыта и национальных интересов.

Следует поддержать мнение. А.Е. Лунева, высказанное им еще в первой половине XX в. (1941 г.), что оба способа комплектования вооруженных сил (добровольный и обязательный) сложились исторически [3, с. 169], при этом один из способов является доминирующим в формировании кадрового состава армии и военно-морского флота. Как указывает Ю.Г. Федотова, «оценка различных способов комплектования армии позволяет заключить, что в разные периоды развития военной организации Российского государства не применялся какой-либо один способ комплектования» [6,

с. 46]. В тоже время необходимо констатировать, что содержание и сущность данных способов постоянно трансформируется, например, пересматриваются требования, предъявляемые к кандидатам на военную службу по контракту и по призыву, институт социальной защиты и поддержки военнослужащих и членов их семей, пенсионное обеспечение и т.д. Модернизация способов комплектования Вооруженных Сил затрагивает не только их правовые основы, но и оказывает влияние на научные концепции по данному вопросу. Так, в середине XXв. в юридической науке добровольное поступление на военную службу именовалось как «вербовка» и характеризовалось как «единственный способ комплектования армии и дополнительный к воинской повинности» [3, с. 170]. В настоящее время термин «вербовка» используется в процессе анализа уголовно-наказуемой террористической преступной деятельности. Принцип добровольности несения военной службы на современном этапе рассматривается как контрактная служба. В современных диссертационных исследованиях поддерживается сохранение в Российской Федерации воинской повинности и вносится предложение о рассмотрении несения военной службы по призыву как формы военно-патриотического воспитания [5, с. 12]. Так же в научных исследованиях имеется точка зрения, обосновывающая антиконституционный характер применения обязательного способа комплектования вооруженных сил [7, с. 227]. Отдельные авторы поднимают вопрос о рассмотрении обязательной службы как «пережитка прошлого или условие существования будущего» [4].

Таким образом, на всем протяжении становления и функционирования вооруженных сил как в советский период, так и на современном этапе Российской Федерации с учетом различных внешних и внутренних политических, социально-экономических факторов осуществляется поиск универсального способа комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, отвечающего потребностям государства в защите национальных интересов, обеспечения безопасности, обороны, суверенитета на определенном историческом этапе его развития. Исследования, проведенные в XXIв., путем анализа данных по 100 странам за два века, показали, что «на решение об обязательности воинской службы влияет, в частности, историческое прошлое страны» [19]. Экономическая эффективность не является базовым критерием при принятии государственно

значимого решения при отказе от службы по призыву. Необходимо учитывать, прежде всего, политический режим, сложившийся в государстве, национальные интересы обеспечения обороны и безопасности государства, в том числе при формировании мобилизационного или кадрового резервов на основании срочной службы для профессиональной российской армии. По мнению аналитиков, «демократии намного менее склонны к призывной армии, чем автократии» [19].

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

В современной Российской Федерации на законодательном уровне закреплена дуальная модель комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, основанная на сочетании службы по призыву и по контракту, при этом государство отдает предпочтение именно второму способу.

Безусловно, применение обоих способов комплектования на современном этапе является целесообразным и необходимым. Полный отказ от призыва на службу в настоящее время не возможен, по многим обстоятельствам. Во-первых, отсутствует достаточное финансирование для формирования Вооруженных Сил Российской Федерации только на основе контрактной службы. Во-вторых, решение государственной задачи по созданию мобилизационного резерва в современных условиях возможно только по итогам несения военной службы по призыву. При этом годичное несение службы срочниками позволяет привить им минимальные необходимые навыки и умения в военном деле. В-третьих, военную службу по призыву следует рассматривать как профориентационный способ карьерного роста в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации при переходе на службу по контракту и форму военно-патриотического воспитания. В тоже время сохранение обязательного способа при комплектовании российской армии требует пересмотра сущности и значимости службы по призыву с учетом мирового опыта, например, израильского. Солдаты армии данного государства в ходе обязательной военной службы приобретают навыки, которые оказываются полезными и после окончания службы, что напрямую, по мнению аналитиков, повышает экономическую эффективность указанного способа комплектования вооруженных сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 22. — 01.06. — Ст. 2331.
2. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. — 2014. — 30.12. — № 298.

3. «Срочник есть срочник»: перейдет ли Армия России на контракт [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/02/17/12964459.shtml?updated> (дата обращения: 11.07.2022).
4. Багдасарян И.А. Новации правового регулирования комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации личным составом (комментарий к Федеральному закону от 1 мая 2017 года № 91-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. — 2017. — № 7. — С. 6–9.
5. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. — 1918. — № 51. — Ст. 582.
6. Кузнецов Н.И. Развитие законодательства о системе устройства Вооруженных Сил в России // Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Том 3. — М.: АНО «Центр публично-правовых исследований», 2008. — С. 234–252.
7. Лунев А.Е. Правовые основы комплектования Вооруженных Сил: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1941. — 204с.
8. Наумова Н.В., Комиссарова Я.А. Обязательная служба в армии: пережиток прошлого или условие существования будущего? / Н.В. Наумова, // Новый юридический вестник. — 2019. — № 7 (14). — С. 6–8.
9. О всеобщей воинской обязанности: Закон СССР от 1 сент. 1939 г. // Ведомости ВС СССР. — 1939. — № 32.
10. О Рабоче-Крестьянской Красной армии: Декрет СНК РСФСР от 15 янв. 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 17. — Ст. 245.
11. О создании Рабоче-крестьянского Красного Флота от 12 февраля 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 23. — Ст. 325.
12. Об обязательной военной службе: Закон СССР от 18 сент. 1925 г. // СЗ СССР. — 1925. — № 62. — Ст. 463.
13. Песков заявил, что отказ от службы по призыву сейчас не обсуждается [Электронный ресурс] URL: https://ya62.ru/news/society/peskov_zayavil_chno_otkaz_ot_sluzhby_po_prizyvu_seychas_ne_obsuzhdaetsya/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Finstory%2FPeskov_otkaz_ot_sluzhby_po_prizyvu_ne_obsuzhdaetsya-537a603df1e18c6afa5d335133a4a2d3 (дата обращения: 12.07.2022).
14. Призывная комиссия: почему служба в армии приводит к экономическим издержкам [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/462987-prizyvnaa-komissia-pocemu-sluzba-v-armii-privodit-k-ekonomiceskim-izderzham> (дата обращения: 11.07.2022).
15. Путин назвал контрактную систему генеральным путём развития армии [Электронный ресурс] URL: <https://www.fontanka.ru/2018/09/01/053/?rec=editorial> (дата обращения: 10.07.2022).
16. Слесарский К.И. Воинская обязанность как элемент конституционно-правового статуса гражданина Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — 224с.
17. Федотова Ю.Г. Формы и виды участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства в составе военной организации государства // Современное право. — 2016. — № 1. — С. 45–58.
18. Шалаев П.С. Конституционно-правовые основы военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. — 2014. — № 4. — С. 226–233.
19. Экономика защиты отечества: контрактная армия или служба по призыву [Электронный ресурс] URL: <https://thebell.io/ekonomika-zashhity-otechestva-kontraktная-armiya-ili-sluzhba-po-prizyvu> (дата обращения: 12.07.2022).

© Калиниченко Дмитрий Владимирович (kalinichenkodmit@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНТЕРНЕТ-ПРИЛОЖЕНИЯ КАРТ «2ГИС» В ПРОФИЛАКТИКЕ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

SOME QUESTIONS ABOUT THE USE OF THE 2GIS MAPS INTERNET APPLICATION IN THE PREVENTION OF MERCENARY CRIME

V. Kowalewski

Summary. The article attempts to test the possibility of using the cartographic Internet application 2GIS to visually reflect the current state of mercenary crime against property in Moscow. The significance of crime maps in the aspect of architectural criminology is revealed and their impact on security (safety) and the prevention of mercenary crime is studied. The author substantiates the need to improve the forms of interaction between state, municipal and law enforcement agencies on the use of statistical reporting and analytical information in predicting mercenary crime and building new digital means of protection against its manifestations.

Keywords: 2GIS, mercenary crime, terrain map, topography, architectural criminology, judicial practice of Moscow.

Ковалевский Владимир Евгеньевич
Аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»
kovalevski27@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка провести тестирование возможности использования картографического интернет-приложения 2ГИС для наглядного отражения текущего состояния корыстной преступности против собственности в г. Москве. Раскрывается значение карт преступности в аспекте архитектурной криминологии и изучается их влияние на защищенность (безопасность) и предупреждение корыстной преступности. Автор обосновывает необходимость совершенствования форм взаимодействия государственных, муниципальных и правоохранительных органов по использованию статистической отчетности и аналитической информации в прогнозировании корыстной преступности и выстраивании новых цифровых средств защиты от ее проявлений.

Ключевые слова: 2ГИС, корыстная преступность, карта местности, архитектурная криминология, топография, судебная практика г. Москвы.

«Современные криминологические исследования традиционно начинаются с изучения элементов и характеристик видовой преступности, мер по ее предупреждению. Предлагаемый контур является наиболее правильным. Однако в последние годы в науке, правоприменении и криминальной обстановке произошли достаточно серьезные изменения, способы и методы совершения преступлений не стоят на месте, они трансформируются, приобретают новые формы. Поэтому исследователям постоянно приходится обращаться к новым понятиям в предупреждении преступности, в том числе используемым в других отраслях знаний или вообще в других сферах регулирования общественных отношений» [5, с. 15].

С учетом таковых и других исследований, в том числе нашего анализа по теории архитектурной криминологии, в данной работе сделана попытка объяснить особую роль применения новых цифровых технологий окружающей среды в профилактике корыстной преступности и поиске лиц, после совершения ими преступлений. Например, при осмотре места происшествия нельзя только замыкаться на создание фототаблицы,

следует привязать фотографии к местности, к объектам недвижимости, к видеокамерам системы «Безопасный город» и номерам сотовых телефонов, которые находились по времени совершения преступления в этом районе. Составляя топографическую карту на основе цифровых технологий, проводя «описание места происшествия, составление схемы, фотографирование и увязку этих данных в одно целое, а также привязку всех этих данных к долго сохраняющимся ориентирам, мы обоснованно считаем, что сегодня больше технических возможностей воспроизвести обстановку преступления спустя длительное время. Также при проведении операции по задержанию преступников одним из важнейших элементов обстановки будет местность, и от того, как руководитель операции изучит местность по карте, плану или иным способом и учтет ее особенности, во многом будет зависеть успех операции» [1, с. 53–53].

Как отмечается в различных литературных источниках, «использование карты в качестве специальной формы передачи информации и средств познания оперативно-служебной обстановки позволяет

Рис. 1. Карта преступности г. Киева [4]

Рис. 2. Отметки о преступлениях на карте г. Москвы

Рис. 3. Описание совершенного преступления

Рис. 4. Объединение нескольких точек в одну зону

Рис. 5. Порядок добавления отметки на карту

Рис. 6. Карта преступности г. Москвы

изучать неизвестную местность, а также положение объектов, силы и средства органов внутренних дел на ней» [2, с. 190], «среда жизнеобеспечения не является исключением для информатизации процессов, происходящих в обществе, так как при этом могут быть созданы эффективные механизмы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина» [9, с. 114].

Обратим внимание и на то, что «при оценке использования современных цифровых технологий в научной литературе и нормативном обеспечении особый упор делается на специфические функции данных технологий автоматически анализировать какой-либо массив данных и с помощью набора алгоритмов принимать решения по оптимизации процессов и деятельности, то есть на способности упростить человеческие взаимоотношения» [6, с. 64].

В этом отношении эффективность использования картографо-геоинформационных методов в общественных отношениях при поиске объектов окружающей среды и по маршруту к ним уже давно стало реальностью для всего населения. Однако правоохранительные органы подобные средства недостаточно задействуют для анализа и оценки состояния преступности, что обуславливает необходимость их подробного изучения в российской практике. Анализ категории уголовных дел по корыстным преступлениям против собственности подтверждает вывод о том, что качественно-пространственные особенности местности влияют на выбор и реализацию места и способа совершения преступления.

В результате нашего исследований было установлено, что корыстная преступность неравномерно распределяется по территориальным образованиям, что зависит от степени урбанизации и других особенностей архитектуры. Открытые статистические данные о корыстной преступности в г. Москве отражают уровень криминогенности отдельных районов. Например, в Гольяново, Чертаново и Лефортово ежегодно совершается наибольшее число краж, грабежей и разбоев, тогда как в Филёвском парке, Дорогомилово, Строгино и Пресненском районе стабильно фиксируется низкий уровень преступности [3]. На плохо защищенных территориях риск совершения преступлений выше, чем в безопасных пространствах, оснащенных современными средствами архитектурной защиты (камерами видеонаблюдения, входными воротами во дворы, охранный и т.п.).

Интерактивные карты на сегодняшний день являются популярным способом визуализации данных о различных событиях. Современные карты уже сейчас по-

зволяют добавлять свои отметки на адреса, доступные всем пользователям в режиме реального времени, что позволяет лучше ориентироваться в городе. «Но для того, чтобы подобная концепция выполняла все свои функции возникает необходимость в закреплении системы защитных мер, с учетом новых форм цифровой среды» [7, с. 140].

В ряде стран уже сейчас официальные аналитические сведения полиции о преступности находят отражения на онлайн-картах городов на дополнительном слое «Преступность», при включении которого доступны специальные отметки на объектах, в отношении которых установлены факты совершения преступных посягательств (см. рисунок 1).

Учитывая то, что обеспечение безопасности является одной из важнейших задач государственной политики, вспомогательную роль для ее реализации играет отображение на картах мест, где уже совершались корыстные преступления или были совершены криминальные покушения против собственности. Моделирование основных показателей преступности на дополнительном слое карты местности придаст более высокую наглядность, что позволит усилить безопасность и предупреждение корыстной преступности. «Совершенно очевидно, что при изучении корыстной преступности нельзя применять только методы объективного подхода, где диагностика основана на результате и способе выполнения деятельности. Следует обращать внимание на восприятие человеком фактов окружающей действительности, самооценку особенностей личности, состояния в криминальных ситуациях, взаимодействия с обезличенным объектом преступного посягательства» [8, с. 122].

В этой связи нами проведены тестовые мероприятия по добавлению дополнительного слоя через конструктор карт «2ГИС» (<https://makemap.2gis.ru/>), справочники которого являются самыми используемыми в России, с отображением на карте г. Москвы сведений о совершенных за последний год преступлениях против собственности.

Конструктор позволяет пользователю самостоятельно вносить информацию о любых местах на карте различных городов России. С помощью поиска по адресу или объекту можно добавить подпись на карту и свое описание. Проанализировав отдельные судебные приговора судов общей юрисдикции г. Москвы, мы выявили места, в которых с сентября 2021 года по сентябрь 2022 год совершались корыстные преступления, и сделали отметки об этих преступлениях на соответствующих адресах (см. рисунок 2), а также добавили основные сведения о них (см. рисунок 3).

Перечень адресов согласно приговорам:

- ◆ Большой Сухаревский пер., д. 23, стр. 2 (приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 14 марта 2022 года по делу № 1–472/2022);
- ◆ ул. Краснопрудная, д. 7–9 (приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 21 июня 2022 года по делу № 1–694/2022)
- ◆ Рязанский пр-т, д. 34, кв. 13 (приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 06 сентября 2021 года по делу № 1–715/2021);
- ◆ Рязанский пр-т, д. 45, корп. 1 (приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 06 сентября 2021 года по делу № 1–715/2021);
- ◆ ул. Зеленодольская, д. 18, корп. 2 (приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 06 сентября 2021 года по делу № 1–715/2021);
- ◆ ул. Окская, д. 5, корп. 3 (приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 06 сентября 2021 года по делу № 1–715/2021);
- ◆ ул. Маршала Чуйкова, д. 7, корп. 3 (приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 04 февраля 2022 года по делу № 1–1324/2022);
- ◆ ул. Маршала Чуйкова, д. 80, корп. 1 (приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 06 сентября 2021 года по делу № 1–626/2021);
- ◆ ул. Барышиха, д. 30 (приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 08 июня 2022 года по делу № 1–357/2022);
- ◆ ул. Большая Полянка, д. 26, стр. 2 (приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 23 марта 2022 года по делу № 1–251/2022);
- ◆ ул. 50-ти лет Октября, д. 1, корп. 1 (приговор Никулинского районного суда г. Москвы от 09 июня 2022 года по делу № 1–246/2022);
- ◆ ул. Поварская, д. 38, стр. 1 (приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 15 июля 2022 года по делу № 1–333/2022).

Функционал конструктора карты 2ГИС позволяет объединять собравшиеся вблизи отметки в одну область, что позволяет наглядно увидеть на карте местности зоны с высоким уровнем преступности (см. рисунок 4).

Поскольку данные в приговорах, в частности время и место совершения преступления, необходимые для заполнения сведений на карте преступности, часто ко-

дируются сотрудниками судебных органов, что делает их недоступными обычным жителям, предлагаем усовершенствовать механизм взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с сотрудниками судебных органов, автоматизировав процесс передачи информации об установлении факта совершения преступления по конкретному адресу (см. рисунок 5). Для этого необходимо внедрить в работу органов внутренних дел дополнительный модуль приложения «2ГИС» — «Пометки на карте», позволяющий сформировать новый слой о текущем состоянии корыстной преступности и отражении основных аналитических сведений по ней.

По итогу проделанной работы предлагается получить карту преступности г. Москвы. Пример такой карты представлен на рисунке 6.

В результате налаженного процесса взаимодействия государственных, муниципальных и правоохранительных органов по обработке и визуализации статистической отчетности предполагается получить карты всех городов России с учетом состояния преступности на конкретной местности. Такие карты будут отражать актуальную информацию о зонах с повышенным риском преступности, где необходимо в первую очередь направить действие предупредительных и профилактических мер по борьбе с корыстной преступностью, а также позволят жителям с особой осторожностью находиться в таких местах или по возможности избегать их.

Суммируя вышеизложенное, приходим к выводу о необходимости и важности визуализации аналитических сведений о преступности на карте местности. В целях повышения эффективности деятельности по борьбе и предупреждению корыстной преступности необходимо модернизировать процесс взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на стадии формирования и передачи статистической отчетности. Кроме того, назрела необходимость наделения сотрудников органов внутренних дел дополнительной обязанностью перенесения отчетных данных о состоянии преступности с текстового формата на географическую карту местности, с использованием интернет-приложения «2ГИС», которое уже сейчас оснащено технической возможностью для реализации этой цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топография и ориентирование на местности: учебное пособие / С.И. Гуц, В.М. Коняев, Е.В. Кособлик, Д.В. Горденко. — М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021.
2. Лаврентьева А.А. Виды и назначение топографических карт используемых сотрудниками ОВД / А.А. Лаврентьева, Я.Ю. Сальникова // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей студентов, Курск, 04–06 октября 2018 года / Юго-Западный государственный университет, Союз криминалистов и криминологов, МГЮА имени О.Е. Кутафина. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018, с. 187–191.

3. Самые опасные и безопасные районы Москвы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <https://www.sravni.ru/text/samye-opasnye-i-bezopasnye-rajonu-moskvy/>.
4. Сервис поиска недвижимости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <https://www.cityscale.com.ua/index.htm?data=crimes>.
5. Желудков М.А. Реализация новой технологии цифрового контроля QR-кодов в предупреждении городской преступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. — 2022, № 1, с. 15–21.
6. Желудков М.А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // LEX RUSSICA, 2021, № 4 (173), с. 63–70.
7. Желудков М.А., Ковалевский В.Е. Содержательный аспект квалификации общественно-опасного деяния при незаконном проникновении на балкон чужого жилища // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности: сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября — 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; [ред. А.В. Голикова]. — Саратов, 2019, с. 140–143.
8. Желудков М.А., Ковалевский В.Е. Критический взгляд на теорию самоактуализации с позиции анализа системных потребностей личности корыстного преступника // Право: история и современность, 2021, № 4 (17), с. 119–127.
9. Желудков М.А., Коробов С.А., Киреева А.Ю. Цифровые информационно-коммуникационные инструменты сети Интернет и общественный контроль: проблемы корреляции при предупреждении преступности // Право и практика, 2020, № 4, с. 114–118.

© Ковалевский Владимир Евгеньевич (kovalevski27@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Юго-Западный государственный университет

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН ПРОТИВ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AGAINST CORRUPTION IN THE PUBLIC SECTOR: A LEGAL ANALYSIS

V. Lavelina

Summary. This article is devoted to the study of a serious threat to the functioning of public authority based on law and law, corruption. In particular, approaches to the definition of the concept and the existing Russian system of elements used to combat corruption are analyzed. Particular attention is paid to the study of the system of distributed registries (blockchain). The ways of legislative support for the use of new technology in Russia have been studied and worked out on the example of foreign practice.

Keywords: corruption, technologization, system of distributed registries (blockchain), systematization of legislation, legality, technological tool, technological solution.

Лавелина Влада Сергеевна

Аспирант, Финансовый университет при

Правительстве РФ

vlada.lavelina@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию серьезной угрозы для функционирования публичной власти с опорой на право и закон, коррупции. В частности, анализируются подходы к определению понятия и существующая российская система элементов, используемых для борьбы с коррупцией. Особое внимание уделено изучению системы распределенных реестров (блокчейн). Изучены и проработаны пути законодательного обеспечения использования новой технологии в России на примере зарубежной практики.

Ключевые слова: коррупция, технологизация, система распределенных реестров (блокчейн), систематизация законодательства, легальность, технологический инструмент, технологическое решение.

Коррупция — актуальная проблема современности, которая имеет особое значение для рассмотрения в современной доктрине. Как социальное явление, коррупция выражается в различных противозаконных деяниях, которые стали проследиваться еще в начальные периоды развития государств. Вопрос криминализации коррупции поднял в 1988 году А.Н. Волобуев [2], ранее она рассматривалась с точки зрения взяточничества и отражала совокупность корыстно-должностных преступлений. По мнению Д.В. Мирошниченко борьба с коррупцией есть борьба с властью, в связи с чем в СССР не использовали данное понятие: фундаментальная основа тоталитарной идеологии противоречила целям борьбы с коррупцией. Концепция претерпела изменения во время переориентации власти с тоталитарной идеологии на либеральную и, по мнению М. Вебера, коррупция предстала не одной из проблем взяточничества, а проблемой оправдания власти самой себя. Ведь не раскрытое коррупционное деяние подрывает общественное доверие в легитимность государственной власти, что влечет подрыв не только безопасности гражданского общества, но и всей национальной безопасности [10].

Определение коррупции законодательно закреплено в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-

ФЗ [1]: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

В доктрине сформировано два подхода к определению коррупции. Первая группа исследователей рассматривает ее в узком смысле, говоря о том, что коррупция представляет собой подкуп одних лиц другими. Иные исследователи дают понятие шире, как злоупотребление в использовании своих полномочий вопреки интересам службы, основанием чего выступает личная заинтересованность [3].

На практике коррупция является серьезной угрозой для функционирования публичной власти с опорой на право и закон. В связи с этим не только проследивается снижение доверия со стороны населения к госу-

дарству, но и замедляются внутренние процессы развития самого государства: экономические, социальные, политические и другие.

В законе закреплен исчерпывающий перечень основополагающих принципов борьбы с коррупцией [1]. Но многие исследователи не согласны с его полнотой и отмечают ряд иных, не менее значимых принципов. Предлагаем обратить внимание на дополнительные принципы, которые выделяют С.В. Векленко и С.Л. Панов наряду с официально указанными, и рекомендуем рассматривать их при исследовании коррупции. К ним относятся следующие принципы: широкого партнерства, определения приоритетов, планомерности, последовательности и преемственности, равенства всех участников гражданско-правовых отношений и прочими [4]. Они помогают полноценно разобраться в причинах возникновения данного явления, эффективно внедрять и использовать инструменты, направленные на борьбу с ним.

При исследовании выяснилось, что в России существует определенная система элементов, используемых для борьбы с коррупцией, но, исходя из рейтинговых позиций страны на официальном сайте международного движения Transparency International в течение последних лет, нет возможности сделать вывод об их эффективности. С 2015 года индекс восприятия коррупции в России ежегодно составляет 29 баллов из 100 [17]. Так, в 2021 году показатели остались неизменными, Россия заняла 139 позицию из 180 [18].

Несмотря на то, что вышеприведенный рейтинг не содержит прозрачную методику оценки, стагнация в исследуемой сфере в России очевидна. Это подтверждается и анализом Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. По статистическим данным в 2021 году за три квартала показатели количества коррупционных деяний выросли на 12,7% (на 3,3 тысячи) и составило 29,6 тысяч. При этом большая часть это факты взяточничества (увеличение на четверть в сравнении с предыдущим годом). Следует обратить внимание на то, что практически во всех случаях размер таких взяток составляет менее 10 тысяч рублей, а размер ущерба по всей стране равен 53,2 миллиарда рублей [19].

В настоящее время доктрина содержит различные точки зрения на решение этой проблемы. Современные исследователи предлагают такие пути как: систематизация законодательства, позитивное стимулирование правомерного поведения [7], позитивное стимулирование соблюдения правовых положений [13], механизмы ротации и иные. К.С. Евсиковым, А.А. Суворовым и Л.Р. Братчиковой выдвинута гипотеза,

что реальное ощутимое увеличение показателей эффективности противодействия коррупции может быть достигнуто «только через цифровую трансформацию данной сферы государственного управления» [6]. Мы склонны согласиться с ней, ведь на сегодняшний день происходит множество изменений и преобразований во всех сферах жизнедеятельности общества и каждой личности в отдельности, в зависимости от большого количества различных современных факторов и явлений, связанных с «технологизацией». Хотелось бы обратить внимание на особую технологию, созданную в этом процессе — систему распределенных реестров (блокчейн), которая показывает положительные результаты в борьбе с коррупционными факторами в странах.

«Блокчейн — это многофункциональная и многоуровневая информационная технология, предназначенная для надежного учета различных активов» [11]. Эта система представляет собой «цепочку блоков» с определенным числом коммуникаций, в которых хранится информация. Данная технология была впервые использована для осуществления анонимных денежных переводов между кошельками пользователей в виде биткоина. Основной положительный признак данного подхода, по нашему мнению, отражен в том, что любой обладатель счета имеет право на доступ и изучение информации обо всех транзакциях, начиная с 2009 года [21]. Связь блокчейна исключительно с криптовалютами не является верным подходом, ведь блокчейн в настоящее время охватывает абсолютно разные сферы, он может быть полезен в работе с любыми видами информации: учет контрактных условий, административное делопроизводство и т.д.

В доктрине сформированы различные подходы к определениям данного понятия и выделению его функций. Так, например, из определения Мелани Свон можно выделить отдельные функции блокчейна: хранение, коммуникация, обслуживание файлов, архивирование [12].

Социальное основание технологии выявил Д.А. Леви, обозначив, что блокчейн — первый финансовый инструмент нетократии: общемировой среды, где идея сама по себе стоит дороже, чем финансы, необходимые для ее воплощения [8]. Тем самым он выделил особую значимость и большое влияние «искусственного интеллекта» на современные процессы развития государства.

Итак, блокчейн можно определить, как технологию, меняющую реальность, в которой выделяется три основных элемента — это сделки, система, в которой проверяется и хранится информация и хронологиче-

ские записи о действиях, совершенных в системе [23]. Определением, которое следует закрепить, на наш взгляд, является следующее: блокчейн — технология обработки информации, основанная на пиринговом (одноранговом) протоколе. Пиринговая (одноранговая) сеть — это совокупность объединенных в единую систему узлов (компьютеров, смартфонов и пр.), которые взаимодействуют посредством протокола P2P [5].

Хотелось бы остановиться на исследовании влияния блокчейна в среде борьбы с коррупцией. В рамках форума Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с коррупцией и целостностью 2017 года многогранно обсуждался этот вопрос, рассматривались плюсы, минусы и возможность достижения поставленных целей. В выводах форума прослеживается позиция, что без применения таких инновационных технологий как блокчейн невозможно добиться устойчивого развития, так как, в связи с глобальными переменами, государства должны искать новые возможности регулирования системы органов исполнительной власти и внедрять их. В интервью Владислав Мартынов, глава центра компетенции Ethereum обозначил, что именно внедрение блокчейна позволит реализовать многие идеи для усиления гражданского общества. Благодаря этому инструменту появится возможность отслеживать абсолютно все движения денежных средств внутри государства. Например, люди смогут видеть движение налогов, субсидий, субвенций и иных элементов. В блокчейне отсутствует возможность замены данных, отключения сервера, поэтому информация, проходящая через него, является прозрачной и ясной. Она составляется при помощи конкретных программных кодов и алгоритмов. То есть можно будет отслеживать движение каждого бюджетного рубля: для реализации каких целей выделен, где в настоящий момент находится, куда направлен, эффективно ли использован (закупка товара прошла по рыночным ценам или нет) и т.д.

В качестве примера рассмотрим выделение 10 миллионов рублей на выплату заработной платы учителям и 20 миллионов на строительство моста. Благодаря блокчейну будет ясно реализованы ли эти деньги по своему целевому назначению. Происходит кодирование денег в архитектуре блокчейн, при этом к движению средств имеет доступ не только Счетная палата, но и любой гражданин страны через Госуслуги. Кто-то, получив информацию о том, что учителя заработную плату не получили, может проверить, где находятся выделенные деньги и, например, увидеть, что они лежат уже несколько недель у губернатора или же направлены в нецелевое использование [20]. Данная технология и активная позиция граждан позволит сократить показатели коррупции и создаст достоверную доказатель-

ственную базу в случае нарушений законодательных норм.

Ярким примером применения новой технологии является проект Правительства Гондураса по использованию технологии блокчейн совместно с блокчейн-стартапом для государственных реестров на землю [16].

Также одним из первых государств, внедряющих блокчейн в государственном секторе, стала Грузия. Система хранит около 200 тысяч кадастровых записей о правах на земельные участки. Применение новой технологии доказало, что такой инструмент не только повышает безопасность данных, но и позволяет ускорить процесс аудита, перенести его в режим реального времени [15].

Одним из важных направлений использования блокчейна в рамках борьбы с коррупцией является сфера госзакупок, где он может быть полезен в основном для пресечения незаконного проведения тендеров и изменения цен в процессе осуществления закупки. Все комиссии и расходы станут прозрачными, а дополнительные расценки невозможно прописывать после заключения договора. Так, например, проект e-Auction 3.0 предлагает фиксировать этапы аукциона, которые будут доступны всем участникам торгов. Представители компании Microsoft поддержали этот стартап после его успешного тестирования в некоторых украинских городах.

С экономической точки зрения интерес вызывает проект фонда BitGive, с помощью которого появляется возможность прослеживать целевое расходование бюджетных средств, таким образом этот фонд потратил \$11 тыс. для водоснабжения школы для девочек в Кении. То есть денежные средства собираются и распределяются с помощью блокчейна, что полностью пресекает возможность нецелевого использования денег [14].

Еще одним примером международной практики является отчет министерства сотрудничества в области развития Дании от сентября 2020 года, где обозначена центральная роль блокчейна среди иных инструментов, направленных на борьбу с коррупцией, в частности, в лагерях беженцев. Благодаря блокчейну в стране удалось усилить надзор за деяниями предприятий, правительств и заинтересованных лиц, ограничив при этом большое количество коррупционных связей. Данный инструмент внедрен для открытой фиксации предоставления прав на помощь, земельные участки, государственные пособия. При этом снизились показатели не только коррупции, но и мошенничества в данной сфере реализации денежных средств. Сокращено об-

ращение в процессе проведения операций к таким посредникам как банки, снижена цена самих переводов, создана система, позволяющая провести ускоренную электронную идентификацию. Несмотря на системные показатели у людей возникают страхи в отношении риска потери конфиденциальности информации, а также проблемы «права на забвение». Данный вопрос полностью не решен с точки зрения права. Так в общем европейском регламенте защиты данных предусмотрено право физического лица удалять свои данные, но при этом блокчейн не позволяет вносить изменения, а тем более стирать информацию. При возникновении схожей проблемы предлагаем ввести обязательное уведомление лиц и подписание ими соглашения на использование биометрических данных и иной личной информации.

На наш взгляд, следует рассмотреть и противоположную позицию, а именно отзывы владельцев земли в штате Теланган Индия, в котором проходили испытания блокчейн-платформы для регистрации собственности. Отмечается, что инструмент действительно создал преимущества и ускорил процесс, упростил документооборот, но не справился с коррупцией, так как чиновники могут вносить в систему изначально ложные сведения, что до сих пор сложно отследить [22].

Итак, в соответствии с проведенным анализом зарубежной практики, видно, что блокчейн против коррупции применяется в самых разных областях. На основании этого предлагается создание децентрализованной антикоррупционной эко-системы, охватывающей одновременно несколько сфер. Для реализации идеи по общему сервису кандидат юридических наук Д.В. Меньяло и К.К. Крупенникова считают необходимым формирование исследовательской группы и команды разработчиков блокчейна, например, из представителей Департамента развития отрасли информационных технологий Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Согласимся также с тем, что крайне важно обратить внимание на принятие нормативного акта «О цифровой трансформации государства в сфере антикорруп-

ционной политики». На наш взгляд, актуальным также станет разработка отдельной дорожной карты, с сосредоточением на внедрении блокчейна в бюджетную сферу государства. Так, в 2019 году был подготовлен госкорпорацией «Ростех» документ по соглашению с правительством, который утвердил президиум Правительственной комиссии по цифровому развитию. Но реализация данного проекта не прослеживается. Стоит уделить этим проектам более тщательное внимание.

Важным фактором легального внедрения блокчейна в государственную сферу должно стать законодательное обеспечение использования технологий. Это имеет весомую роль, так как блокчейн является не только технологическим инструментом, но и технологическим решением. Необходимо определить специфику данной технологии и этапы процесса применения, регламентировать их. В доктрине предлагается также принять отдельный нормативный акт «О цифровой трансформации государства в сфере антикоррупционной политики» [9], что мы считаем действительно актуальным и значимым для правового и технологического развития государства. Также следует на основании анализа международного опыта применения блокчейна выделить риски и предотвратить их путем внесения изменений в административное и уголовное законодательство страны.

Исходя из анализа изученного материала, можно сделать вывод о том, что сфера борьбы с коррупцией нуждается в использовании крупнейшей технологической инновации для выхода на новый уровень. Блокчейн способен положительно преобразовать процесс взаимодействия государства, в лице государственных органов, и граждан, поднять уровень доверия со стороны общества, а также обеспечить стабильное, продуктивное и легальное осуществление деятельности органов государственной власти. Но для применения данной технологии необходимо внести изменения нормативную правовую базу государства, учесть риски и применить инструменты для их предотвращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2008. — № 52 (Часть I). — Ст. 6228.
2. Кузнецова Н.Ф. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: дис. ... канд. юрид. наук — М., 2004. — С. 194.
3. Будатаров С.М. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — С. 106–110.
4. Векленко С.В. Принципы противодействия коррупции / С.В. Векленко, С.Л. Панов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2010. — С. 20–23
5. Гуркин Ю.Н. Файлообменные сети P2P: основные принципы, протоколы, безопасность / Ю.Н. Гуркин, Ю.А. Семенов // Сети и системы связи. — 2006. — № 11. — С. 62–67.

6. Евсиков К.С. Цифровая трансформация противодействия коррупции / К.С. Евсиков, А.А. Суворов, Л.Р. Братчикова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2022. — № 1. — С. 67–80.
7. Козлов Т.Л. Перспективы развития российского законодательства о противодействии коррупции // Журнал российского права. — 2020. — № 5. — С. 158–166.
8. Леви Д.А. Перспективы признания и развития криптовалют в Европейском Союзе и странах Европы // Управленческое консультирование. — 2016. — № 9. — С. 148–150.
9. Меняйло Д.В. О перспективах применения блокчейн-технологий в сфере противодействия коррупции / Д.В. Меняйло, К.К. Крупенникова // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления: сборник научных статей 4-й Всероссийской конференции. — Курск. — 2022. — С. 255–258.
10. Мирошниченко Д.В. Рождение коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 4. — С. 74–77.
11. Пряников М.М. Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы / М.М. Пряников, А.В. // InternationalJournalofOpenInformationTechnologies: экономика и экономические науки. — 2017. — С. 49–55.
12. Свон М. Блокчейн: Схема новой экономики. — М.: Олимп-Бизнес, 2017. — С. 69
13. Цирин А.М. Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы // Журнал российского права. — 2016. № 12 — С. 106–114.
14. Без коррупции и бюрократии: что такое блокчейн и каковы возможности этой технологии. RT. 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russian.rt.com/nopolitics/article/462966-blokchein-korruptcii-i-byurokratii> (дата обращения: 11.08.2022).
15. Елкина В. Сможет ли блокчейн вернуть доверие народа к государству? FinTech Russia. 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rb.ru/story/anticorruption-blockchain/> (дата обращения: 14.09.2022).
16. Коваль А. Блокчейн для государства. Клуб ОЭСР Россия. 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oecd-russia.org/analytics/blokchein-dlya-gosudarstva.html> (дата обращения: 14.09.2022).
17. Россия в Индексе восприятия коррупции — 2017. Трансперенси интернешнл Россия, 21.02.2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2017-posadki-ne-pomogli> (дата обращения: 05.09.2022).
18. Россия в Индексе восприятия коррупции — 2021. Трансперенси интернешнл Россия, 25.01.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptcii-2021-29-ballovo-i-136-e-mesto> (дата обращения: 05.09.2022).
19. Статистические данные. Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2017-posadki-ne-pomogli> (дата обращения: 05.09.2022).
20. Фирсова К. Владислав Мартынов: «Блокчейн — это серебряная пуля от коррупции». Инвест-Форсайт: деловой журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.if24.ru/vladislav-martynov-blokchein/> (дата обращения: 14.09.2022).
21. Шароян С. Блокчейн: внезапно нужен всем. RBK magazine. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/magazine/2016/01/56ba1b779a79477d693621e7> (дата обращения: 11.09.2022).
22. IBM Blockchain Блокчейн. Tadviser Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD_\(Blockchain\)#](https://www.tadviser.ru/index.php%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD_(Blockchain)#). (дата обращения: 13.09.2022).
23. Karp N. Blockchain Technology: The Ultimate Disruption in the Financial System. U.S. Economic Watch. — 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bbvaresearch.com/wp-content/uploads/2015/07/150710_US_EW_BlockchainTechnology.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

© Лавелина Влада Сергеевна (vlada.lavelina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2974.2022.09.17

МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОХРАННОСТИ ИМУЩЕСТВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ЗАДЕРЖАННОГО ИЛИ ЗАКЛЮЧЕННОГО ПОД СТРАЖУ

MEASURES TO ENSURE THE SAFETY OF THE PROPERTY OF A SUSPECT (ACCUSED), DETAINED OR IMPRISONED

K. Logachev

Summary. This paper analyzes the adoption of measures to ensure the safety of the property of a suspect (accused), a detainee or a prisoner in custody. The author highlights the most problematic aspects of the application of this institute in practice. In addition, various solutions to these problems are being considered.

Keywords: apprehension, close confinement, property, insuring of safety.

Логачев Константин Константинович
Преподаватель Барнаульский юридический институт МВД России
logachev.konstantin.82@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе анализируется принятие мер по обеспечению сохранности имущества подозреваемого (обвиняемого), задержанного или заключенного под стражу. Автором выделяются наиболее проблематичные аспекты применения данного института на практике. Кроме того, рассматриваются различные варианты решения этих проблем.

Ключевые слова: задержание, заключение под стражу, имущество, обеспечение сохранности.

В рамках предварительного расследования нередко используются такие меры уголовно-процессуального принуждения, как задержание или заключение под стражу. Следствием реализации данных уголовно-процессуальных механизмов становится возникновение ограничений прав обвиняемого (подозреваемого), в том числе его прав как собственника. В частности, в результате применения по отношению к нему задержания или заключения под стражу данный гражданин по факту теряет возможность контролировать принадлежащее ему на праве собственности имущество.

Для того чтобы гарантировать сохранность имущества обвиняемого (подозреваемого) на время применения задержания или заключения под стражу, российский законодатель возложил соответствующую обязанность на органы предварительного расследования. Так, данное правило сформулировано в ч. 2 ст. 160 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹. При этом в данной уголовно-процессуальной норме порядок обеспечения сохранности имущества обвиняемого (подозреваемого)

на время применения задержания или заключения под стражу не детализирован должным образом, что существенно осложняет ее применение на практике.

Крайне значимым вопросом, не урегулированным в ч. 2 ст. 160 УПК РФ, является установление момента возникновения обязанности у органов предварительного расследования по обеспечению сохранности имущества обвиняемого (подозреваемого) на время применения задержания или заключения под стражу. Российский законодатель четкого ответа на этот вопрос не дает. При этом, по нашему мнению, вполне логично считать, что соответствующая обязанность у органов предварительного расследования возникает в момент, когда обвиняемый (подозреваемый) утратил фактическую возможность контролировать сохранность принадлежащего ему имущества.

Крайне важным для правоприменителей является вопрос о том, кто именно должен фактически контролировать сохранность принадлежащего ему имущества. Очевидно, что если подозреваемый (обвиняемый) проживает в одной квартире с родителями, детьми, супругой или иными близкими родственниками, то органам предварительного расследования целесообразно вверить имущество для обеспечения его сохранности именно им. Стоит подчеркнуть, что в практической де-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

тельности органы предварительного расследования, как правило, используют именно этот подход. Однако представляется, что в этом случае практические работники по сути домысливают порядок передачи имущества обвиняемого (подозреваемого) для обеспечения его сохранности, так как в УПК РФ нет прямого указания на наличие у органов предварительного расследования возможности передачи имущества именно членам семьи обвиняемого (подозреваемого). Все-таки, на наш взгляд, было бы более разумно сконструировать в УПК РФ правило о том, что имущество обвиняемого (подозреваемого), подвергнутого задержанию или аресту, вверяется тому лицу/тем лицам, на которых он сам укажет. В данном случае важно принимать во внимание доверительные отношения между обвиняемым (подозреваемым) и человеком, который будет обеспечивать сохранность имущества первого. При этом стопроцентной гарантией таких доверительных отношений не может быть факт близкого родства. Например, обвиняемый (подозреваемый) может находиться в подразделении в одном состоянии со своей супругой.

Итак, если органы предварительного расследования установили наличие у обвиняемого (подозреваемого) людей, которым можно доверить обеспечение сохранности имущества, то никаких проблем в применении ч. 2 ст. 160 УПК РФ быть не должно. Однако УПК РФ не дает ответа на вопрос о том, что делать органам предварительного расследования, когда таких людей у обвиняемого (подозреваемого) нет.

О.И. Цоколова, Н.Е. Сурыгина¹, анализируя вышеупомянутую проблему, предлагают одним из способов ее решения аналогию закона. В частности, по их мнению, в такого рода случаях должны использоваться уголовно-процессуальные правила хранения вещественных доказательств, т.е. ст. 82 УПК РФ.

Думается, что вышеуказанный способ решения проблемы не является совершенным, поскольку он не имеет универсального характера. Так, он не подойдет для всех ситуаций обеспечения сохранности имущества. Особенно очевидно это становится в случае с квартирой, так как у органов предварительного расследования нет даже физической возможности забрать оттуда все вещи подозреваемого (обвиняемого) и саму квартиру.

О.И. Цоколова, Н.Е. Сурыгина² пишут, что в такой ситуации необходимо квартиру опечатать и передать ее вместе с оставшимся в нем имуществом на ответ-

¹ Цоколова О.И., Сурыгина Н.Е. Порядок заключения и содержания под стражей на стадии предварительного расследования. М., 2003. С. 38.

² Там же.

ственное хранение управляющей компании. Данное предложение также представляется не вполне удачным, поскольку в квартире, помимо подозреваемого (обвиняемого), могут проживать и другие лица, которые не являются ни его близкими родственниками, ни людьми, с которыми он имеет доверительные отношения. К примеру, они, не будучи родственниками или знакомыми, могли стать долевыми собственниками этой квартиры в результате наследования по завещанию.

В отечественной юридической науке также можно обнаружить позиции о поручении контроля за сохранностью жилища гражданина, заключенного под стражу, полицейским органам³. В результате встает вопрос о том, какому именно подразделению МВД РФ можно поручить выполнение данной задачи. Напомним, что охрана имущества собственников возложена государством на вневедомственную охрану при органах внутренних дел РФ. При этом эта разновидность правоохранительной деятельности реализуется указанными подразделениями на договорной основе с собственниками. При этом заключаемые по этим обязательствам договоры имеют возмездную, а не безвозмездную природу. Учитывая принцип свободы договора, действующий в договорных отношениях, мы можем утверждать, что подозреваемый (обвиняемый) должен выразить соответствующее волеизъявление. Обязывать его заключать договор данного типа будет незаконным действием.

Другие подразделения МВД РФ специально не уполномочены решать такие задачи. Ввиду этого рассчитывать на то, что охраной имущества будут заниматься другие подразделения МВД РФ, не приходится. И, кроме того, нахождение гражданина под стражей может быть крайне продолжительным и трансформироваться впоследствии в уголовное наказание, связанное с лишением свободы.

Крайне значимым аспектом реализации мер по обеспечению сохранности имущества является вопрос о домашних животных обвиняемого (подозреваемого). Напомним, что в силу ст. 137 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)⁴ животные отнесены российским законодателем к имуществу. При этом нужно заметить, что животные — это «неклассический» тип имущества в гражданском обороте. Так, для обеспечения сохранности животных требуется реализации

³ Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 197.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

надлежащего ухода за ними, включая питание, выгул и т.п.

А.С. Дежнев¹ справедливо пишет о том, что обслуживание животных как имущества выступает в качестве одного из условий обеспечения сохранности имущества обвиняемого (подозреваемого).

Думается, что способом решения проблемы выбора лиц, обеспечивающих сохранность имущества подозреваемого (обвиняемого), должно стать закрепление в УПК РФ права последнего самостоятельно принять решение о том, кто именно будет заниматься хранением его имущества. К примеру, обвиняемый (подозреваемый) может выдать доверенность кому-либо для управления своим имуществом (ст. 185 ГК РФ), либо заключить договор доверительного управления имуществом (ст. 1012 ГК РФ²). Полагаем, что данное предложение не противоречит ч. 2 ст. 160 УПК РФ.

На наш взгляд, еще одним важным недостатком регулирования обеспечения органами предварительного расследования сохранности имущества является отсутствие четко закрепленной в УПК РФ процедуры оформления такого решения. Исходя из норм УПК РФ, не вполне ясно, какой именно документ в этом случае оформляется органом предварительного расследова-

ния. Представляется, что в ч. 2 ст. 160 УПК РФ должно быть сконструировано следующее правило: «При принятии мер по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу, следователем, дознавателем составляется постановление в соответствии с требованиями статей 101 настоящего Кодекса».

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время меры по обеспечению сохранности имущества подозреваемого (обвиняемого), задержанного или заключенного под стражу, регламентируются УПК РФ крайне скупо. Так, российский законодатель оставил без внимания такие важные вопросы, как: 1) время возникновения у органов предварительного расследования обязанности по обеспечению сохранности имущества подозреваемого (обвиняемого), задержанного или заключенного под стражу; 2) критерии и порядок выбора лиц, обеспечивающих сохранность имущества подозреваемого (обвиняемого), задержанного или заключенного под стражу; 3) обеспечение сохранности отдельного вида имущества (животных) подозреваемого (обвиняемого), задержанного или заключенного под стражу; 4) процессуальное оформление принятия мер по обеспечению сохранности имущества подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Дежнев А.С. Обеспечение сохранности имущества и жилища обвиняемого (подозреваемого), подвергнутого задержанию или заключению под стражу // Российский следователь. 2010. № 11. С. 10–12.
4. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. 252 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
6. Цоколова О.И., Сурыгина Н.Е. Порядок заключения и содержания под стражей на стадии предварительного расследования. М.: ВНИИ МВД России, 2003. 162 с.

© Логачев Константин Константинович (logachev.konstantin.82@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹ Дежнев А.С. Обеспечение сохранности имущества и жилища обвиняемого (подозреваемого), подвергнутого задержанию или заключению под стражу // Российский следователь. 2010. № 11. С. 11.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

АПЕЛЛЯЦИОННЫЕ СУДЫ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ, ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 2019 ГОДА

APPELLATE COURTS OF GENERAL JURISDICTION, PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE JUDICIAL PROCEDURAL REFORM OF 2019

A. Lysak

Summary. The article analyzes the practical application of the reformed norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation by the courts of the appellate instance of general jurisdiction. The legislation regarding significant changes in the activities of individual courts of appeal is considered. The assessment of shortcomings and improvements based on the results of the reform in the protection of citizens' rights and freedoms is described, whether improvements have been made for the independence of courts from regional authorities.

Keywords: appellate instance, reform, court, judicial system, legislation, norms of civil procedure.

Лысак Анастасия Николаевна

Аспирант, АНО ВО «Московский гуманитарный университет»
Rodnikurist@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется практическое применение судами апелляционной инстанции общей юрисдикции реформированных норм гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации. Рассмотрено законодательство в части существенных изменений в деятельности отдельных судов апелляционной инстанции. Описана оценка недостатков и улучшений по результатам проведенной реформы в защите прав и свобод граждан, созданы ли улучшения для независимости судов от региональных органов власти.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, реформа, суд, судебная система, законодательство, нормы гражданского процесса.

Создание самостоятельных апелляционных судов общей юрисдикции в России стало ключевым после реформы судебной системы, проведенной в 2019 году.

В результате отдельные апелляционные суды обеспечивают независимость, беспристрастность рассмотрения жалоб на судебные акты судов первой инстанции. Результативность проведения реформы в создании самостоятельных апелляционных судов выражается в том, что теперь исключена проверка законности судебного акта судом, первоначально рассматривающим дело и вынесшим решение. Проведенная

реформа несомненно усовершенствовала судебную систему судов общей юрисдикции. Следует отметить положительный опыт самостоятельных судов апелляционной инстанции в арбитражных судах. Совершенным аспектом также является исключение коррупции. Рассредоточение судебной власти и распределение полномочий в судебной системе значительно снизило нагрузку областного и равных ему судов, до реформы областные суд наделены были полномочиям суда первой, апелляционной и кассационной инстанции. Уменьшение количества рассматриваемых дел, позволило повысить качество рассмотрения, законность, справедливость и обоснованность выносимых решений.

До проведенной реформы, довольно часто в судах общей юрисдикции президиум областного суда рассматривал жалобы на судебные акты этого же суда, а иногда находясь в том же здании [1, с. 73]. В состав коллегии президиума областного и равного ему суда, мог войти судья апелляционной инстанции. Следовательно, беспристрастность рассмотрения, независимость и самостоятельность судебной власти подвергается сомнению, а процент возможности пересмотра дела и вынесение нового решения по делу снижается.

На сегодняшний день образовано 5 апелляционных судов общей юрисдикции, распределенных по границам территории судебных апелляционных округов.

Как пояснил Председатель Верховного суда Российской Федерации В. Лебедев, при формировании судебных округов учитывался критерий доступности правосудия с учетом уровня нагрузки судей, к тому же, экстерриториальный принцип предельно минимизирует и исключает влияние на осуществление правосудия региональных должностных лиц [2].

Теперь апелляционные суды рассматривают жалобы на судебные акты, вынесенные судом первой инстанции — областных судов.

Необходимо согласиться с мнением о практическом применении изменений судебной системы по количеству апелляционных судов общей юрисдикции, существуют опасения в обеспечении полноценной проверки судебных решений всего пятью апелляционными судами [3, с. 104].

Реформа порождает не только положительные изменения, а также некоторые проблемы на практике.

За два года существования новых апелляционных судов, необходимо отметить следующие проблемы, вызванные переменами.

Одной из существенных возникших проблем стала недоступность обращения к правосудию гражданами. Законодательное требование об обязательном наличии диплома о юридическом образовании, стало существенным ограничением, а также территориальная отдаленность, порождающая судебные расходы.

К примеру, обжалование решения Омского областного суда подателю жалобы необходимо ехать в Пятый апелляционный суд в город Новосибирск. Это прямо ограничивает возможности граждан в защите прав, увеличивает в разы судебные расходы. Кроме того, в зависимости от обстоятельств рассматриваемого конкретного дела, нет гарантий рассмотрения в назна-

ченный день. Такая ситуация, несомненно, негативно отражается на соблюдении принципа доступности правосудия.

Необходимо к тому же упомянуть, что на стороны в гражданском процессе реформой возложена обязанность почтовых расходов, самостоятельное направление лицам участвующим в деле документов по делу.

Техническое оснащение созданных апелляционных судов оборудованием, предназначенным для проведения судебных заседаний путем использования систем видеоконференц-связи, является решением в соблюдении принципа доступности правосудия.

Следующей возникшей проблемой по мнению Председателя ВС РФ, является нехватка кадров. Самостоятельные апелляционные суды необходимо укомплектовать большим количеством новых судей, в целях распределения нагрузки. Таким образом, судьи в принятии решений руководствуются своей практикой и учатся на исключительно на своих ошибках. Дополнительно прорабатывается вопрос по замене и перемещению кадров апелляционных судов.

Негативным законодательным введением следует выделить назначение председателя апелляционного суда сроком на шесть лет с последующим правом переизбрания, таким образом возникает право пожизненного срока в должности председателя суда, риск снижения общей результативности и эффективности в работе суда, а при пожизненном статусе судей судебная практика лишается динамики в развитии, повысится вероятность появления новых коррупционных моделей.

Изменение судебной системы, любые существенные нововведения, а в рассматриваемом случае реформа апелляционных судов путем создания принципиально новых, обособленных судов несомненно требует крупного финансирования. По результатам проведенной реформы, затраты оцениваются в 4,5 миллиардов рублей. Такой факт следует отнести к негативной стороне реформирования.

Преобразование судебной системы имеет положительные аспекты, среди которых следующие:

- ◆ беспринципность и независимость судей, исключение коррупционных связей и воздействий региональных властей, устранение влияния трудовой солидарности судей одного суда в принятии решений по одному делу.
- ◆ значительное уменьшение нагрузки областных и равных им судов, а также снижение нагрузки ВС РФ, поскольку исключено рассмотрение в качестве суда апелляционной инстанции [4].

Без сомнения, преобразование судов общей юрисдикции по аналогии деятельности арбитражных судов, повышает качество рассмотрения судебных споров.

Преобразование апелляционных судов общей юрисдикции, результаты проведенной реформы, однозначно в переходный период имеют как положительные, необходимые обществу и государству аспекты, так и отрицательные.

Одним из наиболее важных изменений, стало повышение профессионализма участников судебного процесса.

К любым нововведениям необходима адаптация. Кроме того, нормативно-правовую базу следует и даль-

ше формировать, корректируя несовершенства, создавая тем самым условия для результативного функционирования судебной системы, развивая качество и доступность правосудия.

По результатам проведенной реформы деятельности апелляционных судов общей юрисдикции Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет толкование законодательных норм, на основе которых вносятся изменения в процессуальные законы, способствует устранению первоначальных недостатков.

Подводя итоги, можно сделать выводы, о том, что преобразование судебной системы судов общей юрисдикции значительно повышает качество правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коршунов Ю.А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 71–75.
2. Обособленные апелляционные и кассационные суды начнут работу с октября. — Текст: электронный // Адвокатская газета Орган Федеральной палаты адвокатов РФ: [сайт]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/obosoblennye-apellyatsionnye-i-kassatsionnye-sudy-nachnut-rabotu-s-oktyabrya/> (дата обращения: 29.05.2020).
3. Рукавишников А.А. Возможные перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе при реализации проекта федерального конституционного закона «о внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 103–107.
4. Жилин Г.А. Обжалование судебных актов как средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 5. С. 16–25.

© Лысак Анастасия Николаевна (Rodnikurist@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛЬНЫЕ И ДЕКЛАРИРУЕМЫЕ ОБОСНОВАНИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ КАССАЦИИ

REAL AND DECLARED JUSTIFICATIONS FOR THE TRANSFORMATIONS OF THE INSTITUTE OF RUSSIAN CASSATION

S. Martynova

Summary. In this article we are talking about the conditionality of the third reform of the institute of domestic criminal cassation, about what justified its establishment and subsequent reform, including current processes. The accents of modern specialized literature on their inconsistency, understood most often situationally, outside the context of the general genesis of the domestic cassation, are critically examined. The historical and modern contradictions between the real needs of reforming (improving) the domestic criminal cassation and the declared goals, as well as the rationale for these transformations, are revealed.

Keywords: criminal cassation, criminal procedure, court of cassation instance, cassation courts mixed cassation.

Мартынова Светлана Владимировна
Аспирант, Московский гуманитарный
университет
belixvost@mail.ru

Аннотация. В этой статье речь идёт об обусловленности третьего по счёту реформирования института отечественной уголовной кассации, о том, чем обосновывалось его учреждение и последующее реформирование, включая текущие процессы. Критически рассмотрены акценты современной специальной литературы на их противоречивости, понимаемой чаще всего ситуативно, вне контекста общего генезиса отечественной кассации. Выявлены исторические и современные противоречия между реальными потребностями реформирования (совершенствования) отечественной уголовной кассации и декларируемыми целями, а также обоснованием этих преобразований.

Ключевые слова: уголовная кассация, уголовный процесс, суд кассационной инстанции, кассационные суды смешанная кассация.

В этом смысле сложно согласиться с предлагаемой Л.В. Головки по поводу корректировок законодательства 2018–2019 гг. дихотомией: «позитивная инновация или очередная деформация» [1, с. 39], так как ни тем, ни тем, более другим, она не является. Принимая во внимание важную для своего развития глубокую историческую составляющую [2, с. 225], кассацию в целом, сложно считать «инновацией». Требуется пояснения мысль цитируемого автора об «очередной деформации» (выделено нами), так как мы не находим ответа или указания на предыдущие «деформации» и, самое главное, на методы, которыми их удалось (или не удалось) исправить.

Важно выявить, чем было обусловлено текущее реформирование института российской уголовной кассации? Вопрос поставлен не случайно. В решениях высших судов, документах стратегического планирования, материалах органов судейского сообщества, специальной и правозащитной литературе, выступлениях Президента России, нам не удалось выявить сколько-нибудь последовательной и содержательной критики ранее действовавшего института кассации, недостатки которого должны были бы стать причиной его корректировки. Имеющиеся указания редки, фрагментарны и имеют

формальный характер. Если таких причин нет и смешанная кассация советского типа успешно справлялась с поставленными задачами, то чем же тогда было обусловлено её реформирование?

Посмотрим на исходные позиции. Известно, что институт кассационного обжалования судебных решений по уголовным делам берет своё начало с судебной реформы 1864 г. [3], но и тогда авторы реформы не столько критиковали современный им и далекий от совершенства порядок, сколько обосновывали необходимость реформы потребностью соответствия текущему развитию европейского (континентального) права и его институтов, прямо указывая на образец — французское право [4]. Проверенная за рубежом модель казалась И.Я. Фойницкому пригодной и для России, имея ввиду отказ от «пересмотра уголовного приговора» (вопросов факта) в кассации, сосредоточив её усилия на проверке лишь юридической части [5, с. 69].

Таким образом, формирование института российской уголовной кассации во второй половине XIX в. шло на фоне общей критики ранее действовавшей системы и признания необходимости учета европейского опыта. Кроме того, на тот момент был и практический

интерес. Важно было проверить как пока ещё неопытная первая инстанция применяла новые законы к выявленным фактам, не допускала ли нарушений процесса [6, с. 628].

Нельзя не обратить внимание и на обязательную отечественную особенность, когда в русле правовой политики, политико-правовых воззрений и традиций кассация должна была реагировать не только на формальные нарушения. Так, кассационные заключения А.Ф. Кони выходили за формально-догматические рамки выявления и критики ошибок нижестоящих судов, обращая внимание на общественные условия и, при необходимости, на вопросы совершенствования уголовного процесса [7, с. 124], что затем было воспринято и советской кассацией.

В целом, русская уголовная кассация, образца второй половины 1860-х годов, просуществовав до 1917 г. и удовлетворяя нуждам уголовного процесса, не подвергалась сколько-нибудь существенной критике ни официальной власти, ни доктрины, ни общества, ни даже левых радикалов, позицию которых относительно развития уголовного процесса после прихода к власти сложно рационально объяснить и обосновать.

Так, в числе первых мероприятий советской власти в правовой сфере стало переформатирование института кассации. Декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» (№ 1) была ликвидирована апелляция, а кассационное обжалование передано уездному съезду судей. В 1922 г. в ст. 353 УПК РСФСР кассационная жалоба могла быть подана сторонами по поводу формальных нарушений судом их прав и законных интересов, без рассмотрения существа приговора. В редакции УПК 1923 г. эта норма перешла в ст. 349 УПК РСФСР.

Борясь с «пережитками» прежнего, «антинародного» режима, советская власть, аргументировала свои шаги исключительно классово-политическими установками. В.И. Ленин стремился «не реформировать судебные учреждения, а полностью уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат» [8, с. 91]. Именно в этом смысле вождь призывал «не угождать “Европе”... а усиливать вмешательство государства в частноправовые отношения» [8, с. 92]. Важно отметить, что работоспособность и необходимость действовавшего со времен судебной реформы кассационного механизма на момент принятия решений, специально не оценивалась. Позже, в начале 1920-х годов А.Ф. Кони положительно оценивал её результаты, в том числе в кассационной сфере в своих воспоминаниях и статьях, которые, в то же время не могли оказывать сколько-нибудь существенного влияния на советскую правовую политику.

Очевидно, что и уголовно-процессуальная доктрина вряд ли могла в ноябре 1917 г. (декрет «О суде») или в марте 1918 г. (декрет «О суде № 2») оказать какое-то влияние на принятые решения, либо критически оценить их. Примечательно, что никто из первых наркомов юстиции (Г.И. Оппоков (Ломов), И.З. Штейнберг, П.И. Стучка, Д.И. Курский) не выказал какой-либо содержательной критики старого института уголовной кассации.

Таким образом, если зарождение русского института кассации обосновывалось потребностью следовать европейской модели, то следующий этап его трансформации, не получив сколько-нибудь внятного научного обоснования, был направлен на прямо противоположное. В результате кассационное обжалование приняло форму неполной апелляции, которая могла быть расширена дискрецией самой кассационной инстанции, получившей полномочие изучать новые доказательства и устанавливать новые факты, действуя в интересах социалистической законности.

В соответствии с «Положением о судостроительстве РСФСР», утв. ВЦИК 11 ноября (н. ст.) 1922 г. [9] (ст. 39) областной (губернский) суд, будучи центральным (для губернии) судебным и надзорным органом становился и органом кассации по всем видам решений нижестоящих судов. В составе Верховного Суда РСФСР (ст. 55 Положения) были созданы кассационные коллегии по уголовным и гражданским делам, которые рассматривали решения областных (губернских) судов. Члены кассационных коллегий назначались по представлению Наркомюста и действовали (ст. 61 Положения) под «личным наблюдением» и «руководством» председателя Суда. Так государство устанавливало свое доминирование в судебной системе. В редакции Положения 1922 г. от 7 июля 1923 г. слово «судья», практически не используется, речь, как правило, идёт о «члене Верховного Суда» [10], который быстро превратился в типичного государственного служащего.

Кроме того, следуя новой редакции ст. 60 Положения 1922 г. Пленум ВС получил право не только рассматривать, но и утверждать постановления Президиума ВС, которые касались приговоров, а также иных решений как кассационных коллегий, так и всех прочих судов, если дело было передано в ВС РСФСР высшими органами власти, Председателем ВС и/ или Прокурором Республики. То же правило действовало и в отношении опротестованных прокурором решений. Таким образом, нарушался инстанционный порядок обжалования, органы власти получили приоритет и возможность передачи дел в высшую инстанцию по своему усмотрению, а не по воле сторон и/ или того, чьи права были нарушены. Такой порядок был характерен для советской правовой системы и впоследствии в немалой степени содейство-

вал массовым и грубым нарушениям законности, включая внесудебные расправы.

Следующей текущей корректировкой института уголовной кассации стало введение в состав коллегий народных заседателей. Официально это объяснялось укреплением народовластия и контроля трудящихся за работой органов государства. На самом деле причины представляются иными.

Несовершенство нового, только формирующегося советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также судебной системы, вело к тому, что с начала своей работы Верховный суд РСФСР получал огромное число кассационных жалоб. Их рассмотрение затягивалось, росли сроки, что, как отмечает П.В. Захарова, не соответствовало «образу оперативного правосудия, которое обещали народу большевики» [11, с. 72]. Нарастание штата судей до 8–12 постоянных членов, не дало результата. Оставалось два варианта: первый — вернуть апелляцию, второй — повысить производительность судейского труда, ввести в кассации «поточное», т.е. быстрое производство.

Был избран модернизированный второй вариант, предполагающий максимальную «демократизацию» судопроизводства, которая не в полном объеме была учтена в Положении 1922 г. и поправлена (ст. 64) постановлением ВЦИК от 7 июля 1923 г. [12] При Верховном суде РСФСР был утверждён штат в 48 народных заседателей, которых отбирал Президиум ВЦИК, публикуя их список в «Известиях». Введение нового института в Верховном Суде означал изменение структуры коллегий. Теперь дело рассматривалось не тремя профессиональными судьями, а одним — председательствующим (членом судебной коллегии) и двумя народными заседателями, в статусе «представителей широких трудящихся масс» [13].

Формально и официально это соответствовало статусу государства диктатуры пролетариата, так как в кассации заседатели представляли источник власти — трудящихся, руководствуясь, в отличие от судей не нормами права, а в большей степени — сложившимися в обществе отношениями. Этот подход вполне укладывался в действовавшую уголовно-правовую доктрину, в рамках которой правосознание считалось одним из источников права. Кроме того, предполагалось, что институт заседателей в кассации способствовал приобщению трудящихся к государственной и судебной, работе, воспитывая правовую культуру.

В то же время, вовлечение масс совершенно не соответствовало общему предназначению кассации — ре-визии вопросов права, в котором трудящиеся мало что

понимали. С другой стороны, нарком юстиции Д.И. Курский указывал на опасность того, привлечение заседателей в кассационные суды может «захлестнуть мелко-буржуазная стихия» [14], как это в свой время произошло с судами присяжных.

Введение народных заседателей в кассационные коллегии Верховного суда — процесс куда более сложный, чем это принято считать. Полагаем, что «демократизация» была лишь прикрытием. Во-первых, введение заседателей позволило существенно, фактически втрое увеличить «пропускную способность» Верховного суда, рассматривать существенно больше дел, сократить сроки. Во-вторых, исходя из специфики кассации, решения теперь фактически принимал один судья — председатель, который знакомился с делом и докладывал по нему. Не сведущие в законодательстве и процессе заседатели, возможно имевшие какое-то практическое значение в первой инстанции, где рассматривались факты, допрашивались свидетели, в кассации, чаще всего играли роль статистов. Это устраняло из процесса профессиональную судейскую коллегиальность, делая его не вполне объективным и управляемым.

В то же время, вектор научно-практических дискуссий того периода сместился в сторону проблем замещения института апелляции, так как некому стало проверить приговор суда первой инстанции по обстоятельствам (доказательствам) самого дела. М.С. Строгович указывал на распространенную в начале 1920-х годов позицию, по которой оценка доказательств — прерогатива исключительно суда первой инстанции, а не кассации. В то же время, в советском уголовном процессе нельзя было допустить формализм, т.е. отрыв юридической формы от сути дела. Исходя из этого кассационная инстанция должна была сохранить свои полномочия изучать приговор не только по нарушениям процесса и процедуры, но и дело по существу, проверяя законность и обоснованность решения, оценку доказательств и мотивированность [15, с. 162].

Именно по этому вопросу проявилось характерное для последующего (в том числе и современного) периода «судебное нормотворчество» [16], начало которому было положено редким правовым актом «Наказом Пленума Верховного Суда РСФСР уголовной кассколлегии» от 21 июля 1924 г. [17], в соответствии с которым в кассации уголовное дело «принципиально... по существу» не рассматривалось и не разрешалось. В то же время, в интересах социалистического правопорядка, борьбы с бюрократизмом и буржуазным формализмом, такой подход признавался «чисто формально-бюрократическим», отжившим и не соответствующим интересам пролетарского государства.

Простой и логичный выход из ситуации был в восстановлении апелляции, но на это не пошли, отстаивая реформированную судебную структуру и отлаживая её путем корректировок. Они сводились к тому, чтобы кассация не устранялась от выяснения сложных обстоятельств дела, так как такое поведение было бы, по оценке ВС РСФСР «лицемерием». Ставилась задача выяснять в кассации обстоятельства, которые повлияли, либо были способны повлиять на приговор. Действуя по «Наказу», пусть и не имея на то законных полномочий, кассация получила право устанавливать «явное несоответствие назначенного наказания» тому, что совершил осужденный. То же относилось и ко всем иным ошибкам и противоречиям, выявленным в приговоре, несоответствиям в оценке доказательств [17]. Ситуация была типичной для советского права и уголовного процесса, где действовала сложная совокупность нормативных правовых и иных актов, включая разного рода совместные постановления (партийно-политические акты, указы, декреты), правовой статус которых и порядок действия не всегда были формализованы.

В дальнейшем советская уголовная кассация развивалась в русле развития судебной системы. В соответствии с Положением о Народном комиссариате юстиции РСФСР, утв. 3 июня 1929 г. [18] самостоятельность судебной власти была ликвидирована. Верховный суд РСФСР стал структурным подразделением НКЮ, а его председатель — заместителем наркома. При этом Положение о судостроительстве РСФСР не отменялось.

Вопрос об институте кассации вновь возник при обсуждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик 1958 г., а затем проекта УПК РСФСР 1960 г. законодатель пошел не по пути выделения из «смешанной» кассации апелляции, а совершенствования ранее действовавшего института. При подготовке концепции новых УК и УПК РСФСР, в частности в ст. 49 Основ для кассации систематизировались общие основания к отмене, либо изменению приговора, впоследствии составившие ст. 342 УПК РСФСР 1960 г. Это: односторонность и/или неполнота предварительного следствия, судебного разбирательства; несоответствие выводов суда, отраженных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела; существенное нарушение положений УПК РСФСР, их неправильное применение; не соответствие наказания тяжести преступления, а также личности осужденного.

Новые формулировки не демонстрировали отхода от положений традиционной, дореволюционной отечественной уголовно-правовой доктрины. В частности, в новом УПК 1960 г. внимание заострялось на «существенном нарушении уголовно-процессуального закона», тогда как русский законодатель на нарушении также

«столь существенных», но «обрядов и форм», т.е. лишь процедуры, процессуальных правил. Окончательно основания к отмене, либо изменению вступивших в законную силу приговоров в надзорном порядке были сформулированы в ст. 379 УПК РСФСР 1960 г.

Новый уголовно-процессуальный закон не содержал обязательного требования выявить причинно-следственную связь между допущенным нарушением и незаконностью (необоснованностью) приговора, получив существенно расширенные дискреционные полномочия.

Таким образом, советский законодатель минимизировал значение сторон, предоставив кассации максимальные полномочия в деле проверки не только приговора, но также дознания и предварительного следствия. Такая политика, как обосновано указывает А.М. Панюкин, свидетельствовала о приоритете публичного интереса над состязательностью и диспозитивностью [19, с. 66], которые таким образом в кассации были ограничены также и в силу того, что прокурор здесь уже не был стороной по делу, а давал заключение о законности и обоснованности приговора, а также о наличии, либо отсутствии законных оснований для того, чтобы удовлетворить, либо отказать в удовлетворении кассационной жалобы.

Выявленные в кассации дефекты предварительного следствия или действий суда первой инстанции влекли за собой ревизию фактических обстоятельств дела, чему было придано специальное основание. Фундаментальным основанием для отмены приговора стало *несоответствие выводов суда, приведенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела*. Такой подход законодателя обеспечивал право на пересмотр вопросов факта. Данное положение фактически стало закреплением судебной практики последних десятилетий, что устранило неопределенность, порожденную первыми декретами советской власти, когда законодатель, в значительной степени находясь ещё под влиянием революционного права, запретил в ст. 349 УПК РСФСР 1923 г. ревизию факта, а значит и пересмотр существа приговора.

В УПК РСФСР 1960 г. (ч. 2 ст. 345) был расширен перечень безусловных *существенных* нарушений, давались определение (ст. 346) *неправильного применения и истолкования уголовного закона* было предельно упрощено (ст. 347) широкое и фундаментальное понимание *справедливости*, сведя его к оценке тяжести наказания, когда «справедливости правосудия» означала «справедливость приговора» [20, с. 49], которые в условиях советского (социалистического) правосудия презюмировались.

Таким образом, корректировки положений о кассации в УПК РСФСР 1960 г. были попыткой совершен-

ствования её смешанного характера. В дискуссиях того периода выдвигались противоположные предложения, с одной стороны о сужении полномочий кассации, а с другой, наоборот, о расширении, приглашении экспертов, допросе свидетелей и т.п. [21], что означало бы возврат к «чистой» апелляции.

«Существенные институциональные противоречия, как отмечает А.М. Панокин, сделали социалистическую модель пересмотра судебных решений крайне неустойчивой и предопределили ее недолговечность» [19, с. 107], не приведя подтверждений ни «неустойчивости», ни тем более «недолговечности», продолжавшейся более 90 лет. Здесь уместно привести мнение Ю.А. Коршунова о том, что «институт советской кассации был... одной из форм буржуазной апелляции» [22, с. 34], официальное возвращение которой было лишь вопросом времени.

В 2010–2013 годах в отечественном уголовном судопроизводстве был в полном объеме возрождён институт апелляции, отделённый от института кассации. В то же время статистика показывает, что в уголовном судопроизводстве суды апелляционной инстанции как правило, передают дела на новое разбирательство, не используя, таким образом, в полной мере предоставленные полномочия по исследованию доказательств [23, с. 55], а следовательно, и в полном объеме свою контрольную функцию. Налицо инерция смешанной кассации советского типа.

Что касается обсуждения проектов кассационной реформы, то смешанный характер кассации советского типа, как и большинство вопросов права и процесса здесь отошли на второй план. Приоритетом стала потребность «повысить реальную независимость судебной системы...», устранить «пристрастные решения областных судов...», вывести дела из регионов, устранить «значительную зависимость [областных] судов» от «местных правоохранительных органов, органов власти и управления». Аналитики критиковали систему «неформальных отношений» судей «с местными властными структурами», с вытекающей отсюда «недостаточной объективностью» [24, с. 132]. Отсюда делались выводы о том, что ранее действовавшая модель организации судебной системы (сосредоточения в областном суде нескольких инстанций), как отметили А.С. Платова и П.В. Шумов, «всецело допускала формирование коррупционных связей» [25, с. 116]. В.М. Жуйков, отметив «массу проблем» из-за объединения апелляционного и кассационного производств в президиуме одного суда, поставил в пример кассационное производство в арбитражных судах, специально выделенными окружными судами [26]. Целью создания кассационных судов общей юрисдикции, А.Г. Халиулин назвал «повышение объективности рас-

смотрения уголовных дел и независимости судей от органов власти субъектов РФ» [27, с. 38]. Приведенные позиции абсолютно доминировали в литературе в период обсуждения проекта кассационной реформы, заслоняя собой собственно вопросы права и процесса.

А что же законодатель? Положительно оценив действие отдельных кассационных и апелляционных судов «на опыте их деятельности в системе арбитражных судов», в проекте закона он обосновал «объективную необходимость создания... структурно самостоятельных кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» лишь одной причиной — реализовать организационную обособленность судебных инстанций «в целях максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений...», чтобы не делать это «в том же субъекте РФ и тем более в том же суде, которым дело рассматривалось в первой инстанции» (выделено нами).

В качестве факультативной была указана цель: «усовершенствовать инстанционное устройство судов общей юрисдикции и оптимизировать судебную нагрузку» [28].

Таким образом, и процессуальная наука и законодатель сошлись в главном, целью и сутью кассационной реформы стало обеспечение независимости самостоятельности кассации, вопросы права здесь не ставились и не рассматривались.

Таким образом, институты российской кассации, оформившись существенно позже европейской, на начальном этапе вобрали в себя европейские стандарты и опыт их реализации. При этом чисто юридическое и практическое обоснование было дано лишь при учреждении нового института в рамках судебной реформы 1860-х годов. В дальнейшем, реформирование и совершенствование отечественной уголовной кассации обосновывалось политическими (советский период) и социально-политическими факторами и аргументами, такими как, например в 2018–2019 гг. — обеспечения независимости судов от влияния местных органов власти, независимости судей от их коллег в вышестоящих судах, борьба с коррупцией. Факультативно кассационная реформа обосновывалась также потребностью в сокращении нагрузки на областные суды. Приводимые законодателем и научной аналитикой аргументы обоснования вызывают вопросы, так как предполагают, что ранее существовавшая система ревизии и пересмотра решений была зависима, необъективна и даже коррупционна? В то же время, таких выводов никем и нигде официально не делалось, а реальная потребность в реформировании (признавая важность обеспечения независимости)

состояла в выделении чистой (не смешанной с апелляцией) и сплошной уголовной кассации. Эти, ключевые вопросы права, для решения которых традиционно ра-

ботает кассационная инстанция, в обосновании текущей реформы если не выпали совсем, то отошли на третий план.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л.В. Институт «сплошной» кассации в уголовном процессе: позитивная инновация или очередная деформация? // Закон. 2021. № 7. С. 32–43.
2. Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление института кассации в советском судопроизводстве: историография проблемы // Российский юридический журнал. 2015. № 6 (105). С. 222–237.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. второе. Т. XXXIX. Отд. второе. 1864. Закон № 41475. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.
4. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий. Вып. V: Ст. ст. 765–999. / Под общ. ред. М.Н. Гернета. М.: Издание М.М. Зива, 1916.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. Т. II. СПб.: Сенатская типография, 1910.
6. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостройство — судопроизводство. — Изд. 4-е, доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1918.
7. Кони А.Ф. Судебные речи. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1967.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 91
9. Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судостройстве РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
10. Постановление ВЦИК от 7 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Положения о судостройстве РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 48. Ст. 481.
11. Захарова П.В. Эволюция компетенции и структуры Верховного суда РСФСР в 1923–1936 годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 67–97.
12. СУ РСФСР. 1923. № 48. Ст. 481.
13. Народные заседатели в Верховном Суде // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 38. С. 2–7.
14. Речь Д.И. Курского на праздновании четырехлетия Московского народного суда // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 49. С. 12–18.
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. II: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Издательство «Наука», 1970.
16. Вопрос остается предметом оживленной дискуссии. См. Кучин М.В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 20–35; Баранова Е.Г. Судебное нормотворчество в уголовно-процессуальном праве: ожидание и реальность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Вып. 10. № 3 (37). С. 369–373.
17. Утв. протоколом № 15 заседания Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 июля 1924 г.
18. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 03.06.1929 «Об утверждении Положения о Народном комиссариате юстиции РСФСР» // СУ РСФСР. 1929. № 41. Ст. 434.
19. Панокин А.М. Пересмотр судебных решений в период действия УПК РСФСР 1960 г. // Право и политика. 2017. № 9. С. 62–75.
20. Поздняков М.Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе. М., 2015. 160 с.
21. Подробнее об этом: Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. 396 с.; Лупинская П.А. Пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу, в порядке судебного надзора. М., 1978.
22. Коршунов Ю.А. К вопросу о советской кассации и буржуазной апелляции // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3–1. С. 30–39.
23. Панокин А.М. Передача судом апелляционной инстанции дела на новое судебное разбирательство в административном, гражданском и уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 54–57.
24. Пронина М.П. Проблемы реформирования институтов апелляции и кассации // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 130–135.
25. Платова А.С., Шумов П.В. К вопросу о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции // Бюллетень науки и практики. 2019. Вып. 5. № 8. С. 114–119.
26. Жуйков В.М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судостройстве // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 135–150.
27. Халиулин А.Г. Проблемы пересмотра приговоров апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 37–39.
28. Законопроект № 374020–7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Государственная Дума РФ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7>

DOI 10.37882/2223-2974.2022.09.21

ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ КАК ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

LEGALITY AND LEGITIMACY OF STATE-LEGAL COERCION AS A GUARANTOR OF THE STABILITY OF THE DEVELOPMENT OF THE STATE

O. Melnikova

Summary. The article analyzes the concepts of "legality" and "legitimacy" of state power, as well as the influence of the categories under consideration on the use of state-legal coercion in the mechanism of the state. Within the framework of the study, the position is presented on the need for mandatory "inclusion" of civil society in the discussion of draft laws affecting human and civil rights and freedoms, including in the field of establishing new measures of state-legal coercion, or aggravating existing measures.

Keywords: state-legal coercion, legality of state power, legitimacy of state power.

Мельникова Ольга Вячеславовна

Соискатель, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
olga_melnikova2021@mail.ru

Аннотация. В статье проведён анализ понятий «легальность» и «леgitимность» государственной власти, а так же влияние рассматриваемых категорий на применения государственно-правового принуждения в механизме государства. В рамках исследования представлена позиция о необходимости обязательного «включения» гражданского общества в обсуждение законопроектов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, в том числе в области установления новых мер государственного-правового принуждения, либо отягчения уже имеющихся мер.

Ключевые слова: государственно-правовое принуждение, легальность государственной власти, легитимность государственной власти.

В современный период развития мирового сообщества все чаще обозначается проблема легальности и легитимности государственной власти. Данный вывод строится на основе многих факторов, которые обусловлены многообразием политических процессов, происходящих в мире, а также вопросами, связанными с тенденциями государств к суверенизации власти, глобализации и интеграции в международные сообщества и организации. Обозначенная проблема, выражающаяся в необходимости совершенствования государственной власти, а именно формирования так называемого «сильного государства» путем обеспечения правового диалога и согласия как внутри государства, так и за его пределами должна, безусловно, исследоваться с учетом складывающихся современных правовых реалий.

В 2020 году на заседании клуба «Валдай» Президент Российской Федерации Владимир Путин указал «... что такое сильное государство, в чем его сила? Разумеется, не в тотальном контроле или жесткости пра-

воохранительных органов, не в вытеснении частной инициативы или ущемлении гражданской активности. Даже не в мощи вооруженных сил и оборонного потенциала... Убежден, что сила государства, прежде всего, в доверии к нему со стороны граждан.» [1]. Справедлив вывод о том, что тема правового диалога в виде нормотворчества в государстве между органами государственной власти как друг с другом, так и с гражданским обществом позволит в полной мере обеспечить легальность государственной власти.

Стоит отметить, что заявленная проблематика вновь стала особо актуальной в конце XX века и продолжает быть таковой по сегодняшний день, в частности, особенности перехода мирового сообщества от биполярного мира к однополярному, вопросы коллективной безопасности, появление новых «сверхдержав», совершенствование технологий «мягкой силы», которые применяются в интересах удержания и распространения влияния на социально-экономические процессы всего мира непосредственно влияют на при-

знание власти в отдельно взятом государстве легитимной, не зависимо от ее легальности.

Вопрос легальности и легитимности государственной власти имеет большое значение для политико-правовой мысли всего мирового сообщества, так как он тесным образом связан с устойчивостью политического режима абсолютно любого государства. Абсолютно справедлив вывод о том, что выстраивание модели государственно-правового принуждения, которая должна базироваться на ключевых принципах законности и справедливости возможно только благодаря учету двух рассматриваемых явления. Очевидно, что понятия легальности и легитимности существенно отличаются друг от друга, имеют абсолютно отличные друг от друга смысловые значения.

В Большом толковом словаре указано, что «легальный» — это признанный, допускаемый законом [3]. Данное определение является схожим для многих видов словарей, однако отдельно стоит обратить внимание на определение, которое представлено в этимологическом словаре Г.А. Крылова, так «легальный» (от латинского *legalis* — законный) [10]. Синонимичность таких понятий, как «легальный» и «законный» позволяет четко определить основу данного определения.

Необходимо отметить, что легальность в политико-правовой мысли неразрывно связана с понятием «легитимность» так как данная правовая категория широко используется в качестве ключевой характеристики государственной власти.

Понятие «легитимность» исследовалось в полной мере как юристами, социологами, так и философами.

Так, П. Бергер под легитимностью понимал «...ядро политической организации общества» [12]. Б. Крик относил данную категорию к «главным пунктам политики» [13]. Д. Битем подчеркивал значимость исследования понятия «легитимность» как «...центральный вопрос политических и социальных наук» [11].

Во многом от легитимности зависит структура и функционирование государств, ведь отсутствие легитимности, либо ее недостаточный уровень может привести к самым негативным последствиям.

Наиболее ярким представителем философской мысли, который исследовал данное направление был М. Вебер, который выдвигал теорию о существовании «легального господства» [4].

По мнению ученого «легальное господство — это наиболее «продвинутый» вид господства, он стабилен

и в плане легитимности, и в плане функционирования.» [4].

Легальное господство по мнению М. Вебера представляет собой совершенный тип государства, который представляет собой совокупность взглядов на государственную типологию, отраженную в логическом концептуальном упрощении, сформированную на основе коротких и понятных логических умозаключений, а не реального опыта. В рассматриваемом «идеальном типе господства» достаточно просто проследить линию формирования легитимности современного государства, которая отражается в проникновении правовых норм, распределяемых по всей власти внутри государства по заранее утверждённым правилам. Важно отметить, что регламентации также подвержены не только процессы формирования господства, но и изменения, в том числе и ликвидация рассматриваемого господства, а иначе «пробелы» могут привести к деградации общественного механизма и гражданской войне.

По мнению А.В. Демидова (легитимный — от латинского законный) — «...узаконенный акт признания властей и их институтов, правительства и других внутри общества и на международном уровне» [7].

Понятие «легитимность» носит в-первую очередь оценочный характер, так как содержание данной категории раскрывает отношение населения, конкретно взятой территории к тому или иному государственному образованию или к каким-то конкретным государственно-политическим решениям.

По мнению Н. Лумана «Власть в конечном счете должна получить легитимность. Легитимность обычно определяется через ценностный консенсус» [5].

Необходимо подчеркнуть, что категория легитимности в правовых дисциплинах употребляется и в иных аспектах. Использование заявленной терминологии очень разнообразно и применяется к самым различным правовым сферам и ответвлениям, в частности:

- ◆ при необходимости провести характеристику прав участников правоотношений (к примеру, налоговый администратор имеет право определять сумму налогов, которые подлежат уплате налогоплательщиками в бюджетную систему государства);
- ◆ для характеристики сложившихся состояний общественных отношений;
- ◆ для характеристики порядка образования какого-либо органа;
- ◆ для характеристики статуса субъекта правоотношений;

- ◆ для характеристики восприятия большинством населения установленного порядка правоустановления и правоприменения;
  - ◆ для характеристики установленного способа принятия решений каким-либо органом;
  - ◆ для характеристики порядка образования международных организаций;
  - ◆ для характеристики законности правовых явлений;
  - ◆ для характеристики законности определенного порядка действий;
  - ◆ для характеристики пределов публичной власти;
  - ◆ для характеристики видов деятельности;
  - ◆ для характеристики принятых и действующих законов;
  - ◆ как один из признаков права;
  - ◆ как один из принципов современного права.

В представленных ранее этимологиях слова «легитимный» проводится сравнение с понятием «законный». Во многих научных работах данный вопрос о тождественности рассматриваемых понятий является дискуссионным. В свою очередь, необходимо привести ряд аргументов, которые позволяют разграничить рассматриваемые понятия. Например, законность представляет собой неукоснительное соответствие всех действий требований, отраженных в юридических нормах, в отличие от легитимности, при которой предполагается соответствие сущности права и непосредственного признания обществом рассматриваемого объективного начала, что отражается в доверии к государственной власти.

Так, к примеру, с учетом развития системы нормотворчества и усилением парламентской дисциплины возрастает уровень доверия населения к важнейшим институтам власти.

По данным Аналитического центра «Левада-центр» одобрение деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации выросло с января 2000 года по май 2022 года с 18% до 61%, а недоверие в январе 2000 года выражали 65% опрошенных, а в мае 2022 года 34% [2]. Данные свидетельствуют о том, что большая часть населения оказывает доверие главному законодательному органу Российской Федерации, тем самым в данной ситуации отражается высокий уровень легитимности государственной власти.

Необходимо обратить внимание, что качество создаваемых норм и учет мнения населения напрямую зависит от уровня легитимности власти в конкретно взятой территории. «Не безупречность» юридических норм в последствии отражаются на самом существовании государственности, так как в переломные моменты для страны, вопрос создания качественного законода-

тельства уходит на второй план и вопрос легальности, как основного гаранта легитимности не стоит.

В Российской Федерации в качестве такого примера стоит привести проблему с приватизацией государственной и муниципальной собственности. Необходимо отметить, что факт передачи земли зачастую оформлялся не специальным законодательством, а конкретными телеграммами и письмами от органов, регулирующих вопросы по управлению государственным имуществом [6].

Помимо требований, предъявляемых к материальной норме, необходимо обратить внимание и на процессуальные особенности так как они влияют на процесс легитимности государственной власти в равной степени. Например, в ст. 85 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в редакции от 2016 года депутату Государственной Думы предоставлялось право при фактическом отсутствии на заседании передать по заявлению свой голос другому депутату для осуществления голосования [9]. Безусловно, подобные нормы вносят уязвимость всей государственной системы и направляют свое влияние на снижение легитимности власти.

В последнее тридцать лет научное и гражданское сообщество постоянно возвращается к проблемам понимания легитимности государства в целом и отдельных государственно-правовых конструкций. Стоит согласиться с В.Н. Плигиным, который в своих работах период формирования современной государственности характеризуют как «легитимность отрицания». В данном случае у властных структур появилась возможность настаивать на своем праве на власть более справедливым способом нежели это было ранее [8].

В рамках государственно-правового принуждения вопросы легитимности и легальности являются приоритетными, так как при отсутствии доверия общественности к решению законодательного органа в части ужесточения мер государственно-правового принуждения с целью повышения уровня законности и правопорядка данная процедура может повлечь за собой необратимые последствия, поэтому считается необходимым законопроект, связанные ужесточением мер государственно-правового принуждения рассматривать через «нулевые чтения». Данную процедуру необходимо проводить по аналогии с «нулевыми чтениями» на которых рассматривается вопрос принятия бюджета Российской Федерации на последующий календарный год. В рамках указанных слушаний необходимо приглашать представителей Общественной палаты Российской Федерации, силовых ведомств, представителей судебной системы, а также правозащитные организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт «Ведомости» URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/10/22/844256-putin-nazval-glavnuyu-chertu-silnogo-gosudarstva>.
2. Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр» «Одобрение институтов, положение дел в стране, доверие политикам» URL: <https://www.levada.ru/2022/02/04/odobrenie-institutov-polozhenie-del-v-strane-doverie-politikam/>.
3. Большой толковый словарь русского языка. Гл. редактор С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции с 2014 года.
4. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. 1. М.: Изд. Дом высшей школы экономики. 2016. С. 90.
5. Луман, Н. Власть. М.: Праксис. 2001. С. 87–88.
6. Носов, С.И. Законность актов управления в сфере приватизации предприятий: монография. М.: Универсум. 1994. С. 64.-65.
7. Отечественная история в терминах и понятиях: Учебное пособие / Авт. коллектив кафедры истории и культурологии МГУП: Демидов А.В., Заорская И.Ю., Зотова М.В., Панова И.А., Столяров А.А., Ускова Г.И.; Под общей редакцией М.В. Зотовой. М.: МГУП, 2002. 228 с.
8. Плигин, В.Н. Конституционные основы легитимности власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8.
9. Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-III ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. ст. 801; СЗ РФ. 2022. № 22. ст. 3604.
10. Этимологический словарь русского языка / [сост. Крылов Г.А.]. — СПб.: Victory, 2004 (ГПП Печ. Двор). — 428 с.
11. Битхэм Д. Легитимация власти. Лондон: Макмиллан. 1991. С. 41.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. 1995.
13. Крик, Б. В защиту политики. Чикаго, Иллинойс: Издательство Чикагского университета. 1993. С. 150.

© Мельникова Ольга Вячеславовна (olga_melnikova2021@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовская государственная юридическая академия

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Минаева Анастасия Игоревна

Аспирант, Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)

law.minaeva@gmail.com

THE FEATURES OF LEGAL RESPONSIBILITY OF INDIVIDUAL SUBJECTS OF LAW IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

A. Minaeva

Summary. The subject of this article is the influence of the digitalization process on the views of legal science on such a legal category as legal liability. The author explores classical approaches to the concept and signs of legal responsibility of individual subjects of Russian law, as well as their changes in the conditions of digitalization. The author considers the question of the special digital responsibility of individual subjects of law. Also, the author, through the study of fundamentally new offenses committed on the Internet, comes to the conclusion that it is necessary to amend the current criminal legislation, as well as the legislation on administrative offenses. In addition, the author explores the issue of a high degree of depersonalization of offenders in the context of the use of digital technologies, as well as the emergence of fundamentally new measures of legal responsibility.

Keywords: individual subjects of law, legal responsibility, cyberbullying, cybersquatting.

Аннотация. Предмет рассмотрения настоящей статьи — влияние процесса цифровизации на сложившиеся в правовой науке взгляды на такую правовую категорию, как юридическая ответственность. Автор исследует классические подходы к понятию и признакам юридической ответственности индивидуальных субъектов российского права, а также их изменение в условиях цифровизации. Автор рассматривает постановку вопроса об особой цифровой ответственности индивидуальных субъектов права. Также автор посредством исследования принципиально новых правонарушений, совершаемых в сети «Интернет» приходит к выводу о необходимости внесения изменений в действующее уголовное законодательство, а также в законодательстве об административных правонарушениях. Кроме того, автор исследует вопрос о высокой степени деперсонализации правонарушителей в условиях использования цифровых технологий, а также о появлении принципиально новых мер юридической ответственности.

Ключевые слова: индивидуальные субъекты права, юридическая ответственность, кибербуллинг, киберсквоттинг.

В современном мире активно развиваются и распространяются цифровые технологии, которые стали причиной пристального внимания современной правовой науки к роли цифровых технологий, перспективам их развития, особенностям их проникновения во всю структуру права. В условиях фактически тотальной цифровизации подверглись трансформации и система права, и сама юридическая наука.

Категория юридической ответственности в правовой науке занимает особое место и подвергается пристальному вниманию ученых-правоведов. Так, под юридической ответственностью понимают «особую разновидность социальной ответственности, направленную на выполнение юридической обязанности и воплощающуюся в обеспечительных мерах убеждения, поощрения и наказания» [1, с. 10].

Как правило, среди признаков юридической ответственности выделяется то, что она основана на государственном принуждении; наступает после совершения правонарушения; выражается в наступлении негативных последствий для нарушителя, которые являются для него обязательными, и которых не было до совершения им правонарушения; лишения могут иметь личный и имущественный характер; исполняется в процессуальной форме.

Традиционной является классификация юридической ответственности в зависимости от характера (вида) правонарушения. В связи с этим большинство юристов выделяют уголовную, административную, дисциплинарную, гражданско-правовую и материальную, конституционную. В рамках каждого из указанных видов юридической ответственности необходимо ис-

следовать особенности, порождаемые цифровым пространством.

Уголовная (уголовно-правовая) ответственность представляет собой наиболее суровый вид ответственности репрессивно-штрафного характера. Она устанавливается уголовным законом за совершение какого-либо общественно опасного деяния, причинившего или способного причинить вред наиболее значительным общественным отношениям.

В настоящее время действующее уголовное законодательство предусматривает юридическую ответственность за преступления, совершаемые в том числе с использованием цифровых технологий (в частности, ст. 110, ст. 110.1, ст. 110.2, ст. 151.2, ст. 171.2, ст. 185.3, ст. 228.1, ст. 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Учеными-правоведами предлагаются новые термины, обозначающие различные злоупотребления правами граждан посредством использования цифровых технологий, в частности:

- ◆ киберсквоттинг (регистрация доменных имен с использованием обозначений, которые, по предположениям регистрирующих их лиц, в будущем могут понадобиться кому-либо настолько, что будут выкуплены у них по цене, в несколько раз превышающей расходы на регистрацию доменного имени);
- ◆ обратный киберсквоттинг (отбор права на широко известное доменное имя посредством регистрации соответствующего ему товарного знака);
- ◆ организация DDoS-атак (атака на вычислительную систему с целью довести её до отказа, то есть, создание таких условий, при которых пользователи системы не могут получить доступ к ресурсам системы) и участие в них, распространение незапрашиваемой информации, троллинг (проявление различных форм агрессивного и оскорбительного поведения, нарушающих этику сетевого взаимодействия) [2, с. 137].

В науке отмечается, что создание нормативных правовых актов, регулирующих вопросы цифровизации различных сфер жизни общества, должно сопровождаться оценкой возможных рисков с целью быстрого создания и изменения уголовно-правовых норм, охраняющих соответствующие общественные отношения и права личности [3, с. 146].

Второй вид юридической ответственности, традиционно выделяемый в правовой науке — административная ответственность. Административная ответственность наступает за совершение правонарушений

в сфере государственного и общественного порядка, осуществления прав и свобод граждан, а также установленного порядка управления.

В настоящее время действующее законодательство об административных правонарушениях предусматривает юридическую ответственность индивидуальных субъектов права за правонарушения в цифровой среде (в частности, ч. 3 ст. 6.17, ч. 2 ст. 6.21, ч. 3 ст. 6.33, ч. 1 ст. 14.1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации).

Посредством анализа положений уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях можно сделать вывод, что в настоящее время активно разрабатываются составы преступлений, связанных с действиями индивидуальных субъектов права в цифровой среде, что, безусловно, является большим шагом на пути к обеспечению правовой определенности общественных отношений в этой сфере и к обеспечению эффективной защиты прав человека. Однако, к сожалению, правовые нормы не успевают за теми отношениями, которые уже фактически складываются в цифровом пространстве.

Так, например, в настоящее время большое внимание ученых посвящено проблеме «кибербуллинга», который обычно принимает форму запугивания и угроз через сотовые телефоны или компьютер с доступом к Интернету посредством социальных сетей, форумов, онлайн-чатов, электронной почты и так далее. В настоящее время существует множество определений кибербуллинга.

Понятие кибербуллинга дается в Письме Минобрнауки России от 14.05.2018 № 08–1184: преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов.

Так, заслуживает внимания следующее определение кибербуллинга — это «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи» [4, с. 92]. При этом предлагается также выделять определенные виды кибербуллинга:

- ◆ клевета (вид буллинга, при котором используется распространение заведомо ложной информации);
- ◆ харрасмент (неоднократная отправка оскорбительных текстовых или иных файлов, адресованных, как правило, конкретному человеку);
- ◆ киберпреследование (выслеживание жертвы с помощью интернет-ресурсов для организации

вымогательства, нападения, шантажа, избиения и т.д.);

- ◆ хеппислепинг (снятие на видео реальных сцен насилия, избиения, убийств с последующим его размещением в сети «Интернет»);
- ◆ самозванство (вид кибербуллинга, при котором агрессор представляет себя как жертву, используя ее пароль для доступа к ее аккаунту в социальных сетях либо создав страницу от имени жертвы и осуществляя негативную коммуникацию с другими пользователями);
- ◆ перепалки (обмен короткими оскорбительными репликами между двумя или более людьми, происходящий чаще всего в публичных местах Сети (комментарии в блогах, социальных сетях));
- ◆ доксинг (публичное раскрытие личных и конфиденциальных данных через Интернет).

В целом наиболее распространенными примерами кибербуллинга являются: получение унижительных и угрожающих сообщений; распространение компрометирующих фотографий, обидных постов в целях унижения потенциальной жертвы; создание поддельных профилей человека; взлом аккаунта в социальной сети в целях оказания психологического давления на жертву; распространение интимной или дискредитирующей информации о человеке.

Относительно ответственности киберагрессора в России необходимо отметить, что в действующем законодательстве не предусмотрена ответственность за кибербуллинг как самостоятельный состав преступления.

Необходимость правового регулирования противодействия кибербуллингу является очевидной и насущной задачей, в настоящее время необходимо закрепить понятие кибербуллинга, определить его виды и формы, установить меру ответственности.

Кроме того, особенности уголовной ответственности в цифровом пространстве связаны с возможностью для злоумышленников «скрываться» в пространстве так называемого «Даркнета» («Darknet»),

Даже при надежной идентификации субъекта правонарушения, наличия в законодательстве состава киберпреступления правонарушитель может «скрываться» в этом абсолютно нерегулируемом «теневом» мире в цифровом пространстве, однако это не означает, что указанные выше правонарушения не должны подвергаться правовому регулированию.

Следующие виды юридической ответственности — дисциплинарная и материальная ответственность, ко-

торая возникает вследствие совершения дисциплинарных проступков, то есть за нарушения трудовой, учебной, воинской, служебной дисциплины. Дисциплинарная ответственность наступает за проступки, которые совершаются виновными лицами в процессе осуществления ими трудовой деятельности, исполнения своих служебных обязанностей.

В условиях развития цифровых технологий, встал, например, вопрос о проблеме использования сети «Интернет» на рабочем месте и возможности привлечения работника к ответственности за нарушение трудового режима, в связи с чем в правовой науке обосновывается введение в действующее законодательство запрета на использование социальных сетей в рабочее время [5, с. 160].

Кроме того, при дистанционной работе (осуществлении трудовой деятельности посредством использования цифровых технологий) могут возникать нарушения трудовой дисциплины, связанные не с умыслом работника, а с особенностями работы технического оборудования (например, работник в 9 утра должен явиться на совещание, однако он не может «подключиться» к нему в «Zoom» из-за отсутствия интернет-подключения или нестабильной работы необходимого технического оборудования), что необходимо рассматривать при решении вопроса о привлечении работника к дисциплинарной ответственности.

И, наконец, гражданско-правовая ответственность предусмотрена за нарушение договорных обязательств или за причинение внедоговорного имущественного ущерба, то есть за совершение гражданско-правового деликта. Ее сущность состоит в принуждении лица нести отрицательные имущественные последствия.

Мерами гражданско-правовой ответственности, как и в других видах юридической ответственности, являются лишь те, которые связаны с дополнительными обременениями для правонарушителя, то есть выступают для него в виде определенного наказания за совершенное правонарушение. Эти обременения могут быть в виде возложения на правонарушителя дополнительной гражданско-правовой обязанности или лишения принадлежащего ему субъективного гражданского права.

Большая часть правонарушений в сети «Интернет» связана с нарушением прав на результаты интеллектуальной деятельности: в основном это распространение произведений без разрешения (лицензии) правообладателей.

Примером незаконного использования объектов интеллектуальной собственности при размещении

информации на интернет-сайте могут служить получившие широкое распространение в сети Интернет так называемые музыкальные архивы (MP3-архивы), электронные библиотеки, галереи фотографий, видеоархивы. Как правило, размещение информации в данных архивах происходит без ведома автора и правообладателя, без выплаты им вознаграждений за использование их произведений, авторские договоры не заключаются. Размещение (воспроизведение) произведения на интернет-сайте возможно только на основании договора с правообладателем/автором либо его соответствующего разрешения. Если у владельцев интернет-сайта нет такого разрешения (договора), значит, нарушаются авторские права, защищаемые законом (объем нарушения определяется в каждом конкретном случае). Лица, права и интересы которых нарушены в результате ненадлежащей рекламы, вправе обратиться в установленном порядке в суд с исками, в том числе с исками о возмещении убытков, включая упущенную выгоду, компенсации морального вреда.

Следовательно, по таким правонарушениям виновным лицом считается тот пользователь, который первым в нарушении авторских прав распространил то или иное произведение без согласия автора в сети «Интернет».

Относительно признаков юридической ответственности индивидуальных субъектов права в цифровом пространстве можно отметить следующее.

Обычно среди признаков юридической ответственности выделяется то, что меры юридической ответственности закрепляются действующим законодательством. Однако в контексте цифровых правоотношений необходимо исходить из того, что меры юридической ответственности предусмотрены не только (а зачастую и не столько) законодательством, но и самими цифровыми технологиями (например, такая мера как блокировка пользователя, отключение от сети «Интернет»).

Кроме того, в рамках классического подхода правоведы исходят из того, что юридическая ответственность всегда связана с государственным принуждением, которое строго регламентируется законом и не выходит за его рамки. Причем это не принуждение вообще, а «мера» принуждения, четко очерченный его объем. Однако и здесь необходимо исходить из того, что меры, которые применяются, например, администрацией социальных сетей или оператором поисковой системы («Яндекс», «Google») с очевидностью не имеют характера государственного принуждения, так как осуществляются ими по собственному усмотрению. Иногда блокировка доступа может быть «случайной», например,

из-за влияния вредоносного программного обеспечения («вируса»).

В-третьих, по общему правилу юридическая ответственность применяется только специально уполномоченными органами, однако меры ответственности за те или иные действия в сети «Интернет» связаны преимущественно не с решениями уполномоченных органов, а опять-таки с действиями самих цифровых систем.

В-четвертых, по общему правилу необходимым условием наступления юридической ответственности является наличие вины, которое выражается в неблагоприятных последствиях для правонарушителя, в форме умысла или неосторожности. На наличие такого умысла может указывать осведомленность лица о технических возможностях программ (в том числе в силу его компьютерной грамотности). В некоторых случаях (например, при прохождении процедуры регистрации в социальных сетях) подписание пользователем «Пользовательского соглашения», в котором закреплен запрет на размещение контента определенного вида, может свидетельствовать об осведомленности лица о том, что его действия носят незаконный характер и могут повлечь за собой юридическую ответственность.

Следовательно, при определении умысла правонарушителя необходима специальная техническая экспертиза с целью выяснения, не была ли произведена атака вредоносной программой, предусматривающей возможность дистанционного запуска программного обеспечения и как следствие осуществление определенных действий вообще без ведома владельца технического устройства. Для установления умысла правонарушителя необходимо в каждом конкретном случае устанавливать наличие либо отсутствие у лица особых технических знаний, проводить оценку действий, совершаемых лицом в процессе размещения файлов, определять, имело ли место их последующее удаление [6, с. 83].

Кроме того, юридическая ответственность предполагает лишение правонарушителя некоторых социальных благ (свободы, права занимать определенные должности, имущества и др.). В рамках юридической ответственности за правонарушения, совершенные в цифровом пространстве, возможно лишение правонарушителя такого блага как доступа к объектам цифрового пространства (например, при блокировке доступа пользователя к сети «Интернет», блокировка аккаунтов).

Необходимо исходить из того, что основание для привлечения к юридической ответственности — правонарушение при наличии полного его состава.

Можно выделить два основания юридической ответственности: юридическое (предписания нормы права, предусматривающей тот или иной вид юридической ответственности) и фактическое (совершение правонарушения). Юридическая ответственность за действия в цифровом пространстве предполагают в определенной степени совпадение: и мера ответственности, и совершение правонарушения могут находиться в единой плоскости — плоскости цифровых технологий.

В цифровом пространстве мы видим в рамках применения некоторых мер ответственности отсутствие правоотношения между индивидуальным субъектом ответственности и государством, так как действия осуществляются исключительно посредством самих цифровых технологий, посредством заложенных в сетевую систему определенных алгоритмов.

Анализ пользовательских соглашений, разработанных «Яндексом», «Google», «Instagram», «ВКонтакте» и некоторых других цифровых сервисов, с правилами которых пользователь «соглашается» при получении доступа к ним и начале их использования, позволяет выявить следующие меры ответственности, которые этими соглашениями предусмотрены:

- ◆ частичное или полное удаление контента (размещенные пользователем разного рода информация и материалы);
- ◆ временная или постоянная блокировка доступа к сервисам;
- ◆ блокировка или удаление учетной записи по собственному усмотрению оператора;
- ◆ полный отказ пользователю в использовании сервисов оператора;
- ◆ ограничение доступа к учетной записи, блокировка учетной записи пользователя, а также запрет доступ с использованием какой-либо учетной записи к определенным сервисам оператора;
- ◆ удаление почтового ящика сервисе, если пользователь не пользовался им более 24 месяцев;
- ◆ отказ пользователю в размещении и/или распространении им контента или удаление любого контента, который доступен посредством цифровых сервисов.

В контексте использования цифровых технологий особое значение, как представляется, имеет позитивная ответственность — это мера требовательности к себе и другим, понимание интересов общества и государства. В отличие от негативной, позитивная ответственность не временная и не принудительная, а постоянная и добровольная ответственность личности за своё поведение в настоящем и в будущем за надлежащее исполнение своих юридических обязанностей. Это своего рода мера требовательности к себе. Необходимо отметить, что в цифровом пространстве на сегодняшний день индивидуальные субъекты права действуют наиболее свободно, поскольку цифровые отношения строятся на основе того, насколько развиты сами цифровые технологии, какие меры реакции на нарушения тех или иных правил предусмотрены самой цифровой инфраструктурой. Следовательно, позитивная ответственность как добровольная ответственность за свое поведение проявляется наиболее активно. Однако ее, безусловно, недостаточно для построения стабильного правопорядка.

Юридическая ответственность в условиях развития цифровых технологий предопределяет постановку вопроса об особой «цифровой ответственности» индивидуального субъекта права, которая обладает следующими особенностями: в рамках применения некоторых мер отсутствует правоотношение между индивидуальным субъектом ответственности и государством; применяются специфические для цифровой среды меры юридической ответственности (частичное или полное удаление контента, временная или постоянная блокировка доступа к объектам цифровой инфраструктуры); существование особого порядка идентификации субъекта юридической ответственности, определяемого цифровыми технологиями и, как следствие, высокая степень деперсонификации субъекта правонарушения; опосредованность юридической ответственности в цифровой среде не столько реализацией санкций правовых норм, сколько действием самих цифровых технологий, алгоритмами искусственного интеллекта, особенностями программного обеспечения, действием различных агрегаторов, операторов, владельцев объектов цифровой инфраструктуры; отсутствие, как правило, четкой формализованной процессуальной формы привлечения к юридической ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малько А.В., Маркунин Р.С. Правовая система общества и юридическая ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень, 2020. № 2. С. 6–13.
2. Середа В.Н., Середа М.Ю. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет. Воронеж, 2013. 252 с.
3. Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски // Журнал «Правосудие» 2019. Т. 1 № 2. С. 133–155.

4. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. т. 15. № 1. С. 91–97.
5. У.И. Николаенко Соблюдение трудовой дисциплины (использование Интернета и социальных сетей, телефонных разговоров на рабочих местах) // Символ науки. № 5. 2016. С. 158–160.
6. Кириллова Н.М. Размещение материалов и предметов порнографического содержания в сети «Интернет»: особенности уголовной ответственности// Вестник Московского университета. Серия 11: Право № 6. 2019. С. 75–85.

© Минаева Анастасия Игоревна (law.minaeva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

PROBLEMS OF PRESENTATION OF MATERIAL EVIDENCE BY THE STATE PROSECUTOR IN A SPECIAL PROCEDURE OF COURT PROCEEDINGS

E. Moiseenko

Summary. The article is devoted to the research of problems of presentation of material evidence by the state prosecutor in a special order of court proceedings. A retrospective analysis of the concept of court proceedings by a special procedure is carried out for the purpose of defining development trends and trends of further improvement of legislation and law enforcement practice in a special procedure of court proceedings. The legal viewpoints of Russian and foreign scientists are investigated. The main problems of presentation of material evidence by the state prosecutor in a special order of judicial proceedings are revealed and ways of their solution are offered.

Keywords: criminal case, preliminary investigation, material evidence, investigator, prosecutor, defendant, court, public prosecutor, special procedure of court proceedings, punishment.

Моисеенко Евгения Олеговна

*Старший прокурор отдела прокуратуры
Хабаровского края
eo.moiseenko86@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем представления государственным обвинителем вещественных доказательств в особом порядке судебного разбирательства. Проведен ретроспективный анализ концепции судебного разбирательства в особом порядке для того, чтобы определить тенденции развития и обозначить направления дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики в особом порядке судебного разбирательства. Исследованы правовые точки зрения российских и зарубежных ученых. Выявлены основные проблемы представления государственным обвинителем вещественных доказательств в особом порядке судебного разбирательства и предложены пути их решения.

Ключевые слова: уголовное дело, предварительное следствие, вещественное доказательство, следователь, прокурор, подсудимый, суд, государственный обвинитель, особый порядок судебного разбирательства, наказание.

Вопросы участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, неоднократно становились предметом дискуссий как в научной среде, так и среди практических работников.

По состоянию на 2020 г. в особом порядке судебного разбирательства при согласии подсудимого с предъявленным обвинением было вынесено 276 064 обвинительных приговора. Это составляет 52% от общего числа осужденных лиц¹, в 2019 г. в особом порядке было осуждено 374 384 лица, что составляет 65% (в 2015 г.— 77%, 2016 г.— 76%, 2017 г.— 77%, 2018 г.— 76%) от общего числа всех рассмотренных по существу дел с вынесением приговора (579 853). Из них количество лиц, обвиняемых в преступлениях небольшой тяжести, составляет 61% (226 557); средней тяжести — 22% (81 910); тяжких преступлениях — 17%

(65 916 лиц — это 56% (в 2015 г.— 74%, 2016 г.— 72%, 2017 г.— 71%, 2018 г.— 69%) от общего числа обвиняемых в тяжких преступлениях (117 123)², что говорит об актуальности применения этого института в судебно-следственной практике.

Как отмечает Т.Б. Рамазанов, если в первые годы действия УПК РФ 2001 г. судьи достаточно осторожно применяли главу 40, то в настоящее время в особом порядке рассматривается по разным оценкам от 60 до 85% всех уголовных дел (в зависимости от регионов). По экспертным оценкам эти показатели являются чрезмерными, в силу чего все чаще и чаще звучат позиции о том, что эту тревожную тенденцию необходимо переломить, ограничить круг дел, по которым допускается применение главы 40 УПК РФ [1].

¹ Итоги работы судов за 2020 год: статистика Судебного департамента // Право.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/231097/>.

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Форма № 1: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015–2019 гг. Раздел 1: Движение дел [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdpr.ru/>.

Помимо очевидных плюсов указанной модели судебного разбирательства, таких как: экономия процессуального времени, существуют и минусы, связанные с зачастую формальным подходом к судебному разбирательству.

Т.В. Моисеева, критикуя институт особого порядка судебного разбирательства, отмечает, что для того, чтобы правосудие свершилось, выводы суда, сделанные по делу, должны опираться на факты, достоверные, чего невозможно достичь, не исследовав по делу все имеющиеся доказательства, чего нельзя сказать о предлагаемой модели судебного разбирательства [2].

Так, по наблюдению З.А. Бачемуковой, прокуроры не всегда изучают такие дела со всей тщательностью, полагая, что обвинительный приговор гарантирован. Не секрет, что и государственные обвинители, готовясь к рассмотрению дела, часто ограничиваются изучением обвинительного заключения [3].

Для того, чтобы разобраться в сущности рассматриваемого уголовно-процессуального института, проведем ретроспективный анализ концепции судебного разбирательства в особом порядке.

Судебные уголовные разбирательства в упрощенном порядке были закреплены УУС 1864 г. В частности, разбирательство в мировых судах по делам о проступках носило ускоренный характер, и, по возможности, должно было закончиться в одно судебное заседание [4].

Ст. 680, 681 УУС 1864 г. регламентировали порядок сокращенного судопроизводства в окружных судах, которые имели похожие черты с современным особым порядком судебного разбирательства. Стоит отметить, согласно, ст. 682 УУС 1864 г., несмотря на признание своей вины подсудимым, суд, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могли потребовать провести судебное следствие, где в таком случае суд приступал к рассмотрению и проверке доказательств в полном объеме.

С наступлением Первой мировой войны российское уголовно-процессуальное законодательство претерпело существенные изменения. Например, судебным разбирательствам рассматриваемого периода были характерны срочность, отсутствие защиты и возможности обжалования итогового судебного решения. Обращаем внимание, что УПК СССР 1922 г. и УПК СССР 1923 г. предусматривали сокращенное судебное разбирательство.

Например, ч. 1 ст. 282 УПК СССР 1923 г. предусматривала рассмотрение уголовного дела в особом порядке,

если подсудимый соглашался с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, не оспаривал предъявленное обвинение и давал показания. Однако согласие подсудимого с обвинением не являлось безоговорочным основанием для судебного разбирательства в упрощенном (без исследования доказательств, в том числе и вещественных), если один из судей или стороны могли потребовать производства судебного следствия в полном объеме, что говорит о некоей преемственности уголовно-процессуального законодательства с УУС 1864 г.

Более того, ст. 261 УПК РСФСР 1923 г., предусматривала, если у суда возникали сомнения в добровольности признательных показаний подсудимого, то председательствующий мог провести судебное следствие в полном объеме «в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины».

Следовательно, для проведения судебного заседания в упрощенном порядке недостаточно было только признательных показаний подсудимого, при необходимости суд мог перейти к полноценному судебному следствию с исследованием всех доказательств по делу.

УПК СССР 1923 г. предусматривал и такую упрощенную форму уголовного судопроизводства как рассмотрение дела в дежурных камерах с участием народного судьи и двух народных заседателей. Согласно ст. 360–365 УПК СССР 1923 г., в дежурные камеры поступали дела о задержанных обвиняемых, которые, по мнению органов, осуществивших задержание, не требуют особого расследования, либо в случае, если обвиняемый признавал себя виновным. Если народный суд признает материалы уголовного дела достаточными для рассмотрения в упрощенном порядке, то дело подлежало немедленному рассмотрению.

Обращаем внимание, что, если подсудимый опровергал обвинение со ссылкой на доказательства, которые не представлялись возможным рассмотреть на заседании, то дело подлежало рассмотрению в общем порядке.

Как отмечал М.С. Строгович, процессуальное «упрощенчество» причинило вред следственной и судебной практике, но оно не было чертой уголовного процесса того времени [5].

Как полагает Е.В. Саюшкина, причиной этому послужило отсутствие четко закрепленных гарантий обвиняемого от незаконных действий со стороны лиц, ведущих расследование, т.к. первостепенная задача состояла в освобождении процесса от излишних формальностей, что негативно сказывалось на интересах личности [6].

В 30-х гг. XX в. применение упрощенного порядка судебного разбирательства приобрело распространенный характер в СССР.

По мнению В.Н. Перекрестова, Н.А. Соловьевой, правоприменительная практика советского периода развития отечественного уголовного процесса не была свободна от необходимости решения вопросов, связанных с оценкой признания обвиняемым своей вины как доказательства. Так, судебная практика 40-х годов сохранила свидетельство того, что признание подсудимым своей вины рассматривалось не только как доказательство, но и как условие сокращенного судебного разбирательства [7].

Судебная практика исследуемого периода времени свидетельствует о незначительной роли вещественных доказательств при рассмотрении уголовного дела судебном разбирательстве в упрощенном порядке, что, по нашему мнению, формировало негативную тенденцию развития уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. был сформирован единый порядок судебного рассмотрения уголовных дел, который не зависел от тяжести и даже публичных или частных начал производства, где укороченный (без исследования доказательств) порядок судебного производства был исключен из уголовного процесса [8].

В дальнейшем институт особого порядка рассмотрения уголовных дел нашел свое применение в ходе работы над судебной реформой после возвращения суда присяжных¹ и производства у мирового судьи.

На современном этапе развития этого уголовно-процессуального института были внесены изменения, касающиеся исключения возможности рассмотрения в особом порядке дел по тяжким и особо тяжким преступлениям.

По мнению Генпрокурора И. Краснова, такие категории дел должны «рассматриваться судом с исследованием всех доказательств, которые собрало следствие»².

Основные черты рассматриваемого правового института были заимствованы из англосаксонской системы права, а также положения главы 40 УПК РФ

¹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в Российской Федерации» // Ведомости Верховного и Совета народных депутатов РСФСР. 31 октября 1991 г. № 44. С. 1435.

² Краснов высказался против особого порядка по делам о тяжких преступлениях // Право.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/217732/>.

имеют сходство с западноевропейскими согласительными процедурами разрешения дела: «contormided» и «juiciosapidos» в Испании, модели «abbreviato» и «patteggiamento» в Италии, «absprechen» в Германии, «reconnaissancepre-labeledeconprabilite» во Франции [9]. Однако стоит отметить, что изначально при введении главы 40 в УПК РФ отдельные ученые скептически относились к имплементации положений сделки о признании вины в российское уголовно-процессуальное законодательство.

Например, И.Л. Петрухин указывал, что в российском уголовном правосудии сделка — явление аморальное, порочное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления [10].

По мнению зарубежных исследователей, предложения прокуроров о заключении сделки о признании вины зависит от достаточности собранных доказательств по конкретному уголовному делу [11]. Важно учитывать, что подобные исследования не обладают признаками объективности, т.к. зависят от многих факторов. В частности, анализ более 500 уголовных дел о тяжких преступлениях из двух округов Нью-Йорка показал, что лица, признавшие свою вину (полностью или частично), в подавляющем большинстве случаев признавали себя виновными (более 97%), но получали менее выгодные условия сделки о признании вины, чем те, кто отрицали свою вину. В качестве дополнительного анализа исследователи оценивали очевидную силу доказательств по каждому делу.

Вопреки ожиданиям и предыдущим исследованиям (лица, которые заявили полиции о своей невинности изначально, но впоследствии признавали себя виновными, получали наиболее выгодные для них условия по сделке о признании вины. Возможно, что часть этих людей действительно были невинны или против них были возбуждены дела со слабой доказательственной базой, что стимулировало прокуроров предлагать заключить сделку о признании вины, чтобы добиться обвинительного приговора. Лица, давшие лишь частичное признание, получали худшие условия заключения сделки о признании вины, чем те, кто полностью признал свою вину) [12], в делах с более весомыми доказательствами (т.е. доказательствами, указывающими на виновность конкретного лица в преступлении) сделок о признании вины заключалось больше, чем в делах с недостаточными доказательствами виновности. Исследователи предположили, что, поскольку в изучаемом ими округе прокуратура придерживалась политики, согласно которой, ни одно предложение о заключении сделки о признании вины не будет лучше первоначального, люди с вескими доказательствами

против них, знающие об этой политике, с большей вероятностью соглашались на первую предложенную сделку о признании вины [13].

Не вдаваясь в научную дискуссию о соотношении сделок о признании вины (plea bargaining) в США и России, отметим основные проблемы, связанные с применением особого порядка судебного разбирательства в Российской Федерации. К ним относятся:

- ◆ самооговор подсудимого;
- ◆ нарушение принципов состязательности сторон;
- ◆ подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим не разъясняются содержание норм главы 40 УПК РФ и особенности их реализации на практике (например, Верховный суд Чувашской республики отменил приговор суда нижестоящей инстанции, т.к. в материалах дела отсутствуют какие-либо данные о разъяснении потерпевшему порядка и последствий рассмотрения дела в особом порядке, что свидетельствует о допущенных судом первой инстанции нарушений требований ст. 314, 316 УПК РФ, которые являются существенными, повлиявшими на исход дела, поскольку ограничили гарантированное УПК РФ право потерпевшего на справедливое судебное разбирательство)¹;
- ◆ проведение некачественного предварительного расследования (заинтересованность органов предварительного расследования в укрытии нарушений закона; неполнота (необъективность) предварительного расследования; недоказанность предъявленного обвинения при согласии обвиняемого с ним и др.). В данном случае показательно следующее уголовное дело. Б.С. был признан виновным в сбыте наркотического средства, приговор постановлен в особом порядке. Однако после поступления в суд кассационного представления прокурора, кассационный суд принял решение об отмене приговора по нижеуказанным обстоятельствам.

В частности, как видно из обвинительного заключения и материалов уголовного дела, сбыт наркотического средства, в совершении которого Б.С. обвиняется органом предварительного следствия и признан судом виновным, осуществлен в ходе оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка». Основанием для проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия в отношении Б.С. явилось сообщение о том, что Б.С. употребляет наркотические средства и продает их. О других источниках информации, сви-

детельствующей, что Б.С. занимается сбытом наркотических средств, о том, что сведения об этом имелись до обращения никто из оперативных сотрудников, допрошенных по делу, не сообщил.

Б.С. фактически заявил о том, что осуществил сбыт наркотического средства под влиянием, в связи с чем подлежали проверке обстоятельства проведения проверочной закупки и подлежало выяснению, имело ли место оказание давления на Б.С. со стороны «покупателя» или сотрудников правоохранительных органов, контролирующих действия «покупателя», возник ли умысел у осужденного на сбыт наркотического средства в результате этого давления.

Иными словами, показания Б.С. объективно предполагали обязанность суда проверить в судебном заседании обстоятельства, связанные с возможной провокацией преступления. При этом следовало принять во внимание имеющуюся в деле детализацию телефонных соединений, результаты обыска, проведенного по месту жительства Б.С., проверить и оценить показания свидетеля, устранить расхождения в его показаниях и показаниях сотрудников полиции, участвовавших в организации и проведении проверочной закупки.

Между тем, несмотря на содержание показаний Б.С., а также заявление его адвоката, сделанное при выполнении требований ст. 217 УПК РФ, о том, что обвинение не подтверждено материалами дела и усматривается провокация преступления, суд, в нарушение положений ст. 314 и 316 УПК РФ, рассмотрел уголовное дело в особом порядке, не убедившись в обоснованности обвинения, соблюдении требований законодательства об оперативно-розыскной деятельности и не проверив доводы защитника об отсутствии в действиях Б.С. состава вмененного преступления².

По мнению Н.А. Алексеева, И.З. Федорова, отсутствие в механизме доказывания непосредственного публичного исследования и оценки судом всех имеющих в уголовном деле доказательств с вовлечением участвующих в суде подсудимого и его защитника и замена его допустимостью возможного (по усмотрению судьи) исследования только ограниченного круга обстоятельств ставит подсудимого в заведомо проигрышное положение, т.к. в таком случае он лишен гарантированного ст. 15 УПК РФ права состязаться в процессе доказывания и не может публично объясниться перед судом относительно сомнительных доказательств его вины в совершенном преступлении, под воздействием которых он вынужденно согласился с предъявленным

¹ Апелляционное постановление Верховного суда Чувашской Республики от 20.07.2021 по делу № 22-1632/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2020 № 77-1471/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ему обвинением; игнорирование в алгоритме доказывания непосредственного публичного исследования судом обстоятельств, подлежащих обязательному установлению в соответствии с п. 1, 2, 4, 5, 7 и 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, не соответствует закреплённому в ст. 17 УПК РФ принципу свободы оценки доказательств, ибо судья, прокурор в рамках особого производства, предусмотренного главой 40 УПК РФ, оценивают имеющиеся в уголовном деле доказательства не в полной их совокупности [14].

Как считает О.Н. Тисен, ускорение уголовно-процессуальных процедур оправдано лишь в случае всестороннего соблюдения принципов уголовного судопроизводства, исключения случаев нарушения, гарантированных Конституцией Российской Федерации прав его участников, а также недопущения снижения эффективности уголовного правосудия [15].

Говоря о соблюдении принципов судопроизводства и соблюдения гарантированных прав участников уголовного судопроизводства, нужно учитывать специфику особого порядка судебного разбирательства, который имеет особый предмет доказывания.

По наблюдению А.В. Булыгина, предмет доказывания в исследуемой сфере следует рассматривать с двух сторон: с точки зрения процедурной, как усеченный, а с точки зрения постановления приговора и формирования убеждения судьи, как единый для судебного разбирательства проводимого в общем порядке. В этой связи судья до принятия решения по делу должен не только убедиться в причастности и виновности лица в инкриминируемом ему деянии, но и, тщательно изучив материалы дела, оценить каждое доказательство, имеющееся в деле, с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а всю их совокупность — достаточности для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, после чего мотивировать свои выводы в его описательно-мотивировочной части [16].

Согласно ч. 5 ст. 316 УПК РФ, судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

По мнению С.Б. Россинского, единоличное изучение судьей доказательств по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке, по своей внутренней (познавательной) сущности мало чем отличается от устного оглашения этих же доказательств в порядке ст. 276, 281 или 285 УПК РФ. Поэтому здесь уместно говорить

об отсутствии гласности и состязательности судебного разбирательства; именно такие риски принимает на себя обвиняемый, заявляя ходатайство о рассмотрении своего уголовного дела в особом порядке [17].

Как отмечают Н.А. Развейкина, Е.А. Дьячкова судья в особом порядке судебного разбирательства осуществляет формальные функции, заключающиеся практически в механическом вынесении приговора, что противоречит самой идее правосудия [18].

В ходе исследования указанной проблемы мы пришли к выводу о том, что применение особого порядка судебного разбирательства не влечет отказа суда от оценки доказательств. Так, исключение процессуального исследования доказательств не означает запрета на ознакомление с ними. Это означает, что в ходе судебного разбирательства в особом порядке суд исследует материалы уголовного дела в допустимой для данной судебной процедуры форме.

Как отмечает Ф.И. Жуков, было бы неправильно полагать, что ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке и согласие с ним государственного обвинителя автоматически влечет осуждение лица. Как и в случаях общего порядка судебного разбирательства судья по делам рассматриваемой категории постановляет приговор по своему внутреннему убеждению, основанному на тщательном изучении материалов дела. В случае, если у судьи возникают сомнения по поводу каких-либо обстоятельств уголовного дела, которые имеют существенное значение для установления виновности подсудимого и требующих непосредственного исследования в судебном заседании, судья выносит определение о назначении нового судебного заседания в обычном порядке [19].

Мы поддерживаем позицию А.В. Булыгина о том, что судья обязан и несет ответственность за то, чтобы самостоятельно сделать вывод о виновности либо невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Иначе говоря, при особом порядке судебного разбирательства упрощается процедура, но не мыслительная деятельность судьи по оценке доказательств и принятию решения по делу [20].

Более того, в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ, при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением суд должен убедиться, что такое обвинение подтверждается собранными доказательствами. Однако судебного следствия в условиях устности в этой части не производится. Руководствуясь общими принципами и критериями оценки доказательств по уголовному делу (внутреннее убеждение, закон

и совесть — ст. 17 УПК РФ), судья, опираясь на свои профессиональные знания и опыт, формирует вывод о виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления путем изучения следственных материалов, т.е. документов и вещественных доказательств [21].

Таким образом, положения ст. 316 УПК РФ не освобождают судью от необходимости тщательного изучения вне рамок судебного заседания всех материалов уголовного дела с целью проверки законности и обоснованности предъявленного подсудимому обвинения.

Отметим, что действующее уголовно-процессуальное законодательство в рассматриваемой сфере не позволяет прокурору (гособвинителю) изучить вещественные доказательства за рамками стадии судебного следствия, что, по нашему мнению, существенно ограничивают государственного обвинителя в выборе тактических средств поддержания гособвинения.

Вместе с тем для предупреждения (в отдельных случаях минимизации) указанных выше проблем полагаем целесообразным рекомендовать прокурору при подго-

товке поддержания государственного обвинения тщательно изучать материалы уголовного дела с перспективой рассмотрения судом в порядке главы 40 УПК РФ для того, чтобы определить наличие или отсутствие нарушений, допущенных при проведении предварительного следствия.

В случае обнаружения следственных ошибок необходимо в каждом конкретном случае разработать алгоритм информирования уполномоченных должностных лиц о выявленных нарушениях и способах их устранения.

В связи с изложенным считаем необходимым законодательно закрепить, что при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства государственный обвинитель вправе заявить ходатайство о непосредственном исследовании любого доказательства, в том числе вещественного, имеющего значение для квалификации либо назначения наказания подсудимому. По нашему мнению, указанное предложение позволит предотвратить нарушения принципов судопроизводства и прав участников уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рамазанов Т.Б. Доказывание в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Юридический вестник ДГУ. Т. 21. 2017. № 1. С. 138.
2. Моисеева Т.В. Проект УПК РФ и принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела // Журнал российского права. 2001. С. № 12. С. 107–111.
3. Бачемукова З.А. Актуальные вопросы участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел в порядке, предусмотренном гл. 40, 401 УПК РФ // Актуальные вопросы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: сб. ст. / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. С. 12.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х томах. Т. II. СПб: Альфа, 1996. С. 36.
5. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 50–53.
6. Саюшкина Е.В. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: учебное пособие. Оренбург. 2021. С. 15.
7. Перекрестов В.Н., Соловьева Н.А. Уголовно-процессуальное значение признания вины в России: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 24.
8. Жукова В.В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. М., 2013. С. 3.
9. Рамазанов Т.Б. Доказывание в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Юридический вестник ДГУ. Т. 21. 2017. № 1. С. 135.
10. Петрухин И.Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 35–36.
11. Subramanian R., Digard L., Washington II M., Sorage S. In the Shadows: A Review of the Research on Plea Bargaining. New York. Vera Institute of Justice. 2020. P. 19.
12. Allison D. Redlich, Shi Yan, Robert J. Norris, and Shawn D. Bushway, The Influence of Confessions on Guilty Pleas and Plea Discounts, *Psychology, Public Policy, and Law* 24. № 2. 2018. P. 155.
13. Allison D. Redlich, Shi Yan, Robert J. Norris, and Shawn D. Bushway. The Influence of Confessions on Guilty Pleas and Plea Discounts. *Psychology, Public Policy, and Law* 24. № 2 (2018), 147–157, 148.
14. Алексеев Н.А., Федоров И.З. Институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в ракурсе тенденций уголовно-процессуальной практики, актуальных проблем и предложений по их решению // Вестник российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 97.
15. Тисен О.Н. Согласительные процедуры в уголовном процессе США // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 5. С. 19–22.
16. Булыгин А.В. Основания рассмотрения уголовного дела и особенности доказывания при судебном разбирательстве в порядке главы 40 УПК РФ: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2013. С. 12.

17. Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 43.
18. Развейкина Н.А., Дьячкова Е.А. Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Том 5. № 3. С. 114–119.
19. Жуков Ф.И. Актуальные вопросы рассмотрения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Beneficium. 2020. № 2 (35). С. 91–92.
20. Булыгин А.В. Основания рассмотрения уголовного дела и особенности доказывания при судебном разбирательстве в порядке главы 40 УПК РФ: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2013. С. 24.
21. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2021 // СПС «КонсультантПлюс».

© Моисеенко Евгения Олеговна (eo.moiseenko86@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Хабаровск

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ОСНОВЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

THEORETICAL AND APPLIED FOUNDATIONS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON THE PROCEDURE FOR CONSIDERING CITIZENS' APPEALS IN PUBLIC AUTHORITIES

E. Olifrenko

Summary. The article is devoted to the analysis of the organization of supervisory activities of the prosecutor's office in the process of implementing legislation on citizens' appeals to state bodies and local self-government bodies. The author conducts a study of problematic aspects that arise when supervising the implementation of legislation on the procedure for considering appeals. It is noted that the most common problems are related to the lack of clear regulation of the process of filing and consideration of appeals, which leads to difficulties in realizing the right of citizens to appeal. Based on the results of the analysis of the current legislation, research base, materials of prosecutorial practice, the author proposes provisions of a recommendatory nature to identify violations of laws and measures to respond to them, formulated proposals for improving the human rights function of the prosecutor's office in this area of activity.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor-supervisory relations, supervisory activity, citizens' appeals, state body, local self-government body, constitutional law, the right to appeal.

Олифиренко Екатерина Павловна

*К.полит.н., доцент, Северо-Кавказская
государственная академия (Черкесск)
anna-54@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу организации надзорной деятельности прокуратуры в процессе исполнения законодательства об обращениях граждан в государственных органах и органах местного самоуправления. Автором проводится исследование проблемных аспектов, возникающих при осуществлении надзора за исполнением законодательства о порядке рассмотрения обращений. Отмечается, что наиболее распространенными являются проблемами, связанные с отсутствием четкой регламентации процесса подачи и рассмотрения обращений, что приводит к затруднению реализации права гражданами на обращение. По результатам анализа действующего законодательства, научно-исследовательской базы, материалов прокурорской практики автором предлагаются положения рекомендательного характера по выявлению нарушений законов и мер реагирования на них, сформулированы предложения по совершенствованию органами прокуратуры правозащитной функции в данном направлении деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорско-надзорные отношения, надзорная деятельность, обращения граждан, государственный орган, орган местного самоуправления, конституционное право, право на обращение, правозащитная функция, нарушение закона.

Деятельность органов прокуратуры при осуществлении надзорных полномочий за исполнением законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан занимает существенное место в практической деятельности органов прокуратуры. Актуальность данного направления деятельности определяется особой значимостью сферы общественных отношений, связанной с реализацией гражданами права, гарантированного Конституцией Российской Федерации, поскольку данное конституционное право граж-

дан в федеральные органы государственной исполнительной власти является наиболее часто реализуемым во взаимоотношениях граждан и власти, позволяющее влиять на их деятельность. Фиксированное положение данного права в основном законе страны свидетельствует о его важности и значимости, поскольку «не все права и свободы, которыми обладает человек и гражданин, подлежат закреплению в конституции РФ, а только основные или фундаментальные из них» [1, с. 168]. Широко используя в повседневной жизни, предоставлен-

ное право личного обращения, граждане Российской Федерации реализуют его посредством направления жалоб, заявлений, предложений в государственные органы и органы местного самоуправления, в том числе и в прокуратуру.

Приведем некоторые примеры, отражающие ситуацию в указанной сфере за прошедший год. Так, информационно — статистический обзор за 2021 год обращений граждан, адресованных Президенту Российской Федерации показал, что за прошедший год поступило 867491 обращения, 221810 запросов информации и 352503 сообщений, в том числе из иностранных государств¹.

В Совет Федерации поступило 66 тысяч обращений граждан, из них через виртуальную приемную на официальном сайте Совета Федерации в сети Интернет — около 57 тысяч. На телефонную справочную службу Совета Федерации обратилось более 6 тысяч абонентов. Секретариатом Председателя Совета Федерации и секретариатами заместителей Председателя Совета Федерации, аппаратами комитетов Совета Федерации рассмотрено 17,5 тысяч обращений. Более 11 тысяч обращений на имя сенаторов Российской Федерации было передано адресатам².

Реализация конституционного права на обращение требует от должностных лиц государственных органов выполнения качественной работы по их рассмотрению и разрешению, т.е. праву граждан на обращение соответствует обязанность органов и должностных лиц, рассмотреть их в определенном порядке и в установленный законом срок и принять по ним своевременные и обоснованные решения. Исполнения законодательства об обращениях граждан должно постоянно находиться в поле зрения прокуроров и как показывают результаты прокурорских проверок, имеет место повсеместное нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, неполнота проверочных действий, формальный подход, а также непринятие мер со стороны государственных органов в соответствии с установленной компетенцией. Так, органами прокуратуры проделана значительная работа по защите прав граждан,

интересов общества и государства, а именно, за прошедший год по результатам рассмотрения обращений граждан прокурорами устранено 600 тыс. нарушений законов, защищены права более 420 тыс. граждан³.

Очевидно, что, проверяя состояние работы с обращениями в поднадзорных объектах, прокурорские работники должны выполнять свои обязанности на высоком профессиональном уровне в вопросах организации и осуществления работы с обращениями. В связи с этим, исследуя проблемы организации соответствующей работы в различных государственных органах, считаем необходимым затронуть не только теоретические, но и организационно-правовые вопросы организации работы с обращениями граждан в органах прокуратуры. Право граждан на личные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления представляет собой неотъемлемый компонент правового статуса личности, способствующего защите прав и законных интересов, а также обеспечивающего участие в управлении государственными делами. Порядок реализации данного положения Конституции Российской Федерации нашло свое отражение в федеральном законодательстве Российской Федерации, которое детализируется и конкретизируется в подзаконных нормативных актах, принимаемых различными ведомствами и министерствами во исполнение указанных законов. Гарантии, предоставляемые федеральным законодательством, могут дополняться законами, принимаемые в субъектах Российской Федерации, но не вправе снижать установленный федеральным законодателем уровень защищенности конституционного права на обращение. Основное место среди федеральных законов, регламентирующих порядок рассмотрения обращений граждан, занимает Федеральный Закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁴, которым регулируются правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации закрепленного за ним Конституцией Российской Федерации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливается порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами, в том числе и органами прокуратуры. Установленный зако-

¹ Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2021 году обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер [Электронный ресурс] / Управление Президента по работе с обращениями граждан и организаций. Официальный сайт. URL: <http://letters.kremlin.ru/digests/268> (дата обращения: 15.06.2022).

² Информационный обзор обращений граждан, поступивших в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс] / Обзоры обращений граждан Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://council.gov.ru/services/messages/review/133375> (дата обращения: 15.06.2022).

³ Доклад Генерального прокурора РФ Краснова И.В. от 26 апреля 2022 на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=73355996> (дата обращения: 16.06.2022).

⁴ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 11.06.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10164358> (дата обращения: 16.06.2022).

ном порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на все обращения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства за исключением обращений, которые подлежат рассмотрению в ином порядке, установленном федеральными конституционными законами, федеральными законами и международными договорами.

Специфические особенности деятельности органов прокуратуры в данной сфере правовых отношений детализируются в нормативно — правовых актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Так, например, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45 (в ред. 28.09.2021) утверждена и введена в действие Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации¹, в соответствии с которой к обязанностям прокурорских работников относится организация приема заявителей и обеспечение рассмотрения обращений в соответствии с требованием законодательства. Также Инструкцией определены общие принципы и способы организации работы в органах прокуратуры Российской Федерации по приему граждан, рассмотрению и разрешению обращений. Регламентом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, утвержденном приказом Генпрокуратуры от 11.05.2016 № 216 (в ред. 08.02.2022)², определены особенности порядка и сроков рассмотрения обращений различных видов, а именно: обращений, связанных с реализацией заявителями процессуальных прав и законных интересов в уголовном, гражданском, арбитражном судопроизводстве; запросов и обращений депутатов, органов законодательной и исполнительной власти; обращений, вытекающих из международных отношений и обязательств; обращений военнослужащих и других категорий лиц.

Тем не менее, реализация рассматриваемого конституционного права сопровождается рядом сложностей организационно — процедурного характера, имеющих место на всех этапах рассмотрения и разрешения обращений граждан, что значительно снижает доверие населения к институту обращений, вынуждая их отказываться от восстановления и защиты своих прав [2, с. 12;

¹ Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 (ред. от 28.09.2021) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury> (дата обращения: 17.06.2022).

² Приказ Генпрокуратуры России от 03.06.2013 № 230 (в ред. 08.02.2022) «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-03062013-n-230> (дата обращения: 17.06.2022).

3, с. 13]. В частности, данное положение анализируется Бывальцевой С.В., которая отмечает, что наиболее часто рассматриваемые проблемы связаны с неурегулированностью вопросов порядка подачи и рассмотрения обращения, что и приводит к противоречивой практике правового регулирования в деятельности различных государственных органов [4, с. 32]. В научной работе Головки И.И. отмечается, что действующее законодательство в целом способно обеспечить реализацию прав в сфере обращения граждан в органы государственной власти, органы местного самоуправления, однако следует акцентировать внимание на проблеме нарушения требований законов субъектами, уполномоченными рассматривать обращения [5, с. 24]. В диссертационных исследованиях таких авторов как Беляков П.А., Титов А.А. рассматривается положение в соответствии, с которым требуется повышение результативности применения актов прокурорского реагирования, несмотря на то, что в целом работа в данном направлении активизировалась, в том числе с применением мер административно — правового и уголовно-правового воздействия [6, с. 23; 7, с. 21]. В связи с этим нельзя недооценивать роль прокуратуры в осуществлении правозащитной функции, надзорная деятельность данного правоохранительного органа способствует восстановлению нарушенной законности, защите прав, свобод и законных интересов заявителей, общества и государства [8, с. 18]. Также, считаем целесообразным отметить, что надзорная деятельность прокуратуры призвана способствовать восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан, интересов общества и государства. Принимая активное участие в формировании нормативно-правовой базы для реализации и защиты прав и свобод личности, органы прокуратуры выступают одним из базовых ключевых элементов конституционно-правового механизма защиты прав и законных интересов личности.

Подводя результаты исследования, стоит отметить, что институт обращений граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления представляет собой важнейший правовой институт, посредством которого граждане имеют возможность реализовать свои конституционные права и свободы, добиваться восстановления нарушенных прав и законных интересов, а также осуществлять активное воздействие на политику государственных органов в формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Материалы прокурорской практики свидетельствуют о недостаточно высоком уровне организации работы с обращениями граждан в деятельности федеральных органов исполнительной власти и их территориальных подразделений, а также не своевременности разработки и введение в действие правовых механизмов, обеспечивающих полноценную реализацию гражд-

данами своих прав на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления.

Проведенное исследование свидетельствует, о том, что за последнее десятилетие количество разрешенных в органах прокуратуры жалоб, заявлений и иных обращений неуклонно растет¹, при этом сохраняется довольно высокий уровень разрешенных жалоб по защите прав социально незащищенных категорий населения². В современных социально — экономических условиях, обусловленных нестабильной политической ситуацией, граждане нуждаются в совершенствовании механизмов защиты своих прав и законных интересов, что на наш взгляд, требует выработки единообразного понимания и применения законодательства об обращениях граждан, активизации и совершенствовании деятельности прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов о рассмотрении обращений граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

Рассмотрев основные направления совершенствования работы с обращениями граждан, обозначенные в методических рекомендациях и документах, в том числе в электронном виде, по работе с обращениями и запросами российских и иностранных граждан, лиц без гражданства, объединений граждан, в том числе юридических лиц, в приемных Президента Российской Федерации, в государственных органах и органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях и иных организациях³, на которые возложено осуществление публично значимых функций считаем целесообразным обозначить некоторые направления организационно-правового характера по совершенствованию деятельности прокуратуры по защите прав граждан на обращения, на которые на наш взгляд необходимо обратить особое внимание:

- ◆ предусмотреть возможность направления гражданину по окончании сроков рассмотрения и разрешения обращения копии заявления о прекращении переписки;

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=71671102> (дата обращения: 16.06.2022).

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2020 г. [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/58866781> (дата обращения: 16.06.2022).

³ Сборник методических рекомендаций и документов, в том числе в электронном виде, по работе с обращениями и запросами российских и иностранных граждан от 20 сентября 2018 г. // Федеральная служба по техническому и экспортному контролю. Официальный сайт

- ◆ рассмотреть необходимость проведения на уровне территориального подразделения органов прокуратуры сверочных действий по заявлению на предмет установления тождественности доводов заявителя с ответами, подготовленными и направленными сотрудниками прокуратуры;
- ◆ закрепление сотрудника вышестоящей прокуратуры, ответственного за выборочную проверку заключений о прекращении переписки с заявителем на предмет полноты своевременности и полноты рассмотрения и разрешения обращения гражданина, а также обоснованности подготовки заключения о прекращении переписки;
- ◆ в целях повышения доступности и открытости деятельности прокуратуры, в том числе для информирования широких слоев населения, предлагается предусмотреть положение в соответствии с которым, результаты комплексного анализа поступивших обращений и практики их разрешения в органах прокуратуры за отчетные периоды необходимо размещать на официальных сайтах прокуратур соответствующего уровня в разделе «Обращения граждан» по категориям;
- ◆ положение Инструкции (пункт 2.4.) в соответствии, с которым «в части рассмотрения доводов о несогласии с принятыми решениями эти обращения рассматриваются в соответствии с настоящей Инструкцией, при этом не допускается передача обращения на разрешение лицу, чьи действия и (или) решения обжалуются», на наш взгляд, логичнее применять в отношении всех обращений, поступающих в органы прокуратуры;
- ◆ положение Инструкции (пункт 3.6), в соответствии с которым «при направлении обращения на рассмотрение в другой государственный орган, орган местного самоуправления или иному должностному лицу в случае необходимости у них может быть истребована информация о результатах рассмотрения обращения» считаем логичным для органа, направившего запрос, установить не вариативность действий, а обязанность направления запроса о результатах рассмотрения обращения, в случае не предоставления ответа в установленные законом сроки;
- ◆ в содержании пункта 3.14 Инструкции предусмотреть содержание механизма или конкретной последовательности действий ответственных лиц для осуществления наблюдения за рассмотрением обращений, взятых на контроль (особый контроль);
- ◆ для обеспечения полноты и объективности рассмотрения обращений скорректировать содер-

жание положения, отраженного в пункте 4.4., согласно которому заявители привлекаются к проверке заявления, не только в случае необходимости, но и по просьбе самого гражданина;

- ◆ предусмотреть техническую возможность представления обязательной ссылки на первичное обращение в случае поступления нескольких обращений от гражданина или организации.

Также, с целью обеспечения конституционного права граждан на обращения незащищенных категорий населения, считает необходимым обратить внимание законодателя на рассмотрение возможности закрепления в территориальных прокуратурах сотрудников, оказывающих бесплатную юридическую помощь, с возможностью выезда в социальные и лечебные учреждения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. Москва, 2005. — 782 с.
2. Григорьев Д.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан: методическое пособие. — М.: Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. — 72 с.
3. Кобзарев Ф.М. Организация работы с обращениями граждан в органах прокуратуры: учебное пособие. — М.: Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2009. — 42 с.
4. Бывальцева С.В. Обеспечение реализации конституционного права граждан на обращение органами прокуратуры: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. — 2020 — № 4. — С. 31–35.
5. Головки И.И. Защита прокурором конституционного права на обращение юридических и физических лиц // Криминалист. — 2014. — № 1 (4). — С. 21–27.
6. Беляков П.А. Защита прокурором права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления: автореф. дис. . . канд. юрид. наук. Москва, 2017. — 32 с.
7. Титов А.А. Право граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. . . канд. юрид. наук. Орел., 2018. — 29 с.
8. Калинина С.В. Административно-правовая защита права граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления: автореф. дис. . . канд. юрид. наук. Москва, 2010. — 24 с.

© Олифиренко Екатерина Павловна (anna-54@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВИДЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

TYPES OF FORENSIC EXAMINATION IN THE ARBITRATION PROCESS

**M. Permyakov
V. Kotov
A. Kilin**

Summary. The article describes the types of forensic examination in the arbitration process, the procedure for appointing and conducting a forensic medical examination, as well as the appointment of the legal status of an expert. Along with this, the significance, importance and necessity of the implementation of these judicial procedures in the process of judicial proceedings in various categories of cases are determined. Procedures, legislative justification, deadlines and the process of carrying out such examinations are defined.

Keywords: forensic medical examination, expert, specialist, dispute, entrepreneurial activity, economic activity, administrative case, criminal case, civil case, court, prosecutor, evidence, research, participant in the process, document.

Пермяков Максим Владимирович

К.ю.н., доцент, Уральский государственный
юридический университет имени В.Ф. Яковлева;
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина
pmv0929@yandex.ru

Котов Василий Васильевич

К.ю.н., доцент, Уральский государственный
юридический университет имени В.Ф. Яковлева
kotov-1958@inbox.ru

Килин Александр Григорьевич

Старший преподаватель, Уральский
государственный юридический университет имени
В.Ф. Яковлева
Alex.kilin1@gmail.com

Аннотация. В статье описаны виды судебной экспертизы в арбитражном процессе, порядок назначения и проведение судебно-медицинской экспертизы, а также назначение правового статуса эксперта. Наряду с этим определены значение, важность и необходимость осуществления данных судебных процедур в процессе судебного разбирательства по различным категориям дел. Определены процедуры, законодательное обоснование, сроки и процесс осуществления такого рода экспертиз.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, эксперт, специалист, спор, предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, административное дело, уголовное дело, гражданское дело, суд, прокурор, доказательство, исследование, участник процесса, документ.

На сегодняшний день, потребность в разрешении споров в предпринимательской и экономической деятельности как никогда играет значительную роль в современном мире.

Проанализировав работу Верховного суда Российской Федерации, можно прийти к выводу, что с каждым годом число дел увеличивается. По статистике за 2021 г. было рассмотрено 39,213 млн. дел различных категорий. Это на 9% больше, чем было в 2020 году. Из которых 23,4 млн. гражданских дел в суде общей юрисдикции, 8,8 млн. административных дел, почти 1 млн. по уголовным делам. Из вышесказанного можно прийти к выводу, что нагрузка на суды с каждым годом только возрастает. И это повышает требования к участникам процесса, равно, как и к экспертам, обладающим специальными навыками в гражданском производстве. Это помогает арбитражным судами и судам общей юрисдикции получать достоверные доказательства. Так, например в арбитражном и гражданском процессе

опираются на доказательства, предоставленные документально, а вот в уголовном процессе применяется фиксация устных доказательств по делу.

Рассмотрев труды Е.Р. Россинской, Л.Г. Шапиро можно сказать, что судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие, состоящее из заключения экспертов на основании исследований конкретного вопроса, который требует специальных умений и знаний в различных областях науки, а также она поставлена перед экспертом судом или иными лицами, участвующими в деле с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному вопросу. Это письменный документ, отражающий в себе ход и результаты исследования, проводимого экспертом.

Назначение экспертизы в арбитражном процессе, редкое явление. Ее назначение может осуществить:

1. то лицо, которое участвует в деле;

2. сам арбитражный суд;
3. прокурор либо органы, которые защищают общественные или государственные интересы, а также третьи лица.

По своей сути, экспертиза проводится только по ходатайству участников процесса. Назначение ее в арбитражном процессе носит свой, особый порядок. Перед проведением назначенной экспертизы суду нужна информация, сколько по времени она будет проводиться, вообще возможна ли такая и кто ее будет проводить. Для этого согласно ст. 136 АПК РФ представляется возможность использовать перерыв до 5 дней. Если имеется потребность проверить какие-либо данные, установленные в ходе разбирательства, то возможно, основываясь на ст. 158 и 165 АПК РФ, — отложить судебное разбирательство или взять перерыв, направив руководителю экспертного учреждения определение о перерыве, или отложении заседания.

Если рассматривать специфику экономических сроков в арбитражном процессе, то она существенно различается с гражданским судопроизводством. Так как арбитраж предполагает документальное подтверждение его точности. Поэтому, как правило, документы могут быть не представлены к рассмотрению. Именно в таких случаях можно обратиться к помощи экспертов. Но стоит учесть, что на основании ч. 1 ст. 82 Арбитражно-процессуального кодекса, суд имеет право отказать в проведении экспертизы, если посчитает что нет необходимости в разъяснения возникшего вопроса экспертом. Тогда можно прибегнуть к письменным доказательствам, но они должны быть признаны подлинными. Согласно п. 20 «ГОСТ Р 7.0.8–2013. Подлинный документ — это документ, сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения.

На сегодняшний день, относительно такого вида деятельности в арбитражном суде практически отсутствуют научные изыскания, в которых описаны механизмы проведения различных видов экспертиз, а в самом АПК РФ отсутствует термин судебно-медицинская экспертиза, но зато он закреплен в статье 9 Федерального закона «О Государственной судебной деятельности в Российской Федерации». На основании данного закона из-за его межотраслевого характера данное определение является универсальным, поэтому его используют и в гражданских и уголовных судопроизводствах, а также и в арбитражных разбирательствах. Что бы должным образом разобраться в видах экспертиз, нужно понимать, что представляет в целом мнение эксперта. Мнение эксперта — это документ, отражающий результаты и процесс исследования, проведенный экспертом.

А экспертом в рамках арбитражного процесса можно назвать человека, обладающего определёнными знаниями и умениями в конкретной области. Эксперт судебной экспертизы может быть, как из независимых компаний, так и быть специалистом государственного учреждения, но обязательным критерием будет являться наличие подтвержденной квалификации.

Для регулирования изменений в экспертизах, в рамках арбитражного процесса, используется приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 17.05.2021 № 77 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях, Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». Данный закон подразумевает внедрение обязательной процедуры аттестации судебно-медицинской экспертизы. Поскольку до этого на практике отсутствовали нормативно-правовые требования и практически любое физическое или юридическое лицо могло выступать в качестве эксперта.

В целом, судебную экспертизу можно условно разделить на два вида в зависимости от:

- во-первых — применения специальных знаний при исследовании;
- во-вторых — это качество и полнота проведенной экспертизы.

Если отдельно рассматривать виды экспертиз, применяемых в арбитражном процессе, то можно сказать, что исчерпывающего списка составить невозможно. Так как экспертизы так же разнообразны, как и отрасли права.

Можно выделить наиболее распространенные экспертные исследования в арбитражных судах на сегодняшний день, это: экономическая, строительная, лесопатологическая, техническая, оценочная, автотехническая и прочие экспертизы. Вид судебной экспертизы зависит от области знаний, необходимой для ее проведения.

Стоит отметить, что бывают индивидуальные и коллективные, комплексные экспертизы. Как правильно в ходе арбитражного разбирательства чаще преобладает единоличное привлечение специалиста. Но если все же необходима коллективная экспертиза, то на основании статьи 84 АПК РФ она должна состоять как минимум из двух экспертов с одинаковой специальностью.

В случаях, когда мнения экспертов разнятся, то каждый участвующий в проведении экспертизы делает отдельное заключение по данному вопросу и результат исследования оформляется в соответствии с частью 2 статьи 84 АПК РФ. Если мнения экспертов совпадают, то они выносят единое заключение. При рассмотрении дела, бывают случаи, когда судьи или участники процесса сомневаются в доказательной базе единоличной экспертизы, в этом случае может быть назначена коллегиальная, повторная или дополнительная экспертиза. Вывод комплексного исследования регламентирован частью 3 статьи 85 АПК РФ о видах судебно-медицинских исследований, в зависимости от видов специальных знаний и индустрии знаний.

В рамках арбитражного процесса последние изменения в экспертизах были внесены в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. N23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», но оно не отразилось на видах экспертизы.

В заключение можно отметить, что классификация экспертиз, проводимых в гражданском и уголовном процессах, аналогично используются и в арбитражном процессе. Но надо учитывать специфику арбитражного судопроизводства, поскольку в большинстве своем исследования назначаются с целью установить обстоятельства экономической и предпринимательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N95-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_39570/
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. N23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155/
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. https://www.studmed.ru/view/rossinskaya-er-sudebnaya-ekspertiza-v-grazhdanskom-arbitrazhnom-administrativnom-i-ugolovnom-processe_1c49f5d4ec1.html?page=1
5. Специальные знания в судебной экспертизе / В.В. Степанов, Л.Г. Шапиро // Судебная экспертиза. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20172669>

© Пермяков Максим Владимирович (pmv0929@yandex.ru),

Котов Василий Васильевич (kotov-1958@inbox.ru), Килин Александр Григорьевич (Alex.kilin1@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Подорожный Павел Константинович
Аспирант Саратовская государственная
юридическая академия
Россия, г. Саратов
terror92@rambler.ru

COUNTERING JUVENILE DELINQUENCY

P. Podorozhny

Summary. The current reality of the Russian Federation is characterized by high attention to the state of work on combating juvenile delinquency, the level of which at various stages of the development of the state was at a fairly high level. The Russian Federation is currently actively applying foreign experience in combating this type of crime, which has significantly reduced the percentage of crimes committed among minors compared to other types of illegal acts. At the same time, the problem of the need to develop new means and methods of combating this type of crime has not completely disappeared. The current time is characterized by an increase in the commission of more serious crimes by adolescents, to which the state authorities must respond adequately. Thus, the continued attention on the part of the state to this problem, the development of new and refinement of old methods of countering crimes among minors can ultimately reduce the percentage of the total number of crimes committed to a minimum.

Keywords: counteraction, crime, minors, counteraction measures.

Аннотация. Нынешняя действительность Российской Федерации характеризуется высоким вниманием к состоянию работы по противодействию преступности среди несовершеннолетних, уровень которой на различных этапах развития государства был на достаточно высоком уровне. Российская Федерация в настоящее время активно применяет зарубежный опыт борьбы с указанным видом преступности, что позволило существенным образом снизить процент совершенных преступлений среди несовершеннолетних по сравнению с иными видами противоправных деяний. При этом в полной мере не исчезла проблематика необходимости выработки новых средств и методов борьбы с указанным видом преступности. Нынешнее время характеризуется ростом совершения подростками более тяжких преступлений, на которые государственная власть должна адекватно реагировать. Таким образом, продолжающееся внимание со стороны государства к этой проблеме, выработка новых и доработка старых методов противодействия преступлений среди несовершеннолетних в конечном итоге может позволить снизить процент от общего числа совершенных преступлений до минимума.

Ключевые слова: противодействие, преступность, несовершеннолетние, меры противодействия.

Понятие «преступность несовершеннолетних» в отечественной науке и практике имеет узкую и широкую её трактовки.

Так, в узком смысле под преступностью несовершеннолетних понимаются преступления, совершенные лицами в возрасте от 14 до 18 лет. Указанная трактовка четко закреплена в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ).

В широком смысле преступность несовершеннолетних следует выделять как отдельный вид преступности, характеризующийся особой личностью преступника, из которой вытекает качественный показатель противоправных деяний с учетом несформировавшегося психического состояния лица.

При этом в научной литературе есть довольно много разновидностей понятий преступности несовершеннолетних, так как проблематике указанному виду проти-

воправных деяний научными деятелями уделяется пристальное внимание.

Так, Ермаков В.Д. и Крюкова Н.И. в своем научном труде «Несовершеннолетние преступники в России» аналогичным как указано выше понятийным аппаратом раскрывают исследуемый вид преступности как самостоятельный вид преступности, который обусловлен особенностями качественных и количественных показателей ее развития и состояния, а также особенностями личности преступника, поведение которого в большей мере обусловлено эгоцентрическими мотивами и устойчивой психикой [1, с. 278].

Кунаш К.А. в своей научной статье «Зарубежный опыт в области профилактики преступности несовершеннолетних (на примере США)» раскрывает понятие преступности несовершеннолетних как исторически обусловленное, негативное, общественно опасное, относительно массовое, устойчивое, социальное и право-

вое явление, представляющее собой систему нарушений уголовного закона, совершенных лицами в определенном возрасте, не достигшими совершеннолетия, на соответствующей территории за конкретный период [2, с. 251].

Несомненным является факт того, что выделение из общего массива преступности отдельным видом девиантного поведения несовершеннолетних позволяет своевременно реагировать на различные факторы, влияющие на рост преступности среди несовершеннолетних, а также принимать меры по ее предупреждению и борьбе с ней.

Следует отметить, что преступность несовершеннолетних в криминологии рассматривается следующим образом:

- ◆ как общеправовое явление, которое характеризуется четким отображением в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве принципов и норм процедуры привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности, а также назначения ему соответствующего наказания;
- ◆ как криминологическое явление, которое характеризуется раскрытием особенностей личности несовершеннолетнего преступника (психические и физиологические особенности несовершеннолетнего лица, факторы ограниченной дееспособности и т.д.), кругом совершаемых ими преступлений, а также условиями, способствующими совершению несовершеннолетними преступлений, и меры по их противодействию.

Характеризуя основные виды преступлений, совершенных несовершеннолетними, следует выделить следующие:

- ◆ корыстные преступления (преступления против собственности, имущественные преступления);
- ◆ насильственные преступления (преступления против личности и др.);
- ◆ преступления против общественной безопасности и здоровья населения.

Указанные виды преступлений составляют 90% от всего количества противоправных деяний, совершенных несовершеннолетними.

При этом, несомненно, основополагающими мотивами совершения преступлений является корысть, агрессивность, эгоцентричность, раздражительность, самоутвержденность, правовой нигилизм и др.

Причинами противоправного поведения несовершеннолетних является довольно широкий объем раз-

личных факторов, которые связаны с экономическими, социальными и психологическими процессами.

В науке криминологии причины преступности определяются как совокупность социально-негативных экономических, демографических, идеологических, социально-психологических, политических, организационно-управленческих явлений, которые непосредственно порождают, продуцируют, воспроизводят (детерминируют) преступность как свое следствие [3, с. 4].

При этом многочисленными учеными выделяется одна причина, которая доминирует над иными в вопросе главного фактора совершения преступления, а именно — ухудшение благосостояния граждан с учетом сложной экономической обстановки в государстве. Невозможность для себя удовлетворить свои материальные и моральные потребности не нарушая закон, приводит к обратному результату — подросток преступным путем завладевает желаемым [4, с. 35].

Указанные причины напрямую связаны с понятием «условия», которые раскрываются как обстоятельства, способствующие существованию такой преступности.

Благодаря системному анализу причин и условий преступности среди несовершеннолетних государственная власть разрабатывает и внедряет в общественную и правовую жизнь страны меры противодействия указанному виду преступности. При этом важным является факт того, что преступность несовершеннолетних это не только внутригосударственная проблема, но и негативная тенденция, имеющая международный характер, в связи с чем, широко применяются зарубежный опыт борьбы с ней.

Противодействие преступности среди несовершеннолетних выступает одним из главных направлений в деле противодействия преступности в целом, что влечет за собой необходимость наиболее обширного воздействия на причины, условия и все формы ее появления.

Борьба с преступностью — это целенаправленная системная деятельность общества и государства, представляющая собой единство следующих подсистем:

- ◆ общей организации борьбы с преступностью;
- ◆ предупреждения преступности;
- ◆ правоохранительной деятельности [5, с. 7].

В отечественной практике выделяют 3 основных группы мер, направленные на противодействие преступности среди несовершеннолетних:

1. Меры по нормализации обстановки в семье, что подразумевают воспитательное воздействие на ребен-

ка и, одновременно с этим, влияние на родителей либо лиц, их замещающих. На отсутствие внимания к ребенку со стороны родителей, что приводит их на путь совершения противозаконных деяний обращается внимание научными деятелями, так как обращается внимание на необходимость внимания к подростку как дома, так и в школе [6, с. 118]. Указанная мера направлена на раннюю профилактику несовершеннолетней преступности с целью предотвращения совершения противоправного деяния.

При реализации этой меры важную роль играют образовательные учреждения, как место, в котором длительный период времени находится несовершеннолетний. Следует активно развивать введенный ранее предмет по правовому обучению несовершеннолетних, прививая им основные знания в этой сфере с целью предоставления им информации о мерах воздействия в случае нарушения норм законодательства с обязательным делением на отрасли права.

Кроме того, необходимым является организация досуга несовершеннолетних с целью привлечения их к полезной для них деятельности (спорт, культура и др.).

2. Меры по оказанию помощи несовершеннолетним, которые оказались в неблагоприятных жизненных условиях. Ведущую роль здесь играет деятельность уполномоченных органов по контролю над поведением «трудных подростков».

3. Меры по установлению, привлечению к ответственности, перевоспитанию и исправлению несовершеннолетних, совершивших преступления, для чего используется широкий спектр методов, во многом касающиеся деятельности правоохранительной и судебной систем

Таким образом, противодействие преступности среди несовершеннолетних подразумевает целый комплекс мер, направленных непосредственно на предупрежде-

ние, выявление, пресечение и борьбу с указанным видом преступности.

Важным фактором является ранняя профилактика совершения несовершеннолетними преступлений, что позволит достичь нескольких целей — с одной стороны минимизировать общий уровень преступности среди несовершеннолетних, с другой стороны позволит оказать превентивное воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, что приведет к положительному итогу в виде его законопослушного поведения.

В указанной сфере необходима слаженная работа не только органов и учреждений, в компетенцию которых входит работа с несовершеннолетними, но и родителей, которые в первую очередь могут заметить негативные тенденции поведения своих детей, что может привести к их правовому нигилизму и совершению противоправных действий.

При этом особое внимание следует уделить несовершеннолетним, находящимся в сложных семейных условиях. Такая категория подростков в первую очередь должна защищаться государством и обеспечиваться необходимым с целью реализации своих стремлений, целей, навыков.

Работа в указанном направлении в настоящее время продолжается, и, одновременно с этим, пристальное внимание ученых и практиков показывает, что интерес к рассматриваемой в настоящей статье проблематике не ослабевает с учетом ее важности для нормальной жизнедеятельности государства.

В связи с чем, непрекращающийся поиск новых мер по противодействию преступности среди несовершеннолетних, а также их эффективное внедрение, может позволить существенно минимизировать количественный показатель совершенных противоправных деяний указанной категорией лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермаков В.Д., Крюкова Н.И. Несовершеннолетние преступники в России. М., 1998. 394 с.
2. Кунаш К.А. Зарубежный опыт в области профилактики преступности несовершеннолетних (на примере США) // Технологическое образование и устойчивое развитие региона. 2012. № 1 (8). С. 250–252.
3. Беляева И.М. Криминология. Челябинск, 2009. 52 с.
4. Беляева Л.И. Становление отечественной школы предупреждения преступлений несовершеннолетних (середина XIX–XX вв.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 3. С. 3–7.
5. Саркисян М.В. Особенности развития российского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних в период с XVII по начало XX в. // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 4. С. 7–8.
6. Стабровская Е.А. Насильственная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение уголовно-правовыми мерами. М., 2008. 229 с.

DOI 10.37882/2223–2974.2022.09.28

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF ABSENTEE PROCEEDINGS IN THE CIVIL PROCESS IN RUSSIA

**O. Ryabova
N. Kuznetsova**

Summary. The article is devoted to the analysis of problems related to the consideration of civil cases and the issuance of final judicial acts by courts in the framework of correspondence proceedings. The authors consider the effectiveness of this institution in the modern procedural law of Russia from the point of view of the existing problematic aspects. It is noted that insufficient legislative elaboration of the legal norms regulating correspondence proceedings does not allow achieving the goals that were pursued when introducing this procedure into the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The procedural role of this institution is assessed by the authors as insufficiently effective, possible ways of solving existing problems are given in order to make the correspondence proceedings more efficient and rationalized.

Keywords: civil proceedings, absentee proceedings, absentee judgment, liability of the parties, plaintiff, defendant.

Гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает возможность рассмотрения дел и принятия судебных актов судами в порядке заочного производства. Данный институт является одной из потенциально эффективных процессуальных мер в отечественном гражданском процессе, призванных достигнуть цели своевременного и законного рассмотрения судами дел, в случаях, когда по тем или иным причинам ответчик, будучи, надлежащим образом, извещенным о дате, месте и времени судебного заседания, не обеспечил своего участия в разбирательстве.

Суть заочного производства заключается в том, что суд, в случае неявки ответчика, имеет возможность заочно рассмотреть иск и вынести заочное (в отсутствие ответчика) решение. При этом, ответчику предоставляется возможность отмены и обжалования заочного решения.

Казалось бы, заочное производство необходимо рассматривать как безусловное благо, защищающее интересы истца в случаях, когда ответчик игнориру-

Рябова Ольга Алексеевна
Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
frau.lelya2012@yandex.ru
Кузнецова Наталья Владимировна
Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuznezova-1963@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с рассмотрением гражданских дел и вынесением итоговых судебных актов судами в рамках заочного производства. Авторы рассматривают эффективность указанного института в современном процессуальном праве России с точки зрения имеющихся проблемных аспектов. Отмечается, что недостаточная законодательная проработка правовых норм, регулирующих заочное производство, не позволяет достичь целей, которые преследовались при введении в Гражданский процессуальный кодекс РФ данной процедуры. Процессуальная роль данного института оценивается авторами как недостаточно результативная, приводятся возможные пути решения существующих проблем в целях большей эффективности и рационализации заочного судопроизводства.

Ключевые слова: гражданский процесс, заочное производство, заочное решение, ответственность сторон, истец, ответчик.

ет вызовы в суд, в том числе, злоупотребляя своими процессуальными правами, предоставленными ему Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее ГПК РФ). Ведь предполагается, что заочное производство, кроме того, что призвано служить декларируемым законодателем целям эффективного, своевременного и законного судопроизводства, является и средством снижения нагрузки на судебную систему и судей, устраняя при этом проблему волокиты при рассмотрении дел вследствие неявки ответчика.

Безусловно, институт заочного производства, являясь важной составляющей гражданского процесса, востребован и необходим. Однако существующая конструкция заочного производства требует изменений. Очевидно, что те законодательные нормы, которые регулируют заочное производство в гражданском процессе, не дают возможности рассматриваемому институту отвечать тем целям, ради которых он создавался.

В п. 3 ст. 233 ГПК РФ указано, что рассмотрение дела в порядке заочного производства возможно только в случае согласия истца. Полагаем, что это не совсем

отвечает как процессуальным целям рассматриваемого института, так и принципу равноправия, поскольку и истец, и ответчик должны находиться в равном положении, учитывая конституционные принципы [1], принципы гражданского судопроизводства и именно судья должен принять решение о рассмотрении дела в порядке заочного производства. Безусловно, нельзя исключить альтернативу рассмотрения дела, но выбор, в том числе принятие решения о применении процедуры заочного производства, должен в данном случае исходить от судьи. Судья, изучив материалы дела, выяснив у истца, настаивает ли последний на исковых требованиях, имеет возможность сделать вывод о достаточности доказательной базы, примененных в иске норм материального и процессуального права, наличии оснований, подтверждающих, что ответчик извещен надлежащим образом, не сообщил суду об уважительных причинах неявки и не просил суд рассмотреть дело в его отсутствие и судом исчерпаны меры по розыску последнего. Исходя из этого, суд самостоятельно принимает решение о рассмотрении дела в порядке заочного производства в случае неявки ответчика. При этом истец и ответчик имеют равные права по обжалованию принятого заочного решения.

Вместе с тем авторы полагают необходимым выделить некоторые категории дел, которые нельзя будет рассматривать в рамках заочного производства. Например, семейные, наследственные споры должны стать исключением для рассмотрения их в заочном производстве. Учитывая факультативность заочного производства, предлагаемое нововведение, при сохранении прав и обязанностей лиц, участвующих в таких спорах, станет лишь дополнительной гарантией того, что в отношении сторон спора не возникнет злоупотреблений, которые на настоящий момент возможны в случаях рассмотрения подобных споров в рамках рассматриваемой процедуры.

Отдельного внимания заслуживает момент вступления в законную силу заочного решения. Учитывая тот факт, что каждое судебное решение предполагает его исполнение, то для лица, чьи исковые требования удовлетворены, является важным, когда решение будет исполнено. Однако в силу отсутствия в законе четких временных ограничений, на практике возникают трудности с определением момента вступления заочного решения в силу. Законодательством предусмотрена возможность отмены заочного решения в случае подачи ответчиком соответствующего заявления в течение семи дней с момента вручения ответчику копии заочного решения. [2] Также нормой ст. 237 ГПК РФ предусмотрено, что заочное решение может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение одного месяца с момента вынесения судьей определения об отказе в удовлетворении за-

явления об отмене заочного решения. Таким образом, вышеуказанные сроки отсчитываются от момента получения ответчиком копии заочного решения. Однако нередки случаи, когда ответчик, ввиду различных обстоятельств, не получает копию заочного решения, либо уклоняется от получения, злоупотребляя своими процессуальными правами. При соблюдении существующих правил вручения почтовой корреспонденции и отсутствии у суда сведения о вручении ответчику копии заочного решения возникает вопрос о моменте вступления в силу заочного решения. Гражданское процессуальное законодательство не содержит нормы, регулирующие указанную процессуальную ситуацию. На практике очень часто возникают случаи, когда копия заочного решения может быть получена ответчиком и через год и даже через более продолжительный срок. Следовательно, отменить решение представляется возможным через несколько лет после его вынесения. Отсутствие каких-либо временных ограничений в законе существенным образом нарушает права лица в чью пользу выносятся заочное решение, а в случаях, когда решение уже исполняется или исполнено, возникают ожидаемые проблемы, связанные с возможным возвратом полученного в рамках исполнения такого решения.

Следует отметить, что в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утвержденном Президиумом ВС РФ 26.06.2015, разъясняется, что в подобных случаях заочное решение вступает в законную силу по истечении совокупности следующих сроков: трехдневного срока, предусмотренного для направления копии заочного решения ответчику, семидневного срока, определенного законом для отмены заочного решения и месячного срока для апелляционного обжалования. Также содержится указание на то, что после истечения срока на апелляционное обжалование заочное решение отмене не подлежит. Это, пожалуй, единственное разъяснение, которое дано по рассматриваемой проблеме, но учитывая систему источников права, установленную в Российской Федерации, данные положения носят лишь рекомендательный характер. Неполнота проработки норм, регулирующих заочное производство, приводит к тому, что на практике заочное решение, в том числе вступившее в законную силу, зачастую отменяется. Известны случаи, когда заочное решение отменялось более чем через пятилетний срок. [4] Полагаем, что глава 22 ГПК РФ должна быть дополнена нормами, конкретизирующими сроки вступления заочного решения в законную силу, которые будут иметь четкие ограничения по возможности ответчиком использовать свое право на отмену и обжалование заочного решения.

В ст. 242 ГПК РФ указаны основания для отмены заочного решения, однако не конкретизированы уважи-

тельные причины, которые могут лечь в основу определения суда об отмене заочного решения. Безусловно, невозможно предусмотреть все случаи, заслуживающие признать их уважительными, однако посредством исключения, в законе возможно сгруппировать их и установить невозможность их расширительного толкования.

Возможно, стоит обратить внимание на подходы, используемые правоприменителем, при рассмотрении обжалований судебных актов по причине вновь открывшихся обстоятельств. Только чрезвычайные обстоятельства, ставящие под сомнение фактические обстоятельства дела, установленные в ходе судебного разбирательства, могут быть положены в основу отмены заочного решения.

Это сможет в разы снизить злоупотребление ответчика своими процессуальными правами, продиктованными возможностью уйти от гражданско-правовой ответственности. Необходимость внесения указанных дополнений в ст. 242 ГПК РФ продиктовано еще и тем, чтобы унифицировать трактовку самими судьями уважительных причин. Следует отметить, что отношение к одинаковым случаям (например, нахождение в командировке), представленным ответчиком в качестве уважительной причины, как основания для отмены заочного решения, рассматривается разными судьями субъективно, исходя из внутреннего убеждения и оценки, что приводит к тому, что в одном случае заочное решение отменяется, а в другом выносится определение об отказе в отмене заочного решения.

Нельзя не обратить особое внимание на имеющие место случаи отмены заочных решений судьями, вынесшими данные судебные акты, по формальным осно-

ваниям. Пользуясь, а зачастую злоупотребляя правом, спровоцированным пробелами в законодательстве, сторона процесса, недовольная вынесенным решением, направляет в суд формальную жалобу, небезосновательно рассчитывая на ее удовлетворение. Судья нередко, в силу описанных выше недоработок законодателя, становится «заложником» ситуации, когда ему «проще» отменить свое заочное решение и продолжить рассмотрение дела, чем «ожидать» отмены вынесенного решения в суде вышестоящей инстанции. О возможности достижения тех процессуально-правовых целей, которые ставил перед собой и перед правоприменителем законодатель, вводя в практику институт заочного судопроизводства, в этом случае говорить уже не приходится.

Подводя итог следует отметить, что цель законодателя видится авторам в необходимости таким образом изменить нормы, регулирующие процедуру заочного производства, чтобы они отвечали принципам гражданского процесса, являлись действенным способом достижения эффективности правосудия, упрощением реализации сторонами спора своих прав и при этом не являлись возможностью для сторон использовать заочное производство как безнаказанный способ злоупотребления правом или ухода от гражданско-правовой ответственности.

Следует понимать, что приемлемость заочного производства как правового института, в том числе, основана не только на правах, но и на ответственности всех сторон процесса, своевременность, законность и правовая успешность которого, не в последнюю очередь зависят от конкретизированных и исчерпывающих требований законодателя понимаемых и выполняемых всеми участниками судебного разбирательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. № 237 25.12.1993 г.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 462, ст. 4532.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утвержденный Президиумом ВС РФ 26.06.2015 // [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/71110872/> (дата обращения 03.08.2022)
4. Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 29 марта № 14-Г11–9 // [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/58200790/> (дата обращения 05.08.2022)
5. Маркосян А.В. Актуальные проблемы заочного производства в гражданском процессе Российской Федерации // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 11 (27). С. 674–677.
6. Сафонов М.О. Проблемы применения отдельных норм, регулирующих заочное производство в гражданском процессе // Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2018. С. 14–18.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНУЮ ПОСТРОЙКУ

Седов Дмитрий Дмитриевич

Аспирант Российского государственного
университета правосудия, Россия, г. Москва
sedvdm@rambler.ru

THE HISTORY OF THE EMERGENCE AND RECOGNITION OF OWNERSHIP OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION

D. Sedov

Summary. The features of the historical aspects of the formation and development of the right of ownership to unauthorized construction are analyzed. Issues related to the emergence and development of the definition of «unauthorized construction», arising from legal relations, are investigated, as well as the civil law consequences of unauthorized construction are determined. The significance of pre-revolutionary, Soviet and modern legislative acts that significantly influenced the development of the institution of unauthorized construction in the Russian Federation is considered. The purpose of the study is to identify the historical stages in the development of the institution of unauthorized construction, to determine the personal characteristics of each period, as well as to analyze this area in modern times. As general scientific and particular scientific research methods, the following methods were used: synthesis, analogy, description, formal-logical, systemic, comparative-legal and historical methods of scientific knowledge. The results of the study are that the conclusions of the study are aimed at deepening and expanding scientific ideas in order to understand the essence and legal nature of the features of the process of recognizing ownership of an unauthorized construction. As conclusions about the practical significance of this study, it can be assumed that the material obtained can be used as a guideline for building an improved institution of unauthorized construction based on historical experience.

Keywords: Unauthorized construction, property right, institution of unauthorized construction, civil law regulation, legalization of unauthorized construction.

Аннотация. Анализируются особенности исторических аспектов формирования и развития права собственности на самовольную постройку. Исследуются вопросы, связанные с возникновением и развитием дефиниции «самовольная постройка», возникающие из правоотношений, а также определяются гражданско-правовые последствия самовольной постройки. Рассмотрено значение дореволюционных, советских и современных законодательных актов, существенно повлиявших на развитие института самовольного строительства в Российской Федерации. Цель исследования заключается в выявлении исторических этапов развития института самовольного строительства, определении персональных характеристик каждого периода, а также в проведении анализа данной сферы в современности. В качестве общенаучных и частнонаучных методов исследования применялись: синтез, аналогия, описание, формально-логический, системный, сравнительно-правовой и исторический методы научного познания. Результаты исследования заключаются в том, что выводы исследования направлены на углубление и расширение научных представлений с целью понимания сущности и правовой природы особенностей процесса признания права собственности на самовольную постройку. В качестве выводов о практической значимости данного исследования можно предположить, что полученный материал может быть использован в качестве ориентира для построения усовершенствованного института самовольного строительства на основе исторического опыта.

Ключевые слова: Самовольная постройка, право собственности, институт самовольной постройки, гражданско-правовое регулирование, легализация самовольной постройки.

Рассмотрение сущности и содержания института самовольной постройки невозможно без выявления исторических аспектов его возникновения и развития в отечественном законодательстве. Для выявления характерных черт развития права собственности на самовольное строительство необходимо, прежде всего, провести историческое исследование данного вопроса.

Можно выделить три этапа исторического развития института самовольной постройки:

1. Дореволюционный;
2. Советский;
3. Современный.

Обозначив данные этапы, можем перейти к их исследованию. Для начала необходимо отметить, что одно из первых упоминаний об охране собственности в светском законодательстве Древней Руси встречалось в Договорах Руси и Византии. Как Ю.В. Виниченко отмечает, что индивидуальная собственность на Руси была известна уже «в Олегово время», о чем свидетель-

ствуют договоры «с греками» (911, 945), содержавшие правила наследования [4, с. 28].

Право собственности активно выражалось в положениях Русской Правды в отношении движимого имущества. Различные издания «Русской правды» также серьезно обращались к правовой защите собственности, но деление ответственности на уголовно-правовую и гражданско-правовую еще не проводилось.

Однако, постановления о защите собственности содержались и в других договорных актах, например, Договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189–1199 гг. Впоследствии эти соглашения привели к увеличению полномочий помещиков, что сочеталось с необходимостью увеличения государственных налоговых платежей в казну за счет расширения административного аппарата. Вполне обоснованно и логично, что наиболее эффективная кадастровая система была выстроена в наиболее развитых городах России (Новгород, Псков), населенных большим количеством людей.

В то же время нормы о самовольной застройке чужой земли впервые закрепляются только в законодательных актах в период XV–XVII вв. Так в ст. 162 Судебника 1589 г. регулировались отношения, возникающие между соседями по поводу строения их дворового имущества.

Укрепление государственной власти в России во второй половине XVI века требовало совершенствования всего законодательства, в том числе уголовного, что повлекло за собой принятие Соборного уложения 1649 г. Данный нормативно-правовой акт являлся первым письменным сводом законов.

Поскольку до этого указы просто обнародовались в местах большого скопления людей. Практически, в половине статей «Соборного уложения 1649 г.» упоминается о владении дворцовым землевладениями. Здесь поднимаются ключевые вопросы данной отрасли: вопрос о составе царского сословия, а также об установлении системы штрафов за нарушение границ дворцовых земель. Все последовавшие законодательные акты XVII века лишь дополняли его [5].

Начиная с середины XVIII века, государство пытается систематизировать информацию о землеустройстве и землевладельцах. Одним из первых актов, регулирующих самовольное строительство в России, является Межевая инструкция Екатерины II от 25 мая 1766 г. Этот документ направлен на решение вопроса о разделе права собственности на землю и строения, и решается он в пользу застройщика, который обязан выплатить

компенсацию собственнику земли за землю под зданием.

В царствование Екатерины II были проведены значительные реформы в области земельного законодательства, в частности, была принята Жалованная грамота городам от 21 апреля 1785 г. Указанная инструкция предусматривала приоритетное право застройщика, а не владельца земельного участка. Вместе с тем следует отметить, что действие положений инструкции на полномочия сторон было временным, и действия, связанные с будущим постоянным занятием чужого земельного участка постройками, не допускались.

Начиная с середины XVIII века, государство пытается систематизировать информацию о землеустройстве и землевладельцах. Развитию института признания самовольной постройки и признания права собственности на нее мешало недостаточное правовое регулирование самого института недвижимости. Можно сказать, что история российского права о движимом и недвижимом имуществе начала свой отсчет с первой половины XIX века, когда понятие «имущество» и его классификация приобрели в России юридический характер. Так, в 1832 г. в России был опубликован, а с 1 января 1835 г. вступил в силу Свод законов Российской империи. Он впервые определяет классификации имущества: движимое и недвижимое, обособленное и неотделимое, приобретенное и общее, денежное и долговое [7, с. 60]. Свод законов 1832 г. предусматривал такой особый способ приобретения права собственности, как строительство, подразумевавшее соединение движимого имущества (например, строительных материалов, обрودования) с земельным участком (землей).

Развитие предполагало передачу права собственности непосредственно владельцу собственности. Впоследствии было выработано понятие «право застройки», введенное Законом о праве застройки от 1912 г., под которым понималось как вещное право срочного и наследственного, обременяемого и отчуждаемого владения чужой землей как строительной площадью за вознаграждение.

В свою очередь, революционные события 1917 года повлекли за собой существенные изменения всего отечественного гражданского права. В первые годы Советской власти были приняты различные декреты об отмене права частной собственности, введении национализации и конфискации различного имущества. Декретом «О земле» от 27 октября 1917 г. была отменена частная собственность на землю. Право пользования землей получили все граждане вне зависимости от пола. Аналогичное положение было закреплено и в Конституции РСФСР 1918 г.

Принятие ГК РСФСР 1922 г. привело к разграничению государственной (национализированной и муниципализированной), кооперативной и частной собственности (ст. 52), подчеркивая, что исключительной собственностью государства являются железные дороги, земля, воды, недра, леса. Однако, в данном нормативно-правовом акте, нормы регламентирующие правоотношения, связанные с самовольным строительством, отсутствовали.

В советский период определённые правовые аспекты самовольного строительства утверждались в постановлении СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. № 390 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках» [2]. Данный законодательный акт предусматривал, что гражданам запрещается ведение строительных работ без письменного разрешения горисполкома или Совета депутатов. Также, в данный период развития государства произошло постепенное ужесточение как строительных норм, так и мер по борьбе с самовольными застройщиками. Законодательство того времени различало гражданско-правовые последствия незаконного строительства сооружения. В то же время можно было узаконить самовольный объект по решению исполкомов городских (поселковых) советов, исключительной компетенцией которых было решение этого вопроса, но этот сценарий был исключением из общего правила.

Последним этапом в развитии института самовольной постройки следует считать 1964 год — год принятия нового Гражданского кодекса РСФСР. Наконец, впервые в истории России в Гражданский кодекс было введено понятие самовольной постройки, а также определены гражданско-правовые последствия самовольной постройки либо без надлежаще утвержденного проекта, либо с существенными отступлениями от проекта, либо при грубом нарушении основных строительных норм и правил были установлены, не имели права распоряжаться домом или частью дома. При этом норма распространялась только на жилые дома, построенные гражданами [3].

Основным юридическим последствием самовольной постройки стала невозможность продажи этого здания через застройщика. Гражданин мог легализовать его только через исполком местного Совета депутатов. Кроме того, здание было безвозмездно конфисковано по решению суда и передано в казну местной Палаты представителей. Последствием самовольной застройки также может стать снос здания за счет средств застройщика. Таким образом, в советском праве сохранялся принцип связи между участком земли и находящейся на нем постройкой.

Вопросы, связанные с самовольным строительством в новейший период российской государственности, урегулированы в статье 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Согласно первой редакции этой статьи (с 01.01.1995) правовым последствием строительства самовольного сооружения является лишение застройщика права распоряжения этим сооружением и невозможность распространения на него права собственности. В свою очередь, на федеральном уровне отсутствовала процедура реализации застройщиком права на оформление самовольной постройки, в связи с чем застройщик был образован в соответствии с судебной практикой [1]. Иными словами, из-за несовершенства законодательства самовольное первоначальное строительство объекта при его последующей легализации стало обычной практикой.

1 сентября 2015 г. вступила в силу новая редакция 222 ст. ГК РФ. В определение «самовольное строительство» добавлен еще один пункт: теперь речь идет о строительстве объекта на земельном участке, разрешенное использование которого не предусматривает строительство этого объекта. Кроме того, уточнены критерии признания в судебном порядке права собственности собственника земельного участка на самовольно застроенный земельный участок, расположенный на этом земельном участке.

В то же время, анализируя действующую редакцию статьи 222 ГК РФ в 2018 г., можно увидеть, что законодатель, добавив слово «разрешительные», вновь ужесточил подход к определению самовольного строительства, поскольку в предыдущей редакции этой статьи указывалось лишь на отсутствие необходимых разрешений и нарушение некоторых норм и правил. Однако в этом абзаце той же части указанной статьи говорится о двойном условии: наличии требований и действительности норм и правил на момент начала строительства, а также их актуальности на момент начала строительства. Ведь строительство считается самовольным с момента обнаружения объекта самовольной постройки, тем самым входит в состав объектов капитального строительства, выведенных из-под действия настоящей статьи Гражданского кодекса Российской Федерации [6].

Таким образом, особенности регулирования самовольной застройки в России связаны с тем, что долгое время вся земля была общественной, и регулировать частноправовой конфликт по захвату чужой земли не имело смысла, так как все, что было на земельном участке принадлежало первоначально юридическому лицу публичного права. Современное законодательство лишь восприняло принцип регулирования незаконного строительства из советского гражданского за-

конодательства. Законодательство дореволюционного и советского времени не знало об институте самовольной строительной деятельности в современном понимании, что не означает, однако, полного отсутствия строительных норм и возможности бесконтрольного проведения строительных работ. В качестве своеобразного аналога известных нам строительных норм и правил можно рассматривать существовавшие в то время «ограничения строительного права», которые в основном были направлены на предотвращение повсеместного выгорания зданий вследствие массовых пожаров.

Также, самовольное строительство можно рассматривать как социально-правовое явление, возникающее на границе частных и публичных интересов. Это явление представляет собой, с одной стороны, законный частный интерес собственника имущества, а с другой стороны, правоотношения, которые в обязательном порядке регулируются и контролируются государственным сектором. Соответственно, целью гражданско-правовых норм строительного права является соблюдение баланса между частными и публичными интересами.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/b2a84889a81c92096e09bef00d500570aba6cda2/ (дата обращения: 26.08.2022)
2. Постановление СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. N390 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10107934/> (с изменениями и дополнениями) («утратило силу») (дата обращения: 26.08.2022)
3. Бетхер В.А. История гражданско-правового регулирования последствий самовольного создания или изменения недвижимого имущества в России // Вестник ОмГУ. Серии. Верно. 2012. № 4 (33).
4. Виниченко Ю.В. Соседское право и вещное право: проблема соотношения (историко-правовое исследование) // Вестник Пермского университета. 2013. № 1. С. 21–31.
5. Горшкова О.В. Гражданско-правовое регулирование организации самовольного строительства в России: этапы // Наука. Федеральное государство. 2017. № 2 (18).
6. Григорьева А.Г. История развития законодательства о незаконной застройке // Общество: экономика, право. 2016. № 3.
7. Мухаметзянова Л.М. Роль судебной практики в возникновении и развитии института самовольной застройки (историко-правовой анализ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 11. С. 59–63.

© Седов Дмитрий Дмитриевич (sedvdm@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Цупиков Артем Николаевич

Аспирант, Финансовый Университет при
Правительстве РФ
89166433141@yandex.ru

LEGAL APPROACHES TO THE REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN FOREIGN COUNTRIES

A. Tsupikov

Summary. Subject. With the advent of digital financial assets in the world (primarily “cryptocurrencies” and “tokens”) and the emerging economic relations regarding the creation (issue), circulation (sale, exchange) of such assets, an approach to the legal regulation of this sphere began to form in different countries of the world with different legal systems. A number of countries, primarily with developed economies and stable legal systems, have decided to legalize the issuance and circulation of digital assets, others have chosen a more cautious path, limiting their circulation, and some have banned any transactions with such assets.

This article will consider three approaches of foreign countries to the issue of legal regulation of the issuance and circulation of digital financial assets — “liberal”, “cautious” and “prohibitive”.

Purpose. Analysis of different approaches of foreign countries to the legal regulation of digital financial assets and law enforcement experience in order to understand the prevailing trends in the development of legislation in the future.

Conclusion. In the process of analyzing three different approaches to the issue of regulating the sphere of digital financial assets in different foreign countries, a conclusion was made about the counter productivity of prohibitive measures, the danger of complete liberalization of this sphere, both for the economies of countries and for individual subjects of relations. The main trend for the future will be a restrained approach with the development of principles for the issuance and circulation of digital financial assets, the adoption of an appropriate regulatory framework and the establishment of responsibility for all participants in relations in this area.

Keywords: digital financial assets; cryptocurrency; token, legal regulation, digital financial asset, bitcoin, virtual currency, digital law.

Аннотация. Предмет. С появлением в мире цифровых финансовых активов (прежде всего «криптовалют» и «токенов») и возникших экономических отношений по поводу создания (выпуска), обращения (продажи, обмена) таких активов у разных государств мира с разными правовыми системами начал формироваться подход к правовому регулированию указанной сферы. Ряд стран, прежде всего, с развитыми экономиками и устойчивыми правовыми системами приняли решение легализовать деятельность по выпуску и обращению цифровых активов, другие избрали более осторожный путь, ограничив их обращение, а некоторые запретили любые операции с такими активами. В данной статье будут рассмотрены три подхода зарубежных стран к вопросу правового регулирования выпуска и обращения цифровых финансовых активов — «либеральный», «осторожный» и «запретительный».

Цели. Анализ разных подходов зарубежных стран к правовому регулированию сферы цифровых финансовых активов и опыта правоприменения с целью понимания преобладающих тенденций развития законодательства в будущем.

Результат. В процессе анализа трех разных подходов к вопросу регулирования сферы цифровых финансовых активов в разных зарубежных странах сделан вывод о контрпродуктивности запретительных мер, опасности полной либерализации указанной сферы, как для экономик стран, так и для отдельных субъектов отношений. Главной тенденцией на будущее станет сдержанный подход с выработкой принципов выпуска и обращения цифровых финансовых активов, принятием соответствующей нормативно-правовой базы и установлением ответственности всех участников отношений в этой сфере.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, криптовалюта, токен, правовое регулирование, цифровой финансовый актив, биткойн, виртуальная валюта, цифровое право.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий в последние десять лет коснулось различных сфер нашей жизни, а с появлением понятия цифровых финансовых активов¹ и финансовой сферы, при этом само понятие таких активов изначально закрепилось в отрыве от правовой сферы как технологическое и экономическое определение.

Активные попытки дать легальное определение цифровым финансовым активам с точки зрения права и сформулировать свое отношение к правовому регулированию сферы цифровых финансов произошли в разных странах в период с 2015 по 2017 годы [1]. При этом помимо вопроса правового регулирования указанной сферы встал вопрос о самой возможности их создания и использования в рамках правового поля.

Уже в первые годы формирования нормативно-правовой среды для регулирования отношений в сфере цифровых финансов наметилась тенденция к отсутствию единого подхода к вопросу правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере. В основу этой разности подходов легло отношение государственных регулирующих органов к использованию различными субъектами права возникших цифровых инструментов, прежде всего, таких как токены и цифровые валюты².

К настоящему времени с учетом мирового опыта в вопросах правового регулирования создания и обращения цифровых финансовых активов мир можно условно разделить на три лагеря.

К первому можно отнести страны с либеральным подходом, которые активно развивают соответствующую нормативно-правовую базу и идут по пути признания таких активов объектами прав и правовых отношений. К таким странам можно отнести, например, США, Японию, ОАЭ, где законы направлены на создание передовой правовой базы для защиты инвесторов и разработки обоснованных международных стандартов управления сферой виртуальных активов для содействия развитию бизнеса в соответствии с определенными правилами [2].

Страны с осторожным подходом к вопросу правового регулирования сферы цифровых финансов можно

отнести ко второй группе, это например Китай, Индия, Сингапур. Власти указанных стран стремятся активно развивать правовую базу для регулирования отношений в цифровой финансовой сфере, но при этом на законодательном уровне вводят ряд запретов и ограничений. Например, в Сингапуре действует закон, нормы которого регулируют цифровые платежи через токены и вводит в действие надежные средства контроля по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма [3].

Третью группу стран, исходя из их политики правового регулирования указанных отношений, можно отнести к группе, где преобладает императивный подход к вопросам создания и обращения цифровых финансовых активов, это, например, Пакистан, Алжир, Боливия, Вьетнам, так как официальные органы этих стран ввели на законодательном уровне запрет на большую часть операций с цифровыми активами, например, запрет на выпуск и обращение криптовалют, проведение ICO [11].

Значимые, ключевые для государства экономические отношения участников делового оборота, урегулированные правом, во всех государствах мира носят, как правило, универсальный характер.

Это связано в первую очередь с тем, что регулирование предпринимательской деятельности в целом и деятельности в области финансов в частности в мире основывается на одних и тех же принципах, позволяющих государству осуществлять учет, контроль и мониторинг такой деятельности. Это, например, принцип ведения предпринимательской деятельности на основе обязательной регистрации или постановки на налоговый учет, принцип лицензирования отдельных видов деятельности, принцип ведения обязательного учета и отчетности перед государственными органами и т.д., чего не скажешь о новых инструментах в виде цифровых финансовых активов [9].

Связано это в первую очередь с тем, что за последние десять лет был создан новый класс цифровых инструментов, которые не выпускаются суверенным учреждением или коммерческим банком, не номинированы в суверенной единице, не имеют физических аналогов, а, следовательно, не контролируются государством, в связи с чем нет единого понимания у разных стран в каком русле либеральном, сдержанном или императивном регулировать такие отношения [10].

Ниже в данном исследовании будет предпринята попытка кратко проанализировать опыт разных стран по правовому регулированию учета, контроля и мониторинга создания (выпуска) и обращения различных

¹ «Цифровой финансовый актив — имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. Чаще всего представляется в форме криптовалюты или токена».

² Токен — это единица учёта, не являющаяся криптовалютой, предназначенная для представления цифрового баланса в некотором активе.

цифровых финансовых активов по результатам которого можно будет предположить преобладающие тенденции развития законодательства в области цифровых финансов.

Анализ различных подходов к правовому регулированию сферы создания и обращения цифровых финансовых активов.

Наиболее ярким представителем стран с либеральным (разрешительным) подходом к вопросам регулирования обращения цифровых финансовых активов является Япония — страна, в которой виртуальная валюта определяется как актив и возможное средство обмена на другие активы, но не является средством платежа, таким образом на законодательном уровне разрешено создание таких валют с целью их последующего обмена на специализированных площадках (биржах), деятельность которых строго регламентирована и возможна после регистрации в Агентстве финансовых услуг и получения соответствующей лицензии. Поправки к Закону о финансовых инструментах и биржах, которые вступили в силу в мае 2020 года окончательно закрепили понятие криптоактива, установили правила создания таких активов (майнинга), а также правила хранения и обмена на другие активы на специализированных площадках (биржах), установили правила позволяющие при отсутствии тотального контроля со стороны государства защитить интересы инвесторов, других участников рынка и государства [4].

Страны Евросоюза также пошли по пути легализации криптоактивов и криптобирж при соблюдении законодательства об отмывании денег и финансировании терроризма криптовалюты легальны на всей территории Евросоюза.

Постепенно все страны подстраивают свои нормы регулирования под рекомендации FATF по регулированию криптовалют от 21 июня 2019 г. [5]. Согласно им цифровые площадки по обмену цифровых валют должны начать соблюдать строгие KYC нормы, а также обмениваться друг с другом и регулятором данными пользователей, совершивших транзакции. В январе 2020 года вступила в силу Пятая директива ЕС о борьбе с отмыванием денег (AMLD5), предписывающая обязательную регистрацию криптобирж у финансовых регуляторов и передачу им адресов кошельков клиентов.

Напротив, для примера, Народный банк Китая призывительно в это же время принял ряд нормативных актов направленных на запрет торговли цифровой валютой, так как она не выпускается уполномоченным государственным органом и не обладает свойствами фиатной валюты [6].

Также отдельными нормативными актами, принятыми в последние годы были введены существенные ограничения на обмен цифровых активов и их первичное размещение, что является подтверждением осторожного подхода к регулированию данной сферы, выбранного Китаем.

Очень интересная ситуация по рассматриваемому вопросу на данный момент складывается в США и связано это прежде всего с тем, что деятельность по созданию и обращению цифровых финансовых активов регулируется на федеральном и региональном уровне, что приводит к некоторым различиям в подходах.

Так, например, нормативными актами, принятыми в штате Алабама криптоактивы признаны средством обмена, во Флориде и Аляске — это платежный инструмент, а акты, принятые в Индиане не признают такие активы в качестве платежных средств. Такая же ситуация и с регламентацией деятельности специализированных площадок, например, во многих штатах такая деятельность разрешена, но только после получения лицензии, а в некоторых, таких как штаты Канзас и Техас лицензия потребуется только в случае участия в обмене криптоактивов фиатной валюты [7].

Общий же подход в США на федеральном уровне сейчас формируется, основываясь на практике регулирования накопленной штатами. В июне 2022 года в сенат США представлен проект Закона о финансовых инновациях, в котором закрепляются общефедеральные принципы регулирования сферы цифровых активов. Цифровые активы в зависимости от их вида определяются в широком смысле как виртуальная валюта, товар, ценные бумаги, вспомогательный актив.

Регулирующий орган также будет определяться в зависимости от вида цифрового актива — стэйблкойны¹ — банковский регулятор, токены закрепляющие права акционеров — Комиссия по ценным бумагам США, вспомогательные активы — Комиссия по торговле, при этом в предлагаемом законопроекте цифровые валюты (криптовалюты), в том числе с самой дорогой стоимостью (Биткойн и Эффеориум) определяются как товар.

Основные принципы предлагаемые в законопроекте — цифровые финансовые активы за исключением ценных бумаг и стейблкоинов, выпущенных банками — товар, цифровые площадки по обращению циф-

¹ Стейблкоинами (от англ. stablecoins) принято называть цифровые активы, стоимость которых стремится к стоимости базового актива. Они призваны минимизировать влияние волатильности рыночных цен на крипторынке. Эти активы гораздо более устойчивы, чем обычные криптовалюты. Экономически они привязаны к фиатной валюте.

ровых финансовых активов включая криптовалюты регистрируются и ведут свою деятельность по тем же принципам, что и традиционные биржи, лица и организации оказывающие услуги по покупке, продаже и обмену цифровых финансовых активов могут быть только квалифицированными инвесторами, имеющими соответствующую лицензию, выданную регулятором.

Схож с указанным выше и опыт страны, которая относится к передовым в вопросах инвестирования, финансов и технологий, в частности цифровых — Сингапур, власти которого выбрали сбалансированный подход к правовому регулированию сферы цифровых финансов. Так, согласно действующим нормативным актам в Сингапуре признаются права собственности на криптоактивы, включая цифровую валюту, при этом цифровая валюта не является средством платежа. Единым регулятором выступает Денежно-кредитное управление Сингапура, отношения по выпуску и обращению цифровых валют и деятельность бирж подпадают под действие Закона о финансовых услугах и Закона о платежных услугах, принятого в 2019 году, а положения Закона о ценных бумагах и фьючерсах распространяется на ICO. Несмотря на то, что все действия регулятора направлены на совершенствование нормативно-правовой базы, которая бы способствовала притоку инвестиций в цифровые финансовые активы и дальнейшего развития этой сферы, правила касающиеся борьбы с отмыванием денег и финансирования терроризма остаются строгими.

Есть в мире и страны, в которых цифровая валюта и другие цифровые финансовые активы строго запрещены.

В июне 2014 года Правительство Эквадора ввело запрет на выпуск, покупку, продажу и обмен всех цифровых валют, что было частью реформы валютного законодательства и финансового права страны. Принятый закон установил жесткие требования по немедленному прекращению деятельности всех компаний, ведущих деятельность с цифровыми валютами и другими активами и ввел уголовную ответственность для нарушителей.

Центральный банк Кыргызстана в июле того же 2014 года опубликовал заявление, запрещающее хождение виртуальных валют на территории республики. Подобные нормативные акты, запрещающие любую деятельность, связанную с цифровыми валютами и устанавливающие уголовную ответственность были приняты также во Вьетнаме, Тайланде и Бангладеш [8].

В Исландии операции по покупке, продаже цифровых валют, совершаемые частными лицами расцени-

ваются законом, как незаконные финансовые операции, при этом ни одним нормативно-правовым актом не устанавливается запрет на майнинг (добычу) криптовалюты, более того, правительство страны выпустило национальную криптовалюту — Auroracoïn.

Вывод

Опыт регуляторов по всему миру показывает, что криптовалюты сложно отнести к какому-то существующему классу активов. Механический перенос на криптовалюты норм традиционного правового регулирования работает плохо. Все больше регуляторов склоняются к очевидной мысли, что те должны рассматриваться как уникальный альтернативный класс активов, отличающийся от всех прочих, со своими преимуществами, рисками и собственной правовой базой.

Нельзя не согласиться с тем, что появление цифровых финансовых активов и прежде всего криптовалют, а также их активная популяризация в мире, с одной стороны, и неопределенность, связанная с их правовой природой, с другой, могут оказать значительное влияние на национальную экономику из-за необходимости последовательного поддержания платежного баланса [12].

Современные международные процессы оказывают настолько сильное влияние на современную мировую экономику, что экономические решения отдельных стран, независимо от их типа, влияют друг на друга, а также на общую тенденцию глобального развития.

Проведенное исследование правового регулирования цифровых финансовых активов в различных странах показывает, что в настоящее время существуют разные подходы к их регулированию, а само регулирование в разных странах находится на разных стадиях. Все страны согласны с тем, что игнорировать присутствие в современном мире цифровых финансовых инструментов больше невозможно, и поэтому необходимо четко определить правовой режим их использования.

Для этих целей проводятся исследования и эксперименты, анализируются возможные последствия и вносятся предложения по предотвращению ожидаемых рисков.

Совершенно очевидно, что страны, которые пошли по пути полного запрета на обращение цифровых финансовых активов на законодательном уровне в скором времени столкнутся с тем, что процессы, происходящие в мировой экономике либо заставят их пересмотреть свою позицию, в противном случае эти

страны рискуют остаться вне процессов, которые будут развиваться и играть все большую роль в мировой экономике.

С другой стороны опираясь на уже накопленный опыт представляется важным уже сейчас искать в вопросе правового регулирования в сфере цифровых финансов сбалансированный подход, который вклю-

чал бы в себя консолидацию принципов правового регулирования цифровых финансовых активов, основанных на создании новых механизмов для снижения рисков, связанных с владением и обращением цифровых финансовых активов и установление ответственности субъектов, вовлеченных в такого рода отношения, а не на тотальном контроле или запрете со стороны государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон «О платежных услугах» Японии» от 24 июня 2009 г. № 54 с изм. от 01 апреля 2017 г.
2. Закон «О регулировании виртуальных активов в эмирате Дубай» от 2022 года № 4.
3. Закон Сингапура о платежных услугах от 28 января 2020 г.
4. URL: <http://www.fsa.go.jp>
5. URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets.html>
6. URL: <http://www.pbc.gov.cn>
7. Законодательные кодексы штатов США (Аляска, Алабама, Флорида, Индиана, Канзас, Техас).
8. URL: <http://www.nbkr.kg/newsout.jsp?item=31&lang=RUS&material=50681>
9. Ершов А.В. Цифровые права (токены, служебные токены): мировой опыт налогообложения и проблемы / А.В. Ершов // Налоговая политика и практика. // 2020. № 8. С. 76–80.
10. Кошелев К.А. Классификация и регулирование рынка цифровых финансовых активов: международный и отечественный опыт // Финансовый менеджмент. 2021. № 2. С. 81–93.
11. Раздорожный К.Б. Финансово-правовое регулирование цифрового финансового актива (криптовалюта), процедуры выпуска и размещения цифровых финансовых активов (ICO) в России и зарубежных странах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). (49) С 163.
12. Уткин В.С. Анализ международной практики регулирования правоотношений, связанных с оборотом цифровых финансовых активов / В.С. Уткин, А.А. Юрьева // Банковское дело. — 2018. — № 3. — С. 40–43.

© Цупиков Артем Николаевич (89166433141@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ   OUR AUTHORS

Abramov V. — Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Research of the MEO, Professor Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
valabr@yandex.ru

Bachina T. — Candidate of Economic Sciences, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin
bachina_t@mail.ru

Berseneva E. — Master's student at the Institute of Economics and Management, Kemerovo State University

Doleva O. — Prosecutor's Office of the Ivanovo region, Assistant prosecutor, 1st class lawyer, P. Lezhnevo, Lezhnevsky district, Ivanovo Region
olya.doleva@yandex.ru

Erzyleva A. — Candidate of Economic Sciences, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin
erzyleva.a@yandex.ru

Evsenkina J. — Candidate of Agricultural Sciences, Ryazan state radio engineering university of V.F. Utkin
evsenkina@mail.ru

Gaponov M. — Postgraduate Student, Department of Civil and Administrative Proceedings, Russian State University of Justice (Moscow)
gaponovm7@gmail.com

Goncharov D. — Adjutant, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kerch
dmitrij.goncharov.2016@mail.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Imamov M. — Doctor of Economics, PhD in Law, Professor, Centre for Advanced Economic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan
cool921815@yandex.ru

Ismailov R. — Postgraduate Student, St. Petersburg State University of Economics
Ruslik957@mail.ru

Kalinichenko D. — PhD student of the Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences
kalinichenkodmit@gmail.com

Kilin A. — Senior lecturer, Department of criminology, Ural state law University named after V.F. Yakovlev
Alex.kilin1@gmail.com

Kotlyarova E.I. — PhD in Philosophy, VUI FSIN of Russia
kotlyarova.advokat@mail.ru

Kotov V. — Candidate of law, associate Professor, Ural state law University named after V.F. Yakovlev
kotov-1958@inbox.ru

Kowalewski V. — Postgraduate student, The Southwest State University
kovalevski27@mail.ru

Kuznetsova N. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

Lastenko V. — Marketing Expert, Co-founder and Commercial Director of AYEP'S digital agency
vladimir@ayeps.com

Lavelina V. — Graduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation
vlada.lavelina@yandex.ru

Logachev K. — Lecturer Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
logachev.konstantin.82@mail.ru

Lysak A. — Postgraduate student, Autonomous Non-profit Organization of Higher Education «Moscow University for the Humanities»
Rodnikurist@mail.ru

Malyshev D. — Doctoral student of DBA Program GSCM RANEPА (Graduate School of Corporate Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Honorary worker of the agricultural and industrial complex of Russia
denisaleksandrovich.malyshev@bk.ru

Martynova S. — Postgraduate student, Moscow University for the Humanities
belixvost@mail.ru

Melnikova O. — Applicant, Saratov State Law Academy
olga_melnikova2021@mail.ru

Minaeva A. — Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
law.minaeva@gmail.com

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin
mindliny@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Moiseenko E. — Public prosecutor of the department of public prosecutor's office, Khabarovsk region
eo.moiseenko86@gmail.com

Olifrenko E. — Ph.D. in political sciences, associate professor, North Caucasus State Academy (Cherkessk)
anna-54@bk.ru

Onanko N. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow International University
nataonanko@mail.ru

Permyakov M. — Candidate of Juridical science, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
pmv0929@yandex.ru

Podorozhny P. — Postgraduate student Saratov State Law Academy, Russia, Saratov
morrer92@rambler.ru

Polikarpova L. — PhD, Kemerovo State University

Ryabova O. — Teacher, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
frau.lelya2012@yandex.ru

Sedov D. — Graduate student of Russian State University of Justice, Russia, Moscow
sedvdm@rambler.ru

Semenikhina N. — Ph, Kazan Federal University, Kazan
nt.sem@mail.ru

Shedko Yu. — Doctor of economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
ynshedko@mail.ru

Shi Yuan — Graduate student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
yuanws@mail.ru

Sokolova E. — PhD Economics, docent, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
EYSokolova@fa.ru

Sokolova M. — Research Fellow, Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky
mashunkadel@yahoo.com

Tanasova A. — PhD Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
ASTanasova@fa.ru

Tsupikov A. — Graduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation
89166433141@yandex.ru

Vlasenko M. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, National Research University MPEI (NRU «MPEI»); International Counter Terrorism Training Expert MTA Association, Moscow
vlasenkoMN@mpei.ru

Yurasov A. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow International University
jurasow@mail.ru

Zairullina Z. — Postgraduate student of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan
zulfiya.zayrullina@mail.ru

Zhigalov V. — Doctor of Economics, Senior Researcher, All-Russian Research Institute of Experimental Physics
vlzhigalov@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

